

Конан Дойль

Артур Конан Дойль

Собрание сочинений в восьми томах

Том 7

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
М. Урнова.

I

КАК БРИГАДИР ПОПАЛ В ЧЕРНЫЙ ЗАМОК

Это хорошо, друзья мои, что вы оказываете мне почтение,— почитая меня, вы платите дань уважения и Франции и самим себе. Перед вами не просто старый седоусый вояка, уплетающий яичницу и запивающий ее вином; перед вами осколок истории, последний из славного поколения солдат — тех солдат, что стали ветеранами еще в мальчишеском возрасте, научились владеть саблей раньше, чем бритвой, и в сотне сражений ни разу не дали врагу увидеть, какого цвета их ранцы. Двадцать лет мы учили Европу, как нужно воевать, а когда научили, то только термометр, но не штык оказался причиной поражения Великой армии. Своих лошадей мы ставили в конюшни Неаполя, Берлина, Вены, Мадрида, Лисабона и Москвы. Да, друзья мои, еще раз говорю: вы не зря посылаете ко мне ваших детей с цветами, ибо эти уши слышали громкие трубы Франции, а эти глаза видели ее знамена в таких местах, где, быть может, никто их уже не увидит.

Даже теперь, стоит мне задремать в кресле, как передо мной проносятся эти великие воины — егеря в зеленых куртках, великаны-кирасиры, уланы Понятовского, драгуны в белых плащах и колыхающиеся медвежьи шапки конных гренадеров. Я слышу частый, глухой бой барабанов, а сквозь клубы дыма и пыли вижу ряды заго-

релых лиц и длинные красные перья, реющие над саблями, взятыми на плечо. А вон едет рыжеголовый Ней, и Лефевр с бульдожьей челюстью, и чваиливый, как истый гасконец, Ланн; и, иаконец, среди сверкающей меди и развевающихся плюмажей я различаю *его*, человека с бледиой улыбкой, сутулымн плечами и отсутствующим взглядом. И тут снам моим приходит конец, друзья мои, ибо я вскакиваю с кресла, выбрасываю, как шальиой, руку вперед и ору не своим голосом, а мадам Тито опять подсмеивается над стариком, который живет среди теней.

Но хотя к концу наших кампаний я был полным бригадиром и имел все осиования иадеяться, что скоро буду дивизионным генералом, все же, когда мие хочется рассказать о радостях н тяготах солдатской жизни, я вспоминаю о первых годах своей службы. Вы сами поимаете: если у офицера под иачалом множество людей и коней, у него столько забот с рекрутами и конским пополнением, с фуражом и кузнецами, что жизнь для иего — штука нелегкая, даже если он противника еще н в глаза не видал. Но если ои всего-навсего лейтенаит или капитан, то на его плечах нет иикакой тяжестн, кроме разве эполет, так что он может в свое удовольствие бренчать шпорами, щеголять доломаном, пропускать стаканчик и целовать свою девушку, не думая ни о чем, кроме амуриых похождений. Вот в такое-то время у него бывает иемало всяких приключений — об этой поре моей жизни я много мог бы вам порассказать. Пожалуй, сегодня я расскажу вам о том, как я побывал в Черном замке, о необычиой цели, которой задался младший лейтенаит Дюрок, и о страшной стычке с человеком, которого раиьше звали Жаиом Карабеиом, а потом бароном Штраубенталем.

Надо вам сказать, что в феврале 1807 года, сразу после взятия Даицнга, майору Лежандру и мне было поручеио привести из Пруссии в Восточную Польшу четыреста голов нового коиского пополнення.

Жестокие морозы, а особенно великое сражение под Эйлау истребили столько лошадей, что нашему прекрасиому Десятому гусарскому полку угрожала опасность превратнться в батальон легкой кавалерии. Поэтому мы с майором знали, что иа передовых позициях нас

встретят с радостью. Продвигались мы еле-еле — лежал глубокий снег, дороги были сущей пыткой, а помогали нам всего человек двадцать раненых, возвращающихся в строй. Кроме того, если у вас запас фуража всего на сутки, а иногда и того нет, трудно заставить коней идти иначе как шагом. Знаю, знаю — в исторических книжках кавалерия всегда несется бешеным галопом; но я, участвовавший в двенадцати кампаниях, говорю: слава богу, если моя бригада идет шагом на марше, зато умеет рысью скакать на врага. Заметьте, это я говорю о гусарах и егерях, а уж что касается кирасиров или драгун — то тем более.

Я большой любитель лошадей, и мне было приятно, что у меня их целых четыре сотни, всех возрастов и всех мастей, и у каждой свой норов. Большинство лошадей было из Померании, но попалось несколько из Нормандии и Эльзаса, и мы, бывало, потешались, наблюдая, как они отличаются друг от друга характером — точь-в-точь как жители тех мест. Мы заметили также — и это потом не раз подтверждалось,— что характер лошади можно определить по масти; светло-гнедые, например, кокетливы, нервны и со всякими причудами, каурые имеют отважный нрав, чалые послушны, а пегие упрямы. Все это, конечно, не имеет касательства к моей истории, но как же иначе старому кавалеристу вести свой рассказ, если все началось с того, что ему дали четыре сотни лошадей? У меня, знаете ли, такая привычка — говорить о том, что меня интересует,— ну, надеюсь, что и вам это будет интересно.

Мы перешли через Вислу напротив Мариенвердера и должны были двигаться дальше, к Ризенбергу, как вдруг в мою каморку в почтовой конторе, где мы остановились на постой, вошел майор Лежандр с какой-то бумагой в руке.

— Вам придется меня покинуть,— сказал он с выражением отчаяния на лице.

Мне-то отчаиваться было нечего: по правде говоря, он не заслуживал такого помощника, как я. Но все же я молча отдал честь.

— Вот приказ генерала Лассаля,— продолжал майор.— Вы должны немедленно отправиться в Россель и явиться в штаб-квартиру полка.

Ничто не могло доставить мне большего удовольствия. Я уже был на хорошем счету у начальства. Стало быть, полку предстоит какое-то сражение, и Лассаль понял, что моему эскадрону без меня не обойтись. Правда, приказ пришел не совсем вовремя, ибо у почтмейстера была дочь — молоденькая черноволосая полька с кожей цвета слоновой кости — и я рассчитывал поболтать на свободе с этой девицей. Но пешке не приходится возражать, когда палец шахматиста передвигает ее с одного квадратика на другой, так что я сошел вниз, оседлал своего рослого вороного коня по кличке Барабан и тотчас же пустился в путь.

Ей-богу, для бедных поляков и евреев, живших беспросветно унылой жизнью, было, наверное, сущей отрадой видеть, как я скачу мимо их дверей. В морозном утреннем воздухе мощные ноги, великолепные спина и бока моего черного Барабана лоснились и переливались при каждом движении. А у меня и сейчас от стука копыт по дороге и звона уздечки при каждом взмахе дерзкой головы кровь начинает бурлить в жилах — представьте же себе, каков я был в двадцать пять лет — я, Этьен Жерар, лучший кавалерист и первая сабля во всех десяти гусарских полках. Цвет нашего Десятого полка был голубой — небесно-голубой доломан и ментик с алой грудью. В армии говорили, что, увидев нас, население бежит со всех ног: женщины — к нам, а мужчины — от нас. Тем утром в окнах Ризенберга блестела не одна пара глазок, словно моливших меня чуточку задержаться, но что оставалось делать солдату — только послать воздушный поцелуй да позвенеть уздечкой, проскакав мимо.

Мало приятного в такую стужу трусить верхом по самой бедной и некрасивой стране во всей Европе, но небо зато было ясное, и огромные снежные поля искрились под ярким холодным солнцем. В морозном воздухе пар клубился у меня изо рта и белыми султанчиками вылетал из ноздрей Барабана, а с удил свисали сосульки. Чтобы согреть коня, я пустил его рысью; самому же мне нужно было столько обдумать, что я не обращал внимания на мороз. К северу и югу тянулись бесконечные равнины с редкими группками елей и чуть более светлых лиственниц. Там и сям виднелись

домишки, но всего три месяца назад этим путем прошла Великая армия, а вы знаете, что это значит для страны. Поляки были нам друзья, это верно, но из сотни тысяч солдат только у гвардейцев были фургоны с продовольствием, а остальным приходилось самим заботиться о пропитании. Так что меня нисколько не удивило, что нигде нет и признаков скота, а над безмолвными домами не вьется дым. Не очень-то благоденствовала страна после посещения великого гостя. Говорили, будто там, где император провел своих солдат, даже крысы подыхали с голоду.

К полудню я доехал до деревни Саальфельдт, но так как отсюда шел прямой путь на Остероде, где находилась зимняя ставка императора, а также главный лагерь семи пехотных дивизий, то дорога была забита каретами и повозками. Очутившись среди артиллерийских зарядных ящиков, фургонов, курьеров и все возрастающей толпы новобранцев и отставших от своих частей солдат, я смекнул, что мне, пожалуй, долго придется добираться до своих товарищей. Но на полях лежал снег глубиной в пять футов, и мне ничего не оставалось, как плестись шагом по дороге. Поэтому я немало обрадовался, увидев вторую дорогу, которая отходила от главной и тянулась через еловый лес к северу. На перекрестке стояла маленькая корчма, а у дверей ее садились на лошадей дозорные Третьего Конфланского полка гусар — того самого, где я был потом полковником. На ступеньках стоял их офицер, тщедушный, бледный юноша, смахивавший больше на молодого семинариста, чем на командира этих отчаянных головорезов.

— Добрый день, сударь,— сказал он, видя, что я придержал лошадь.

— Добрый день,— ответил я ему.— Я лейтенант Этьен Жерар из Десятого гусарского.

По лицу его я понял, что он обо мне слыхал. После моей дуэли с шестью отличными фехтовальщиками имя мое стало известно всем. Однако мое простое обращение согнало с него робость.

— Я младший лейтенант Дюрок из Третьего,— представился он.

— Недавно в полку? — спросил я.

— С неделю.

Так я и думал, судя по его бледному лицу и по тому, что он позволил своим солдатам ротозейничать возле нас. Не так уж давно я сам испытал на себе, каково школьнику командовать кавалеристами-ветеранами. Помню, я заливался краской, когда мне приходилось адресовать отрывистые слова команды людям, у которых за плечами было больше сражений, чем у меня лет, мне было бы гораздо легче сказать: «С вашего позволения мы сейчас построимся» или «Если вы не возражаете, мы пойдем рысью». Поэтому я не стал осуждать юнца, заметив, что его люди немного распущены, но бросил на них такой взгляд, что они застыли в седлах.

— Позвольте спросить, мсье, куда вы направляетесь по этой северной дороге? — обратился я к молодому офицеру.

— Мне приказано нести дозор до Арнсдорфа.

— С вашего разрешения я поеду с вами,— сказал я.— Очевидно, окольным путем доедешь быстрее.

Так и оказалось, ибо эта дорога уводила от армии в места, где хозяйничали казаки и мародеры, и дорога была настолько же пустынна, насколько первая переполнена. Мы с Дюроком ехали впереди; сзади стучали копытами лошади наших шестерых солдат. Он был славный малый, этот Дюрок, хоть и напичкан всяким вздором, которому учат в Сен-Сире, и об Александре и Помпее знал больше, чем о том, как задать корму лошади или ухаживать за конскими копытами. И все же, как я уже сказал, малый он был славный, еще не испорченный походной жизнью. Я с удовольствием слушал его болтовню о матери и сестричке Мари, живших в Амьене. Наконец мы очутились у деревни Хайенау. Дюрок подъехал к почте и вызвал почтмейстера.

— Не скажете ли,— спросил он,— живет ли в ваших краях человек, называющий себя бароном Штраубенталем?

Почтмейстер покачал головой, и мы двинулись дальше. Я не обратил внимания на его вопрос, но когда в следующей деревне мой спутник повторил его и получил тот же ответ, я не удержался и спросил, кто такой этот барон Штраубенталь.

Мальчишеская физиономия Дюрока вдруг зарделась.

— Это человек,— сказал он,— к которому у меня есть очень важное поручение.

Это, конечно, мало что мне объяснило, но по его виду я понял, что дальнейшие расспросы были бы ему неприятны, и я промолчал, а Дюрок продолжал спрашивать каждого встречного крестьянина о бароне Штраубентале.

Я же, со своей стороны, старался, как и положено офицеру легкой кавалерии, составить себе представление о рельефе местности, определить направление рек и запомнить места, где должен быть брод. С каждым шагом мы удалялись от лагеря, который мы объехали кругом. Далеко на юге в морозном небе виднелись столбы серого дыма — там располагалось наше сторожевое охранение. На севере же, между нами и зимними квартирами русских, не было никого. На самом краю горизонта я дважды видел поблескивание стали и указал на это моему спутнику. Расстояние не позволяло нам определить, что именно блестело, но мы не сомневались, что это были казачьи пики.

Солнце уже клонилось к западу, когда мы поднялись на небольшую горку и увидели справа деревушки, а слева — высокий темный замок, окруженный хвойным лесом. Навстречу нам ехал на телеге крестьянин — лохматый, угрюмый парень в овчинном полушубке.

— Что это за деревня? — спросил Дюрок.

— Это Аренсдорф,— ответил тот на варварском немецком наречии.

— Значит, ночевать я должен здесь,— сказал мой юный спутник. Затем, повернувшись к крестьянину, задал свой неизменный вопрос: — Не знаешь ли, где живет барон Штраубенталь?

— Да вон там, в Черном замке,— сказал крестьянин, указывая на темные башенки над далеким лесом.

Дюрок слегка вскрикнул, как охотник, увидевший взлетевшую дичь. Похоже было, что малый лишился ума— глаза его засверкали, лицо покрылось смертельной бледностью, а губы скривила такая улыбка, что крестьянин невольно шарахнулся в сторону. Как сейчас

вижу: юноша весь подался вперед на своем караковом коне, жадно вглядываясь в высокую темиую башню.

— Почему вы называете этот замок Черным? — спросил я.

— Да так его все зовут в здешиих местах,— сказал крестьянин.— Говорят, там творятся какие-то черные дела. Не зря же самый отъявленный иечестнвец в Польше живет здесь уже четырнадцать лет.

— Он польский дворянин?

— Нет, у нас в Польше такие злодеи не водятся,— ответил ои.

— Неужели француз? — воскликиул Дюрок.

— Говорят, он из Франции.

— А он не рыжий?

— Рыжий, как лиса.

— Да, да, это ои! — воскликиул мой спутиик, от волнения дрожа с головы до иог.— Меня привела сюда рука провидения! Пусть не говорят, что иа земле нет справедливости. Едем, мсье Жерар, я должен сначала определить своих солдат на постой, а потом уже заниматься собственными делами.

Он пришпорил лошадь, и через десять минут мы подъехали к дверям арендорфского постоялого двора, где должны были иочевать солдаты.

Но дела моего спутиика меня ие касались, и я даже не мог себе представить, что все это значит. До Росселя путь был ие близкий, но я решил проехать еще несколько часов, а потом в каком-нибудь придорожном амбаре найти ночлег для себя и Барабана. Выпив кружку вииа, я вскочил на лошадь, но из гостиницы вдруг выбежал Дюрок и схватил меия за колено.

— Мсье Жерар,— часто дыша, заговорил ои.— Прошу вас, не бросайте меня одного!

— Дорогой Дюрок,— ответил я,— если вы мие объясните, в чем, собствеиио, дело и чего вы от меия хотите, то мне будет легче ответить, смогу ли я вам помочь или нет.

— Да, вы мне могли бы очень помочь!—воскликиул он.— Судя по тому, что я о вас слышал, вы едииствеииый человек, которого я хотел бы иметь рядом этой ночью.

— Вы забываете, что я направляюсь в свой полк.

— Сегодня вы все равно до него не доедете. Вы будете в Росселе завтра. Останьтесь со мной, вы окажете мне огромную услугу и поможете в одном деле, которое касается моей чести и чести моей семьи. Но должен вам признаться, что дело это сопряжено с немалой опасностью.

Это был ловкий ход. Конечно, я тотчас же соскочил со спины Барабана и велел слуге отвести его в конюшню.

— Идемте в дом,— сказал я,— и вы объясните, что от меня требуется.

Он провел меня в комнатку вроде гостиной и запер дверь, чтобы нам не помешали. Он был ладно скроен, этот мальчик; свет лампы освещал его серьезное лицо и очень шедший ему серебристо-серый мундир. Я глядел на него, и во мне поднималось теплое чувство к этому юнцу. Не скажу, чтобы он держался точно так, как я в его годы, но было в нас нечто схожее, и я проникся к нему симпатией.

— В двух словах всего не расскажешь,— сказал он.— Если я до сих пор не удовлетворил вашего вполне законного любопытства, то только потому, что мне очень трудно об этом говорить. Однако я, разумеется, не могу просить вашей помощи, не объяснив, в чем дело.

Должен вам сказать, что мой отец, Кристоф Дюрок, был известным банкиром; его убили во время сентябрьской резни. Как вам известно, толпа осадила тюрьмы, выбрала трех так называемых судей, чтобы устроить суд над несчастными аристократами, и тех, кого выводили на улицу, тут же раздирала в клочья. Мой отец всю жизнь оказывал помощь беднякам. У него нашлось много заступников. Он был изнурен лихорадкой, и его, полуживого, вынесли на одеяле. Двое судей склонялись к тому, чтобы оправдать его; третий же, молодой якобинец, могучий детина, который верховодил этими несчастными, стащил моего отца с носилок, стал пинать своими тяжелыми башмачищами, а потом вышвырнул за дверь, где его мгновенно растерзали на куски, но об этих ужасных подробностях мне тяжело говорить. Как видите, это было убийство даже с точки зрения их беззаконных

законов, ибо двое их же собственных судей выступили в защиту моего отца.

Когда снова воцарился порядок, мой старший брат стал разыскивать того человека — третьего судью. Я тогда был еще совсем мальчишкой, но это семейное дело обсуждалось в моем присутствии. Того детину звали Карабеном. Он был из гвардии Сантерра и славился как ярый дуэлянт. Когда якобинцы схватили одну даму — иностранку, баронессу Штраубенталь,— он добился ее освобождения, взяв с нее слово, что она будет принадлежать ему. Он женился на ней, присвоил ее имя и титул и после гибели Робеспьера удрал из Франции. Мы так и не смогли узнать, что с ним сталось.

Вы, наверное, думаете, что, зная его имя и титул, мы легко могли бы его разыскать. Но вспомните, что революция лишила нас денег, а без денег вести поиски было невозможно. Затем настала Империя, и дело для нас осложнилось еще больше, потому что, как вам известно, император считал, что 18 Брюмера уладило все счеты и что с этого дня над прошлым опущена завеса. Но мы не забывали нашу семейную трагедию и не отказывались от своих планов.

Брат мой вступил в армию и прошел вместе с ней всю Южную Европу, везде расспрашивая о бароне Штраубентале. Брат был убит под Йеной прошлой осенью, в октябре, так и не отмстив. Теперь настала моя очередь продолжать дело, и мне посчастливилось: через две недели после вступления в полк в одной из первых же польских деревень я нашел человека, которого мы искали столько лет. Больше того, у меня оказался спутник, имя которого в армии произносят не иначе, как в связи с каким-нибудь смелым или благородным поступком.

Все это прекрасно, и я слушал его с большим интересом, но все-таки мне ничуть не стало яснее, чего же хочет от меня юный Дюрок.

— Чем могу вам служить? — спросил я.

— Поедемте со мной.

— В замок?

— Именно.

— Когда?

— Немедленно.

— А что вы намерены делать?

— Там посмотрим. Но я хочу, чтобы вы были со мной.

По правде сказать, не в моем характере отказываться от приключений, и, кроме того, я сочувствовал этому малому. Прощать своих врагов — это, конечно, хорошо, но желательно, чтобы и у них тоже было что прощать нам. Я протянул ему руку.

— Завтра утром я должен ехать в Россель, но сегодня я к вашим услугам,— сказал я.

Устроив солдатам удобный ночлег, мы оставили их на постоялом дворе, и так как до замка было не больше мили, мы решили не тревожить лошадей. Откровенно говоря, мне противно видеть кавалериста, идущего пешком: насколько он великолепен в седле, настолько же неуклюж, когда шагает, придерживая рукой саблю и ставя носки внутрь, чтобы колесики шпор не цеплялись друг за друга. Но мы с Дюроком были в таком возрасте, когда человека ничто не портит, и могу поклясться, что ни одна женщина не поморщилась бы при виде двух молодых гусар — одного в голубом, другого в сером, которые в тот вечер вышли из арнсдорфской почтовой конторы. Мы оба были при саблях, а я еще вынул пистолет из кобуры и сунул под ментик, ибо чувствовал, что нам сегодня придется жарко.

Дорога к замку шла через непроглядно темный еловый лес; мы не видели ни зги, и только звезды иногда поблескивали вверху. Вскоре, однако, лес расступился, и прямо перед нами на расстоянии выстрела из карабина показался замок. Это было огромное неуклюжее здание, судя по всему, очень древнее, с круглыми башенками на каждом углу и большой прямоугольной башней на той стороне, что была ближе к нам. Во всей этой темной массе не видно было ни огонька, кроме одного светящегося окна, и ни звука не доносилось оттуда. Мне казалось, что в этой громаде, в ее безмолвии таится что-то зловещее, чему как нельзя больше отвечало название замка. Моему спутнику не терпелось поскорее добраться до него, и я зашагал вслед за ним по плохо расчищенной дороге, которая вела к воротам.

У обитых железом ворот не было ни колокола, ни молотка, и, чтобы привлечь к себе внимание, нам при-

шлось колотить рукоятками сабель. Наконец ворота приоткрылись, и мы увидели тощего старика с ястребиным лицом, заросшего бородой до самых висков. В одной руке у него был фонарь, другой он придерживал рвущуюся с цепи огромную черную собаку. Он грозно взглянул на нас, но при виде наших мундиров лицо его стало замкнуто-угрюмым.

— Барон Штраубенталь в такое позднее время никого не принимает,— сказал он на отличном французском языке.

— Можете передать барону Штраубенталю, что я проехал восемьсот лиг, чтобы повидать его, и не уйду, пока не повидаю,—заявил мой спутник таким голосом и с таким выражением, что я сам не мог бы сказать лучше.

Страж искоса взглянул на нас, нерешительно теребя свою черную бороду.

— Сказать по правде, господа,— произнес он,— барон уже выпил кружку-другую вина и будет для вас гораздо более интересным собеседником, если вы придете завтра утром.

Он приоткрыл ворота чуточку шире, и за его спиной в освещенном холле я увидел еще троих молодцов довольно зверского вида; один из них держал на цепи второго, такого же чудовищного пса. Дюрок, должно быть, тоже увидел их, но это нисколько не повлияло на его решимость.

— Довольно болтать,— сказал он, оттолкнув стража в сторону.— Я буду разговаривать только с твоим хозяином.

Молодцы в холле расступились, и он прошагал мимо них — так велика власть одного человека, знающего, чего он хочет, над несколькими, не слишком уверенными в себе. Мой спутник властно, как хозяин, тронул одного из них за плечо.

— Проведи меня к барону,— сказал он.

Стражник передернул плечами и ответил что-то по-польски. Никто, кроме бородатого, который уже успел прикрыть и запереть ворота, по-видимому, не говорил по-французски.

— Хорошо, проведем,— зловеще усмехнулся он.— Вы увидите барона. И, думается мне, пожалеете, что не послушались моего совета.

Мы пошли за ним через обширный холл с каменным покрытым шкурами полом и головами диких зверей на стенах. Бородатый открыл дверь в дальнем его конце, и мы вошли.

Это была маленькая, скудно обставленная комната с теми же признаками обветшалости и запустения, которые нам встречались на каждом шагу. Выцветшая обивка на стенах отстала в одном углу, обнажая грубую каменную кладку. В противоположной стене была вторая дверь, прикрытая драпировкой. Посредине стоял квадратный стол, заваленный грязными тарелками и жалкими остатками еды. Тут же валялось несколько пустых бутылок. Во главе стола лицом к нам сидел грузный великан с львиной головой и густой копной ярко-рыжих волос. Борода его, спутанная, всклокоченная и жесткая, как конская грива, была того же цвета. Мне приходилось на своем веку видеть странные лица, но я еще не встречал такой животной жестокости, какая была в этом лице с маленькими злыми голубыми глазами, морщинистыми щеками и толстой отвисшей нижней губой, выпяченной над уродливой бородой. Голова его склонилась на плечо, он смотрел на нас мутным, пьяным взглядом. Однако он вовсе не был сильно пьян — просто наши мундиры слишком многое ему сказали.

— Ну что, мои отважные вояки,— икнув, произнес он,— что нового в Париже? А? Я слыхал, вы собираетесь освободить Польшу, но пока что сами стали рабами — рабами маленького аристократа в сером сюртуке и треуголке. Говорят, у вас больше нет граждан — одни только господа и госпожи. Клянусь чем угодно: в одно прекрасное утро немало голов опять покатится в корзину с опилками!

Дюрок молча подошел к наглецу и стал рядом.

— Жан Карабен,— вымолвил он.

Барон вздрогнул, и взгляд его, казалось, сразу отрезвел.

— Жан Карабен,— произнес Дюрок еще раз.

Барон выпрямился, вцепившись в ручки кресла.

— Что это значит? Почему вы твердите это имя, молодой человек? — спросил он.

— Жан Карабен, вы тот, с кем я давно уже нщу встречи.

— Допустим, я когда-то иосил это имя, но вам-то что, ведь вы тогда, иавериое, были младеицем?

— Я — Дюрок.

— Неужели сыи?..

— Сыи человека, которого вы убили.

Барои делаино засмеялся, ио в глазах его мелькнул страх.

— Кто прошлое помяиет, тому глаз вои, молодой человек! — крикнул ои.— В те дии решалось, кому нз нас жить: иам или им, аристократам или иароду. Ваш отец был жироидистом. Ои погиб. Я был моитаиьяром. Миогие из моих товарищей тоже сложили свои головы. Все зависит от того, кому как повезет иа войие. Мы — вы и я — должны забыть об этом и постараться поиять друг друга.— Ои протяиул ему руку, шевеля красиыми пальцами.

— Довольио! — сказал юный Дюрок.— Если б я мог разрубить вас саблей сейчас, пока вы сндите в кресле, я бы сделал благое, справедливое дело. Я опозорю свой клииок, если скрещу его с вашим. И все же вы француз и присягали тому же знамеии, что и я. Вставайте же и защищайтесь!

— Тише, тише!—прикрикнул иа иего барои.—Брось свои аристократические замашки, двоpяиское отродье!..

Терпеиие Дюрока лопиуло. Он размахиулся и ударил кулаком прямо в бороду. Я увидел кровь на отвислой губе и бешеиую злость в малеиьких голубых глазках.

— За этот удар ты поплатишься жизиью!

— Вот так-то лучше,— сказал Дюрок.

— Эй, саблю! — закричал барои.— Я ие заставлю вас ждать, даю вам слово! — И он бросился вои из комнаты.

Я уже говорил, что там была вторая дверь, завешаиная драпировкой. Как только барои исчез, из этой дверн выбежала жеищииа, молодая и красивая. Оиа двигалась так быстро и бесшумио, что через мгновеиие уже стояла между иами, и только по колыхаиию драпировкн можно было догадаться, откуда оиа появилась.

— Я все видела! — воскликнула она.— О, мсье, вы были великолепны! — Она склонилась к руке Дюрока и стала покрывать ее поцелуями, пока тому не удалось ее выдернуть.

— Но, сударыня, почему вы целуете мне руку? — почти закричал он.

— Потому что эта рука ударила его в подлый, лживый рот. Потому что, быть может, эта рука отомстит за мою мать. Я его падчерица. Женщина, которой он разбил сердце, была моей матерью. Я ненавижу и боюсь его. Ах, вот его шаги! — Еще мгновение — и она исчезла так же внезапно, как и появилась. Вошел барон с обнаженной саблей в руках; за ним следовал человек, который открыл нам ворота.

— Это мой секретарь,— сказал барон.— Он будет моим секундантом. Но в этой комнате нам будет тесно. Соблаговолите пройти со мной в более просторное помещение.

Драться в комнате, которую загромождал широкий стол, было, разумеется, невозможно. Мы вышли вслед за ним в тускло освещенный холл. На другом конце его светилась открытая дверь.

— Здесь будет гораздо удобнее,— сказал чернобородый секретарь.

Это была большая пустая комната, где вдоль стен стояли ряды ящиков и бочек. В углу на полке горела яркая лампа. Пол был ровный и гладкий — большего фехтовальщику требовать не приходилось. Дюрок вытащил саблю и вбежал в комнату. Барон посторонился и с поклоном сделал мне знак последовать за моим спутником. Едва я успел переступить порог, как дверь со стуком захлопнулась и в замке провизжал ключ. Мы оказались в ловушке.

Мы это поняли не сразу. Нам еще не приходилось сталкиваться с такой неслыханной человеческой подлостью. Затем, когда мы убедились, как глупо с нашей стороны было поверить хоть на секунду человеку с таким прошлым, нас охватил яростный гнев — гнев на этого негодяя и на нашу собственную глупость. Мы бросились к двери и стали колотить в нее кулаками и тяжелыми сапогами. Грохот и наши проклятия, должно быть, разносились по всему замку. Мы звали этого подлеца

и осыпали его всевозможными оскорблениями, которые могли бы задеть за живое его зачерствелую душу. Но огромная дверь — такая, какие бывают в средневековых замках,— была сделана из толстых бревен, схваченных железными скобами. Пробить ее — все равно, что пробить каре Старой гвардии. И от криков наших было столько же толку, сколько и от ударов, они только отдавались громким эхом под высоким потолком. Но солдатская служба быстро обучает терпеливо сносить то, что изменить невозможно. Я первый вновь обрел хладнокровие и убедил Дюрока вместе со мной осмотреть помещение, которое стало нашей темницей.

Тут было единственное окно, незастекленное и такое узкое, что в него еле удалось бы просунуть голову. Оно было прорезано высоко в стене; чтобы выглянуть из него, Дюроку пришлось стать на бочку.

— Что вы видите? — спросил я.

— Хвойный лес, а в нем — снежную дорогу,— сказал Дюрок.— О! — вдруг удивленно воскликнул он.

Я вспрыгнул на бочку и стал рядом с ним. Действительно, среди леса тянулась длинная снежная полоса; по ней, нахлестывая лошадь, бешеным галопом мчался всадник. Он становился все меньше и меньше, пока не исчез среди темных елей.

— Что это значит? — спросил Дюрок.

— Ничего хорошего для нас,— ответил я.— Возможно, он отправился за подмогой и привезет таких же разбойников, чтобы перерезать нам горло. Давайте-ка поглядим, нельзя ли как-нибудь выбраться из этой мышеловки, пока не явилась кошка.

У нас была отличная лампа — это единственное, в чем нам повезло. Она была заправлена почти доверху и могла светить до самого утра. В темноте наше положение было бы куда хуже. При ее свете мы принялись осматривать лежавшие вдоль стен ящики и тюки. Кое-где они лежали в один ряд, в углу же были навалены кучей почти до потолка. По-видимому, мы оказались в кладовой замка: здесь было множество сыров, разных овощей, ящиков с сушеными фруктами и ряды винных бочек. Одна из них была с краном, и так как я весь день почти ничего не ел, то с удовольствием подкрепился кружкой кларета и кое-чем из съестного. Что касается

Дюрока, то он не стал есть и, пылая гневом и нетерпением, шагал взад и вперед.

— Я еще поквитаюсь с ним! — время от времени восклицал он.— Этот подлец от меня не уйдет!

Все это прекрасно, размышлял я, сидя на большом круглом сыре и уплетая свой ужин, но мой птенец, кажется, чересчур много думает о своих семейных делах и ни капельки о том, как выбраться из переделки, в которую я попал по его милости. В конце концов уже четырнадцать лет, как его отца нет на свете, а Этьену Жерару, самому отважному лейтенанту Великой армии, грозит опасность пасть с перерезанным горлом в начале его блестящей карьеры. Как знать, до каких высот я могу подняться, если не отправлюсь на тот свет из-за этой тайной авантюры, которая ничуть не касается ни Франции, ни императора? Надо же быть таким остолопом, костерил я себя, впереди у меня славная кампания и все, что только может пожелать человек, а я ввязался в эту дурацкую затею! Мало мне сражаться против четверти миллиона русских, нет, нужно еще влезать во всякие семейные распри!

— Ну хорошо,— перебил я наконец бормочущего угрозы Дюрока.— Можете делать с ним, что хотите, когда он будет у вас в руках. Но сейчас вопрос в том, что *он* хочет сделать с нами?

— Да хоть самое худшее! — воскликнул юнец.— Я в долгу перед своим отцом.

— Чистейшая глупость,— откликнулся я.— Если вы в долгу перед отцом, то я в долгу перед своей матерью, и этот долг повелевает мне выйти отсюда живым и невредимым.

Мои слова немного отрезвили его.

— Простите меня, мсье Жерар! — воскликнул он.— Я думаю только о себе! Посоветуйте же, что делать.

— Ну что ж,— сказал я.— Они нас заперли среди сыров вовсе не для сохранения нашего здоровья. Они жаждут покончить с нами. Это ясно. Они рассчитывают, что никто не знает, что мы здесь, и никто не станет нас искать, если мы отсюда не выйдем. Ваши гусары знают, куда вы пошли?

— Я им ничего не сказал.

— Хм! Несомненно одно: с голоду мы здесь не умрем. Если они замыслили убить нас, они должны войти сюда. За баррикадой из бочек мы сможем продержаться против тех пяти негодяев, что мы видели. Потому-то, наверное, они и послали гонца за подмогой.

— Мы должны выйти отсюда до его возвращения.

— Совершенно верно, если только сможем выйти вообще.

— А нельзя ли поджечь дверь? — воскликнул он.

— Ну, это легче легкого,— сказал я.— Там, в углу, несколько бочек растительного масла. Единственное, что мне не нравится, это что мы сами поджаримся, как две бараньих котлетки.

— Неужели вы не можете ничего придумать? — в отчаянии крикнул он.— Стойте, что это?

За нашим маленьким окошком послышался легкий шум, и звезды заслонила чья-то тень. В свете лампы мы увидели протянутую белую ручку. В пальцах ее что-то блестело.

— Скорей, скорей! — послышался женский голос.

Мы мгновенно вскочили на бочку.

— Они послали за казаками. Ваша жизнь под угрозой. О, я погибла, я погибла!

Мы услышали тяжелый топот, хриплое ругательство, звук удара — и звезды снова засияли в окошке. Похолодев от ужаса, мы беспомощно стояли на бочке. Через полминуты донесся сдавленный, вдруг оборвавшийся крик. Где-то в ночной тишине хлопнула тяжелая дверь.

— Эти разбойники схватили ее! Они ее убьют! — крикнул я.

Дюрок спрыгнул с бочки, издавая несвязные крики, словно умалишенный, и принялся так неистово колотить в дверь рукой, что после каждого удара оставались кровяные пятна.

— Вот ключ! — крикнул я, поднимая валявшийся на полу ключ.— Должно быть, она бросила его в последнюю секунду, когда ее оттаскивали от окна!

Мой спутник вырвал его у меня с криком радости. Через мгновение он сунул его куда-то в бревна.

Ключ был так мал, что совсем ушел в громадиую скважииу. Дюрок опустился иа ящик, стисиул руками голову и зарыдал от отчаяния. Я тоже готов был зарыдать при мысли о бедиой женщиие и о том, что мы бессильиы ее спасти.

Но меня не так-то легко обескуражить. В коице коицов ключ был передан нам с какой-то целью. Дама ие могла принести ключ от двери, потому, что это чудовище, ее отчим, вернее всего держит его у себя в карманe. Одиако и этот ключик для чего-то предиазначен, ииаче зачем бы оиа рисковала жизнью? Плохи же наши головы, если мы не додумаемся, для чего он.

Я стал отодвигать от стены все ящики, а Дюрок, в которого мое мужество опять вселило надежду, помогал мие изо всех сил. Дело оказалось иелегким, ибо ящики были большие н тяжелые. Мы трудились как одержимые, оттаскивая бочки, сыры и ящики иа середиу кладовой. Накоиец осталась одна огромиая бочка водки, которая стояла в углу. Общими силами мы с Дюроком откатили ее в стороиу и увидели в деревяииой обшивке стены иебольшую иизенькую дверь. Ключ легко повернулся в замке, н мы с восторжеными восклицаииями распахнули ее. Держа в руке лампу, я протиснулся в нее первый; мой спутник последовал за миой.

Мы очутились в пороховом складе замка, в камеииом подвале без окои, с закупореииыми бочками по стеиам и одиой открытой посредиие. Возле иее иа полу лежала чериая куча пороха. Напротив была еще одиа дверца, но оиа оказалась запертой.

— Мы иичего не выиграли! — воскликиул Дюрок.— Второго ключа у нас иет!

— У иас их целый десяток! — возразил я.

— Где?

Я указал на ряд пороховых бочек.

— Вы хотите взорвать эту дверцу?

— Имеиио.

— Но ведь взорвется весь погреб.

Это было справедливо, ио моя изобретательиость еще не иссякла.

— Мы взорвем дверь кладовой,— сказал я.

Побежав обратно, я схватил железный ящик, в котором лежали свечи; он был величиной с мой гусарский кивер, стало быть, вмещалось в него несколько фунтов пороха. Дюрок наполнил его, пока я состругивал воск с фитиля свечи. Наконец все было готово — и лучшей петарды не сделал бы даже самый умелый механик. Я поставил три круга сыра один на другой и водрузил на них железный ящик так, чтобы он приходился прямо против дверного замка. Затем мы зажгли кусочек свечи и убежали в пороховой склад, захлопнув за собою дверь.

Это не шутка, друзья мои, сидеть среди тонн пороха, зная, что если пламя взрыва пробьется сквозь тонкую дверь, то наши обугленные останки взлетят выше замковой башни. Вот уж не думал, что полдюйма свечки могут гореть так долго! Напрягая слух, я все время старался уловить, не раздастся ли топот казачьих лошадей, несущий нам гибель. Я уже решил было, что свечка потухла, как вдруг в кладовой громко ухнуло, словно взорвалась бомба, наша дверь разлетелась в щепки, и на нас градом посыпались кусочки сыра, репы, яблок и щепки от ящиков. Мы выбежали в кладовую, спотыкаясь в густом дыму об обломки, усеявшие пол, но там, где была темная дверь, тускло светился четырехугольный проем. Наша петарда сделала свое дело.

В сущности, она сделала для нас больше, чем мы могли надеяться. Она уничтожила не только тюрьму, но и тюремщиков. Выйдя в зал, я прежде всего увидел человека с огромным топором в руках, распростертого на полу; на лбу его зияла рана. Потом я увидел корчившуюся на полу в агонии громадную собаку с двумя перебитыми лапами; она поднялась, волоча их, как цепи. В ту же секунду я услышал крик — вторая собака, прижав Дюрока к стене, вцепилась ему в горло. Он пытался оторвать ее от себя левой рукой, а правой наносил ей удары саблей, и все же только когда я размозжил ей череп пистолетом, железные челюсти разжались, и свирепые, налитые кровью глаза мертвенно остекленели.

У нас не было времени отдышаться. Где-то впереди раздался женский крик — крик смертельного ужаса,— и

мы поняли, что нельзя медлить ни секунды. В зале было еще двое людей, но, увидев наши обнаженные сабли и разъяренные лица, они, трясясь от страха, бросились прочь. У Дюрока из раны на шее текла кровь, окрашивая серый ментик, но малый, не помня себя, ринулся вперед, и, когда мы ворвались в комнату, где впервые встретились с хозяином Черного замка, я только из-за его спины увидел, что там происходит.

Барон стоял посреди комнаты, его спутанная грива встала дыбом, как у разъяренного льва. Я уже говорил, что это был человек огромного роста, очень широкий в плечах, и, когда я увидел его пылающее от ярости лицо и вытянутую вперед саблю, у меня мелькнула мысль, что, несмотря на всю его подлость, из него вышел бы отличный гренадер. Молодая дама, съежившись от страха, забилась в угол. Рубец на ее белой руке и хлыст, валявшийся на полу, говорили о том, что мы вырвались из ловушки чуть позднее, чем следовало, и не успели защитить ее от этого зверя. Он зарычал, как волк, и мгновенно бросился на нас, рубя и колотя саблей плашмя, сопровождая проклятиями каждый выпад.

Комната, как я уже говорил, была слишком тесна для фехтования. Мой юный спутник оказался впереди меня в узком проходе между столом и стеной, и я мог только наблюдать, не имея возможности помочь ему. Малый умел обращаться с клинком и был свиреп и увертлив, как дикая кошка, но в этом тесном пространстве преимущество было на стороне грузного гиганта. Кроме того, он был превосходным фехтовальщиком. Он делал выпады и отражал удары с быстротой молнии. Дважды он задел плечо Дюрока, и, когда юноша упал от толчка, он занес над ним саблю, чтобы прикончить, не дав ему подняться на ноги. Я, однако, опередил его, и удар пришелся по эфесу моей сабли.

— Прошу прощения,— сказал я,— вам все же придется иметь дело с Этьеном Жераром.

Барон отпрянул и прислонился к обитой гобеленом стене, дыша хрипло и часто,— сказывался его нечистый образ жизни.

— Отдышитесь,— сказал я.— Я подожду, пока вы придете в себя.

— У вас нет причин враждовать со мной,— задыхаясь, произнес барон.

— У меня к вам есть счетик,— ответил я,— за то, что вы заперли меня в кладовой. А если этого мало, то вот еще одна причина — рука этой дамы.

— Ну так защищайтесь! — взревел он и бросился на меня, как безумный. С минуту я видел только сверкающие голубые глазки и сверкающий конец окровавленной сабли, который наносил мне царапины то справа, то слева, но целился неизменно в горло и грудь. Я не знал, что в Париже во времена революции были такие замечательные фехтовальщики. Каких со мной не было приключений, но я вряд ли встретил и шесть человек, которые бы так искусно владели оружием. Но барон понимал, что со мной ему не справиться. Он прочел свой смертный приговор в моих глазах—я видел это по нему. Краска схлынула с его лица, дыхание стало чаще и тяжелее. Все-таки он не сложил оружия, даже когда получил смертельный удар, и умер, стараясь достать меня саблей, с грязным ругательством на губах и запекшейся на оранжевой бороде кровью. Я, тот, кто вам рассказывает это, видел много сражений, и моя старая память не удержала все их названия, но мои глаза не видели более страшного зрелища, чем эта оранжевая борода с багровым пятном посредине, которое оставил мой клинок.

Едва только его грузное тело рухнуло на пол, как женщина в углу вскочила на ноги, захлопала в ладоши и закричала от радости. Мне, признаться, было неприятно видеть, что женщина так радуется кровавому убийству, я не подумал о том, сколько же она натерпелась, если могла позабыть женскую мягкость. Я уже хотел было приказать, чтобы она замолчала, но вдруг странный, удушливый дым забил мне ноздри, и фигуры на драпировках осветились желтым светом.

— Дюрок, Дюрок! — крикнул я, теребя его за плечо.— Замок горит!

Израненный юноша лежал на полу без чувств. Я выбежал в зал, чтобы определить, где возник пожар. Оказалось, что от нашего взрыва загорелось сухое дерево дверных наличников. В кладовой уже пылали

ящики. Я заглянул туда, и во мне застыла кровь при виде пороховых бочек в соседнем помещении и кучки пороха на полу. Еще несколько минут или даже секунд — и огонь подберется к ним. Вот эти самые глаза, друзья мои, до самой смерти будут видеть перед собой ползущие змейки огня и черную кучу пороха.

Я плохо помню, что было дальше. Смутно припоминаю, как я бросился в комнату смерти, как схватил Дюрока за безжизненную руку, женщина схватила его за другую, и мы бросились вон. Выбежали из ворот и устремились по снежной дороге к опушке леса. Едва мы добежали до первых деревьев, как я услышал позади грохот и, оглянувшись, увидел столб огня, взвившийся в зимнее небо. Еще секунда — и раздался второй взрыв, еще более громкий, чем первый. Ели, звезды — все завертелось у меня в глазах, и я упал без чувств рядом с своим товарищем.

Лишь через несколько недель я пришел в себя в аренсдорфской почтовой конторе, и прошло еще немало времени, прежде чем мне рассказали о том, что произошло. И рассказал не кто иной, как Дюрок, уже оправившийся и вернувшийся в строй; сидя у моей постели, он поведал о том, как кусок балки стукнул меня по голове и как я почти замертво упал на землю. От него же я узнал, что молодая полька помчалась в Аренсдорф, подняла на ноги гусар и привела их как раз вовремя, чтобы спасти нас от казачьих пик — казаков вызвал тот самый чернобородый секретарь, который так быстро скакал на лошади по снегу. Что касается молодой дамы, которая дважды спасла нам жизнь, то я не мог ничего толком узнать о ней от Дюрока, но через два года, когда я после Ваграмской кампании случайно встретил его в Париже, меня нисколько не удивило, что его молодая жена была мне знакома и что по странной прихоти судьбы он приобрел право — и, если бы захотел, мог им пользоваться — носить имя и титул барона Штраубенталя и, следовательно, был владельцем обугленных развалин Черного замка.

II

КАК БРИГАДИР ПЕРЕБИЛ БРАТЬЕВ ИЗ АЯЧЧО

Когда императору требовалось доверенное лицо для услуг, он оказывал мне честь, вспоминая имя Этьена Жерара, хотя это имя частенько выпадало у него из памяти при распределении наград. Но все же я в двадцать восемь лет был полковником, а в тридцать один год — бригадиром, так что у меня нет причин обижаться на него. Если б война продлилась еще два-три года, я наверняка бы получил маршальский жезл, а там уже всего один шаг до трона. Сменил же Мюрат гусарский кивер на корону, отчего же другому отважному кавалеристу не сделать того же? Но все эти мечты разбило в прах Ватерлоо, и, хотя мне не удалось вписать свое имя в историю, все-таки оно достаточно известно всем, кто сражался в великих войнах империи.

Сегодня я расскажу вам об одном весьма любопытном деле, с которого и началось мое быстрое продвижение по службе и которое связало меня с императором тайными узами.

Но сначала я хочу кое о чем вас предупредить. Слушая мои рассказы, вы должны помнить, что перед вами человек, который видел историю, так сказать, изнутри. Я рассказываю о том, что видел своими глазами и слышал своими ушами, так что вы не пытайтесь возражать мне, ссылаясь на какого-нибудь ученого или там писателя, написавших исторические исследования или мемуары. Есть много такого, чего не знают эти люди и никогда не узнает мир. Я бы мог порассказать поразительнейшие вещи, но только это было бы, с моей стороны, нескромно. То, что вы сегодня от меня услышите, я держал в тайне, пока был жив император, потому что дал ему слово молчать, но теперь, думается, никому не будет вреда от того, что я расскажу о той выдающейся роли, которую мне пришлось тогда сыграть.

Надо вам сказать, что во время Тильзитского мира я был самым обыкновенным лейтенантом Десятого гусарского полка, небогатым и незнатным. Правда, наруж-

ность и отвага располагали ко мне людей, и я уже заслужил славу одного из лучших фехтовальщиков в армии, но среди сонмища храбрецов, окружавших императора, это считалось недостаточным, чтобы обеспечить быстрое продвижение по службе. Тем не менее я был уверен, что придет и мой день, хотя мне и не снилось, что это будет так скоро.

В 1807 году, когда император вернулся в Париж после заключения мира, он проводил много времени с императрицей в Фонтенбло. Он находился тогда на самой вершине своей славы. Проведя одну за другой три кампании, он усмирил Австрию, сокрушил Пруссию и заставил русских радоваться, что они добрались до правого берега Немана. Старый бульдог по ту сторону Ла-Манша еще рычал, но не мог уйти далеко от своей конуры. Если бы нам удалось установить в то время постоянный мир, Франция была бы сильнее всех других государств на свете со времен Римской империи. Так говорили умные люди; я-то в те дни думал совсем о других вещах. Женщины обрадовались возвращению армии после столь долгого отсутствия, и уж, поверьте, я сполна получил свою долю милостей. Судите сами, как меня баловали в те времена, если даже сейчас, когда мне стукнуло шестьдесят... впрочем, зачем распространяться о том, что и так хорошо известно?

Наш гусарский полк квартировал в Фонтенбло вместе с конными егерями гвардии. Фонтенбло, как вам известно, маленький городок, затерявшийся среди густых лесов, и как-то диковинно было видеть в нем толпы разных великих князей, и курфюрстов, и принцев, которые осаждали императора, как собачонки—хозяина в надежде, что им перепадет кость. На улицах чаще слышался немецкий говор, чем французский, ибо те, кто помогал нам в последней войне, явились выпрашивать награды, а те, которые сражались против нас, приехали, чтобы замолить грехи и отвести от себя кару.

А наш маленький человечек с бледным лицом и холодными серыми глазами каждое утро ездил на охоту, молчаливый и задумчивый, и все остальные тянулись за ним хвостом, надеясь, что он бросит им хоть слово. А потом, если на него находил такой стих, он кидал сотню квадратных миль одному или отнимал столько же

у другого, окружал одно королевство рекой или ограживал другое цепью гор. Вот таким манером он вершил дела, этот маленький артиллерист, которого мы своими саблями и штыками вознесли на такую высоту. Он всегда был с нами очень учтив — он знал, кому он обязан силой. Мы тоже знали и всячески показывали это своим поведением. Мы, конечно, признавали, что он лучший полководец в мире, но при этом помнили, что ведет он лучших в мире солдат.

Так вот, сижу я однажды дома и играю в карты с Моратом из конно-егерского, как вдруг открывается дверь и входит Лассаль, наш полковник. Вы помните, какой это был красавчик и щеголь, и небесно-голубой мундир Десятого полка шел ему необыкновенно. Клянусь честью, мы, молодые солдаты, были так им покорены, что хотелось нам того или нет, но все мы ругались, чертыхались, пили и играли в кости, лишь бы походить на нашего полковника! Мы как-то не думали о том, что не из-за выпивок и игры в кости император собирался назначить его командующим легкой кавалерией, а потому, что во всей армии у него был самый верный глаз, когда дело касалось определения характера позиции или силы вражеской колонны, и он мог лучше всех судить, когда можно прорвать пехоту или где обнажена артиллерия. По молодости лет мы всего этого не понимали, и фабрили усы, бряцали шпорами и стирали наконечники сабельных ножен, волоча их по булыжным мостовым в надежде, что все мы станем Лассалями. Когда он, гремя шпорами и саблей, вошел в мою квартиру, мы с Моратом вскочили на ноги.

— Малыш,—сказал он, похлопав меня по плечу,— тебя желает видеть император сегодня в четыре часа.

От этих слов комната пошла ходуном перед моими глазами, и мне пришлось ухватиться за край ломберного стола.

— Что?! — воскликнул я.— Император?

— Именно,—сказал он, улыбаясь моему изумлению.

— Но ведь император не знает о моем существовании, полковник,— возразил я.— Как он может послать за мной?

— Это меня тоже удивляет,— ответил Лассаль, покручивая ус.— Если ему понадобился храбрый рубака, зачем снисходить до одного из моих лейтенантов, когда у него есть полковники? Однако,— добавил он, еще раз хлопнув меня по плечу со свойственной ему веселой простотой,— у каждого в жизни есть свой счастливый случай. У меня уже был, иначе я бы не стал командиром Десятого гусарского. Вперед, мой мальчик, и пусть это будет первым шагом к тому, чтобы сменить кивер на треуголку!

Было два часа, и он ушел, пообещав зайти попозже и проводить меня во дворец. Клянусь честью, не знаю, как я протянул это время! Какие только догадки не приходили мне в голову, зачем я понадобился императору! Я шагал взад и вперед по своей тесной комнатушке, горя от нетерпения. Иногда мне думалось, что он, вероятно, слыхал о пушках, которые мы захватили при Аустерлице; но ведь многие захватывали пушки при Аустерлице, и с тех пор прошло уже два года. Или, может, он хочет наградить меня за историю с адъютантом русского императора. Но тут я холодел: а что, если он послал за мной, чтобы задать мне взбучку? К некоторым дуэлям он мог отнестись неблагосклонно, а в Париже со времени мира было два-три славных дельца.

Но нет! Я вспомнил слова Лассаля. «Если ему понадобился храбрый рубака...» — сказал он.

Очевидно, мой полковник чуял, чем дело пахнет. Должно быть, он знал, что меня ждет какое-то лестное поручение, иначе у него не хватило бы жестокости поздравлять меня. Сердце мое запрыгало от радости; я сел за письмо к матушке и написал ей, что в эту самую минуту меня ждет император, чтобы посоветоваться со мной об одном важном деле. И я улыбнулся: ведь это событие, казавшееся мне чудом, для моей матушки послужит еще одним доказательством того, что у императора есть здравый смысл.

В половине четвертого я услышал лязгающий стук сабли о деревянные ступеньки моей лестницы. Это был Лассаль, а вместе с ним пришел какой-то хромой господин в строгой черной одежде с нарядным кружевным воротником и манжетами. Мы, военные, редко встречаемся со штатскими, но, клянусь богом, этот был не из

тех, на кого можно не обращать внимания. Как только я увидел эти мигающие глаза, комичный вздернутый нос и прямой, резко очерченный рот, я понял, что стою перед единственным человеком во Франции, с которым считается сам император.

— Мсье де Талейран, это мсье Этьен Жерар,— сказал Лассаль.

Я отдал честь, и государственный муж окинул меня от плюмажа на кивере до колесиков моих шпор взглядом, царапнувшим меня, как острие рапиры.

— Вы уже объяснили лейтенанту, зачем его вызывает император? — спросил он резким, скрипучим голосом.

Эти двое представляли собою такой контраст, что я невольно переводил взгляд с одного на другого — черный, хитрый политик и рослый небесно-голубой гусар, который одной рукой упирался в бедро, другую положил на эфес сабли. Каждый сел на стул — Талейран бесшумно, Лассаль — со стуком и звоном, как боевой конь на скаку.

— Дело вот в чем, юноша,— сказал он со своей обычной грубоватостью.— Нынче утром я был у императора в его личном кабинете, когда ему принесли письмо. Он вскрыл его и вдруг так вздрогнул, что письмо полетело на пол. Я поднял его и передал императору, но он застывшим взглядом уставился в стену, словно увидел привидение. «Fratelli dell' Ajaccio» [1],— пробормотал он, и снова: «Fratelli dell' Ajaccio». Итальянский я знаю ровно настолько, насколько можно выучиться за две кампании, поэтому я ничего не понял. Мне показалось, что он лишился рассудка; вы тоже так подумали бы, мсье Талейран, если бы видели его глаза. Прочтя письмо, он не меньше получаса сидел, не шевелясь.

— А вы? — спросил Талейран.

— А я стоял, не зная, что делать. Наконец он, по-видимому, пришел в себя.

— Я полагаю, Лассаль,— сказал он,— что в вашем полку есть отважные молодые офицеры!

— Безусловно, ваше величество,— ответил я.

---

[1] «Братья из Аяччо» (*итал.*).

— Если бы вам понадобился такой, на которого можно положиться в важном деле, но который не стал бы зазнаваться,— вы понимаете меня, Лассаль,— то кого бы вы выбрали?

Я понял, что ему нужно доверенное лицо, которое не слишком совало бы нос в его дела.

— Есть у меня один такой,— сказал я,— сплошные шпоры и усы и ни одной мысли, кроме как о женщинах и лошадях.

— Такой мне и нужен,— сказал Наполеон.— Приведите его сюда ко мне в четыре часа. Так что, юноша, я отправился прямо к вам и думаю, что вы не посрамите честь Десятого гусарского.

Я, конечно, был безмерно польщен, узнав, какие причины заставили моего полковника выбрать именно меня, и это, должно быть, отразилось на моем лице, потому что он громко захохотал, и даже Талейран издал короткий смешок.

— Один совет, прежде чем вы пойдете к императору, мсье Жерар,— сказал он.— Вы пускаетесь в плаванье по бурным водам, и, быть может, вам попадется худший лоцман, чем я. Мы не имеем никакого представления о том, что это за дело, а если говорить откровенно, нам, несущим на своих плечах ответственность за судьбу Франции, чрезвычайно важно быть в курсе всех событий. Вы понимаете меня, мсье Жерар?

Честно говоря, я и понятия не имел, куда он метит, но поклонился и сделал вид, будто мне все ясно.

— Действуйте очень осторожно и никому ничего не говорите,— сказал Талейран.— Ни я, ни полковник Лассаль не станем показываться с вами на людях, мы будем ждать вас здесь, и, когда вы расскажете, о чем вы говорили с императором, мы посоветуем вам, что делать. А сейчас вам пора идти, император не прощает неаккуратности.

Я отправился во дворец пешком — до него была какая-нибудь сотня шагов. Меня провели в приемную, где среди толпы ожидающих суетился Дюрок в великолепном малиновом с золотом мундире. Я слышал, как он шепнул мсье де Коленкуру, что половина присутствующих — немецкие герцоги, которые надеются, что их сделают королями, а другая половина — немецкие герцоги,

которые боятся, что их сделают нищими. Услышав мое имя, Дюрок тотчас же провел меня в кабинет, и я предстал перед императором.

Я, конечно, видел его в походах сотни раз, но никогда не стоял лицом к лицу с ним. Ручаюсь, если бы вам случилось встретить его, не зная, кто он такой, вы бы увидели просто бледного, приземистого человечка с высоким лбом и хорошо развитыми икрами, в коротких узких штанах из белого кашемира и белых чулках, выгодно подчеркивавших форму его ног. Но, даже не зная его, вы были бы поражены его особенным взглядом, который бывал таким суровым, что мог повергнуть в трепет даже гренадера. Говорят, будто сам Ожеро, человек, не знавший, что такое страх, робел под взглядом Наполеона еще в те времена, когда император был безвестным солдатом. На меня он, впрочем, взглянул довольно милостиво и знаком велел мне остановиться у двери. Де Меневаль писал что-то под его диктовку, после каждой фразы вскидывая на него преданные, как у верного пса, глаза.

— Довольно, Меневаль. Можете идти,— отрывисто произнес император. Секретарь вышел, а он, заложив руки за спину, подошел и молча оглядел меня с головы до ног. Этот маленький человек любил окружать себя рослыми красавцами, и думаю, что моя наружность ему понравилась. Я поднял руку, отдавая честь, другую же руку держал на эфесе сабли и глядел прямо перед собой, как положено солдату.

— Итак, мсье Жерар,— сказал он наконец, постучав указательным пальцем по брандебуру из золотого шнура на моем ментике,— мне известно, что вы достойнейший молодой офицер. Ваш полковник отзывается о вас превосходно.

Я пытался найти какой-нибудь блистательный ответ, но как на грех ничего мне не приходило на ум, кроме слов Лассаля о том, что я сплошные усы да шпоры, и в конце концов я промолчал. Должно быть, эта борьба отражалась на моем лице, так как император не сводил с меня пристального взгляда и, не дождавшись ответа, не выразил никакого недовольства.

— По-видимому, вы именно тот, кто мне нужен,— сказал он.— Меня со всех сторон окружают умные храбрецы. Но храбрец, который к тому же...— Он не докон-

чил, а я так и не понял, что он хотел сказать. Пришлось ограничиться заверением, что он может располагать мною до самой моей смерти.

— Насколько мне известно, вы хорошо владеете саблей,— сказал он.

— Сносно, ваше величество.

— Ваш полк выбрал вас для состязания с лучшим фехтовальщиком шамбарантских гусар?

Оказывается, он был наслышан о моих подвигах! Что ж, это меня нисколько не огорчило.

— Да, мои товарищи оказали мне эту честь, ваше величество,— ответил я.

— И, чтобы поупражняться, вы за неделю до дуэли оскорбили одного за другим шестерых мастеров фехтования?

— Мне было дано разрешение отлучиться из полка семь раз за столько же дней, ваше величество.

— И вы не получили ни царапины?

— Мастер фехтования Двадцать третьего полка задел мне левый локоть, ваше величество.

— Прекратите эти детские забавы, мсье! — крикнул он, внезапно охваченный холодной яростью, в которой он бывал страшен.— Вы вообразили, что я даю эти звания моим ветеранам для того, чтобы вы могли отрабатывать на них свои четвертые и третьи позиции? Хорошо же я буду выглядеть перед Европой, если мои солдаты станут обращать свои клинки друг против друга! Если я еще раз услышу, что вы дрались на дуэли, я раздавлю вас вот этими пальцами!

Перед глазами моими замелькала белая, пухлая рука, грозный рык срывался на свистящее шипенье. Честное слово, по коже у меня поползли мурашки. Сейчас я охотно поменялся бы местами с солдатом, что первый идет в атаку по самому крутому и узкому ущелью. Император повернулся к столу, выпил чашку кофе, и, когда он снова обратился ко мне, от страшной бури не осталось и следа, и я увидел эту странную улыбку, которая появлялась только на губах, но не в глазах.

— Я нуждаюсь в ваших услугах, мсье Жерар,— сказал он.— Вероятно, для меня будет безопаснее, если рядом будет человек, хорошо владеющий саблей, и по некоторым причинам я выбрал вас. Но прежде всего

вы даднте мне слово держать все это в тайне. Пока я жив, ни одиа душа, кроме иас с вами, ие должиа зиать, о чем мы сегодня говорили.

Я подумал о Талейране н Лассале, ио дал слово молчать.

— Затем, я не иуждаюсь ни в вашем миеини, ни в ваших умозаключеинях; вы должиы делать только то, что вам велят.

Я поклонился.

— Мне иужиа ваша сабля, а не ваша голова. Думать буду я сам. Вы поиялн?

— Да, ваше велнчество.

— Вы знаете Каицлерскую рощу в лесу Фонтенбло?

Я кнвнул.

— Зиаете высокую раздвоеииую сосну, у которой во вторник собиралн охотничьих собак?

Еслн б ему было нзвестно, что под этой сосиой я трижды в иеделю встречаюсь с одиой девицей, ои ие стал бы меня спрашнвать. Я ничего не ответил и опять только кнвнул.

— Прекрасио. Ждnте меия там сегодня в десять часов вечера.

Я уже перестал удивляться чему бы то ии было. Еслн бы он предложнл мне сесть вместо иего на императорский трои, я бы только склоиил свой кивер.

— Потом мы вместе пойдем в лес,— продолжал нмператор.— Пусть при вас будет только сабля, пистолетов ие надо. Не обращайтесь ко мие, и я с вамн тоже ие буду разговаривать. Мы будем ндтн молча. Вы понялн?

— Понял, ваше велнчество.

— Немного погодя под известным мне деревом мы увиднм человека, скорее даже двонх. Мы подойдем к иим вместе. Если я сделаю вам знак защищать меня, вы обиажнте вашу саблю. Но если я иачну разговарнвать с этнмн людьмн, вы должиы ждать и иаблюдать за происходящим. Коль скоро вам придется драться, то пусть даже их будет двое, ни один не должеи уйтн живым. Я буду вам помогать.

— Ваше величество! — воскликиул я.— Я ие сомневаюсь, что моя сабля справнтся и с двумя, ио ие лучше ли мне прихватнть с собой товарища, чтобы вам не пришлось драться самому?

— Чепуха,— сказал он.— Я был солдатом до того, как стал императором. Неужели вы думаете, что только гусары владеют саблей, а артиллеристы нет? Но я ведь приказал вам не возражать. Вы будете делать только то, что я вам скажу. Если придется обнажить сабли, никто из этих людей не должен уйти живым.

— Не уйдут, ваше величество,— сказал я.

— Прекрасно. Больше распоряжений не будет. Можете идти.

Я повернулся к двери, но вдруг меня осенила одна мысль. Я опять обернулся.

— Ваше величество, я думаю вот что...— начал я.

Он бросился ко мне, разъяренный, как дикий зверь. Мне казалось, что он меня ударит.

— *Вы* думаете! — закричал он.— Вы! Вы воображаете, что я выбрал вас потому, что вы умеете думать? Посмейте-ка сказать мне это еще раз! Вы единственный человек, который... впрочем, довольно! Ждите меня у сосны в десять часов!

Клянусь честью, я не помню, как выбрался из кабинета. Когда подо мной добрый скакун и сабля моя звякает о стремя,— тогда я силен. И всему, что касается фуража — сена или овса, ржи и ячменя — и командования эскадронами на марше, я могу поучить кого угодно. Но когда я встречаюсь с каким-нибудь камергером, маршалом или самим императором и вижу, что все говорят обиняком, вместо того чтобы выложить все начистоту,— тут я чувствую себя как кавалерийская лошадь, запряженная в дамскую коляску. От всякого жеманства и притворства меня просто мутит. Я научился благородным манерам, но не манерам придворного. Поэтому я не чаял, как вырваться на свежий воздух, и побежал к себе домой, как школьник, улепетывающий от строгого учителя.

Но едва я распахнул дверь, как глазам моим представилась пара длинных небесно-голубых ног в гусарских сапогах и пара коротких и черных, в панталонах до колен и башмаках с пряжками. Обе пары ног бросились мне навстречу.

— Ну что? Что вы узнали? — воскликнули оба моих гостя.

— Ничего,— ответил я.

— Император вас не принял?

— Принял; мы с ним виделись.

— И что он вам сказал?

— Мсье Талейран,— ответил я,— к моему глубокому сожалению, я ничего не могу вам рассказать. Я дал слово императору.

— Полно, полно, дорогой мой юноша,— сказал он, подходя ко мне боком, точь-в-точь как кошка, которая хочет потереться о ваши ноги.— Все останется между друзьями и дальше этих стен не пойдет. Кроме того, беря с вас слово, император, конечно, не имел в виду меня.

— До дворца всего минута ходу, мсье Талейран,— ответил я.— Я попрошу вас сделать несколько шагов, если это вас не затруднит, и принести сюда письменное свидетельство императора, что, беря с меня слово, он не имел в виду вас. И тогда я буду счастлив передать вам наш разговор слово в слово.

Он ощерился на меня, как старая лисица.

— Кажется, мсье Жерар немножко возомнил о себе,— сказал он.— Мсье Жерар слишком молод, чтобы понимать истинное соотношение вещей. Став постарше, он, вероятно, поймет, что со стороны младшего кавалерийского офицера неблагоразумно быть столь несговорчивым.

Я не знал, что ответить, но тут Лассаль вступился за меня со своей обычной прямотой.

— Малый совершенно прав,— заявил он.— Знай я, что он связан словом, я бы и не подумал расспрашивать его. Вы отлично знаете, мсье де Талейран, что если бы он вам все рассказал, вы посмеялись бы над ним в душе, а потом думали бы о нем не больше, чем я о пустой бутылке из-под бургундского. Что до меня, то даю слово: если я узнаю, что он выдал тайну императора, в Десятом полку для него не будет больше места, и мы лишимся нашего лучшего фехтовальщика.

Но государственный муж, видя, что полковник на моей стороне, обозлился еще больше.

— Я слыхал, полковник де Лассаль,— сказал он с ледяной надменностью,— что ваши суждения о легкой кавалерии ценятся очень высоко. Если мне понадобятся сведения об этом роде войск, я не премину обратиться

к вам. Но сейчас дело касается дипломатии, и, надеюсь, вы разрешите мне иметь свое мнение по этому вопросу. Покуда благополучие Франции и личная безопасность императора вверены главным образом моему попечению, я буду использовать все средства, чтобы обеспечить и то и другое, невзирая даже на прихоти императора. Имею честь откланяться, полковник де Лассаль.

Бросив в мою сторону весьма недружелюбный взгляд, он повернулся на каблуке и мелкими бесшумными шажками быстро вышел из комнаты.

По лицу Лассаля я понял, что ему не улыбается перспектива вражды с могущественным министром. У него сорвалось крепкое словцо; затем, схватив кивер и поддерживая рукой саблю, он с грохотом сбежал по лестнице. Выглянув в окно, я увидел, что две фигуры — высокая голубая и прихрамывающая черная — шагают по улице рядом. Вид у Талейрана был замороженный, а Лассаль размахивал руками и что-то говорил,— очевидно, пытался помириться.

Император велел мне не думать, и я старался выполнить его приказ. Я взял карты, которые Морат оставил на столе, и стал играть в экарте за двоих. Но я никак не мог вспомнить, какая масть была козырной, и, отчаявшись, швырнул карты под стол. Затем я вытащил саблю и поупражнялся в колющих ударах, пока не устал, но ничего не помогало! Мысль моя работала, несмотря на все старания. В десять часов я должен встретиться с императором в лесу. Из всех невероятных событий, какие случаются на свете, только это не могло бы мне прийти в голову нынче утром, когда я вставал с кровати. Но ответственность — какая страшная ответственность легла на мои плечи! И разделить ее со мной некому. Думая об этом, я весь холодел. Сколько раз я глядел в глаза смерти на полях сражений, но только сейчас узнал, что такое настоящий страх. Но затем я рассудил, что мне ничего не остается делать, как показать себя отважным и достойным солдатом, а пуще всего — строжайше повиноваться полученным приказам. И если все сойдет благополучно, это будет начало блестящей карьеры. Так, переходя от страха к надеждам, я кое-как протянул этот долгий-предолгий вечер, пока не пробил назначенный час.

Я надел шинель — ведь неизвестно, сколько времени мне придется провести ночью в лесу,— а сверху опоясался саблей. Стащив гусарские сапоги, я надел башмаки и гетры, чтобы легче был шаг. Затем я осторожно вышел из дома и направился в лес, чувствуя огромное облегчение,— мне всегда становится лучше, когда проходит необходимость размышлять и наступает время действовать.

Я прошел мимо казарм гвардейских егерей, мимо маленьких кафе, битком набитых военными. Среди множества пехотинцев в темном и офицеров личного императорского конвоя в светло-зеленом я, проходя мимо, видел лазоревые с золотом мундиры моих однополчан. Гусары беззаботно потягивали вино и дымили сигарами, даже не подозревая о том, что предстояло их товарищу. Один из них, командир моего эскадрона, разглядел меня в свете, падавшем из окна, и, громко зовя меня, выбежал на улицу. Я прибавил шагу, делая вид, что не слышу, и он, обругав меня за глухоту, вернулся допивать бутылку.

Попасть в лес Фонтенбло — дело нетрудное. Отдельные деревья пробрались на улицы городка, как стрелки, идущие впереди колонны. Я свернул на тропку, которая вела на опушку леса, и быстро зашагал к старой сосне. Я уже намекал, что это место мне было знакомо благодаря особым причинам, и благодарил судьбу за то, что в эту ночь меня не поджидала там Леони. Бедная малютка, наверное, умерла бы от страха, увидев перед собой императора. А он мог обойтись с ней слишком сурово или — хуже того! — чересчур ласково.

Над лесом светил полумесяц, и, подходя к условленному месту, я увидел, что меня уже ждут. Под сосной, заложив руки за спину и уткнув подбородок в грудь, взад и вперед расхаживал император. На нем было длинное серое пальто с накинутым на голову капюшоном. Я видел его в этом одеянии во время нашей зимней кампании в Польше; говорили, будто он носил его потому, что капюшон служил прекрасной маскировкой. И в походах и в Париже император очень любил бродить по ночам и подслушивать разговоры в кабачках или у костров. Но его фигура, его манера

держать голову и руки были настолько знакомы всем, что его немедленно узнавали, и люди принимались говорить то, что, как они полагали, ему было приятно услышать.

Первой моей мыслью было, что он рассердится на меня за то, что я заставил его ждать, но, когда я подошел, большие часы на церковной башне Фонтенбло пробили десять. Стало быть, не я опоздал, а он пришел слишком рано. Вспомнив его приказ не вступать в разговор, я остановился в четырех шагах, щелкнул шпорами, опустил саблю, которую я придерживал рукой, и отдал честь. Он взглянул на меня и без единого слова повернулся и медленно пошел по лесу; я последовал за ним, держась на том же расстоянии. Раз-другой он опасливо поглядел направо и налево, словно боясь, что кто-то следит за нами. Я тоже осматривался, но даже с моим острым зрением невозможно было разглядеть что-либо, кроме неровных пятен лунного света среди густой, черной тени под деревьями. Слух у меня такой же острый, как и зрение, и раза два мне показалось, что где-то треснул сучок,— но вы сами знаете, сколько звуков ночью в лесу и как трудно определить, откуда они слышатся.

Так мы прошагали больше мили, и я догадался, куда мы направляемся, задолго до того, как мы дошли до цели. Посреди одной из лесных поляи стоял громадный расщепленный ствол — остаток когда-то росшего здесь гигантского дерева. Он был известен под именем Аббатова бука, о нем ходило столько всяких страшных историй, что я знаю немало храбрых солдат, которые побоялись бы стоять возле него на часах. Но я, конечно, не верил вздорным россказням, как, очевидно, и император; мы пересекли поляну и направились прямо к старому стволу. Подойдя поближе, я увидел под ним две ожидавшие нас фигуры.

Я заметил их, хотя они стояли чуть позади ствола, словно стараясь не выдать своего присутствия, но когда мы приблизились, они вышли из тени и двинулись нам навстречу. Император оглянулся на меня и чуть замедлил шаг; теперь я был уже на расстоянии вытянутой руки от него. Само собой, саблю я передвинул вперед и успел хорошо рассмотреть подходивших к нам людей.

Один из них был высок — я бы даже сказал, на редкость высок,— другой был ниже среднего роста и шел проворным, уверенным шагом. Оба были в черных мантиях, одетых на манер плащей мюратовских драгун. На обоих были плоские черные шляпы, какие я потом видел в Испании; поля затеняли их лица, хотя мне было видно, как из-под них сверкали глаза. Луна светила им в спину, их длинные черные тени тянулись впереди — словом, точь-в-точь призраки, которые могут привидеться ночью возле Аббатова бука. Они бесшумно скользили, приближаясь к нам, и лунный свет рисовал длинные белые ромбы между ногами идущих и ногами их теней.

Император остановился; два незнакомца тоже остановились в нескольких шагах. Я подошел к императору и стал рядом с ним; так мы стояли лицом к лицу, не произнося ни слова. Я глядел больше на высокого — он был чуточку ближе ко мне, и от меня не укрылось, что он взвинчен до предела. Он трясся всем своим тощим телом и дышал часто и неглубоко, как загнанная собака. Вдруг второй коротко свистнул. Высокий согнул спину и колени, как пловец перед прыжком в воду, но прежде, чем он успел двинуться, я, обнажив саблю, одним прыжком очутился перед ним. В то же мгновенье низенький ринулся на императора и вонзил ему в сердце кинжал.

Боже, что за ужасная минута! Просто чудо, что я сам не упал замертво. Будто во сне, я увидел, как судорожно дернулось и закружилось серое пальто и в лунном свете между лопаток высунулось на три дюйма кровавое лезвие кинжала. С предсмертным хрипом император рухнул на траву, а убийца, оставив кинжал в теле своей жертвы, вскинул руки к небу и издал радостный вопль. А я — я воткнул саблю ему в диафрагму с такой яростной силой, что от толчка рукоятки в грудную кость он отлетел на шесть шагов и там упал, оставив в моих руках дымящийся клинок. Я быстро обернулся к другому, охваченный такой жаждой крови, какой я никогда не испытывал и не испытаю, и в ту же секунду перед глазами моими блеснул кинжал, холодное лезвие скользнуло мимо моей шеи, и рука негодяя с размаху уперлась мне в плечо. Я занес над ним саблю, но он отпрянул в сторону и мгновенно пустил-

ся бежать со всех ног, скачками, как олень, пересекая залитую лунным светом поляну.

Но ему, конечно, от меня не уйти. Я на секунду остановился над телом императора и тронул холодную руку. Я знал, что кинжал убийцы сделал свое дело. Несмотря на свою молодость, я достаточно навидался на войне и понимал, что удар был смертелен.

— Ваше величество! Ваше величество! — в отчаянии окликал его я. В ответ ни звука, ни малейшего движения, только темное пятно расплывалось по земле, залитой лунным светом. Как безумный, я вскочил на ноги, сбросил шинель и изо всех сил помчался вдогонку за вторым убийцей.

Я благословлял себя за то, что додумался вместо сапог надеть башмаки с гетрами! И как хорошо, что меня осенило сбросить шинель! Этому негодяю не удалось выпутаться из своей мантии, или же он так перетрусил, что ему не пришло в голову ее снять. Поэтому у меня с самого начала было преимущество перед ним. Он, наверное, был не в своем уме — он даже не пытался скрыться в тени под деревьями, а перебегал от поляны к поляне, пока не достиг вересковой пустоши, которая выводит к большой фонтенблоской каменоломне. Тут он был передо мной весь, как на ладони, и я знал, что ему от меня не уйти. Правда, он бежал неплохо — бежал, как бежит трус, спасая свою шкуру. А я бежал, как Судьба, неотступно следующая за человеком по пятам. Ярд за ярдом сокращалось расстояние между мною и им. Он спотыкался и пошатывался. Я слышал его хриплое, надсадное дыхание. И вдруг путь его пересекла зияющая пропасть каменоломни. Оглянувшись на меня через плечо, он испустил крик отчаяния. Через мгновенье он исчез из виду.

Понимаете — исчез совершенно. Я подбежал к обрыву и заглянул в темную пропасть. Неужели он бросился вниз? Я решил было, что так оно и есть, но вдруг снизу донеслись тихие прерывистые звуки. Это слышалось его дыхание, и я догадался, где он.

С краю каменоломни, на небольшом выступе под обрывом, стоял дощатый сарайчик, где рабочие хранили свои инструменты. Убийца, конечно, юркнул туда. Он, безмозглая тварь, должно быть, думал, что в темноте

я не рискну последовать за ним. Плохо же он знал Этьена Жерара! Одним прыжком я очутился на выступе; еще прыжок — и я ворвался в дверь, услышал в углу дыхание убийцы и навалился на него сверху.

Он боролся, как дикая кошка, но где ему было одолеть меня этим коротким кинжалом! Кажется, я проткнул его насквозь первым же неистовым ударом, ибо хоть он и продолжал орудовать кинжалом, но рука его слабела все больше, и наконец кинжал со звоном упал на пол. Убедившись, что он мертв, я поднялся и вышел на освещенную луной площадку. Я вскарабкался наверх и пошел через пустошь, чувствуя, что вот-вот сойду с ума.

Слыша, как кровь звенит у меня в ушах, сжимая в руке обнаженную саблю, я бесцельно шагал по вересковой пустоши, пока не поднял голову и не увидел, что нахожусь на поляне возле Аббатова бука и вдали темнеет суковатый ствол, с которым теперь, наверное, навсегда будет связана самая страшная минута в моей жизни. Я сел на поваленное дерево, положив на колени саблю, обхватил голову руками и пытался осмыслить, что же произошло и что сулит мне грядущее...

Император доверил мне свою жизнь. Император убит. Эти две мысли стучали у меня в мозгу, пока не вытеснили собою все остальные. Он пришел сюда вместе со мной, и он мертв. Я сделал все, что он приказал мне при жизни. Я отомстил за него, когда он умер. Но что из того? Все будут считать, что виноват во всем я. Быть может, меня даже сочтут убийцей. Что я могу доказать? Где мои свидетели? Разве я не мог быть сообщником убийц? Да, да, я обесчещен навеки — я стану самым отверженным, самым презренным человеком во Франции. Конец всем моим честолюбивым мечтам о военной карьере, конец всем надеждам моей матушки. Я горько усмехнулся при этой мысли. Что же мне сейчас делать? Идти в Фонтенбло, поднять на ноги весь дворец и объявить, что великий император был убит в двух шагах от меня? Этого я не могу — нет, не могу! Для благородного человека, которого Судьба поставила в такое ужасное положение, есть лишь один выход. Я упаду грудью на свой опозоренный клинок и разделю участь императора, если уж не сумел предотвратить

ее. Я встал; каждый нерв во мне был натянут перед этим последним, скорбным подвигом; но, подняв глаза, я вдруг увидел нечто такое, от чего у меня перехватило дух. Передо мной стоял император! Между нами было ярдов десять, не больше; луна светила прямо в его строгое, бледное лицо. Он был все в том же сером пальто, но капюшон был откинут, а пуговицы расстегнуты, и я увидел зеленый мундир и белые панталоны. Руки его по обыкновению были заложены за спину, подбородок опущен на грудь.

— Итак,— произнес он таким ледяным, суровым тоном, на какой был способен только он,— докладывайте, лейтенант Жерар!

Вероятно, если бы он еще минуту простоял молча, я бы лишился рассудка. Но именно этот резкий военный приказ и был мне необходим, чтобы прийти в себя. Мертвый или живой, но это был император, и он требовал от меня ответа. Я вытянулся и отдал честь.

— Я вижу, одного вы убили,— сказал он, кивнув головой в сторону старого бука.

— Так точно, ваше величество!

— А другой убежал?

— Никак нет, ваше величество, я убил и второго.

— Что? — воскликнул он.— Вы хотите сказать, что убили обоих? — Он подошел ко мне ближе, и при лунном свете зубы его сверкнули в улыбке.

— Один труп лежит здесь, ваше величество,— ответил я.— Другой — в сарае для инструментов у каменоломни.

— Значит, Братьев из Аяччо уже нет на свете! — воскликнул он и, немного помолчав, заговорил как бы сам с собой: — И черная туча уже не будет висеть над моей головой....

Он положил мне руку на плечо.

— Вы отлично справились с делом, мой юный друг,— сказал он.— Вы оправдали свою репутацию.

Значит, этот император — живой человек, с живой плотью и кровью! Я чувствовал прикосновение его маленькой пухлой ладони. Но то, что я видел собственными глазами, не выходило у меня из головы, и я уставился на него таким растерянным взглядом, что губы его снова раздвинулись в улыбке.

— Нет, иет, мсье Жерар,— сказал он,— я не призрак и не был убит на ваших глазах. Идите сюда, и вам все станет ясно.

Он повернулся и пошел к огромному старому стволу.

Там на земле по-прежнему лежали два трупа, а возле них стояли два человека. Они былн в чалмах, и я узиал Рустема и Мустафу, двух мамелюков нз императорской охраиы. Император остановился иад лежавшей на земле серой фигурой и, откииув с головы ее капюшон, открыл чужое, иезнакомое лицо.

— Вот лежит верный слуга, отдавшнй жизнь за своего господина,— произнес он.— Мсье де Гуден, как видите, был похож иа меня фигурой и походкой.

Какая исступлеииая радость иахлынула иа меня, когда все объясиилось! Ои улыбиулся, видя мое ликование; мие хотелось броситься ему на шею и сжать в своих объятиях, ио император, словио угадав мои иамереиия, отступнл иа шаг назад.

— Вы ие ранены? — спросил ои.

— Не ранен, ваше величество. Но еще мииута, и я бы от отчаяния...

— Вздор, вздор,— перебил ои.— Вы были молодцом. А ему следовало быть поосторожиее. Я видел, как все это произошло.

— Вы видели, ваше величество?!

— Зиачит, вы ие слышали, что я шел за вами по лесу? Я ие выпускал вас из виду с той мииуты, как вы вышли из дома, и до того, как упал бедиый де Гуден. Миимый император шел впереди вас, а настоящий — сзади. А теперь вы будете сопровождать меня во дворец.

Он шепотом что-то приказал мамелюкам; те отдали честь и остались стоять иа месте. Я же пошел вслед за императором, н даже ментнк мой раздувался от гордости. Честиое слово, я всегда держался, как подобает гусару, ио даже сам Лассаль никогда не выпячивал грудь под доломаиом так кичливо, как я в ту ночь. Кому же греметь саблей и звеиеть шпорами, как не мне, Этьеиу Жерару, повереиному императора, лучшему рубаке легкой кавалерни, человеку, зарубившему двух мерзавцев, покушавшихся на жизнь Наполеоиа?

Но он заметил мою развязную походку и обрушился на меня, как гром небесный.

— Так-то вы держите себя, исполняя секретное поручение? — прошипел он, и глаза его загорелись холодным огнем.— Так-то вы хотите заставить ваших товарищей поверить, что ничего особенного не произошло? Ведите себя прилично, мсье, иначе вы живо окажетесь в саперном полку, где работа потруднее, а плюмаж потусклее.

Таков был наш император. Стоило ему заподозрить, что кто-то претендует на особые права, как он тотчас же давал зазнавшемуся понять, что между ними лежит пропасть. Я отдал честь и притих, но, должен сознаться, что после всего, что было, я почувствовал себя обиженным. Он привел меня ко дворцу, мы вошли в боковую дверь, и я проследовал за ним в его личный кабинет. На лестнице стояли два гренадера, и, клянусь вам, у них глаза вылезли на лоб, когда они увидели, что молодой лейтенант-гусар около полуночи входит в личные апартаменты императора. Я стал у двери, как днем, а он бросился в кресло и погрузился в такое долгое молчанье, что мне казалось, он совсем позабыл про меня. Наконец, чтобы привлечь его внимание, я позволил себе легонько кашлянуть.

— А, мсье Жерар,— отозвался он,— вам, конечно, не терпится узнать, что все это значит?

— Я совершенно доволен, ваше величество, даже если вам не угодно ничего объяснять.

— Вздор, вздор,— нетерпеливо сказал он.— Это только слова. Стоит вам выйти за дверь, как вы начнете разнюхивать, что к чему. Через два дня обо всем узнают ваши собратья-офицеры, через три слухами будет полон весь Фонтенбло, а через четыре — это дойдет до Парижа. Если же я сам расскажу вам достаточно, чтобы насытить ваше любопытство, то есть некоторая надежда, что вы будете держать язык за зубами.

Плохо он меня знал, наш император, и все же мне ничего не оставалось, как поклониться и промолчать.

— Я вам все объясню в нескольких словах,— сказал он скороговоркой, принимаясь шагать по комнате.— Они корсиканцы, эти двое. Я знавал их в юности. Мы были членами одного общества — называли мы себя «Братья

из Аяччо». Общество было основано еще во времена Паоли, и у нас существовали суровые законы, которые нельзя было нарушать безнаказанно.

В чертах его проступило выражение жестокости; мне казалось, что все французское в нем сразу исчезло — передо мной стоял истый корсиканец, человек сильных страстей, тайный мститель. Он мысленно перенесся в те давние дни и минут пять расхаживал по комнате быстро и бесшумно, как тигр. Затем нетерпеливо махнул рукой и как бы снова вернулся в свой дворец и к своему гусару.

— Законы такого общества,— продолжал он,— годятся для обыкновенного гражданина. В то время не было более верного члена братства, чем я. Но обстоятельства изменились, и теперь подчинение этим законам не принесло бы добра ни мне, ни Франции. Они же хотели заставить меня подчиняться и сами навлекли беду на свои головы. Эти двое были главарями общества: они приехали с Корсики и пригласили меня встретиться в назначенном ими месте. Я знал, что означает это приглашение. Еще ни один человек не возвращался живым после такого свидания. С другой стороны, я не сомневался, что если я не приду, то несчастья не миновать. Не забывайте, что я сам член этого братства и знаю его обычаи.

И снова возле рта у него появилась жесткая складка, а в глазах мелькнул холодный блеск.

— Вы понимаете, что я оказался между двух огней, мсье Жерар,— сказал он.— Как бы вы поступили на моем месте?

— Дал бы приказ Десятому гусарскому, ваше величество! — воскликнул я.— Дозорные прочесали бы лес вдоль и поперек и бросили бы к вашим ногам этих негодяев.

Он усмехнулся и покачал головой.

— Я не хотел, чтобы их взяли живыми — у меня на то были очень веские причины,— сказал он.— Вы, надеюсь, понимаете, что язык убийцы — такое же опасное оружие, как кинжал. Не стану от вас скрывать — я хотел любой ценой избежать скандала. Вот почему я велел вам не брать с собой пистолеты. И вот почему мои мамелюки уничтожат все следы этой истории, и никто

ничего не узнает. Я перебрал в уме множество планов и уверен, что выбрал наилучший. Если бы я послал с де Гуденом в лес не одного спутника, а больше,— братья не появились бы. Но из-за одного человека они не стали бы менять свои планы и не упустили бы возможности покончить со мной. Когда я получил их приглашение, у меня случайно находился полковник Лассаль, и это навело меня на мысль выбрать для моей цели одного из гусар. Я остановил выбор на вас, мсье Жерар, потому что мне был нужен человек, который умел бы владеть саблей и не стал бы совать нос в мои дела больше, чем мне хотелось бы. Я верю, что вы и в этом отношении оправдаете мой выбор, как вы оправдали его в смысле ловкости и отваги.

— Ваше величество,— ответил я,— можете на меня положиться.

— Пока я жив,— сказал император,— вы никому не скажете ни слова об этом.

— Я выброшу эту историю из головы, ваше величество. Я начисто сотру ее из памяти, словно ничего подобного никогда и не бывало. Клянусь, я сейчас выйду из вашего кабинета точно таким, каким был нынче в четыре часа, когда я сюда вошел.

— Это невозможно,— улыбнулся император.— Днем вы были лейтенантом. Позвольте пожелать вам спокойной ночи, капитан.

III

КАК БРИГАДИРУ ДОСТАЛСЯ КОРОЛЬ

Вот здесь, в петлице мундира, я, как видите, ношу ленточку, но медаль я держу дома в кожаном кошельке и не решаюсь ее вынимать, разве только какой-нибудь из нынешних мирных генералов или знатный иностранец заедет в наш городок и захочет воспользоваться случаем, чтобы засвидетельствовать почтение знаменитому бригадиру Жерару. Тогда я надеваю медаль на грудь и закручиваю усы а-ля Маренго — так, чтобы седые кончики торчали до самых глаз. И все-таки боюсь, что ни им, ни даже вам, друзья мои, никогда

не уразуметь, что я был за человек. Вы меня знаете как штатского — ну, конечно, с выправкой и молодецким видом, но все же как обыкновенного штатского. Посмотрели бы вы на меня, когда я стоял в дверях гостиницы в Аламо 1 июля 1810 года, вы бы поняли, что такое настоящий гусар!

Целый месяц я томился в этой забытой богом деревне по милости проткнувшей мне щиколотку пики, из-за чего я долго не мог ступить ногой на землю. Сначала, кроме меня, там было еще трое: старый Буве из Бершенийского гусарского, Жак Ренье из Кирасирского и потешный маленький капитан-вольтижер — забыл, как его звали. Но они скоро выздоровели и помчались воевать, а я сидел в деревне, грыз ногти, рвал на себе волосы и даже, признаться, иной раз проливал слезы, думая о моих конфланских гусарах и бедственном положении, в котором они очутились, лишившись своего полковника. Тогда я еще не командовал бригадой, как вы понимаете, хотя держался, как бригадир, но я был самым молодым полковником во всей армии, и полк заменял мне жену и детей. У меня разрывалось сердце при мысли, что они так обездолены. Правда, Виньяре, старший майор, был отличным солдатом; но все же даже среди лучших существуют степени превосходства.

О, тот счастливый июльский день, когда я впервые доковылял до дверей и стоял под лучами золотого испанского солнца! Накануне вечером я получил вести из полка. Он был в Пасторесе, по ту сторону гор, лицом к лицу с англичанами — не больше, чем в сорока милях от меня, если ехать по дороге. Но как я мог до них добраться? Та же пика, что проколола мне щиколотку, убила моего коня. Я посоветовался с Гомесом, хозяином гостиницы, и со стариком священником, который здесь ночевал, но оба заверили меня, что во всей округе не осталось даже жеребенка.

Хозяин и слышать не хотел о том, чтобы я ехал через горы один: по его словам, в тех местах хозяйничал со своим отрядом Эль-Кучильо, глава испанских партизан, а попасться ему в руки — значит умереть под пытками. Старый священник заметил, однако, что это вряд ли может остановить французского гусара, и

если у меня были колебания, то после его слов они исчезли окончательно.

Но конь! Где взять коня? Стоя в дверях, я усиленно размышлял и придумывал всякие планы, как вдруг услышал цокот копыт и, подняв глаза, увидел крупного бородатого человека в синем плаще военного образца. Он ехал верхом на вороном коне с белым чулком на левой передней ноге.

— Здорово, товарищ! — окликнул я, когда он подъехал ближе.

— Здорово! — ответил он.

— Я полковник Жерар из гусарского полка,— отрекомендовался я.— Пролежал здесь, раненый, целый месяц и теперь готов присоединиться к своему полку в Пасторесе.

— Я мсье Видаль из интендантства,— сказал он,— и тоже направляюсь в Пасторес. Буду рад вашему обществу, полковник, говорят, что в горах небезопасно.

— Увы,— вздохнул я,— у меня нет коня. Но если вы продадите мне своего, я обещаю прислать за вами отряд гусар.

Он отказался наотрез,— напрасно хозяин наговорил ему всяких ужасов про Эль-Кучильо, а я твердил о долге перед армией и страной, который он обязан исполнить. Он даже не стал спорить и громко потребовал вина. Я не без задней мысли предложил ему сойти с лошади и выпить со мною, но он, должно быть, прочел что-то на моем лице и только замотал головой. Тогда я подошел к нему, намереваясь схватить его за ногу, но он вонзил шпоры в бока лошади и, вздымая облако пыли, умчался прочь.

Клянусь честью, можно было с ума сойти, глядя, как этот малый резво скачет вдогонку своим ящикам с говядиной и бочонкам коньяка, и думая при этом о пяти сотнях великолепных гусар, которые остались без своего полковника. С горькими мыслями я смотрел ему вслед, и кто же, вы думаете, вдруг тронул меня за локоть? Тот старичок священник, о котором я уже говорил.

— Я могу вам помочь,— сказал он.— Я тоже еду на юг.

Я крепко обнял его, но тут у меня подвернулась щиколотка, и мы оба чуть не упали на землю.

— Довезите меня до Пастореса,— воскликнул я,— и вы получите четки из чистого золота! — Я взял себе такие четки в монастыре Святого духа. Это еще лишний раз доказывает, как необходимо во время кампании прибирать к рукам все, что можно, и какую пользу может иногда принести самая неожиданная вещь.

— Я возьму вас с собой,— ответил он на прекрасном французском языке,— не потому, что надеюсь на вознаграждение, но потому, что в моих правилах оказывать любую посильную помощь своему собрату — человеку; за это меня любят всюду, где я бываю.

С этими словами он повел меня в конец деревни, к ветхому коровнику, в котором мы нашли полуразвалившийся дилижанс, из тех, какие ходили в самом начале века между отдаленными деревнями. Тут же стояли три старых мула; ни один из них не выдержал бы на себе человека, но втроем они кое-как могли тащить карету. При виде этих тощих ребер и изъеденных болячками ног я пришел в такой восторг, какой не испытывал, даже глядя на двести двадцать императорских скакунов, стоявших в конюшнях Фонтенбло. За десять минут хозяин мулов запряг их в карету — не очень, впрочем, охотно, так как он смертельно боялся Кучильо. И только после того, как я наобещал ему все богатства на земле, а священник пригрозил вечными муками на небе, он наконец взобрался на козлы и взял в руки вожжи. И тут, боясь, что темнота застигнет нас в горах, он так заторопился в путь, что я еле успел повторить свои клятвы дочери хозяина гостиницы. Сейчас я уж не припомню, как ее звали, но, расставаясь, мы оба плакали, и, насколько мне помнится, это была очень красивая девушка. Вы сами понимаете, друзья мои, когда такой человек, как я, человек, сражавшийся с мужчинами и целовавший женщин в четырнадцати разных государствах, скажет комплимент одной или другой, это само по себе еще ничего не значит.

Мой священник немножко нахмурился, когда мы целовались на прощанье, но в карете оказался превеселым спутником. Всю дорогу он потешал меня историями из жизни своего прихода, находившегося где-то высоко в горах, а я, в свою очередь, рассказывал ему случаи из походной жизни, но, клянусь честью, вскоре мне пришлось попридержать язык: стоило только сказать соленое слов-

цо, как он начинал ерзать на сиденье, и по лицу его было видно, как ему мучительно слышать такие вещи. Конечно, благородный человек должен разговаривать с духовным лицом не иначе, как в самых благопристойных выражениях, но что делать — как я ни старался, а все же иногда срывалось какое-нибудь словечко!

Он прибыл с севера Испании и ехал навестить свою мать в одну из деревень Эстремадуры, и, когда он рассказывал мне о ее маленькой крестьянской хижине и о том, как она ему обрадуется, я так живо вспомнил свою матушку, что на глаза у меня набежали слезы. Он простодушно показал мне маленькие подарки, которые он ей вез, и в нем чувствовалась такая доброта, что, наверное, и вправду, как он сказал, его любили всюду, где бы он ни бывал. Он с детским любопытством рассматривал мой мундир, восхищался плюмажем на кивере и гладил пальцами соболью оторочку моего доломана. Он даже вытащил из ножен мою саблю, а когда я рассказал, какое множество людей я сразил ею, и постучал пальцем по зазубринке, которую оставила на клинке плечевая кость адъютанта русского императора, он вздрогнул и положил саблю под кожаную подушку, заявив, что ему становится дурно от одного ее вида.

Так мы разговаривали, а скрипучая карета катилась по дороге все дальше, и, когда мы подъехали к подножию гор, откуда-то издалека, справа, донесся грохот пушки. Там был Массена, который, как мне было известно, осаждал Сьюдад-Родриго. Больше всего на свете мне хотелось отправиться прямо к нему, потому что если, как говорят, в нем текла еврейская кровь, то это был самый доблестный еврей со времен Иисуса Навина. Стоило вам завидеть его крючковатый нос и смелые черные глаза, как вы понимали, что находитесь в самом пекле боя. Но все-таки осада — это скучная работа киркой да лопатой, и у моих гусар, имевших перед собой англичан, перспективы были гораздо интереснее. С каждой оставшейся позади милей на сердце у меня становилось веселее: скоро я снова увижу всех моих прекрасных лошадей и моих отважных товарищей.

Мы въехали в горы; дорога стала более каменистой, а ущелье — более диким. Сначала нам иногда встречались погонщики мулов, потом стало безлюдно, точно все

вокруг вымерло, и тут не было ничего удивительного, так как эта местность переходила поочередно то к французам, то к англичанам, то к партизанам. Рыжие морщинистые скалы высились одна над другой, ущелье становилось все у́же, и вокруг было так мрачно и глухо, что я перестал смотреть по сторонам и сидел молча, думая о том о сем: о женщинах, которых я любил, и о скакунах, на которых мне приходилось ездить. Внезапно я отвлекся от своих дум, увидев, что мой спутник вынул что-то вроде шила и с трудом пытается проколоть дырку в ремешке, на котором висела его фляжка с водой. Ремешок выскользнул из его согнутых пальцев, деревянная бутылка упала к моим ногам. Я нагнулся, чтобы поднять ее, и вдруг священник навалился мне на плечи и ткнул чем-то острым мне прямо в глаз.

Друзья, вы знаете, что я человек закаленный и, не дрогнув, могу встретить любую опасность. Но солдату, который провел все кампании, от Цюриха до последнего рокового дня Ватерлоо, и имеет особую медаль, хранящуюся дома в ко́жаном кошельке, не стыдно признаться, что он однажды испугался. И если кто-то из вас когда-нибудь не совладает со своими нервами, пусть утешится, вспомнив, что даже сам бригадир Жерар сказал, что ему было страшно. Кроме испуга при таком ужасном нападении, кроме жгучей боли, я ощутил еще внезапное отвращение,— так, наверное, бывает, когда в вас вонзит свое жало омерзительный тарантул.

Я схватил гадину за обе руки, повалил на пол кареты и придавил своими тяжелыми сапогами. Он выхватил из-под сутаны пистолет, но я выбил его у него из рук и стал коленями ему на грудь. Тут он впервые страшно закричал, а я, полуослепший, стал шарить вокруг, ища его кинжал: потому что теперь я понял, что это был кинжал, а не шило. Я нащупал его рукой и смахнул кровь с лица, чтобы видеть, куда ударить, но в это мгновенье карета резко накренилась, и от толчка кинжал выпал из моей руки.

Не успел я прийти в себя, как дверца распахнулась, и меня за ноги выволокли на дорогу. И хотя я весь ободрался об острые камни и увидел, что меня окружает человек тридцать, сердце мое подпрыгнуло от радости, потому что во время борьбы ментик упал мне на голову

и закрыл один глаз, а я видел всю эту шайку раненым глазом! Вот по этому рубчику вы можете видеть, что тонкое лезвие задело веко, скользнув мимо глазного яблока, но, только когда меня выволокли из кареты, я понял, что мне не грозит остаться слепым до конца моих дней. Мерзавец священник, разумеется, намеревался через глаз проникнуть в мозг, и какую-то косточку в голове он мне действительно повредил, так что впоследствии эта рана мучила меня больше, чем любая из тех семнадцати, что я получил.

Они, эти негодяи, с проклятиями и ругательствами вытащили меня на дорогу и лежачего били кулаками и пинали ногами. Мне не раз приходилось замечать, что горцы обматывают ноги куском холста, но никогда я не думал, что буду благодарить за это небо. Вскоре, видя, что голова моя окровавлена и я лежу неподвижно, они решили, что я потерял сознание, а я в это время старался запомнить каждую безобразную рожу, чтобы, если судьба мне улыбнется, полюбоваться ими на виселице. Все это были дюжие детины, повязанные желтыми платками, с пистолетами за поясом. На дорогу, в том месте, где она делала крутой поворот, они скатили два валуна — одно колесо нашей кареты зацепилось за камень и оторвалось, и мы едва не опрокинулись. А этот мерзавец, так ловко прикидывавшийся священником и столько рассказывавший мне про своих прихожан и свою мать, конечно, знал о засаде и пытался лишить меня возможности сопротивляться, когда мы к ней подъехали.

Не могу описать, в какое бешенство они пришли, когда вытащили его из кареты и увидели, что я с ним сделал. Если он и не успел получить по заслугам, то, во всяком случае, будет долго помнить о встрече с Этьеном Жераром. Ноги его беспомощно болтались в воздухе; когда его хотели поставить, он плюхнулся на землю, и только верхняя часть его тела извивалась от ярости и боли, но при этом его маленькие черные глазки, казавшиеся в карете такими добрыми, горели, как у раненой кошки, и он злобно плевал в мою сторону. Клянусь честью, когда разбойники подняли меня на ноги и потащили по горной тропе, я понял, что сейчас мне понадобится все мое мужество и вся моя находчивость. Сзади два человека несли на плечах моего врага, и я, карабкаясь по петляю-

шей тропе, то одинм, то другим ухом слышал его злобиое шнпенье н ругательства.

Мы поднималнсь, иаверное, ие меньше часа, а так как меия мучила иоющая щнколотка, боль в ранеиом глазу и тревога, как бы рана не нспортила мою иаружность, то путешествне это оставнло у меня иа редкость неприятные воспомниаиия. Я раньше не очень-то умел лазнть по горам, но вы не поверите, как бодро можио взбираться, даже хромая иа больную иогу, если с обеих сторои у вас меднокожне разбойннки, а девятндюймовые клиикн торчат у самых баков.

Наконец мы добралнсь до перевала, откуда нзвнлистая дорога спускалась через хвойный лес винз, в долину, тянущуюся к югу. Не будь войны, я бы не сомневался, что этн людн — коитрабаиднсты и что меия ведут по тайным тропам, которымн онн пробнраются через португальскую граннцу. Я видел следы миожества мулов, а на сырой земле возле пересекавшего тропу ручейка, к удивлеиию своему, заметил отпечаткн копыт крупной лошади. Вскоре все объясиилось: когда мы дошлн до лесной поляны, я увидел н лошадь, прнвязанную к упавшему дереву. С одиого взгляда я узнал вороную стать коия и белый чулок иа левой передней иоге. Это была та самая лошадь, которую я выпрашнвал ныиче утром.

Что же сталось с интендантом Вндалем? Неужелн еще одни француз попал в такой же опасный переплет, как я? Едва я успел подумать об этом, как спутникн мон остановнлнсь и однн нз ннх нздал странный крнк. Тотчас же нз зарослей ежевнкн на краю поляны послышался ответный крнк, н через секуиду появнлись еще десять— двенадцать разбойииков. С крнкамн горя и сочувствня оии окружили моего друга — мастера орудовать шилом, а затем обериулись ко мие, вопя н размахнвая кннжаламн. Оин так иеистовствовали, что я уже решнл: пришел мой коиец — и готовился встретить его, как подобает человеку с моей репутацней, ио вдруг однн из инх отдал какой-то прнказ, н меия грубо потащили через просеку в заросли ежевнки.

Узкая тропннка привела нас через зарослн к глубокому гроту в скале. Солнце уже почти зашло, н в пещере было бы совсем темно, если бы ие два горящих факела,

засунутые в трещины между камней. За грубо сколоченным столом сидел весьма необычного вида человек; по уважительности, с которой к нему обращались остальные, я сразу догадался, что это не кто иной, как их начальник, Эль-Кучильо.

Покалеченного мною бандита внесли и посадили на бочку; ноги его все так же бессильно свисали вниз, а кошачьи глаза метали на меня взгляды, полные ненависти. Из обрывков его разговора с главарем я уловил, что он был лейтенантом отряда и в его обязанности входило заманивать своими медовыми речами и мирным обличьем путников вроде меня. Представив себе, скольких отважных офицеров завело в ловушку это лицемерное чудовище, я обрадовался, что положил конец его злодеяниям, хотя и побаивался, что это будет стоить жизни человеку, который так необходим и императору и армии.

Пока изувеченный шпион, поддерживаемый двумя своими товарищами, рассказывал по-испански о том, что с ним стряслось, я в окружении нескольких разбойников стоял прямо перед столом, за которым сидел их главарь, и таким образом мог присмотреться к нему поближе. Редко я встречал человека, так не соответствовавшего моему представлению о разбойнике, и тем более о разбойнике, который заслужил такую мрачную репутацию. У него было грубовато-добродушное, открытое и ласковое лицо с румяными щеками и приятными пушистыми бачками, придававшими ему вид зажиточного бакалейщика с улицы Сент-Антуан. На нем не было ни яркого шарфа-пояса, ни сверкающих пистолетов и кинжалов, как на других,— наоборот, он, словно солидный отец семейства, был одет в добротный суконный сюртук, и если бы не коричневые кожаные гетры, ничто бы не напоминало в нем горца. Лежавшие перед ним вещи вполне соответствовали его внешности: на столе, кроме табакерки, находилась большая книга в коричневом переплете, похожая на счетную книгу лавочника. На доске, положенной на два бочонка, выстроился ряд других книг, по столу были разбросаны листы бумаги, на некоторых были даже нацарапаны какие-то стихи. Все это я разглядел, пока он, лениво развалясь на стуле, слушал доклад своего лейтенанта. Выслушав, он приказал вынести кале-

ку, а я в окружении трех стражей остался ждать решения своей судьбы. Ои взял перо, и, похлопывая его верхним концом себе по лбу, покусывал губы и искоса глядел на потолок пещеры.

— По всей вероятиости,— сказал он на превосходном французском языке,— вы ие способиы придумать рифму к слову Covilha?

Я ответил, что мое зиакомство с испанскнм языком настолько ограничеиио, что я ие могу оказать ему эту услугу.

— Это очень богатый язык,— сказал он,— ио гораздо менее нзобнлующий рифмамн, чем иемецкнй нлн французский. Вот почему лучшие наши творення написаиы белым стихом; это форма, позволяющая достичь большого совершенства. Но боюсь, что такая тема не вполие доступна поимаиию гусара.

Я хотел было ответить, что еслн оиа доступна партизаиу, то не может быть иедоступной для полковиика легкой кавалерни, ио ои уже нагнулся над лнстком с неокоичеиными стихами. Вскоре ои с радостиым возгласом отбросил перо и продекламнровал несколько строчек, вызвавших у трех монх стражей одобрительные восклнцаиия. Шнрокое лнцо главаря залилось краской, как у девушки, впервые услышавшей компнимеит.

— По-видимому, мон крнтики довольиы,— сказал он.— Поимаете ли, мы тут в долгне вечера развлекаемся пеиием баллад собственного сочинення. У меия есть кое-какне способности в этой области, и я не теряю иадежды в скором времеин увидеть мои скромиые попытки, нзданные отдельной кннгой со словом «Мадрид» на заглавиой странице. Но вериемся к нашнм делам. Позвольте узиать ваше имя.

— Этьен Жерар.

— Чин?

— Полковннк.

— Полк?

— Третий гусарский.

— Вы слишком молоды для полковника.

— Я миого раз отличался по службе.

— Тем печальнее для вас,— сказал он с ласковой улыбкой.

Я ничего не ответил, но всем своим видом старался показать, что готов к самому худшему.

— Между прочим, мне кажется, что у нас тут есть кое-кто из легкой кавалерии,—сказал он, листая страницы толстой коричневой книги.— Мы стараемся вести реестр нашим действиям. Вот запись двадцать четвертого июня. Был ли у вас молодой офицер по имени Субирон, высокий, тонкий юноша с белокурыми волосами?

— Да, конечно.

— Я вижу, что в этот день мы его закопали в землю.

— Бедняга! — воскликнул я.— Но какой же смертью он умер?

— Мы его закопали в землю.

— Но до того, как вы его закопали?

— Вы не поняли меня, полковник. Он не был мертв, когда мы его закопали.

— Вы закопали его живым!

Я был так ошеломлен, что на мгновенье застыл. Затем я кинулся на сидевшего с безмятежной улыбкой главаря и перервал бы ему глотку, если бы меня не оттащили трое бандитов. Я снова и снова бросался к нему, отбрасывая от себя то одного, то другого; задыхаясь, я выкрикивал ругательства, боролся изо всех сил, но так и не смог вырваться. Наконец меня в изорванном мундире, с окровавленными запястьями оттянули назад, скрутив мне руки и ноги веревками и канатами.

— Ах ты, елейная собака! — закричал я.— Попадешься ты мне на кончик сабли, я тебе покажу, как мучить моих ребят! Ты увидишь, кровожадная скотина, что у моего императора длинные руки, и, сколько бы ты ни прятался в этой дыре, как крыса, придет время, когда он тебя вытащит наружу и ты сдохнешь вместе со всем твоим сбродом!

Клянусь честью, я умею ругаться, и я бросал ему в лицо все крепкие слова, которым я научился за четырнадцать кампаний, но он сидел, скосив глаза на потолок, и постукивал концом пера по лбу, словно обдумывая какую-то новую строфу. И тут меня осенило, как можно побольнее уязвить его.

— Ты, жалкое отродье! — крикнул я.— Ты воображаешь, что здесь ты в безопасности, но жизнь твоя будет

такой же куцей, как твои бездарные стишки, а уж бог видит, что ничего более куцего на свете нет!

Если бы вы видели, как он вскочил со стула, услышав мои слова! У этого чудовища, отмерявшего смерть и пытки, как бакалейщик отмеривает винные ягоды, было слабое место, по которому я мог бить в свое удовольствие. Лицо его побагровело, а бачки, какие носят лавочники, встали дыбом и затряслись от гнева.

— Прекрасно, полковник. Можете не продолжать,— сказал он сдавленным голосом.— По вашим словам, вы блестяще начали свою карьеру. Обещаю, что вы ее не менее блестяще закончите. Полковник Этьен Жерар из Третьего гусарского умрет необычной смертью.

— Об одном прошу,— сказал я,— не пишите на мою смерть стихов!— Я хотел было подпустить ему еще пару шпилек, но он перебил меня гневным жестом, и три моих стража потащили меня вон из пещеры.

Должно быть, наша беседа, которую я вам передал лишь приблизительно, длилась довольно долго,— снаружи совсем стемнело, и на небе ярко сияла луна. Разбойники разожгли на полянке костер из сухих сосновых веток, конечно, не для того, чтобы погреться,— ночь была душная,— а чтобы приготовить себе ужин. Над огнем висел огромный медный котел, желтое пламя освещало разлегшихся вокруг людей, и это зрелище было похоже на одну из тех картин, которые Жюно похитил в Мадриде. Некоторые солдаты хвастаются, что им наплевать на искусство и всякое художество, но я большой любитель искусства, и тут сказывается мой тонкий вкус и хорошее воспитание. Помню, например, когда после падения Данцига Лефевр распродавал свою добычу, я купил очень хорошенькую картинку под названием «Испуганная нимфа в лесу»; я возил ее с собой в течение двух кампаний, но потом мой конь имел неосторожность продавить ее копытом.

Это я говорю только к тому, чтобы показать вам, что я никогда не был грубым солдафоном вроде Раппа или Нея. Само собой, когда я валялся на земле в лагере разбойников, у меня не было ни времени, ни охоты размышлять о таких вещах. Меня бросили под дерево, трое головорезов уселись рядом на корточках и покуривали сигары. Я не знал, что делать. За всю мою службу я, на-

верное, и десяти раз не бывал в таком отчаянном положении. «Мужайся, мой храбрый мальчик,— твердил я себе.— Мужайся! Тебя произвели в полковники в двадцать восемь лет не за то, что ты танцевал котильоны. Ты человек особенный, Этьен; ты выходил невредимым более чем из двухсот переделок, и этот маленький камуфлет, конечно, будет не последним». Я стал жадно вглядываться в окружающее, стараясь найти путь к спасению, и вдруг увидел нечто такое, что меня ошеломило.

Как я уже сказал, посреди полянки пылал большой костер. Огонь и луна хорошо освещали все вокруг. На другой стороне поляны стояла высокая сосна, которая привлекла мое внимание потому, что ее ствол и нижние ветки были подсвечены, словно под ней горел огонь. Основание ствола скрывали за собой кусты. Так вот, разглядывая сосну, я, к своему удивлению, увидел, что над кустами торчит носками кверху пара прекрасных кавалерийских сапог, очевидно, привязанных к дереву, как я подумал вначале. Но приглядевшись, я заметил, что они приколочены длинными гвоздями. И вдруг я с ужасом понял, что сапоги не пустые, и, чуть наклонив голову вправо, увидел того, кто был прибит к дереву и для кого был зажжен внизу огонь. Не очень-то приятно рассказывать и думать о таких ужасах, друзья мои, и я вовсе не хочу, чтобы ночью вас мучили кошмары, но вам будет трудно представить себе все происходящее, если я не покажу вам, что за люди были эти испанские герильясы и какими способами они вели войну. Скажу только, что я понял, почему лошадь мсье Видаля оказалась в роще без хозяина, и надеялся, что он встретил свою страшную смерть с достоинством и мужеством, как настоящий француз.

Сами понимаете, друзья, это зрелище меня не слишком развеселило. Там, в пещере, перед главарем разбойников, я был так взбешен, узнав о мучительной смерти молодого Субирона, одного из самых славных малых, которые когда-либо перекидывали ногу через седло, что ничуть не думал о собственной участи. Вероятно, было бы дипломатичнее разговаривать с этим мерзавцем вежливо, но теперь уже дела не поправишь. Пробка вынута, и надо выпить вино до дна. Ведь если даже безобидный интендант нашел такую смерть, на что же могу на-

деяться я, переломивший хребет их лейтенанту? Нет, конечно, я обречен, и единственное, что мне осталось,—это сохранять достоинство. Пусть это чудовище убедится, что Этьен Жерар умер так же, как и жил, и что по крайней мере хоть один пленник не сробел перед ним. Я лежал и думал о девушках, которые будут меня оплакивать, о своей дорогой матушке, о том, какую незаменимую потерю понесет и мой полк и сам император, и я не стыжусь признаться, что всплакнул при мысли о всеобщем горе, которое вызовет моя преждевременная гибель.

Но вместе с тем я зорко наблюдал за всем, что творилось вокруг, выискивая что-нибудь такое, что могло сослужить мне службу. Не такой я человек, чтобы лежать, как хворая лошадь в ожидании живодера с тесаком! Изо всех сил напрягая мускулы, я чуть-чуть расслабил веревку, связывавшую мне щиколотки, потом другую, которой были скручены мои запястья, и одновременно осматривался кругом. Одно мне было очевидно: гусар без лошади — это лишь полчеловека, а вторая моя половина мирно паслась шагах в тридцати от меня. Затем я приметил еще одно обстоятельство. Тропа, по которой мы спустились с гор, была так крута, что лошадь могла бы взобраться по ней с большим трудом и только шагом, зато дорога в другую сторону более ровно и отлого спускалась в долину. Будь у меня в руках сабля да сумей я вдеть ногу вон в то стремя, один стремительный рывок мог бы спасти меня от этих горных хищников.

Пока я раздумывал об этом и старался ослабить веревки на руках и ногах, из грота вышел главарь и, подойдя к стонавшему на земле у костра лейтенанту, заговорил с ним; потом оба кивнули головой и поглядели в мою сторону. Главарь что-то сказал своей шайке; бандиты громко захохотали и захлопали в ладоши. Все это выглядело зловеще, и я обрадовался, почувствовав, что почти освободил руки,— при желании я мог легко сбросить веревку. С ногами дело обстояло хуже: стоило мне напрячь мускулы, как раненую щиколотку пронзала такая боль, что я грыз усы, чтобы не закричать. Оставалось только лежать полусвязанным и смотреть, какой оборот примет дело.

Поначалу я не мог догадаться, что они затевают. Один из негодяев вскарабкался на высокую сосну с краю по-

ляны и обвязал ее ствол канатом. Потом он таким же манером обвязал сосну с другой стороны поляны. Два конца каната свисали с сосен, и я не без любопытства и чуть-чуть тревожно ждал, что будет дальше. Вся банда уцепилась за конец каната и тянула его вниз, пока сильное молодое дерево не согнулось дугой; тогда они обкрутили канат вокруг пня и завязали его. Точно так же они согнули и второе дерево — обе вершины оказались всего в нескольких футах одна от другой, хотя, как вы понимаете, стоило только отпустить канаты — и деревья пружинисто взмыли бы вверх. И тут я разгадал дьявольский план злодеев.

— Я полагаю, вы человек сильный, полковник,— с отвратительной улыбкой сказал главарь, подойдя ко мне.

— Если вы будете добры снять с меня веревки,— ответил я,— я покажу вам, силен я или нет.

— Нас всех очень интересует, сильнее ли вы этих молодых сосенок,— сказал он.— Видите ли, мы хотим привязать каждую к вашим щиколоткам и отпустить деревья. Если вы сильнее их, тогда, конечно, вы останетесь целы и невредимы; с другой стороны, если деревья окажутся сильнее, то нам на память останутся две ваши половины по обеим сторонам нашей маленькой полянки.

Он засмеялся, и, увидев это, все остальные оглушительно захохотали. Даже теперь, когда на меня находит мрачное настроение или меня трясет застарелая литовская малярия, я вижу во сне эти рожи с жестокими глазами и белыми зубами, блестевшими при свете костра.

Поразительно, как обостряются чувства в решающие минуты; это я не раз слыхал и от других. Я убежден, что никогда человек не живет так напряженно, так сильно, как в те мгновенья, когда его ждет жестокая, мучительная смерть. Я чувствовал смолистый запах веток, я видел каждый сучок, лежавший на земле, я слышал шелест хвои так отчетливо, как никогда ничего не видел, не слышал и не чувствовал в минуты опасности. И поэтому раньше всех других, раньше, чем ко мне обратился главарь, я услышал глухой равномерный шум, далекий, но приближающийся с каждой секундой. Сначала это был просто неясный гул, но когда убийцы

стали развязывать мне ноги, чтобы отвести к месту казни, я уже ясно, как никогда в жизни, слышал топот копыт, звяканье уздечек и звон сабель, бьющихся о стремена. Разве мог я, служивший в легкой кавалерии с тех пор, как на верхней губе у меня появился пушок, не узнать звуков, сопровождающих кавалеристов на марше?

— На помощь, товарищи, на помощь! — закричал я. Меня били по губам, меня пытались оттащить под деревья, но я все же кричал: — На помощь, мои храбрые ребята! На помощь, дети мои! Здесь убивают вашего полковника!

От ран, от пережитых тревог я был словно в полубреду и нисколько не сомневался, что сейчас на поляну выедут пятьсот моих гусар с литаврами и прочим.

Но увидел я то, чего меньше всего ожидал. На поляну вылетел красивый молодой человек на великолепной чалой лошади. У него было свежее, на редкость приятное и благородное лицо и на редкость изящная осанка, пожалуй, даже похожая на мою. На нем был странный мундир, когда-то, очевидно, сплошь красный, а теперь порыжелый и местами ставший цвета сухого дубового листа. Однако эполеты его были окаймлены золотым кружевом, и на голове была блестящая каска с кокетливым белым пером сбоку гребня. За ним скакали четыре всадника в таких же мундирах — все гладко выбритые, с круглыми, приятными лицами; мне они показались похожими скорее на монахов, чем на драгун. Повинуясь краткому, резкому приказу, они остановились, звеня оружием, а первый юноша галопом поскакал вперед, к костру, бросавшему отсветы на его энергичное лицо и прекрасную голову его коня. По странным мундирам я, конечно, сразу догадался, что это англичане. Я впервые видел англичан, но их уверенность и властность убедили меня в том, что все, что я о них слышал, сущая правда, и они превосходные противники.

— Эй, эй! Что за игру вы тут затеяли? — закричал молодой офицер на довольно скверном французском.— Кто это зовет на помощь и что вы собираетесь с ним делать?

Только тут я понял, что должен благословлять Обрайена, потомка ирландских королей, который потратил несколько месяцев на то, чтобы научить меня англий-

скому языку. Ноги мои были развязаны, мне осталось лишь высвободить из веревок руки, и я бросился вперед, схватил свою саблю, которая валялась у костра, и вскочил на лошадь бедного Видаля. Да, несмотря на раненую щиколотку, я, не вдевая ногу в стремя, одним махом очутился в седле. Прежде чем разбойники успели взвести курки пистолетов, я сорвал поводья с ветки и через секунду оказался перед английским офицером.

— Я сдаюсь вам, сэр,— воскликнул я, хотя должен сказать, что мой английский был ничуть не лучше его французского.— Если вы взглянете на ту сосну налево, вы увидите, что делают эти негодяи с достойными джентльменами, попавшими им в лапы.

Вспыхнувший костер осветил в это время несчастного Видаля — чудовищное зрелище, которое может привидеться только в кошмарном сне.

— О черт! — воскликнул молодой офицер.

— О черт! — подхватили остальные четверо. Это восклицание значит у них то же самое, что у нас «О боже!».

Взвизгнули пять сабель, выдернутые из ножен, и четверо всадников сомкнули ряд. Один из них, с шевронами сержанта, хлопнул меня по плечу.

— Держись за свою шкуру, лягушатник,— сказал он.

Ах, как было славно чувствовать между колен бока лошади, а в руке — саблю! Я взмахнул ею и закричал от восторга. Главарь герильясов выступил вперед, улыбаясь своей гнусной улыбкой.

— Ваше превосходительство, конечно, понимает, что этот француз — наш пленник,— сказал он.

— Ты подлый разбойник,— ответил англичанин, замахиваясь на него саблей.— Какой позор, что у нас такие союзники! Клянусь богом, если бы лорд Веллингтон был того же мнения, мы бы вздернули тебя на первом же суку!

— А мой пленник? — вкрадчивым тоном спросил негодяй.

— Он поедет с нами в лагерь англичан.

— Позвольте шепнуть вам на ухо два слова, прежде чем вы уедете.

Он подошел к молодому англичанину и вдруг, повернувшись с быстротою молнии, выстрелил из пистолета мне в голову. Пуля скользнула по волосам и насквозь

пробила мой кивер. Мерзавец, видя, что промахнулся, поднял пистолет и хотел было швырнуть его в меня, но тут английский сержант, сильно размахнувшись, почти снес ему голову саблей. Не успела кровь его пролиться на землю и не успело затихнуть последнее его проклятие, как вся шайка бросилась на нас, но несколько ударов наотмашь, несколько скачков, и мы, благополучно выбравшись с поляны, помчались по извилистой дороге, ведущей в долину.

Когда ущелье осталось далеко позади и перед нами расстилались открытые поля, мы решили остановиться и проверить состояние нашего маленького отряда. Что до меня, то хотя я был ранен и измучен, сердце мое колотилось от гордости, а грудь под мундиром распирало от радости, что я, Этьен Жерар, оставил этим разбойникам кое-какие памятки на всю жизнь. Клянусь честью, они еще крепко подумают, прежде чем поднять руку на кого-нибудь из Третьего гусарского полка. Я был в таком раже, что обратился к храбрым англичанам с маленькой речью и объяснил им, кого они выручили из беды. Я собирался еще сказать о доблести и отзывчивости отважных англичан, но офицер перебил меня.

— Ладно, ладно,— сказал он.— Есть раненые, сержант?

— Лошадь рядового Джонса ранена пулей в бабку.

— Рядовой Джонс поедет с нами. Сержанту Холлидэю с рядовыми Харвэем и Смитом держать направо, пока они не встретят кавалерийский пост немецких гусар.

Трое англичан со звяканьем поскакали в сторону, а мы с офицером в сопровождении ехавшего поодаль рядового на раненой лошади направились прямо к лагерю англичан. Очень скоро мы разговорились, так как с самого начала понравились друг другу. Он был знатного происхождения, этот храбрый малый; лорд Веллингтон послал его разведать, нет ли признаков нашего наступления через горы. В бродячей жизни вроде моей есть одно преимущество: можно понабраться всяких знаний, которые отличают человека светского от всех прочих. Я, например, почти не встречал французов, которые умели бы правильно выговорить какой-нибудь английский титул. Если б я столько не странствовал, я бы не мог сказать с уверенностью, что этого молодого человека звали его

светлость Милор сэр Рассел, Барт [1],— последнее слово означает титул, так что я всегда, обращаясь к нему, говорил «Барт», как испанцы говорят «дон».

Мы ехали в лунном свете роскошной испанской ночи и говорили по душам, словно родные братья. Мы были одного возраста, оба из легкой кавалерии (его полк назывался «Шестнадцатый драгунский»), у обоих были одни и те же надежды и стремления. Ни с кем еще я не сходился так быстро, как с Бартом. Он сказал мне имя любимой девушки, с которой он встречался в каких-то садах под названием Воксхолл [2], а я, в свою очередь, поведал ему о малютке Корали из Оперы. Он вынул из-за пазухи локон, а я подвязку. Затем мы чуть не поссорились из-за гусар и драгун, потому что он неимоверно гордился своим полком,— если б вы видели, как он скривил губы и схватился за эфес сабли, когда я пожелал, чтобы его полк никогда не имел несчастья столкнуться с Третьим гусарским. Наконец, он заговорил о том, что у англичан называется спортом, и рассказал мне, как он терял деньги, споря, какой из петухов победит или который из дерущихся побьет другого, так что я только рот разевал от изумления. Я просто диву давался его готовности биться об заклад по любому поводу; когда мне случилось увидеть падающую звезду, он тотчас же предложил спорить на двадцать пять франков, что увидит больше падающих звезд, чем я, и унялся только после того, как я сказал, что мой кошелек остался у разбойников.

Так мы дружески болтали, пока не начала заниматься заря, и тут мы вдруг услышали где-то впереди громкий ружейный залп. Местность была неровная, скалистая, и хотя ничего не было видно, я предположил, что началось генеральное сражение. Барт посмеялся надо мной и сказал, что залп донесся из лагеря англичан, где все солдаты каждое утро разряжают оружие, чтобы насыпать сухую затравку.

— Еще миля — и мы подъедем к сторожевым постам,— сказал он.

---

[1] Барт — сокращенное «баронет» (*англ.*).

[2] Воксхолл-Гарденс — в те времена увеселительный сад на окраине Лондона.

Прн этнх словах я оглянулся н поиял, что, пока мы скакали, увлекшнсь приятной беседой, драгун иа хромой лошади так отстал, что потерялся из виду. Я поглядел по сторонам, но во всей этой обширной скалистой долине ие было ни души, кроме меня н Барта,— оба мы, конечно, были хорошо вооружены и сидели на хороших лошадях. Я призадумался, так лн иеобходимо в конце концов, чтобы я проехал эту милю, которая приведет меня к британским сторожевым постам. Тут я хочу кое-что пояснить вам, друзья, чтобы вы ие подумали, будто я мог совершить бесчестный или неблагодарный поступок по отношению к человеку, который вызволил меня нз разбойничьих рук. Вы должны помнить, что самый важный долг — это долг офицера перед своими солдатами. Надо вам также нметь в виду, что война — это нгра с твердымн правилами, и за нарушение этих правил человек расплачивается своей честью. К примеру, дав слово, я был бы бесчестным негодяем, если бы подумывал о побеге. Но слова с меня ннкто не брал. От излишней доверчивости н к тому же зная, что сзади плетется хромая лошадь, Барт позволил мие стать с ним на дружескую ногу. Будь он моим пленником, я обращался бы с ним так же любезно, как и он со мной, но в то же время, отдавая должное его предприимчивой смелости, отобрал бы у него саблю н позаботился бы, чтобы рядом был хоть один страж. Я придержал лошадь н, объяснив ему все это, спросил, видит ли он тут хоть какое-нибудь нарушение чести.

Он задумался н несколько раз повторил то, что говорят англичане, когда хотят сказать «боже мой».

— Значит, вы собираетесь удрать? — спросил он.

— Да, если у вас нет возражений.

— Единственное возражение, которое я могу придумать,— сказал он,— это то, что если вы попытаетесь бежать, я снесу вашу голову прочь.

— В эту нгру могут нграть двое, дорогой Барт,— ответил я.

— Тогда посмотрим, кто из нас играет лучше! — воскликнул он, обнажая саблю.

Я вытащил свою, твердо решив, что не нанесу н царапины этому славному юноше н к тому же моему благодетелю.

— Имейте в виду,— сказал я,— вы говорите, что я ваш пленник, но с таким же основанием я могу утверждать, что вы мой пленник. Мы здесь одни, и хотя я не сомневаюсь, что вы превосходно владеете саблей, но вам вряд ли удастся устоять против лучшего клинка в шести бригадах легкой кавалерии.

В ответ он попытался нанести мне удар по голове. Я отразил удар и срезал половину его пера. Он сделал выпад, целясь мне в грудь. Я отвел его клинок и смахнул саблей другую половину пера.

— Перестаньте дурачиться, черт вас возьми! — крикнул он, когда я повернул лошадь в сторону.

— А зачем вы стараетесь проткнуть меня? — спросил я.— Вы же видите, что я не хочу рубиться.

— Прекрасно! — ответил он.— Но вы должны ехать со мной в лагерь.

— Ноги моей не будет в вашем лагере,— сказал я.

— Ставлю девять против четырех, что вы там будете!— воскликнул он и поскакал ко мне с саблей в руке.

Его слова навели меня на неожиданную мысль. Почему бы нам не решить дело каким-нибудь более приятным способом, чем рубка на саблях? Барт вынуждал меня ранить его, иначе он непременно ранит меня. Я ускользнул от его натиска, хотя конец его сабли был всего в каком-нибудь дюйме от моей шеи.

— Я хочу вам кое-что предложить! — крикнул я.— Давайте бросим кости, и пусть они решат, кто чей пленник.

Он улыбнулся. При такой любви к спорту это было вполне в его духе.

— Где ваши кости? — крикнул он.

— У меня их нет.

— У меня тоже. Зато есть карты.

— Пусть будут карты,— сказал я.

— А во что будем играть?

— Решайте сами.

— Тогда в экарте, это самая лучшая игра.

Я согласился и не мог удержаться от улыбки: во всей Франции не найдется и трех человек, которые бы сравнялись со мной в этой игре. Когда мы спешились, я сказал об этом Барту. Он тоже улыбнулся.

— Я считался лучшим игроком у себя на родине,— сказал он.— Если при равных силах вы сумеете выиграть, значит, вы заслуживаете права на побег.

Мы привязали лошадей и уселись по обе стороны большого плоского камня. Барт вынул из кармана колоду карт; достаточно было взглянуть, как он тасует, чтобы убедиться, что передо мной далеко не новичок. Мы по очереди сняли, сдавать выпало ему.

Клянусь честью, при такой ставке стоило играть. Барт хотел еще добавить по сто золотых монет за игру, но что там деньги, когда от карт сейчас зависела судьба Этьена Жерара? Мне чудилось, будто все, кто был заинтересован в исходе этой игры — моя матушка, мои гусары, Шестой армейский корпус, Ней, Массена, даже сам император,— окружили нас кольцом в этой безлюдной долине. Боже, какой удар будет для всех и каждого, если мне не пойдет карта! Но я в себе не сомневался — как игрок в экарте я был не менее известен, чем как фехтовальщик, и, кроме старого Буве из Бершенийского гусарского, который выиграл у меня шестьдесят шесть партий из ста пятидесяти, я обыгрывал всех подряд.

Первую партию я выиграл легко, хотя, признаться, мне шла карта, и мой противник ничего не мог поделать. Во второй партии я играл, как никогда, и хитростью выудил себе взятку, но Барт забрал все остальные, записал себе очко за короля и во второй сдаче остался ни при чем. Клянусь честью, мы вошли в такой азарт, что он бросил перед собой каску, а я ранец.

— Ставлю свою чалую кобылу против вашего вороного! — сказал он.

— Идет! — ответил я.

— Саблю против сабли.

— Идет!— ответил я.

— Седло, уздечку и стремена! — воскликнул он.

— Идет! — крикнул я.

Я заразился от него этим спортом. Я бы поставил моих гусар против его драгун, если бы их можно было закладывать.

И тут началась великая игра. О, он умел играть, этот англичанин,— его игра стоила такой ставки. Но я, друзья мои, я был великолепен! Из пяти очков, кото-

рые мне нужно было набрать, чтобы выиграть игру, я при первой же сдаче взял три. Барт грыз усы и барабанил пальцами по камню, а мне уже казалось, что я опять вместе со своими дорогими сорвиголовами. При второй сдаче ко мне пришел козырный король, но я потерял две взятки, и счет был четыре моих очка против его двух. Открыв карты следующей сдачи, я радостно вскрикнул. «Если с такими картами я не выиграю свою свободу,— подумал я,— значит, я только того и заслуживаю, что просидеть всю жизнь в плену».

Дайте мне карты, хозяин, я разложу их на столе, и вы все поймете.

Вот что было у меня в руках: валет и туз треф, дама и валет бубен и король червей. Заметьте, что козыри были трефы, а мне не хватало лишь одного очка, чтобы получить свободу. Барт понимал, что наступила решающая минута; он расстегнул свой мундир. Я сбросил свой доломан на землю. Он пошел десяткой пик. Я взял ее козырным тузом. Одно очко в мою пользу. Чтобы сыграть правильно, надо было избавиться от козырей, и я пошел с валета. Он шлепнул его дамой, и мы оказались в равном положении. Он пошел восьмеркой пик; я мог только сбросить даму бубен. Но тут появилась семерка пик, и у меня на голове встали волосы дыбом. У каждого на руках осталось по королю. У меня были прекрасные карты, а он обыграл меня с худшими и получил два очка! Мне хотелось кататься по земле от злости! Да, в Англии в 1810-м здорово играли в экарте, это говорю вам я, бригадир Жерар!

Перед последней партией у нас было по четыре очка. Сейчас все решит сдача. Он отстегнул пояс, я сбросил портупею. Он держался хладнокровно, этот англичанин, и я старался быть таким же, но пот со лба щипал мне глаза. Сдавать должен был он, и, признаться, друзья мои, у меня так дрожали руки, что я едва собрал свои карты с камня. Но когда я на них взглянул, что же я увидел прежде всего? Короля, короля, спасительного короля треф! Я уже открыл было рот, чтобы заявить об этом, но увидел лицо моего партнера, и слова застыли у меня на губах.

Он держал карты в руке, но челюсть его отвисла, а глаза с невыразимым ужасом и изумлением смотрели

куда-то поверх моей головы. Я круто обернулся и тоже остолбенел.

Совсем близко от нас, метрах в пятнадцати, не больше, стояли три человека. Один из них, хорошего роста, но не слишком высокий — примерно такой, как я,— был в темном мундире и маленькой треугольной шляпе, с белым перышком сбоку. Но меня ничуть не занимало, как он был одет. Его лицо, его впалые щеки, орлиный нос, властные голубые глаза и тонкий, прямой, словно ножом прорезанный, рот — все говорило о том, что это человек выдающийся; таких, быть может, один на миллион. Из-под насупленных бровей он бросил такой взгляд на бедиягу Барта, что у того из ослабевших пальцев вывалились карты. Рядом стояли еще двое: один в ярко-красном мундире, с твердым смуглым лицом, словно вырезанным из старого дуба, другой — дородный, красивый, с пышными бакенбардами, в голубом мундире с золотыми галунами. Немного поодаль три ординарца держали трех лошадей, а позади ожидал эскорт из нескольких драгун.

— Что это за чертовщина, Крауфорд? — спросил худощавый в темном.

— Слышите, сэр? — воскликнул человек в красном мундире.— Лорд Веллингтон желает знать, что все это значит?

Несчастный Барт принялся объяснять, что произошло, но каменное лицо не смягчилось.

— Хороши дела, Крауфорд, нечего сказать! — оборвал его Веллингтон.— В армии надо соблюдать дисциплину, сэр. Отправляйтесь в штаб и доложите, что вы арестованы.

Барт сел на коня и, повесив голову, поехал прочь. Это было ужасно. Я не мог этого вынести. Я бросился к английскому генералу и стал молить его за друга. Я сказал, что я, полковник Жерар, воочию убедился в отваге этого молодого офицера. О, мое красноречие могло бы растопить самое холодное сердце; я сам растрогался до слез, но ничуть не растрогал его. Голос мой упал, я больше не мог произнести ни слова.

— Сколько полагается у вас во французской армии нагружать на мула, сэр? — спросил он.

Вот и все, что флегматичный англичанин сказал в ответ на мою пылкую речь. Так он ответил на слова, от которых француз уже плакал бы у меня на плече.

— Сколько полагается у вас нести мулу? — спросил человек в красном мундире.

— Двести десять фунтов,— ответил я.

— Значит, вы очень плохо их нагружаете,— заметил лорд Веллингтон.— Отведите пленника к драгунам.

Драгуны окружили меня, а я — я сходил с ума при мысли, что выигрыш был мне обеспечен и сейчас я мог быть свободным. Я протянул карты генералу.

— Взгляните, милорд! — воскликнул я.— Ставкой была моя свобода, и я выиграл, так как, сами видите, мне достался король!

Его худое лицо впервые смягчила слабая улыбка.

— Наоборот,— сказал он, садясь на лошадь,— выиграл я, так как, сами видите, это вы достались моему королю.

IV

КАК БРИГАДИР ДОСТАЛСЯ КОРОЛЮ

Мюрат был, конечно, превосходным кавалерийским офицером, но слишком любил франтить, а франтовство часто портит хороших солдат. Лассаль тоже был отважным командиром, но его погубило вино и шальные выходки. Но я, Этьен Жерар, никогда не грешил чрезмерным щегольством и в то же время не позволял себе пьянствовать — разве только по случаю окончания кампании или встречи со старым товарищем по оружию. Поэтому если бы не моя скромность, я мог бы сказать, что был одним из самых достойных офицеров в кавалерии. Правда, я так и не пошел дальше командира бригады, ну, так ведь ни для кого не секрет, что далеко пошли только те, кому выпала удача участвовать в самых первых кампаниях императора. Кроме Лассаля, Лабо и Друэ, я, пожалуй, не помню генерала, который не стал бы известен еще до Египетского похода. Даже я, при всех моих блистательных качествах, дослужился только до бригадира да еще имею особую почетную ме-

даль, которую я получил из рук самого императора и храню дома в кожаном кошельке.

Но хотя я так и не поднялся выше, мои достоинства хорошо известны тем, кто со мной служил, а также и англичанам. Вчера я вам рассказывал, как я попался им в плен; после того они неусыпно сторожили меня в Опорто и уж, поверьте, делали все возможное, чтобы такой грозный противник не ускользнул из их рук. Десятого августа они посадили меня под стражей на транспортное судно и отправили в Англию, где до конца месяца держали в огромной тюрьме, которую специально для нас выстроили в Дартмуре! «L'hôtel Français, et Pension» [1] — так мы ее называли,— сами понимаете, мы все были храбрыми солдатами и не вешали нос, даже попав в беду.

В Дартмуре содержались только те офицеры, которые отказались подписать обязательство о неучастии в войне против англичан; большинство же узников составляли моряки и рядовые солдаты. Вы, наверное, спросите: почему я отказался дать такое обязательство и лишил себя возможности жить так же комфортабельно, как большинство моих собратьев-офицеров? На то у меня были две причины, и обе достаточно важные.

Во-первых, я был крепко уверен в себе и не сомневался, что мне удастся бежать. Во-вторых, моя семья, кроме доброго имени, никогда не имела другого богатства, и я не мог бы заставить себя брать хоть что-нибудь из крошечного дохода моей матушки. С другой стороны, годится ли, чтобы такого человека, как я, в английском провинциальном городишке затмевали тамошние обыватели или чтобы я, ухаживая за дамами, которые, конечно, стали бы ко мне льнуть, не имел ни гроша в кармане! Вот по этим причинам я и предпочел похоронить себя в ужасной Дартмурской тюрьме. Сейчас я хочу рассказать вам о моих приключениях в Англии, и вы увидите, оправдались ли слова лорда Веллингтона, сказавшего, что я достался английскому королю.

Сначала должен вам сказать, что если бы я не решил поведать вам о том, что приключилось со мной, я мог

---

[1] Отель «Франция» с полным пансионом (*франц.*).

бы до утра рассказывать вам истории о Дартмуре и о диковинных вещах, которые происходили в этой тюрьме. Это было одно из самых странных мест на свете, ибо там, посреди необозримых пустошей, собралось семь или восемь тысяч людей, и все это были, как вы понимаете, воины, люди бывалые и мужественные. Тюрьму окружала двойная стена, и ров, и часовые, и стража, но, клянусь честью, разве можно держать людей взаперти, словно кроликов в клетке! Они бежали по двое, по десять, и по двадцать, и тогда начинали палить пушки, и мчались на розыски целые отряды, а мы, оставшиеся, смеялись, плясали и кричали «Vive l'Empereur!» [1], пока часовые, разозлившись, не наставляли на нас ружья. Тогда мы устраивали мятежи, и из Плимута присылали пехоту и орудия, а мы еще громче орали «Vive l'Empereur!», словно надеясь, что нас услышат в Париже. В Дартмуре у нас бывали веселые минуты, и мы старались, чтобы тем, кто нас сторожил, тоже было нескучно.

Надо вам сказать, что у заключенных был свой Суд Справедливости, в котором разбирались преступления и назначалась кара. У нас карались воровство и ссоры, но строже всего — предательство. Когда я прибыл в Дартмур, там находился некий Менье из Реймса, который выдал пленных, задумавших бежать. В ту ночь из-за какой-то невыполненной формальности его не отделили от остальных узников и, как он ни плакал, ни выл, ни ползал на коленях, его оставили среди товарищей, которых он предал. Ночью состоялся суд, где обвинение произносилось шепотом, защитник говорил шепотом, у обвиняемого был во рту кляп, а судья был невидим. Утром, когда за предателем пришли с приказом об освобождении, от него почти ничего не осталось. Изобретательный был народ, эти узники, и умели управляться по-своему.

Мы, офицеры, однако, жили в отдельном флигеле и являли собой довольно пестрое общество. Нам оставили мундиры, и здесь были представлены все роды войск, которыми командовали Виктор, Массена или Ней, а некоторые сидели здесь с тех пор, как Жюно был разбит

[1] Да здравствует император! (*франц.*)

под Вимьерой. Здесь были егеря в зеленых мундирах, и гусары вроде меня, и драгуны в синем, н уланы в мундирах с белой грудью, вольтнжеры н гренадеры, артнллеристы н саперы. Но больше всего было морских офицеров, так как англичане чаще побеждали нас на морях. Я не понимал, в чем тут дело, пока мне самому не пришлось плыть из Опорто в Плимут; семь дней я лежал на спнне н не смог бы шевельнуться, даже если бы на моих глазах похищали знамя нашего полка. Только из-за такого предательского шторма Нельсон и одержал над намн верх.

Не успел я прибыть в Дартмур, как начал строить планы, как бы выбраться оттуда, н можете мне поверить, что с моей сообразительностью, развнтой вдобавок двенадцатью годами войны, я очень скоро нашел способ бегства.

Прежде всего надо вам сказать, что у меня было очень большое преимущество — я немножко умел говорнть по-англнйскн. Я выучнлся этому за несколько месяцев перед осадой Данцнга у адъютанта Обрайена нз Ирландского полка, потомка древнего королевского рода. За небольшой срок я научнлся довольно бегло болтать — я вообще могу быстро усвоить все, что угодно, если уж захочу. Через каких-нибудь три месяца я мог не только объясняться, но и употреблять английские идиомы. Обрайен научнл меня говорить «Разгрызи меня бог» — это все равно, что по-нашему «Ma foi» [1] н еще: «Исчадие гада», что значнт «Ventre bleu» [2]. Не раз я видел, как англнчане улыбались от удовольствия, слыша, что я говорю точь-в-точь, как они.

Нас, офицеров, помещали по двое в камере, что мне не слншком нравнлось, так как монм сожителем оказался высокий молчаливый малый по имени Бомон из полевой артиллерин, попавший в плен к англичанам под Асторгой.

Редко мне прнходилось встречать человека, с которым я не мог подружиться, потому что и нрав н манера держаться у меня... ну, да вы сами знаете. Но этот Бомон никогда не смеялся моим шуткам, не сочувствовал

[1] «Ей богу» *(франц.)*.
[2] «Черт возьми» *(франц.)*.

моим горестям,— он сидел и смотрел на меня угрюмым взглядом, и в конце концов я начал думать, что после двух лет заключения он тронулся умом. Ах, как мне хотелось, чтобы вместо этой мумии со мной был старый Буве или кто-нибудь из моих товарищей-гусар! Но ничего не поделаешь, приходилось мириться и с таким компаньоном, к тому же было ясно, что никакой побег невозможен, если он не будет в нем участвовать, иначе что бы я мог сделать, постоянно находясь у него на глазах? Я заговорил о побеге сначала обиняками, потом напрямик, и мне показалось, что я убедил его действовать со мной заодно.

Я исследовал стены, исследовал пол и потолок, но сколько я их ни ощупывал и ни выстукивал, всюду они были одинаково толстыми и непроницаемыми. Дверь была железная, запиралась на замок с пружиной, в ней была маленькая решетка, сквозь которую дважды в ночь заглядывал часовой. В камере стояли две койки, две табуретки, два умывальника — и больше ничего. Мне и этого было достаточно — разве я привык к лучшему за двенадцать лет походной жизни? Но как мне выбраться отсюда? Каждую ночь я думал о своих пятистах гусарах, и мне снились страшные сны: то все мои гусары оказывались без сапог, то всех лошадей раздуло от травы, то у них воспалились копыта или же все шесть эскадронов в присутствии императора перепутали строй. Я просыпался в холодном поту и снова начинал ощупывать и простукивать стены, ибо я знал, что нет трудности, которую нельзя преодолеть с помощью изобретательного ума и пары ловких рук.

Единственное окошко нашей камеры было так мало, что в него не пролез бы и ребенок; к тому же посредине оно было разделено толстым железным брусом. Как видите, в смысле побега оно сулило немного надежды, но я все больше убеждался, что наши попытки надо начинать именно с него. Словно для того, чтобы еще ухудшить дело, окошко выходило во двор для прогулок, обнесенный двумя высокими стенами. И все же, стоя за Рейном, пора говорить о Висле, как я сказал моему угрюмому товарищу. Поэтому я отломал от койки маленькую железку и принялся отбивать штукатурку вверху и у основания оконного бруса. Я трудился

три часа подряд, потом, заслышав шаги тюремщика, бросался на койку и немного погодя снова принимался за работу, а через три часа опять делал перерыв. Бомон оказался столь медлительным и неуклюжим, что мне пришлось рассчитывать только на себя.

Я представлял себе, что за окошком меня ждет Третий гусарский полк, с литаврами и знаменами, с леопардовыми чепраками на конях. И тогда я работал как одержимый, пока моя железка не покрывалась засохшей кровью, словно ржавчиной. Так, ночь за ночью я долбил окаменевшую штукатурку и прятал куски в подушку, пока не настала минута, когда железный брус стал шататься; тогда я рванул его изо всех сил и выломал. Это было первым шагом к свободе.

Вы спросите меня, к чему все это, если в окошко не мог бы пролезть даже ребенок. Я вам отвечу. Выломав брус, я добыл сразу две вещи: инструмент и оружие. С помощью инструмента можно было расшатать камни, которыми было облицовано окно. Оружием я могу защищаться, когда вылезу через это окно. Итак, теперь я принялся за камни и долбил вокруг них заостренным концом бруса, пока не отбил всю известку. Само собой, днем я все убирал на место, и тюремщик не видал на полу ни песчинки. Так прошло почти три недели, и наконец я высвободил камень, в неописуемом восторге вытащил его и в окошко, сквозь которое раньше виднелось четыре звезды, увидел целых десять. Теперь все было готово; я поставил камень на место, смазав его края жиром и сажей, чтобы скрыть трещины там, где прежде была известь. Через три ночи должна была скрыться луна, и это, конечно, было самое лучшее время для попытки к бегству.

В том, что я спущусь во двор, я не сомневался; гораздо больше меня беспокоило, как я оттуда выйду. Слишком унизительно было бы после всех стараний снова оказаться в этой дыре, уже без всякой надежды, или же быть схваченным стражей, которая бросит меня в одну из сырых подземных камер, предназначенных для тех, кто пытался бежать. Я стал обдумывать всевозможные планы. Как вам известно, у меня никогда не было случая показать себя в качестве генерала. Иногда,

после стакана-другого вина, я убеждаюсь, что способен придумывать самые неожиданные комбинации и что если бы Наполеон в свое время поручил мне армейский корпус, его судьба могла бы сложиться иначе. Но как бы то ни было, а что касается маленьких военных хитростей и смекалки, необходимой офицеру легкой кавалерии, то тут я могу потягаться с кем угодно. И вот тогда-то эти качества мне и пригодились, и я не сомневался, что они меня не подведут.

Внутренняя стена, по которой мне предстояло вскарабкаться, была высотой в двенадцать футов, сложена из кирпичей и по верху утыкана железными шипами на расстоянии трех дюймов один от другого. Внешнюю стену я мог рассмотреть только мельком, раза два, когда ворота дворика для прогулок были открыты. Она, видимо, была такой же вышины и с такими же шипами наверху, от внутренней до внешней стены было больше двадцати футов, и у меня имелись основания полагать, что в этом промежутке часовых не было, они стояли у ворот. Однако я знал, что снаружи стена оцеплена солдатами. Видите, друзья, какой мне попался крепкий орешек, и раздавить его было нечем, кроме пары собственных рук.

Я возлагал все надежды на рост моего сотоварища, Бомона. Я уже говорил, что он был очень высок, не меньше шести футов росту, и мне казалось, что если я взберусь ему на плечи и как-нибудь зацеплюсь за острые железки, то смогу перелезть через стену. Но удастся ли мне перетащить потом грузного Бомона? Это был вопрос первостепенной важности, так как если я затеваю что-нибудь вместе с товарищем, то пусть даже я не питаю к нему нежных чувств, все равно ничто на свете не заставит меня покинуть его. Если я взберусь на стену, а он не сможет последовать за мной, я буду вынужден вернуться за ним. Впрочем, судя по всему, его это нисколько не тревожило, и я надеялся, что он уверен в своей ловкости.

Не менее важно было знать, какой часовой будет дежурить перед моим окошком в ту ночь, когда мы начнем осуществлять свою попытку. Часовых сменяли каждые два часа, чтобы не притуплялась их бдительность; я очень пристально наблюдал за ними каждую ночь из

окошка и убедился, что они ведут себя по-разному. Одни были все время настороже, так, что даже крыса не могла пробежать через двор незамеченной; другие же думали только о своих удобствах и, опершись на ружье, сладко спали, словно у себя дома в пуховой постели. Среди них был один, неповоротливый толстяк, который, прикорнув в тени под стеной, так крепко спал все два часа, что не слышал даже, как я бросал из окошка к его ногам куски штукатурки. Нам повезло: этот часовой должен был дежурить от двенадцати до двух в ту ночь, на которую мы назначили побег.

В последний день меня охватило такое сильное нервное возбуждение, что я никак не мог взять себя в руки и беспрерывно бегал по камере, словно мышь в клетке. Мне чудилось, что вот-вот тюремщик обнаружит расшатанный железный брус или часовой заметит щель между стеной и камнем, которую я не мог прикрыть снаружи отбитой известкой, как я это сделал внутри. А мой компаньон в это время сидел, нахохлившись, на краю своей койки, искоса поглядывал на меня и грыз ногти, словно что-то напряженно обдумывая.

— Мужайся, друг! — воскликнул я, хлопнув его по плечу.— Не пройдет и месяца, как ты снова увидишь свои пушки!

— Все это хорошо,— сказал он,— но куда ты подашься, когда очутишься на свободе?

— На побережье,— ответил я.— Храброму во всем удача, и я отправлюсь прямо в свой полк.

— Скорее всего ты отправишься прямо в подземную камеру или на дырявое судно в Портсмуте.

— Солдат не боится рисковать,— заметил я.— Только трус всегда рассчитывает на худшее.

Мои слова вызвали красные пятна на его землистых щеках, и я порадовался: впервые я заметил в нем какие-то признаки воодушевления. Он даже протянул руку к кружке с водой, словно хотел швырнуть ее в меня, но тут же пожал плечами и опять замолк, грызя ногти и хмуро уставясь в пол. Глядя на него, я невольно подумал, что, быть может, делаю полевой артиллерии плохую услугу, возвращая ей такого вояку.

В жизни моей не было вечера, который тянулся бы так медленно. К ночи поднялся ветер, и чем больше сгу-

щалась тьма, тем сильнее становились его завывания, и наконец над огромной пустошью разразился страшный ураган. Я глядел в окошко — нигде ни одной звезды, сплошные черные тучи низко летели над землей. Сквозь шорох и плеск хлынувшего дождя, сквозь вой и свист ветра я не мог расслышать шагов часового. «Если я его не слышу,— подумал я,— значит, и он меня вряд ли услышит». Сгорая от нетерпения, я дожидался минуты, когда надзиратель, совершая свой еженощный обход, заглянет в зарешеченное отверстие. Затем, вглядевшись в темноту и не увидев часового, который, без сомнения, забился куда-то от дождя и крепко спал, я решил, что настал наш час. Я вынул брус, вытащил камень и знаком предложил Бомону спускаться.

— После вас, полковник,— сказал он.

— А ты не хочешь лезть первым?

— Лучше вы мне покажите дорогу.

— Ну что ж, лезь за мной, только потише, если ты дорожишь жизнью.

В темноте я слышал, как у него стучат зубы, и подумал, что вряд ли можно найти более неподходящего партнера для такого рискованного дела. Тем не менее я схватил брус и, став на табуретку, просунул в окошко голову и плечи. Извиваясь, я постепенно высунулся наружу до пояса, как вдруг мой компаньон схватил меня за ноги и во весь голос закричал:

— На помощь! На помощь! Заключенный хочет бежать.

Ах, друзья мои, чего я только не перечувствовал в эту секунду! Разумеется, я сразу понял игру этого подлого существа. Зачем ему карабкаться по стене и рисковать своей шкурой, когда он может не сомневаться, что англичане даруют ему свободу и прощение за то, что он помешал побегу человека гораздо более выдающегося, чем он сам? Я и раньше чувствовал, что он трус и подлец, но не понимал всей глубины подлости, на которую он способен. Тот, кто провел свою жизнь среди людей благородных и честных, не подозревает низости в другом, пока не столкнется с нею.

Этот болван, видимо, не понимал, что погубил не меня, а себя. Я быстро пролез обратно в темноте и, схватив его за горло, дважды стукнул его железным

брусом. При первом ударе он взвизгнул, как дворняжка, которой наступили на лапу. При втором он со стоном рухнул на пол. Затем я присел на свою койку и стал покорно ждать кары, которую придумают для меня тюремщики.

Прошла минута, другая — ни звука, кроме тяжелого, хриплого дыхания лежавшего на полу бесчувственного негодяя. Быть может, среди рева бури его криков никто не услышал? Крохотная надежда через минуту стала казаться вероятностью, а еще через минуту перешла в уверенность. Ни в коридорах, ни во дворе не слышалось ни звука. Я вытер со лба холодный пот и спросил себя, что же делать дальше.

В одном только я был совершенно уверен. Человек на полу должен умереть. Если я оставлю его в живых, то очень скоро он может опять поднять тревогу. Я не смел зажечь свет и ощупью шарил в темноте, пока не наткнулся на что-то мокрое — это была его голова. Я занес железный брус, но было нечто такое, друзья мои, что помешало мне опустить его. В пылу боя я убивал много людей — людей честных, к тому же и не причинивших мне никакого зла. И вот передо мной лежал негодяй, мерзкое создание, недостойное жить на земле, пытавшееся сделать великую подлость по отношению ко мне,— и все же я не мог заставить себя размозжить ему череп. Так может поступить испанский разбойник или какой-нибудь санкюлот из Фобур Сен-Антуан, но не солдат и благородный человек вроде меня.

Однако тяжелое дыхание Бомона внушило мне надежду, что он не так-то скоро придет в чувство. Поэтому я заткнул ему рот кляпом, разорвал одеяло на полосы и привязал его к койке — теперь вряд ли он сможет освободиться раньше следующего обхода тюремщика. Но передо мной возникла новая трудность: вы помните, что я рассчитывал на его рост, чтобы перебраться через стену. Я готов был сесть и заплакать от отчаяния, но меня поддержала мысль о моей матушке и об императоре. «Мужайся! — сказал я себе.— Для всякого другого это было бы катастрофой, но не так-то легко одолеть Этьена Жерара!»

Я принялся за работу. Взяв простыни, свою и Бомона, я разорвал их на полосы, сплел отличный канат и

привязал его к середине железного бруса, который был больше фута длиной. Затем я спустился во двор; дождь лил, как из ведра, а ветер завывал еще громче прежнего. Я двигался вдоль тюремной стены, где тьма была чернее пикового туза, и не мог различить даже собственной руки. Я знал, что если не наткнусь на часового, то мне нечего его бояться. Дойдя до стены, огораживающей двор, я закинул вверх свой брус, и, к радости моей, он сразу же застрял между железными шипами. Я вскарабкался по канату, втащил его наверх и спрыгнул с другой стороны стены. Потом взобрался на вторую стену, но, сидя верхом на ней между двумя шипами, вдруг заметил, что в темноте внизу что-то блеснуло. Это был штык часового, блестевший так близко от меня (вторая стена была гораздо ниже первой), что, наклонясь, я мог бы отвинтить его от дула. Часовой, стараясь согреться, прижался спиной к стене и мурлыкал себе под нос песенку, не подозревая о том, что в нескольких футах от него отчаянный беглец готов поразить его в сердце его же собственным штыком. Я уже приготовился к прыжку, но тут часовой, ругнувшись, вскинул ружье на плечо, и я услышал, как зачавкала грязь у него под ногами: он пошел в обход. Я соскользнул с каната и, оставив его на стене, помчался что было духу по пустоши.

Боже, как я бежал! Ветер бил мне в лицо и гудел в ноздрях. Дождь барабанил по моей спине и свистом отдавался в ушах. Я падал в колдобины. Я натыкался на кусты. Я продирался сквозь колючую ежевику. Я задыхался, я был исцарапан до крови. Язык мой пересох, ноги налились свинцом, сердце стучало, как барабан. Но я все бежал и бежал.

Однако я не терял головы, друзья. У меня была определенная цель. Наши беглецы всегда направлялись к побережью. Я же решил бежать в глубь страны, хотя говорил Бомону совсем иное. Я убегу на север, а они будут искать меня на юге. Вы, наверное, спросите, друзья мои, как я мог ориентироваться в такую темную ночь. Я вам отвечу: по ветру. Еще в тюрьме я заметил, что ветер дует с севера, и раз он бил мне в лицо, значит, я держался верного направления.

Так я бежал, пока впереди вдруг не показались два желтых огонька. Я на мгновение остановился, не зная, как быть дальше. На мне, как вы помните, был гусарский мундир, и в первую очередь мне представлялось необходимым раздобыть другую одежду, которая не выдавала бы меня с головой. Если это светились окна деревенского дома, то вполне вероятно, что там я могу найти то, что мне нужно. Я пошел прямо на огоньки, сокрушаясь, что оставил на стене свой железный брус, ибо решил драться насмерть, если меня схватят опять.

Но вскоре я обнаружил, что никакого дома там не было. Огоньки оказались двумя фонарями, висевшими по бокам кареты, и при свете их я увидел перед собой широкую дорогу. Притаившись в кустах, я разглядел, что карета запряжена двумя лошадьми, что возле них стоит маленький форейтор, а рядом на дороге валяется колесо. Все это, как живое, стоит у меня перед глазами, друзья: потные лошади, хилый юнец, держащий их за поводья, и большая, черная, блестевшая под дождем карета на трех колесах. В окошке вдруг опустилось стекло и показалась шляпка, а под ней хорошенькое личико.

— Что же делать? — с отчаянием в голосе сказала дама форейтору.— Сэр Чарльз, наверное, заблудился, и мне придется всю ночь сидеть в этой пустыне!

— Быть может, я смогу помочь вам, сударыня,— сказал я, выбираясь из кустов и выходя под свет фонарей. Женщина в беде — для меня дело святое, а эта к тому же была красива. Не забывайте, что, несмотря на чин полковника, мне было всего двадцать восемь лет от роду.

Боже, как она вскрикнула и как вытаращил на меня глаза форейтор! Разумеется, после долгого бега в темноте я в своем помятом кивере, покрытом грязью, и изорванном кустами ежевики мундире, с перепачканным лицом представлял собою не совсем тот тип незнакомца, которого хотелось бы встретить ночью посреди пустынной равнины. Все же, оправившись от неожиданности, она вскоре поняла, что я ее покорный слуга, и в ее красивых глазках я прочел даже, что мои манеры и осанка произвели на нее некоторое впечатление.

— Прошу прощения за то, что я испугал вас, сударыня,— сказал я,— но я случайно услышал ваши слова и не мог удержаться, чтобы не предложить вам свои услуги.— При этом я поклонился. Вы знаете, как я умею кланяться, и поймете, как мой поклон действовал на женщин.

— Я вам очень обязана, мсье,— ответила она.— От самого Тавистока мы ехали по ужасной дороге, и в конце концов у нас отвалилось колесо, и мы совершенно беспомощны в этих пустынных местах. Мой муж, сэр Чарльз, пошел искать людей, и боюсь, что он заблудился.

Я хотел было наговорить ей утешительных слов, как вдруг взгляд мой упал на лежавший рядом с дамой черный дорожный плащ, отделанный серой смушкой,— именно то, что мне было нужно, чтобы скрыть свой мундир. Правда, я почувствовал себя грабителем с большой дороги, но что прикажете делать? Необходимость не знает законов, а я находился во вражеской стране.

— Это, очевидно, плащ вашего мужа, сударыня,— сказал я.— Вы, надеюсь, простите меня, но я вынужден...— И я вытащил плащ через окошко кареты.

Трудно было вынести выражение ее лица, на котором отразились изумление, испуг и отвращение.

— О, я ошиблась в вас! — воскликнула она.— Вы хотите меня ограбить, а не помочь! У вас вид благородного человека, а между тем вы хотите украсть плащ моего мужа!

— Сударыня,— сказал я,— умоляю вас, не осуждайте меня, пока не узнаете всего. Мне этот плащ совершенно необходим, но если вы будете добры сказать, кто этот счастливец, ваш муж, я обязуюсь прислать плащ обратно.

Лицо ее чуть-чуть смягчилось, но все же она старалась держаться сурово.

— Мой муж,— ответила она,— сэр Чарльз Мередит, он едет в Дартмурскую тюрьму по важному государственному делу. Прошу вас, сэр, идти своей дорогой и не брать ничего, что принадлежит ему.

— Из всего, что ему принадлежит, я завидую только одному,— сказал я.

— И вы уже вытащили это из окошка! — воскликнула она.

— Нет,— ответил я,— оставил сидеть в карете.

Она рассмеялась искренне, как это умеют англичане.

— Если бы вы вместо того, чтобы делать комплименты, вернули плащ моего мужа...— начала она.

— Сударыня,— сказал я,— вы просите невозможного. Если вы разрешите мне войти в карету, я объясню вам, почему этот плащ мне так необходим.

Одному богу ведомо, какие глупости я мог бы натворить, если бы откуда-то издалека не донеслось слабое «эй», на которое тотчас же откликнулся маленький форейтор. И вот уже в темноте сквозь дождь замаячил тусклый свет фонаря, быстро приближавшийся к нам.

— Мне крайне жаль, сударыня, что я вынужден вас покинуть,— сказал я.— Передайте вашему мужу, что я буду очень бережно обращаться с его плащом.— Но, как я ни спешил, все же я рискнул на секунду задержаться, чтобы поцеловать ручку дамы, которую она отдернула, восхитительно притворившись оскорбленной моим нахальством. Фонарь был уже совсем близко, а форейтор, видимо, намеревался помешать моему бегству, но я сунул драгоценный плащ под мышку и бросился в темноту.

Теперь моей задачей было уйти как можно дальше от тюрьмы за те часы, что оставались до рассвета. Повернувшись лицом к ветру, я бежал, пока, выбившись из сил, не рухнул на землю. Отдышавшись в кустах вереска, я снова пустился бежать, пока у меня не подогнулись колени. Я был молод и крепок, у меня были стальные мускулы и тело, закаленное двенадцатью годами походов и сражений. Поэтому я мог выдержать еще три часа этого бешеного бега, все так же, как вы понимаете, держась против ветра. И через три часа я высчитал, что от тюрьмы меня отделяет почти двадцать миль. Близился рассвет, и, забравшись в заросли вереска на вершине небольшого холма, которыми изобилует эта местность, я решил переждать здесь до вечера. Спать под ветром и дождем для меня было не внове, и, закутавшись в плотный теплый плащ, я вскоре крепко заснул.

Но это был тяжелый, не освежающий сон. Я метался, борясь с отвратительными кошмарами, в которых все складывалось для меня самым худшим образом. Помню, под конец мне приснилось, будто я атакую несокрушимое каре венгерских гусар с одним лишь эскадроном, на загнанных лошадях — вроде того, как это было со мной под Эльхингеном. Я привстал на стременах и крикнул «Vive l'Empereur!», и мои гусары откликнулись громким криком «Vive l'Empereur!». Я вскочил со своего ложа; этот крик все еще отдавался в моих ушах. Протирая глаза, я спрашивал себя, не сошел ли я с ума, ибо уже наяву услышал те же слова, которые громко и протяжно выкрикивали пятьсот глоток. Я выглянул из-за кустов, и в ясном утреннем свете глазам моим представилось то, что я меньше всего на свете ожидал или хотел бы увидеть.

Передо мной была Дартмурская тюрьма! Ее уродливая, мрачная громада высилась всего в какой-нибудь восьмушке мили от меня. Если бы я пробежал в темноте еще несколько минут, я бы уткнулся кивером в ее стену. Это зрелище так меня ошеломило, что я не сразу сообразил, что произошло. Затем я все понял и в отчаянии заколотил кулаками по голове. За ночь ветер переменился и стал уже не северным, а южным, а я, стараясь держаться против ветра, пробежал десять миль вперед и десять миль назад, вернувшись туда, откуда и вышел. Я вспомнил, как я торопился, как стремительно бежал, падал, прыгал, и все это показалось мне таким смешным, что отчаяние мое вдруг как рукой сняло, и я, упав под кусты, хохотал, пока у меня не заболели бока. Затем я завернулся в плащ и всерьез задумался над тем, что делать дальше.

За свою бродячую жизнь я научился одному, друзья мои,— никакую неудачу не считать бедой, пока не увидишь, чем она кончится. Разве каждый час не приносит чего-то нового? Вот и тогда я понял, что моя ошибка сослужила мне службу не хуже самой тонкой хитрости. Мои преследователи, естественно, начали поиски с того места, где я завладел плащом сэра Чарльза Мередита, и из своего укрытия я видел, как они мчались туда по дороге. Никому из них и в голову не

приходило, что я мог повернуть обратно и сейчас лежу за кустами в маленькой выемке на вершине холма. Пленники, конечно, уже проведали о моем побеге, и весь деиь иад равнниой гремели ликующие крики, разбудившие меня поутру и звучавшие как выражение сочувствия н товарищеской поддержки. Онн н не подозревали, что на вершиие горки, которая видна из окошек тюрьмы, лежит их товарищ, побег которого был для них праздннком. А я, я глядел сверху вниз на толпы обезоруженных воинов, которые расхаживали по тюремному двору нли, собравшись маленькими группками, оживленно жестикулировали, обсуждая мой успешный побег. Одиажды я услышал крики возмущения: два тюремщика вели по двору Бомона с забинтованной головой. Не могу описать, какое удовольствие доставило мне это зрелище: я убедился, что, во-первых, я его не убил, а во-вторых, что остальным доподлинно известно все, что произошло. Впрочем, меня слишком хорошо зиали, н вряд ли кто-нибудь заподозрил, будто я мог бросить товарища.

Весь этот долгий деиь я лежал за кустами, прислушиваясь к звоиу колокола, отбивавшего виизу часы.

Карманы мои были полны хлеба, который я сберег от своего тюремиого пайка, а обыскивая одолженный плащ, я нашел серебряную фляжку с превосходным коньяком, разведенным водой, так что я мог провести там целый день, не испытывая ннкаких лишений. В карманах плаща я обиаружил еще красный шелковый платок, черепаховую табакерку и голубой коиверт с красной печатью, адресованный начальнику Дартмурской тюрьмы. Все вещи я решил при первой возможности отослать обратно вместе с плащом.

Письмо же меня несколько смутило: начальннк тюрьмы всегда был со мной любезен, и я счнтал бесчестным похищать его корреспонденцию. Я решил было положить письмо под камень на дороге на расстояиии выстрела от ворот тюрьмы, но это навело бы их на мой след, и я не вндел нного выхода, как оставить письмо при себе, надеясь, что мне удастся как-нибудь переслать его адресату. А пока я надежно спрятал его в потайиой внутренний карман.

На жарком солнце моя одежда просохла, и к наступлению сумерек я был готов пуститься в дальнейший путь. Заверяю вас, друзья, что на этот раз я не сделал никакого промаха. Ориентируясь по звездам — каждого гусара следовало бы учить этому,— я ушел от тюрьмы на восемь лиг. План мой заключался в том, чтобы раздобыть полный комплект одежды у первого же встречного, а потом пробраться к северному побережью, где много контрабандистов и рыбаков, а они не прочь получить вознаграждение, которое император давал тем, кто перевозил бежавших пленных через Ла-Манш. Я снял султан со своего кивера, чтобы он не бросался в глаза, но, несмотря на прекрасный плащ, все же побаивался, что рано или поздно меня выдаст мундир.

Когда занялась заря, я увидел справа реку, а слева голубоватые дымки маленького городка на равнине. Меня так и подмывало войти в этот городок — любопытно было поглядеть на некоторые обычаи англичан, каких нет ни в одной стране. Но сколь ни сильно было мое желание увидеть, как они едят сырое мясо и продают своих жен, появляться в городах, пока на мне мой мундир, было бы опасно. Кивер, усы и французская речь — все это могло погубить меня. Поэтому я продолжал путь на север, то и дело осматриваясь вокруг, но ни разу не заметив признаков погони.

Около полудня я пришел в уединенную долинку, где стоял одинокий домик. Поблизости не было никаких других строений. Это был маленький, аккуратный дом с верандой и маленьким садиком, где копошились куры и петухи. Я залег в папоротник и стал наблюдать за домом: мне казалось, что именно здесь я мог бы получить то, что мне нужно. Хлеб мой был давно съеден, и после долгой ходьбы я страшно проголодался; поэтому я решил произвести небольшую разведку, а потом войти в домик, предложить обитателям сдаться и добыть все, что нужно. Мне, пожалуй, могут дать там яичницу и цыпленка. При этой мысли у меня потекли слюнки.

Так я лежал, стараясь догадаться, кто там живет, как вдруг из двери вышел молодой приземистый крепыш в сопровождении человека постарше, несшего две больше дубинки. Он протянул их своему спутнику,

тот стал махать ими вверх и вниз и вращать с необыкновенной быстротой. Старший, стоя рядом, внимательно следил за ним, то и дело давая какие-то советы. Наконец крепыш взял веревку и стал прыгать через нее, как девочка через скакалку. Другой сосредоточенно следил за ним. Вы, конечно, понимаете, что я напрасно ломал себе голову, стараясь догадаться, кто они такие, и в конце концов решил, что один — врач, а другой — его пациент, подвергавшийся какому-то странному способу лечения.

Так я лежал и дивился, глядя на них, а тем временем старший принес длинное плотное пальто и подал его младшему. Тот надел и застегнул его до самого подбородка. День был теплый, и потому это показалось мне еще более удивительным, чем то, что происходило прежде. «По крайней мере,— подумал я,— гимнастика окончена». Но не тут-то было: молодой человек, несмотря на тяжелое пальто, принялся бегать и случайно направился прямо в мою сторону. Его товарищ уже вошел в дом, и все складывалось как нельзя лучше. Я сниму с маленького крепыша одежду и побегу в какую-нибудь деревню, где можно будет купить еду. Цыплята, конечно, были очень соблазнительны, но в доме по крайней мере двое мужчин, и, поскольку у меня не было оружия, пожалуй, лучше поскорее уйти отсюда.

Я неподвижно лежал среди папоротника. Вскоре топот бегущего послышался совсем рядом, и он оказался передо мной — в толстом пальто, со взмокшим от пота лицом. Он был плотного сложения, но маленького роста — такого маленького, что я испугался, что его одежда на меня не налезет. Я вскочил на ноги; остановившись передо мной, он воззрился на меня с величайшим изумлением.

— Лопни мои глаза! — воскликнул он.— Что за дух из бутылки? Из цирка, что ли?

Таковы были его слова, хотя я не берусь объяснить, что он хотел этим сказать.

— Прошу прощения, сэр,— сказал я,— но мне необходимо попросить вас отдать мне свою одежду.

— Отдать что? — спросил он.

— Вашу одежду.

— Вот умора-то! — сказал он.— Почему я должен отдавать вам свою одежду?

— Потому что она мне нужна.

— А если я не отдам?

— Разгрызи меня бог,— сказал я,— тогда мне придется отнять ее силой.

Он стоял передо мной, засунув руки в карманы, и на его гладко выбритом лице с квадратным подбородком появилось насмешливое выражение.

— Ах вот как, отнять,— сказал он.— Вы, как я погляжу, малый не промах, только должен вам сказать, что на этот раз вы попали пальцем в небо. Я знаю, кто вы такой. Вы — француз, сбежавший из той тюрьмы, это с первого взгляда видно. Но вы не знаете, кто я, иначе не стали бы выкидывать со мной такие шутки. Я — Бастлер из Бристоля, чемпион легкого веса, а сюда я приезжаю тренироваться.

Он поглядел на меня так, словно ожидал, что, услышав это сообщение, я буду как громом поражен, но я только усмехнулся и, покручивая усы, поглядел на него сверху вниз.

— Быть может, вы и храбрый человек, сэр,— ответил я,— но если я вам скажу, что перед вами полковник Этьен Жерар из Конфланского гусарского полка, вы поймете, что должны отдать вашу одежду без всяких разговоров.

— Послушайте-ка, мусью, прекратите это! — воскликнул он.— Не то я вам задам перцу!

— Раздевайтесь, сэр, сию же минуту! — закричал я, угрожающе наступая на него.

Вместо ответа он сбросил свое теплое пальто и, глядя на меня с непонятной улыбкой, стал в странную позу: одну руку выбросил вперед, другую положил на грудь. Я и понятия не имел о способах кулачного боя, который так любят эти люди; вот на лошади или пеший, но с клинком в руках я всегда могу постоять за себя. Но, вы понимаете, солдату иной раз не приходится выбирать способ боя; как говорится, с волками жить — по-волчьи выть, и в этом случае так оно и было. Я кинулся на него с воинственным криком и пнул его ногой. В ту же секунду обе мои ноги взлетели кверху, в глазах замелькали вспышки, как в бою под Аустер-

лицом, и я ударился затылком о камень. Больше я ничего не помню.

Очнулся я на низенькой выдвижной койке, в пустой, почти лишенной мебели комнате. В голове моей гудели колокола, и, подняв руку, я нащупал над глазом шишку величиной с грецкий орех. Ноздри мои щекотал едкий запах; вскоре я обнаружил, что на лбу у меня лежит полоска бумаги, смоченной уксусом. На другом конце комнаты сидел этот страшный маленький крепыш, а его старший товарищ растирал ему голое колено какой-то мазью. Старший был, видимо, сильно не в духе и сердито выговаривал крепышу, сидевшему с мрачным видом.

— В жизни не видел ничего подобного! — говорил старший.— Я из кожи вон лезу, тренирую вас целый месяц, и когда я наконец сделал вас крепким, как репка, вы, вернейший победитель, за два дня до боя ввязываетесь в драку с каким-то иностранцем!

— Ладно, ладно! Хватит меня пилить! — огрызнулся Бастлер.— Вы отличный тренер, Джим, но лучше бы вы поменьше меня ругали.

— Как же вас не ругать? — сказал Джим.— Если колено до среды не заживет, они скажут, что вы сговорились с противником, и черта с два вы тогда найдете кого-нибудь, кто бы на вас поставил!

— Сговорился! — проворчал крепыш.— Я выиграл девятнадцать боев, и никто до сих пор не осмеливался сказать при мне слово «сговор». А какого дьявола мне оставалось делать, когда этот малый хотел раздеть меня догола?

— Велика беда! Вы же знаете, что судья и стражники находятся в какой-нибудь миле отсюда. Вы могли бы натравить их на него и тогда, так же, как и сейчас, И спокойно получили бы обратно свою одежду.

— А, будь я неладен! — сказал Бастлер.— Не было случая, чтобы я прервал тренировку, но когда дело доходит до того, чтобы отдать одежду какому-то французишке, который не способен даже на круге масла сделать вмятину, то это уже слишком!

— Подумаешь, какая ценность — ваша одежда! Да вы знаете, что один только лорд Рафтон поставил на вас пять тысяч фунтов? Когда в среду вы перепрыг-

иете через канаты, на вас будут висеть все эти пять тысяч до последнего пенни. Хорошенькое дело — явиться с распухшим коленом и историей о пленном французе!

— Откуда я знал, что он начнет лягаться?

— А вы думали, он будет драться по всем правилам английского бокса? Будто вы не знаете, дуралей, что во Франции и понятия не имеют о том, как надо драться.

— Друзья,— вмешался я, садясь в кровати,— я не очень-то много понял из того, что вы тут говорили, но сейчас вы сказали глупость. Мы, французы, так хорошо знаем, как надо драться, что побывали с визитом почти во всех столицах Европы и очень скоро придем в Лондон. Но мы деремся, как солдаты, понимаете, а не как уличные мальчишки в канаве. Вы бьете меня по голове. Я пинаю вас ногами. Это же детская игра. А вот если вы дадите мне саблю, а себе возьмете другую, я покажу вам, как мы умеем драться.

Оба уставились на меня тупо, чисто по-английски.

— Что ж, очень рад, что вы живы, мусью,— сказал наконец старший.— Вы смахивали на куль с мукой, когда мы с Бастлером перетаскивали вас сюда. Голова у вас не настолько крепкая, чтобы выдержать удар сильнейшего бойца в Бристоле.

— Он тоже задиристый малый, он набросился на меня, как боевой петух,— сказал Бастлер, потирая колено.— Я применил свой обычный удар справа налево, и он рухнул, как подкошенный. Я не виноват, мусью. Я же сказал, что задам вам перцу, если вы не прекратите.

— Зато вы можете всю жизнь хвастаться, что дрались с лучшим легковесом Англии,—сказал Джим, словно поздравляя меня.— А он к тому же сейчас в наилучшем состоянии, в расцвете сил, и тренирует его сам Джим Хантер.

— Я привык к сильным ударам,— сказал я, расстегивая мундир и показывая два шрама от пулевых ран. Потом я обнажил проколотую пикой щиколотку и шрам на веке, куда меня ткнул кинжалом испанский партизан.

— У него, видно, крепкая шкура,— заметил Бастлер.

— В среднем весе он был бы сущей конфеткой,— сказал тренер.— Его бы потренировать с полгода, и наши любители спорта просто с ума бы сошли. Жаль, что ему придется вернуться в тюрьму.

Последние слова мне пришлись очень не по душе. Я застегнул мундир и встал с кровати.

— С вашего разрешения я пойду дальше,— сказал я.

— Ничего не поделаешь, мусью,— ответил тренер.— Тяжело отправлять такого человека, как вы, в это гиблое место, но дело есть дело, а за вас обещана награда в двадцать фунтов. Стражники нынче утром уже искали вас здесь и, наверное, заглянут опять.

При этих словах сердце мое превратилось в кусок свинца.

— Неужели вы хотите выдать меня? — воскликнул я.— Клянусь честью благородного француза, я вышлю вам вдвое больше в тот день, когда ступлю на французскую землю!

Но в ответ они только покачали головой. Я умолял, я доказывал, я говорил об английском гостеприимстве и о содружестве смельчаков, но с таким же успехом я мог распинаться перед двумя деревянными дубинками, что стояли у стены на полу. На бульдожьих лицах не было и признака сочувствия.

— Дело есть дело, мусью,— повторил старый тренер.— Кроме того, как я выведу Бастлера в среду на ринг, если его потянут в суд за помощь военнопленному и соучастие в побеге? Я должен беречь Бастлера и не желаю рисковать.

Итак, значит, конец всем моим стараниям и моей борьбе. Меня отведут назад, как глупую овцу, которая вырвалась из загона. Но плохо они меня знали, если вообразили, что я покорюсь такой судьбе. Я понял из их слов достаточно, чтобы догадаться, где их слабое место, и показал, как уже показывал не раз, что Этьен Жерар всего страшнее тогда, когда у него исчезает последняя надежда. Одним прыжком я очутился возле дубинок, схватил одну из них и завертел ею над головой Бастлера.

— Семь бед — один ответ!— воскликнул я.— В среду ты будешь никуда не годен!

Бастлер прорычал какое-то ругательство и хотел

было броситься иа меия, ио треиер обхватил его руками и удержал иа стуле.

— Нн за что, Бастлер! — вскрикнул ои.— Никаких ваших штучек, пока я рядом! Убирайтесь отсюда, мусью! Мы мечтаем увндеть вашу спииу. Да бегите же, бегите, а то он вырвется!

Отличиый совет, подумал я н ринулся в дверь, ио едва я очутился на свежем воздухе, как голова у меия закружнлась, и, чтобы не упасть, я должеи был прислоииться к стене. Вспомните, какне испытаиия я перенес: предательство Бомона, бурю, которая сбила меня с пути, деиь в мокрых зарослях вереска, терзаиия голода, еще одиа бессонная ночь и накоиец удар, получеиный от этого коротышки, когда я пытался отнять у него одежду. Нечего и удивляться, что даже моей выиосливости иаступил коиец.

Я стоял у стены в тяжелом плаще и моем бедиом помятом кивере, опустив голову и закрыв глаза. Я сделал все, что в моих снлах, н больше иичего не мог. Накоиец меня заставил поднять голову стук копыт: шагах в десяти передо мной был седоусый иачальиик тюрьмы и с ним шестеро конных стражников.

— Итак, полковиик,— с грустиой улыбкой сказал он,— мы все-таки вас нашлн.

Если отважиый человек сделал все, что мог, и потерпел иеудачу, его благородство проявляется в том, как он приннмает свое поражеиие. Что до меня, то я вынул из кармаиа пнсьмо н, шагнув вперед, подал его с таким изяществом, какого начальник, навериое, и не видывал.

— К иесчастью, сэр, я иевольио задержал одио из ваших писем.

Он поглядел на меня удивленно н подал стражннкам знак арестовать меня, затем сломал печать иа коиверте. По мере того, как он чнтал, лицо его принимало страиное выражение.

— Это, должно быть, то самое письмо, что потерял сэр Чарльз Мередит,— сказал он.

— Оно было в кармане его плаща.

— И вы иосили его при себе два дня?

— С позавчерашней ночи.

— И не поинтересовались его содержанием?

Я всем своим видом показал, что таких вопросов не задают благородному человеку.

К моему изумлению, он вдруг разразился хохотом.

— Полковник,— сказал он, вытирая слезы,— право, вы задали себе и нам уйму ненужных хлопот! Разрешите прочесть вам письмо, которое вы держали при себе во время вашего побега.

И я услышал вот что:

«По получении сего вам надлежит освободить полковника Этьена Жерара из Третьего гусарского полка, который обменен на полковника Мэзона из конной артиллерии, находящегося сейчас в Вердене».

Прочтя письмо, он опять захохотал; хохотали и стражники и двое людей, вышедших из дома; при виде общего веселья, при мысли обо всех моих надеждах и страхах, об усилиях и опасностях, что же мне, удалому солдату, оставалось делать, как не прислониться снова к стене и не захохотать так же весело, как все остальные? И разве не у меня было больше всего причин веселиться: ведь я уже видел впереди мою любезную Францию, мою матушку, императора и моих гусар, а позади оставалась мрачная тюрьма и тяжелая рука английского короля.

V

КАК БРИГАДИР ПОМЕРЯЛСЯ СИЛАМИ С МАРШАЛОМ ОДЕКОЛОНОМ

Массена был худой, желчный, щупленький да еще кривой на один глаз (этого глаза он лишился после несчастного случая на охоте), но, когда он единственным своим глазом окидывал из-под треуголки поле боя, ничто не могло от него укрыться. Он, бывало, поставит батальон во фронт и с одного взгляда видит, где какая пряжка или пуговица не по форме. Офицеры и солдаты его недолюбливали, потому что он, как известно, был прижимист, а в армии любят, чтоб у командира душа была широкая. Но когда доходило до настоящего дела, его очень даже уважали и в бою не променяли бы ни на кого другого, кроме разве самого императора да еще

«Подвиги бригадира Жерара»

«Подвиги бригадира Жерара»

Ланна, покуда он был жив. Ведь если он железной хваткой зажимал свою мошну, то вы, должно быть, помните, что настал день, когда он такой же железной хваткой зажал Цюрих и Женеву. Он держал позиции так же крепко, как свой денежный ящик, и требовалась немалая смекалка, чтоб заставить его выпустить из рук то или другое.

Когда он вызвал меня к себе, я обрадовался и сразу отправился в его штаб, потому что он всегда меня любил и ставил выше всех других офицеров. Служить под началом у этих старых, славных генералов было одно удовольствие: они знали свое дело и умели отличить хорошего солдата от плохого. Он сидел один в своей палатке, уронив голову на руки и сморщившись так, словно ему только что поднесли подписной лист. Однако, увидев меня, он улыбнулся.

— Здравствуйте, полковник Жерар.

— Здравия желаю, господин маршал.

— Ну, как Третий гусарский полк?

— Семьсот доблестных бойцов на семистах боевых конях рвутся в дело.

— А что ваши раны, зажили?

— Мои раны никогда не заживают, маршал,— отвечал я.

— Но почему же?

— Потому что я получаю все новые.

— Генералу Раппу надо опасаться за свои лавры,— сказал он, и лицо его сморщилось в улыбке.— У него двадцать одна рана от вражеских пуль и столько же от ножей и зондов Лярея. Я знал, что вы ранены, полковник, и последнее время щадил вас.

— А это хуже всякой раны.

— Ну полно, полно! С тех пор, как англичане засели в этих проклятых укреплениях Торрес Ведрас, мы, в сущности, бездействуем. Вы не слишком много потеряли, пока были в плену в Дартмуре. Но теперь мы готовимся к походу.

— Будем наступать?

— Нет, напротив.

Должно быть, мое разочарование было написано у меня на лице. Как! Отступить перед этим нечестивым псом Веллингтоном, перед тем, кто с каменным лицом

выслушал мои горячие слова, а потом отправил в свою страну, где нет спасения от туманов? При этой мысли я готов был заплакать.

— А что делать! — раздраженно воскликнул Массена.— Когда объявлен шах, приходится делать ход королем.

— Вперед,— ввернул я.

Массена покачал седой головой.

— Эти позиции неприступны,— сказал он.— Генерал Сен-Круа убит, и мы понесли такие потери, что у меня не осталось резервов. И, кроме того, мы простояли здесь, в Сантарене, почти полгода. Во всей округе не осталось ни фунта муки, ни бутылки вина. Мы вынуждены отступить.

— Мука и вино есть в Лисабоне,— настаивал я.

— Ах, вы говорите так, будто вся армия может передвигаться так же быстро, как ваш гусарский полк. Будь здесь Сульт со своей тридцатитысячной армией... Но его нечего и ждать. Итак, я вызвал вас, полковник Жерар, дабы поставить в известность, что намерен поручить вам одно весьма необычное и важное дело.

Само собой, я навострил уши. Маршал развернул большую карту местности и положил ее на стол. Он разгладил ее своими маленькими волосатыми руками.

— Вот здесь Сантарен,— показал он.

Я кивнул.

— А здесь, в двадцати пяти милях к востоку, Алмейхал, знаменитый своими винами и большим аббатством.

Я снова кивнул; мне еще не было ясно, к чему он клонит.

— Вы слышали о маршале Одеколоне? — спросил Массена.

— Я служил со всеми маршалами,— сказал я,— но такую фамилию слышу в первый раз.

— Это прозвище, которое ему дали солдаты,— сказал Массена.— Вас не было в строю несколько месяцев, иначе мне не пришлось бы рассказывать вам про него. Он англичанин и принадлежит к очень знатному роду. А прозвище ему дали за аристократические привычки. Так

вот, я посылаю вас в Алмейхал с визитом к этому вылощенному англичанину.

— Слушаюсь, маршал.

— С тем, чтобы вы повесили его на первом же дереве.

— Можете быть спокойны, маршал.

Я лихо повернулся налево кругом, но Массена окликнул меня, не успел я выйти из палатки.

— Минутку, полковник,— сказал он.— Прежде чем выступить, вам не мешает ознакомиться с положением дел. Да будет вам известно, что этот маршал Одеколон— настоящее его имя и фамилия Алексис Морган— человек редкой изворотливости и храбрости. Он служил офицером в английской гвардии, но передернул за карточным столом, был разжалован в рядовые и вышел в отставку. Ему удалось собрать вокруг себя большой отряд из английских дезертиров, и он засел в горах. К нему присоединились французские солдаты, отставшие от своих частей, и португальские бандиты, так что теперь он стоит во главе пятисот людей. Он со своим отрядом захватил аббатство Алмейхал, разогнал монахов, укрепил обитель и разграбил всю округу.

— Что ж, по нем давно веревка плачет,— сказал я и снова направился к двери.

— Еще минутку! — остановил меня маршал, улыбаясь при виде моего нетерпения.— Самое худшее впереди. Не далее как на прошлой неделе в руки этих негодяев попала вдовствующая графиня Ла Ронда, самая богатая женщина в Испании, они захватили ее на перевале, когда она ехала от двора короля Жозефа навестить своего внука. Теперь она заточена в аббатстве, и единственное ее спасение в том, что она...

— Бабушка? — высказал я предположение.

— Нет, в том, что она может заплатить крупный выкуп,— сказал Массена.— Итак, перед вами три задачи: спасти несчастную женщину, покарать негодяя и, если возможно, разрушить гнездо бандитов. А вот доказательство того, как я верю в вас: я могу дать вам для осуществления всего этого лишь полуэскадрон.

Клянусь, я не поверил своим ушам! Я-то полагал, что мне по крайней мере разрешат взять весь мой полк.

— Я дал бы вам больше,— сказал он,— но сегодня я начинаю отступление, а у Веллингтона такая сильная кавалерия, что мне дорога каждая сабля. Я не могу отпустить больше ни единого человека. Сделайте все возможное и явитесь ко мне с рапортом в Абрантиш не позднее завтрашнего вечера.

Мне очень польстило, что он такого высокого мнения о моих способностях, но вместе с тем я был в некотором замешательстве. Мне предстояло спасти старую вдову, вздернуть на сук англичанина и разгромить банду из пятисот головорезов, имея на все про все полсотни людей. Но в конце концов ведь это полусотня конфланских гусар, которых поведет сам Этьен Жерар! Когда я вышел из палатки под теплое португальское солнце, уверенность вернулась ко мне, и я уже начал подумывать, а не ждет ли меня в Алмейхале та самая медаль, которую я уже давным-давно заслужил.

Можете быть уверены, что в свою полусотню я взял лучших из лучших. Все это были ветераны германских войн, некоторые имели по три нашивки, а большинство — по две[1]. Возглавили их Удэн и Папилет, два лучших унтер-офицера в полку. Когда по моему приказу они построились в колонну по четыре, все как на подбор в серебристо-серых мундирах, на гнедых конях с чепраками из леопардовых шкур и маленькими красными султанами, сердце мое радостно забилось. Я смотрел на их обветренные лица с огромными усами, которые топорщились над ремешками киверов, с чувством радостной уверенности, и, между нами говоря, не сомневаюсь, что они испытывали то же чувство при виде своего молодого полковника, который на вороном боевом коне ехал впереди.

Так вот, когда мы оставили позади лагерь и очутились на другом берегу Тахо, я выслал авангард и фланговые охранения, а сам остался во главе отряда. С холмов, окружающих Сантарен, мы, оглянувшись назад, увидели темные позиции армии Массена, где блестели и сверкали сабли и штыки,— это он выводил свои полки на исходный рубеж для отступления. К югу красными пятнами раскинулись английские передовые посты, а

---

[1] Нашивки обозначали количество ранений.

дальше виднелось серое облако, поднимавшееся над лагерем Веллингтона,— плотный масляннистый дым, в котором нашим изголодавшимся ребятам чудился густой запах кипящих походных котлов. Западнее голубым полукругом раскинулось море с белыми полосками английских парусов.

Поскольку мы ехали на восток, путь наш, как вы понимаете, лежал в стороне от обеих армий. Однако наши собственные любители легкой наживы и разведывательные дозоры англичан буквально наводняли местность, и мне с моим маленьким отрядом приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Весь день мы ехали через пустынные холмы, у подножий которых зеленели распускающиеся виноградные лозы, но выше зелень сменялась однообразным серым покровом, а вершины зубцами торчали по горизонту, как хребет отощавшей клячи. Наш путь пересекали горные ручьи, бежавшие на запад, в Тахо, а один раз мы очутились у глубокой, бурной реки, через которую нам ни за что бы не перебраться, если б я не отыскал брод, приметив два дома, стоявшие напротив друг друга на обоих берегах. Каждый разведчик должен знать, что между такими домами непременно есть брод. Нам не у кого было спросить дорогу, так как нам не попался ни человек, ни зверь, ни другая живая тварь, только вороньё тучами кружилось в небе.

Уже на закате мы выехали в долину, поросшую по склонам могучими дубами. До Алмейхала оставалось никак не больше нескольких миль, и я счел за лучшее ехать лесом, так как весна была ранняя и густая уже листва обещала нас скрыть. Итак, мы ехали разомкнутым строем меж огромных стволов, как вдруг ко мне подскакал один из фланговых дозорных.

— Полковник, на той стороне долины англичане! — крикнул он, отдавая честь.

— Кавалерия или пехота?

— Драгуны, полковник,— отвечал он.— Я видел, как блестят их шлемы, и слышал лошадиное ржание.

Я остановил отряд, а сам выехал на опушку. Сомнений не было. Кавалерийский отряд англичан двигался в том же направлении, что и мы. Я увидел их красные мундиры и их оружие, которое блестело и сверкало меж

деревьев. А когда они проезжали небольшую прогалину, я окинул взглядом весь отряд и решил, что их силы примерно равны моим — не более полуэскадрона.

Вы уже знаете кое-что о моих скромных приключениях и согласитесь, что я принимаю решения быстро и так же быстро их выполняю. Но тут, не скрою, я колебался. С одной стороны, представился прекрасный случай завязать с англичанами кавалерийскую стычку. С другой — мне предстояло дело в Алмейхалском аббатстве, а то и другое сразу было мне не по силам. Если я потеряю хоть одного человека, то наверняка не смогу выполнить приказ. Я сидел в седле, подперев подбородок рукой, затянутой в перчатку, и следил за переливчатым блеском меж деревьев, как вдруг от вереницы красных мундиров отделился один из англичан,— он выехал на открытое место, указывая на меня и пронзительно улюлюкая, словно завидел лисицу. К нему присоединились еще трое, а горнист заиграл сигнал, после чего все они выехали из леса. Как я и думал, это был полуэскадрон, который теперь выстроился в две шеренги по двадцать пять человек, во главе со своим офицером, тем самым, что улюлюкал.

Я мгновенно построил своих в тот же боевой порядок, и теперь нас, гусар и драгун, разделяли какие-нибудь две сотни ярдов травянистой земли. Эти ребята, в красных мундирах, в серебристых шлемах, высоких белых плюмажах, с длинными блестящими саблями глядели орлами; но при всем том, я уверен, они признали бы, что никогда еще не видели таких лихих легких кавалеристов, как полусотня конфланских гусар, стоявших с ними лицом к лицу. Конечно, вооружение у них было более основательное, да и вид, пожалуй, более нарядный, так как Веллингтон заставлял их надраивать всю металлическую амуницию, чего у нас не было в заводе. Однако всем известно, что английские мундиры слишком тесны, чтобы рубить сплеча, и это давало нам преимущество. Что же до храбрости, то глупые и несведущие люди всех наций обычно полагают, что их солдаты храбрее всех на свете. Нет такого народа, который не тешил бы себя этой мыслью. Но человек, повидавший с мое, знает, что особой разни-

цы тут нет, и хотя дисциплина в армиях разная, все они одинаково храбры — одни только французы не имеют себе равных в доблести.

Что ж, пробка полетела в потолок, и бокалы уже были наготове, как вдруг английский офицер поднял саблю, видимо, посылая мне вызов, и поскакал галопом прямо на меня. Клянусь, нет на свете зрелища прекрасней, чем бравый кавалерист на добром коне! Я готов был замереть на месте и, затаив дыхание, смотреть, как он приближается с небрежным изяществом, держа саблю у крупа лошади, откинув назад голову с развевающимся плюмажем — живое воплощение молодости, силы и мужества; сиреневое вечернее небо было у него над головой, а позади него — вековые дубы. Но я не таков, чтобы торчать на месте и глазеть попусту. Быть может, у Этьена Жерара есть свои недостатки, но, клянусь честью, никто еще не посмел обвинить его в медлительности, когда надо действовать. Мой старый конь по кличке Барабан знал меня так хорошо, что рванулся вперед раньше, чем я успел тронуть повод.

На свете есть две вещи, которые я забываю не скоро: лицо хорошенькой женщины и ноги доброго коня. И пока мы скакали друг другу навстречу, я все твердил про себя: «Где я видел эти могучие чалые лопатки? Где я видел эти изящные бабки?» И вдруг, взглянув в смелые глаза, в лицо, которое вызывающе улыбалось, я все вспомнил и узнал — кого бы вы думали? Того самого человека, который спас меня от разбойников и поставил на карту мою свободу, того, чей полный титул был его светлость Милор сэр Рассел Барт.

— Барт! — воскликнул я.

Он уже занес саблю для удара, и, так как его умение владеть оружием оставляло желать лучшего, я свободно мог проткнуть его по меньшей мере в трех местах. Но я поднял саблю для приветствия, и он, опустив свою, уставился на меня.

— Хэлло! — сказал он.— Да это Жерар!

Глядя на него, можно было подумать, что у нас здесь назначено свидание. Я же готов был заключить его в объятия, если б он хоть немного обрадовался встрече.

— А я-то думал, сейчас тут пойдет потеха,— сказал он.— Никак не ожидал, что подвернетесь вы.

Его разочарованный тон вызвал у меня раздражение. Вместо того чтобы обрадоваться встрече с другом, он жалел, что лишился врага.

— С величайшей радостью разделил бы с вами эту потеху, дорогой Барт,— сказал я.— Но, право же, я не могу обратить оружие против человека, который спас мне жизнь.

— Ну, об этом не стоит и вспоминать.

— Нет, позвольте. Я никогда не простил бы себе такой неблагодарности.

— Вы слишком много значения придаете мелочам.

— Моя матушка мечтает только об одном — обнять вас. Если вы когда-нибудь будете в Гаскони...

— Лорд Веллингтон движется туда с шестидесятитысячной армией.

— Что ж, в таком случае один из этих шестидесяти тысяч имеет надежду остаться в живых,— сказал я со смехом.— А пока вложите-ка саблю в ножны!

Наши кони стояли почти вплотную, голова к хвосту, и Барт, протянув руку, похлопал меня по колену.

— Вы добрый малый, Жерар,— сказал он.— Жаль только, что вы родились не по ту сторону Ла-Манша, по какую следовало.

— По ту самую,— возразил я.

— Бедняга! — воскликнул он с таким искренним сочувствием, что я не выдержал и снова рассмеялся.— Но послушайте, Жерар,— продолжал он,— все это прекрасно, однако, сами понимаете, так не годится. Не знаю, что скажет на это Массена, но наш командующий взвился бы до неба, если б мог нас видеть. Ведь и мы и вы посланы сюда не на прогулку.

— Что же вы предлагаете?

— Если помните, мы немного поспорили, кто лучше — гусары или драгуны. Моя полусотня шестнадцатого полка рвется в бой. И ровно столько же ваших молодцов ерзает от нетерпения в седлах. Если мы с вами встанем каждый на правом фланге своего отряда, то не попортим красоту друг другу, хотя маленькое кровопускание в этих краях можно считать дружеской услугой.

Мне подумалось, что он рассуждает вполне здраво. В тот миг мистер Алексис Морган, и графиня Ла Ронда, и Алмейхалское аббатство начисто вылетели у меня из головы, я позабыл обо всем, кроме ровной травянистой долины в предвкушении славной стычки, которая нам предстояла.

— Отлично, Барт,— сказал я.— Мы видели ваших драгун спереди. Поглядим теперь, как они выглядят со спины.

— Пари? — предложил он.

— Ставкой будет не более, не менее, как честь конфланских гусар,— отозвался я.

— Что ж, за дело! — воскликнул он.— Если мы вас побьем — отлично, если же вы нас — тем лучше для маршала Одеколона.

Услышав это, я с удивлением на него уставился.

— А при чем тут маршал Одеколон? — спросил я.

— Так прозывается негодяй, который засел вон в тех местах. Лорд Веллингтон послал меня и моих драгун, чтобы мы вздернули его по всем правилам.

— Тысяча чертей! — вскричал я.— Да ведь Массена послал меня и моих гусар с тем же самым приказом.

Тут мы покатились со смеху и вложили сабли в ножны. Позади нас звякнула сталь — наши подчиненные последовали примеру своих командиров.

— Мы союзники! — воскликнул он.

— Да, на один день.

— Объединим же силы.

— Без всякого сомнения.

Итак, вместо того чтобы вступить в бой, мы повернули свои полуэскадроны и двинулись двумя колоннами вниз по долине; все кивера и шлемы были повернуты в сторону, и люди оглядывали своих соседей с головы до ног, как матерые волки с рваными ушами, которые научились уважать клыки друг друга. Большинство улыбалось во весь рот, но были с обеих сторон и такие, которые смотрели злобно и угрожающе, особенно английский сержант и мой унтер-офицер Папилет. Понимаете ли, у этих людей были давние привычки, и они не могли в один миг изменить весь свой образ мыслей. Кроме того, единственный брат Папилета был убит при Бусако. Что же до нас с Бартом, мы ехали впереди бок

о бок и болтали о том, что произошло со времени той знаменитой партии в экарте, о которой вы уже знаете.

Я рассказал ему о своих приключениях в Англии. Удивительный народ эти англичане. Хотя Барт знал, что я участвовал в двенадцати кампаниях, все же я уверен, что заслужил настоящее уважение в его глазах лишь потому, что вступил в драку с Бастлером-Бристольцем. Между прочим, он сказал, что полковник, который председательствовал в военном трибунале, когда его судили за игру в карты с пленным, отвел от него обвинение в небрежении долгом, но чуть не засудил, заподозрив, что он не откозырял, прежде чем пойти с масти. Да, англичане, скажу я вам, преудивительный народ.

В конце долины дорога сворачивала и шла вверх по склону, а дальше зигзагами спускалась в следующую долину. Достигнув гребня, мы сделали привал; прямо перед нами, на расстоянии каких-нибудь трех миль, виднелся город, лепившийся у подножия горы, на склоне которой стояло единственное большое здание. Не приходилось сомневаться, что мы наконец видим то самое аббатство, где засела шайка негодяев, разогнать которых мы явились. И только тогда, думается мне, мы по-настоящему поняли, что́ нам предстоит, потому что это аббатство оказалось настоящей крепостью, и было ясно само собой, что кавалерию ни в коем случае не следовало посылать на выполнение подобной задачи.

— Это совсем не по нашей части,— сказал Барт.— Пускай Веллингтон и Массена сами идут на такое дело.

— Смелей!— отвечал я.— Пирэ взял Лейпциг с пятьюдесятью гусарами.

— Будь у него драгуны,— возразил Барт со смехом,— он взял бы и Берлин. Но вы старше меня по чину. Ведите же нас, и посмотрим, кто первый дрогнет.

— Ну что ж,— сказал я,— во всяком случае, не будем терять времени, так как мне приказано завтра вечером быть в Абрантише. Но сначала надо кое-что выяснить, и вот я вижу людей, у которых мы все узнаем.

У дороги стоял квадратный, чисто выбеленный домик — судя по ветке плюща над дверью, это была одна

из придорожных таверн, где подкрепляют силы погонщики мулов. У входа висел фонарь, и при его свете мы увидели двух человек, одного в коричневом облачении капуцина, а другого в переднике, по которому мы и признали хозяина таверны. Они были так поглощены разговором, что мы подошли вплотную, прежде чем они нас заметили. Хозяин хотел было скрыться, но один из англичан схватил его за волосы и не дал улизнуть.

— Ради всего святого, пощадите меня!— возопил он.— Мой дом опустошен французами и разорен англичанами, а эти разбойники жгли мне ноги огнем. Клянусь святой девой, у меня в таверне нет ни денег, ни еды, добрый отец аббат, который умирает с голоду на моем крыльце, тому свидетель.

— В самом деле, мсье,— сказал капуцин на прекрасном французском языке,— то, что говорит этот достойный человек, истинная правда. Он одна из многих жертв теперешних жестоких войн, хотя его утрата — капля в море по сравнению с тем, что потерял я. Отпустите его,— добавил он, обращаясь к драгуну по-английски,— он слишком слаб, чтобы бежать, даже если б и захотел.

При свете фонаря я увидел, что этот монах был красивый темноволосый бородатый мужчина с ястребиным взглядом, да такой рослый, что его капюшон достигал ушей Барабана. У него был вид человека, который перенес много страданий, но держался он, словно король, и мы вполне могли судить о его образованности, так как он с каждым из нас говорил на его родном языке так свободно, словно на своем собственном.

— Не бойтесь,— сказал я дрожащему хозяину таверны.— Ну, а вы, святой отец, если не ошибаюсь, как раз тот человек, который может сообщить нам все необходимые сведения.

— Я весь в твоем распоряжении, сын мой. Но,— добавил он со слабой улыбкой,— во время великого поста пища моя всегда скудна, а в этом году я питался так плохо, что вынужден просить корку хлеба, дабы обрести силы отвечать на вопросы.

У нас в ранцах был двухдневный паек, и монаха тотчас накормили. Ужасно было видеть, с какой жадностью

схватил он кусок сушеной козлятины, который я ему предложил.

— Время не ждет, так что перейдем прямо к делу,— сказал я.— Нам нужно узнать слабые места вон того аббатства и обычаи тех негодяев, которые там засели.

Он выкрикнул какое-то слово, как мне показалось, по-латыни, стиснул руки и закатил глаза.

— Молитва праведника всегда доходит до господа,— сказал он,— и все же я не смел надеяться, что на мою он откликнется столь быстро. Ведь перед вами несчастный аббат Алмейхала, которого вышвырнул вон этот сброд из трех армий по приказу своего еретика главаря. Ах, подумать только, что я потерял!

Голос его пресекся, и на глаза навернулись слезы.

— Ободритесь, святой отец,— сказал Барт.— Ставлю девять против четырех, что еще до завтрашнего вечера мы водворим вас обратно.

— Я пекусь не о своем благе,— сказал он,— и даже не о нашей бедной бездомной братии. Я пекусь о священных реликвиях, оставшихся в святотатственных руках этих разбойников.

— Держу пари, что они их и не заметили,— сказал Барт.— Но укажите нам, как проникнуть за ворота, и мы живо очистим ваше аббатство.

Добрый аббат в коротких словах сообщил нам все, что мы хотели знать. Но то, что он сказал, делало нашу задачу еще более трудной. Стены аббатства имели сорок футов в высоту. Нижние окна были забаррикадированы и по всему зданию проделаны амбразуры. В шайке соблюдалась военная дисциплина, часовые были слишком многочисленны, так что не было надежды захватить их врасплох. Теперь стало тем более очевидно, что здесь нужен батальон гренадеров и несколько штурмовых отрядов. Я поднял бровь, а Барт принялся насвистывать.

— Была не была, придется попытаться,— сказал он.

Наши люди уже спешились и, напоив коней, принялись за ужин. Я же вместе с аббатом и Бартом вошел в таверну, где мы стали обсуждать план действий.

У меня во фляжке было немного коньяку, который я разделил между всеми — его едва хватило омочить усы.

— Мне кажется,— сказал я,— что эти негодяи едва ли подозревают о иашем появлеиии. По дороге я не заметил иикаких следов их разведки. Предлагаю такой плаи: мы спрячемся в лесу где-иибудь по соседству, а когда оии откроют ворота, атакуем их н захватим врасплох.

Барт согласился, что трудно придумать лучший плаи, ио когда мы стали обсуждать подробиости, аббат объясиил нам, что тут немало препятствий.

— На целую милю от аббатства иегде укрыть ии коией, ии людей,— сказал он.— А на горожаи никак иельзя положиться. Боюсь, сыи мой, что твой превосходиый плаи едва ли удастся, так как эти иегодяи ие дремлют.

— Не вижу ииого пути,— возразил я.— Конфланских гусар ие так много, чтобы я решился повести полуэскадрон на штурм сорокафутовых стен, за которымн засело пятьсот пехотиицев.

— Я человек мирный,— сказал аббат,— н все же, быть может, я дам вам полезный совет. Я нзучнл этих иегодяев и их обычаи. Никто не мог бы сделать это лучше, ведь я целый месяц провел в этом уедииеииом доме, со скорбью в сердце взнрая иа аббатство, которое еще недавно было монм. И я скажу вам, что сделал бы я сам иа вашем месте.

— Раdн бога, говорите, святой отец! — вскричали мы в одии голос.

— Да будет вам известио, что вооружеииые отряды дезертиров из французской и аиглийской армий иепрерывио присоедиияются к иим. Что же мешает вам с вашими людьми пртворнться, будто вы — отряд дезертиров, и таким путем проникнуть в аббатство?

Я был поражен простотой этого плана н обиял доброго аббата. Одиако Барт не был удовлетворен.

— Все это превосходио,— сказал ои,— но если разбойннки проиицательны, как вы говорите, маловероятно, что оии пустят в свое логово сотню иезиакомых вооружеиных людей. Из того, что я слышал о мистере Моргаие, или маршале Одеколоне, или как там еще зовут этого разбойника, следует, что на это у него хватит соображения.

— Ну так что ж с того! — воскликнул я. — Пошлем туда пятьдесят человек, а на рассвете они откроют ворота и впустят остальных, которые будут ждать снаружи.

Мы еще долго обсуждали этот вопрос, проявив немалую предусмотрительность и благоразумие. Будь на месте двоих офицеров легкой кавалерии Массена с Веллингтоном, даже они не взвесили бы все более тщательно. Наконец мы с Бартом согласились, что одному из нас с пятьюдесятью людьми следует отправиться в аббатство, притворившись, будто мы дезертиры, с тем чтобы ранним утром пробиться к воротам и впустить остальных. Правда, аббат по-прежнему утверждал, что опасно дробить силы, но, видя наше единодушие, он пожал плечами и уступил.

— Я хочу знать только одно, — сказал он. — Если этот маршал Одеколон, этот пес, этот душегуб, попадет к вам в руки, что вы с ним сделаете?

— Повесим его, — отвечал я.

— Ну нет, это слишком легкая смерть! — вскричал капуцин, и его темные глаза сверкнули жаждой мести. — Будь на то моя воля... но, увы, что за мысли у слуги господа нашего!

Он хлопнул себя по лбу, как человек, который чуть не помешался от несчастий, и выбежал из комнаты.

Нам предстояло решить еще один немаловажный вопрос — кто именно, англичане или французы, удостоится чести первыми войти в аббатство. Клянусь, требовать от Этьена Жерара, чтобы он в такую минуту кому-то уступил, — ну нет, это слишком! Но бедняга Барт так умолял меня, напирая на то, что он почти не участвовал в боях, тогда как я побывал в семидесяти четырех сражениях, что я наконец согласился пустить его вперед. Только мы скрепили уговор рукопожатием, как на дворе вдруг раздались такие крики, проклятия и вопли, что мы стремглав выбежали наружу, выхватив сабли, уверенные, что на нас напали разбойники.

Можете представить себе наши чувства, когда при свете фонаря, висевшего над крыльцом, мы увидели десятка два наших гусар и драгун, которые сбились в кучу, красные мундиры вперемежку с голубыми, шлемы с киверами, и яростно колотили друг друга. Мы броси-

лись в самую гущу драки, умоляя, угрожая, хватая их за воротники и за сапоги со шпорами, и наконец растащили дерущихся. Они стояли, красные, окровавленные, сверля друг друга глазами и тяжело дыша, как колонна лошадей после десятимильной скачки. Только наши обнаженные клинки удерживали их от того, чтобы вцепиться друг другу в глотки. Бедняга капуцин стоял на крыльце в своем длинном коричневом одеянии, ломая руки и взывая к заступничеству всех святых.

После строгого дознания выяснилось: он и в самом деле был невольной причиной переполоха, потому что, не зная, как близко к сердцу принимают такие вещи солдаты, сказал английскому сержанту, что, как ни жаль, его эскадрон уступает французскому. Едва эти слова сорвались с его губ, как драгун ударом кулака сбил с ног первого подвернувшегося под руку гусара, и в тот же миг все бросились друг на друга, как тигры. После этого мы уже не могли на них положиться, и Барт отвел своих в сад, а я своих — на задний двор, причем англичане угрюмо молчали, а наши грозили кулаками и бормотали проклятия — каждый на свой лад.

Коль скоро план действий был согласован, мы сочли за лучшее немедленно приступить к его исполнению, пока между нашими людьми по какой-либо причине не вспыхнула новая ссора. Барт со своими отправился в аббатство, предварительно сорвав кружева с рукавов и нашивки с воротника, а заодно сняв и пояс, так что он вполне мог сойти за рядового драгуна. Он объяснил своим подчиненным, что от них требуется, и, хотя они не орали и не размахивали саблями, как сделали бы мои на их месте, на их бесстрастных, чисто выбритых лицах было такое выражение, что я уже не сомневался в успехе. Мундиры их были расстегнуты, ножны и шлемы выпачканы грязью, а конская сбруя плохо подтянута, чтобы они были похожи на отряд дезертиров, в котором нет ни порядка, ни дисциплины. На другое утро, в шесть часов, им предстояло захватить главные ворота аббатства, и в тот же самый час мои гусары должны были подскакать туда. Мы с Бартом поклялись в этом друг другу, прежде чем он увел на рысях своих драгун. Папилет с двумя гусарами последовал за англичанами на некотором расстоянии и, вернувшись через полчаса, доложил, что после

недолгих переговоров, во время которых англичан освещали фонарями из-за решетки, их впустили в аббатство.

Итак, пока все шло хорошо. Ночь выдалась облачная, моросил дождь, что оказалось нам на руку, так как было менее вероятно, что нас обнаружат. Я выставил дозорных на двести ярдов во все стороны на случай внезапного нападения, а также для того, чтобы какой-нибудь крестьянин, который мог случайно на нас наткнуться, не донес об этом в аббатство. Удэи и Папилет должны были дежурить по очереди, а остальные удобно расположились вместе со своими конями в большом деревянном амбаре. Обойдя их и убедившись, что все в порядке, я растянулся на койке, которую отвел мне хозяин таверны, и заснул крепким сном.

Вы, без сомнения, знаете, что я слыву образцовым солдатом, и не только среди друзей и почитателей в этом городе, но и среди старых офицеров, которые участвовали в великих войнах и вместе со мной прошли через эти знаменитые кампании. Однако в интересах истины и скромности должен сказать, что это не так. Мне недостает некоторых качеств — разумеется, их крайне немного, но все же в огромной армии императора можно было найти людей, свободных от тех недостатков, которые отделяют меня от полного совершенства. О храбрости я не говорю. Пусть об этом скажут те, кто видел меня в деле. Я часто слышал, как солдаты толковали вокруг костра о том, кто самый храбрый человек в Великой армии. Одни говорили — Мюрат, другие — Лассаль, некоторые — Ней; но когда спрашивали меня, я только пожимал плечами и улыбался. Ведь было бы самонадеянностью, если б я ответил, что нет человека храбрее, чем бригадир Жерар. Однако факт остается фактом, и человек сам лучше всех знает свою душу. Но, кроме храбрости, есть другие достоинства, необходимые солдату, и одно из них — чуткий сон. А меня с самого детства трудно было добудиться, и это едва не погубило меня в ту ночь.

Было, вероятно, около двух часов, когда я вдруг почувствовал, что мне нечем дышать. Я хотел крикнуть, но что-то не давало мне издать ни звука. Я сделал попытку встать, но мог только барахтаться, как лошадь, у которой подрезаны сухожилия. Мои лодыжки, колени и запястья

были туго скручены веревками. Только глаза не были завязаны, и при свете фонаря я увидел в ногах своей койки — как вы думаете, кого? Аббата и хозяина таверны!

Накануне вечером широкое белое лицо хозяина, казалось, не выражало ничего, кроме глупости и страха. Теперь же, напротив, каждая его черта дышала жестокостью и злобой. Никогда еще я не видел такого свирепого негодяя. В руке он сжимал длинный, тускло поблескивавший нож. Аббат же держался с прежним утонченным достоинством. Однако его монашеское облачение было распахнуто, и под ним я увидел черный мундир с аксельбантами, какие носили английские офицеры. Наши глаза встретились, и он, опершись о деревянную спинку кровати, стал молча смеяться, навалившись на нее так, что она затрещала.

— Надеюсь, вы извините мой смех, дорогой полковник Жерар,— сказал он.— Дело в том, что, когда вы поняли свое положение, у вас было довольно забавное лицо. Без сомнения, вы превосходный солдат, но не думаю, чтобы вы могли поспорить в сообразительности с маршалом Одеколоном, как ваши люди любезно меня окрестили. Вы, очевидно, были не слишком высокого мнения о моем уме, что доказывает, да будет мне позволено заметить, недостаток у вас проницательности. Право, разве только за исключением моего тупоголового соотечественника, английского драгуна, я в жизни не встречал человека, менее подходящего для подобных поручений.

Можете представить себе мои чувства и мой вид, когда я слушал эти наглые разглагольствования, преподносимые в той цветистой и снисходительной форме, благодаря которой этот негодяй и получил свое прозвище. Я лишен был возможности ему ответить, но они, видимо, прочли угрозу в моих глазах, потому что тот, который играл роль хозяина, шепнул что-то своему товарищу.

— Нет, нет, дорогой Шенье, живой он будет нам куда полезнее,— сказал тот.— Кстати, полковник, ваше счастье, что у вас такой крепкий сон, не то мой друг, у которого манеры несколько грубоватые, без сомнения, перерезал бы вам глотку, вздумай вы поднять тревогу. Советую вам не злоупотреблять его снисходительностью, пото-

му что сержант Шенье, служивший ранее в Седьмом полку императорской легкой пехоты, человек куда более опасный, нежели капитан Алексис Морган из гвардии Его Величества.

Шенье осклабился и погрозил мне ножом, а я всем своим видом постарался выразить презрение, которое испытал при мысли, что солдат императора может пасть столь низко.

— Думаю, вам будет любопытно узнать,— сказал маршал все тем же тихим, вкрадчивым голосом,— что за обоими вашими отрядами следили с той самой минуты, как вы покинули свои лагеря. Надеюсь, вы согласитесь, что мы с Шенье недурно сыграли свои роли. Мы сделали соответствующие распоряжения, дабы вас достойно встретили в аббатстве, хотя надеялись принять целый эскадрон вместо половины. Когда ворота надежно запираются за гостями, они попадают в очаровательный четырехугольный средневековый дворик, откуда нет выхода, а из сотни окон на них нацеливаются ружья. Им приходится выбирать: либо сдаться, либо получить пулю. Между нами говоря, у меня нет ни малейших сомнений, что у них хватило здравого смысла выбрать первое. Но, поскольку вы, естественно, в этом деле лицо заинтересованное, мы полагаем, что вы соблаговолите составить нам компанию и все увидите своими глазами. Думается, я могу вам обещать, что ваш титулованный друг ждет вас в аббатстве и физиономия у него такая же вытянутая, как и у вас.

Затем оба негодяя начали перешептываться, обсуждая, насколько я мог расслышать, как лучше всего обойти моих дозорных.

— Пойду погляжу, нет ли кого-нибудь за амбаром,— сказал наконец маршал.— А ты, мой добрый Шенье, оставайся здесь, и, если пленный вдруг окажет неповиновение, ты знаешь, как тебе поступить.

И мы остались вдвоем — этот подлый предатель и я. Он сидел в ногах кровати и точил нож о подошву сапога при свете единственной чадящей керосиновой лампы. А я—теперь, оглядываясь назад, я могу только удивляться, как я не сошел с ума от досады и угрызений совести, когда лежал беспомощный на кровати, не имея возможности крикнуть или хоть пальцем шевельнуть, зная, что мои

пятьдесят храбрецов тут, рядом, но у меня нет способа дать им знать, в какое отчаянное положение я попал. Для меня не впервой было оказаться в плену; но чтобы меня схватили эти изменники и отвели в аббатство под градом насмешек, одураченного и обманутого их наглыми главарями,— этого я не мог перенести. Нож мясника, сидевшего рядом со мною, причинил бы мне меньше страданий.

Я незаметно напряг руки, потом ноги, но тот из этих двоих негодяев, который связал меня, был мастером своего дела. Я не мог пошевельнуться. Тогда я сделал попытку освободиться от носового платка, которым мне заткнули рот, но разбойник, сидевший подле меня, занес нож с таким угрожающим ворчанием, что мне пришлось оставить свои попытки. Я лежал неподвижно, глядя на его бычью шею, и думал, посчастливится ли мне когда-нибудь подобрать для нее галстук, как вдруг услышал в коридоре, а потом на лестнице шаги: главарь возвращался. Какие известия принес этот негодяй? Если он убедился, что похитить меня тайком невозможно, то, вероятно, прирежет на месте. Мне было все равно, что со мной станется, и я посмотрел на дверь с презрением и вызовом, которые так жаждал выразить словами. Но вы поймете мои чувства, дорогие друзья, когда вместо высокой фигуры и смуглого, насмешливого лица капуцина я увидел серый ментик и длинные усы моего доброго Папилета!

Французский солдат в те времена слишком много повидал, чтобы удивляться. Одного взгляда на меня, связанного по рукам и ногам, и на зловещее лицо рядом со мной было для него довольно, чтобы понять, в чем дело.

— Ах ты, дьявол! — зарычал он, и в воздухе сверкнула выхваченная из ножен сабля.

Шенье бросился на него с ножом, но, поняв, чем тут пахнет, сразу же метнулся назад и всадил нож мне в сердце. Но я скатился на другую сторону кровати, прочь от него, и нож только царапнул мне бок, вспоров одеяло и простыню. А через мгновение я услышал стук упавшего тела, и почти в тот же миг что-то ударилось об пол — нечто более легкое, но твердое — и закатилось под кровать. Не стану рассказывать вам все ужасные подроб-

ности, друзья мои. Достаточио сказать, что Папилет был одним из лучших рубак в полку и сабля у иего была тяжелая н острая. Оиа оставнла красиые следы у меня на запястьях и лодыжках, когда ои перерезал мои путы.

Вытащив изо рта кляп, я первым делом косиулся губами иссеченной шрамами щеки сержанта. А вслед за тем с этих губ сорвался вопрос, все ли благополучно в отряде. Да, там все спокойно. Удэн только что смеиил его, и он явился ко мие с рапортом. Видел ли ои аббата? Нет, ие видел. В таком случае надо окружить таверну, чтобы он ие улизиул. Я поспешил к двери, чтобы отдать прнказания, но тут услышал виизу, у входа, медленные, размереииые шаги н скрнп ступеией иа лестиице.

Папилет мигом сообразил, что к чему.

— Его надо взять живым,— шепиул я и толкиул сержанта в темноту по одну сторону двери, а сам притаился по другую.

Разбойник подиимался все выше, и каждый его шаг громким эхом отдавался в моем сердце. Едва иа пороге показалось корнчневое облачение, мы вдвоем набросилнсь на главаря разбойииков, как два волка иа быка, и все трое с грохотом повалились иа пол. Ои дрался, как тигр, и обладал такой необычайиой силой, что чуть ие вырвался из иаших рук. Трижды ему удавалось встать на иоги, и трижды мы снова валили его, пока Папилет ие приставил к его горлу саблю. У иего хватило здравого смысла понять, что игра проиграна, и он присмирел, а я связал его темн же самыми веревками, которымн иедавно был скручен сам.

— Карты пересдали, милейший,— сказал я,— и вы сейчас убедитесь, что на этот раз у меия есть кое-какие козыри.

— Дуракам везет,—отвечал он.—Что ж, может быть, это не так уж и плохо, иначе всем миром завладели бы умники. Я вижу, вы прикоичили Шеиье. Он был иепокорным мерзавцем, н от иего всегда омерзительио воияло чесноком. Вас не затрудиит положить меия на кровать? Полы в этих португальских тавериах — малоподходящее ложе для человека, который буквальио помешан иа чистоте.

Я поневоле восхищался хладнокровием этого разбойника, сохранившего свою наглую снисходительность, несмотря на внезапную перемену ролей. Я послал Папилета за конвоирами, а сам стоял над пленником с обнаженной саблей, ни на миг не спуская с него глаз, потому что, должен признаться, испытывал уважение к его смелости и находчивости.

— Надеюсь,— сказал он,— ваши люди будут обращаться со мной подобающим образом.

— Вы получите по заслугам, будьте уверены.

— Большего я и не прошу. Вероятно, вам неизвестно, какого я высокого происхождения, но обстоятельства таковы, что я не могу назвать своего отца, не совершив предательства, или свою мать, не опозорив ее. Я не могу требовать королевских почестей, подобные вещи гораздо приятней получать по доброй воле. Эти путы стянуты слишком туго. Не будете ли вы любезны ослабить их?

— Вы, очевидно, не слишком высокого мнения о моем уме,— заметил я, повторяя его собственные слова.

— Туше [1]! — воскликнул он, как раненый фехтовальщик.— Но вот и ваши люди, так что теперь вы можете без опасения ослабить веревки.

Я приказал сорвать с него облачение и держать его под надежной охраной. Так как уже брезжил рассвет, мне нужно было подумать, что предпринять дальше. Бедняга Барт вместе со своими людьми попал в хитро расставленную ловушку, и если б мы приняли все коварные предложения нашего советчика, в плену оказалась бы не половина, а все наши силы. Я должен, если это еще возможно, вызволить англичан. И, кроме того, нужно подумать о старой графине Ла Ронда. Что же касается аббатства, то, поскольку его гарнизон начеку, нечего и думать его захватить. Теперь все зависело от того, насколько они дорожат своим главарем. Исход игры решала эта единственная карта. И я сейчас расскажу вам, как смело и искусно я сыграл.

Едва рассвело, мой трубач протрубил сбор, и мы рысью выехали на равнину. Моего пленника везли верхом в

---

[1] Фехтовальный термин, означающий прикосновение оружия к противнику.

самой середине отряда. На расстоянии выстрела от главных ворот аббатства росло большое дерево, под которым мы и остановились. Если б они распахнули ворота и бросились в атаку, я бы им показал; но, как я и ожидал, они предпочли остаться в аббатстве и усеяли стену во всю длину, осыпая нас насмешками, гиканьем и презрительным хохотом. Некоторые выпалили раз-другой из ружей, но, убедившись, что мы вне выстрела, вскоре перестали попусту тратить порох. Странное это было зрелище — вся эта смесь французских, английских и португальских, кавалерийских, пехотных и артиллерийских мундиров, обладатели которых вертели головами и показывали нам кулаки.

Но клянусь, весь этот гвалт сразу смолк, едва мы разомкнули ряды и показали, кого привезли! На несколько секунд воцарилось молчание, а потом раздался яростный и тоскливый вой! Я видел, что некоторые, как безумные, прыгают по стене. Должно быть, он был необыкновенный человек, наш пленник, если вся шайка так любила его.

Я прихватил из таверны веревку, и теперь мы перекинули ее через нижний сук дерева.

— Позвольте мне, мсье, расстегнуть на вас воротник,— сказал Папилет с насмешливой почтительностью.

— Только при условии, если руки у вас безукоризненно чистые,— ответил наш пленник, и все мои гусары рассмеялись.

Со стены снова раздался вой, который сменился гробовым молчанием, когда петлю надели на шею маршала Одеколона. Потом пронзительно заиграла труба, ворота аббатства распахнулись, и оттуда выбежали трое, размахивая белыми тряпками. Ах, сердце мое так и подскочило от радости, когда я их увидел! И все же я не сделал ни одного шага им навстречу, так как хотел, чтобы они были единственной заинтересованной стороной. Я только велел своему трубачу махнуть в ответ платком, после чего три парламентера бегом подбежали к нам. Маршал, все еще связанный и с веревкой на шее, сидел в седле и слегка улыбался со скучающим видом, словно прятал свою скуку под этой улыбкой. Попади я сам в такое же положение, я не мог бы держаться лучше, а это, конечно, высшая похвала в моих устах.

Удивительную троицу составляли эти парламентеры. Один был португальский caçador[1] в черном мундире; второй — французский егерь в светло-зеленом; третий — здоровенный английский артиллерист в синем с золотом. Все трое отдали честь, после чего француз заговорил.

— В наших руках тридцать семь английских драгун,— заявил он.— Мы торжественно клянемся, что все они повиснут на стене аббатства через пять минут после смерти нашего маршала.

— Тридцать семь! — воскликнул я.— Но ведь их пятьдесят один человек!

— Четырнадцать было зарублено, прежде чем их успели взять под стражу.

— А офицер?

— Он согласился отдать свою шпагу лишь вместе с жизнью. Это не наша вина. Мы спасли бы его, если б могли.

Бедняга Барт! Я встречался с ним всего дважды, и все же он крепко мне полюбился. Я всегда хорошо относился к англичанам из уважения к этому единственному моему английскому другу. Никогда в жизни я не видел более храброго человека и скверного фехтовальщика.

Сами понимаете, я не поверил ни единому слову этих негодяев. Я послал с одним из них Папилета, и он, вернувшись, подтвердил, что все правда. Теперь надо было подумать о живых.

— Если я освобожу вашего главаря, отпустите ли вы тридцать семь драгун?

— Мы освободим десять.

— Вздернуть его! — приказал я.

— Двадцать! — крикнул егерь.

— Довольно слов,— сказал я.— Тяните веревку!

— Всех! — закричал парламентер, когда петля захлестнулась на горле маршала.

— С конями и оружием?

Они поняли, что со мной шутки плохи.

— Со всем, что у них есть,— угрюмо буркнул егерь.

— И графиню Ла Ронда тоже? — спросил я.

[1] Стрелок *(португальск.)*.

Но здесь я столкнулся с куда большим упорством. Никакие угрозы с моей стороны не могли заставить их отпустить графиню. Мы затянули петлю. Тронули с места лошадь. Сделали все, только не вздернули маршала. Если б я сломал ему шею, ничто не спасло бы драгун. Поэтому я дорожил ею не меньше, чем они.

— Да позволено мне будет заметить,— учтиво сказал маршал,— что вы подвергаете меня риску схватить ангину. Не кажется ли вам, что, поскольку мнения по этому вопросу разделились, лучше всего будет узнать желание самой графини? Никто из нас, я уверен, не захочет действовать вопреки ее воле.

Лучшего нечего было и желать. Сами понимаете, я сразу ухватился за столь простое решение. Через десять минут она была уже перед нами, величественная дама, у которой из-под мантильи выглядывали седые букли. Лицо у нее было совсем желтое, словно отражало бесчисленные дублоны ее состояния.

— Этот господин,— сказал маршал,— желает препроводить вас в такое место, где вы больше никогда нас не увидите. В вашей воле решить, отправитесь ли вы с ним или же предпочтете остаться со мной.

В один миг она очутилась у его стремени.

— Мой дорогой Алексис,— воскликнула она,— ничто не может нас разлучить!

Он взглянул на меня с насмешливой улыбкой на красивом лице.

— Кстати, вы допустили маленькую оговорку, дорогой полковник,— сказал он.— Кроме титула, носимого в силу обычая, не существует никакой вдовы Ла Ронда. Дама, которую я имею честь вам представить,— моя горячо любимая жена госпожа Алексис Морган — или вернее назвать ее мадам маршал Одеколон?

В этот миг я понял, что имею дело с самым умным и неразборчивым в средствах человеком, какого мне доводилось видеть. Я посмотрел на несчастную старуху, и душа моя исполнилась удивления и отвращения. А она, не отрываясь, смотрела на него с таким восторгом, с каким юный рекрут смотрел бы на императора.

— Что ж, пусть будет так,— сказал я наконец.— Отпустите драгун, и я уйду.

Их привели вместе с лошадьми и оружием, и мы сняли петлю с шеи маршала.

— До свидания, дорогой полковник,— сказал он.— Боюсь, что когда вы вернетесь к Массена, рапорт об исполнении его приказа окажется далеко не блестящим, хотя, насколько мне известно, у него будет слишком много забот, чтобы думать о вас. Готов признать, что вы выпутались из трудного положения с ловкостью, какой я не предполагал. Кажется, я ничего не могу для вас сделать, прежде чем вы покинете эти места?

— Только одно.

— Что же именно?

— Похоронить достойным образом молодого английского офицера и его людей.

— Обещаю вам.

— И еще одно.

— Говорите.

— Уделить мне пять минут с обнаженной саблей, верхом на коне.

— Ай-ай! — сказал он.— Ведь тогда мне придется либо пресечь вашу блестящую карьеру в самом начале, либо проститься навек со своей костлявой супругой. Право, неразумно обращаться с такой просьбой к человеку, которому предстоит медовый месяц.

Я собрал своих кавалеристов и построил их в колонну.

— Прощайте! — воскликнул я, помахав ему саблей.— В следующий раз вы от меня так легко не ускользнете.

— Прощайте,— отвечал он.— Когда вам надоест император, для вас всегда найдется местечко на службе у маршала Одеколона.

VI

КАК БРИГАДИР ПЫТАЛСЯ ВЫИГРАТЬ ГЕРМАНИЮ

Мне иногда кажется, что кое-кто из вас, послушав, как я рассказываю о своих скромных приключениях, уходит отсюда с мыслью, что я тщеславен. Невозможно ошибиться более жестоко, ибо я замечал, что на-

стоящие солдаты всегда свободны от этого недостатка. Да, мне действительно порой приходилось изображать себя храбрым, порой — необычайио изобретательиым и всегда иа редкость интересиым человеком, но ведь так оно и было на самом деле, и я должеи преподиоснть факты, как оии есть. Было бы недостойным жеманством, если б я стал отрицать, что моя карьера всегда была блестящей. Но сегодия я расскажу вам о таком случае, о котором можно услышать лишь от человека, чуждого тщеславия. В конце концов офнцер, достигший моего положеиия, может позволить себе говорить о том, о чем простой смертный предпочел бы умолчать.

Итак, да будет вам известно, что после русской кампаиии остатки иашей несчастной армии были размещеиы на западном берегу Эльбы, где люди отогрелн свою заледеневшую кровь и старались с помощью доброго иемецкого пива нарастить на костях хоть немиого мяса. Конечио, многого мы лишились безвозвратио, потому что, доложу я вам, три больших обозиых фургоиа не свезли бы все пальцы рук и ног, которые наша армия потеряла во время отступления. И все же, отощавшие н искалеченные, мы горячо благодарили бога, когда вспоминали о наших бедных товарищах, которых оставили там, и о заснеженных полях — ах, эти ужасные, ужасные поля! По сей день, друзья мои, я ие могу видеть рядом два цвета — красиый и белый. Стоит мие увидеть мою красную фуражку иа чем-нибудь белом, мне всю ночь сиятся эти жуткие равиины, измучеииая, едва бредущая армия и алые пятна, которые сверкали иа снегу позади иас. Не просите меня рассказать об этом, потому что при одном воспоминании о тех временах вино превращается для меия в уксус, а табак — в солому.

От полумиллиоиной армии, которая перешла Эльбу осенью двенадцатого года, к весне триiадцатого осталось всего около сорока тысяч пехоты. Но они были страшны, эти сорок тысяч: железиые люди, которые ели конину и спали иа сиегу; к тому же они были преисполиеиы лютой иенависти к русским. Оии продержались бы иа Эльбе, покуда новая могучая армия, которую император собирал во Фраиции, помогла бы им перейти ее вновь.

Но кавалерия была в жалком состоянии. Гусар моего полка разместили в Борна, и, когда я в первый раз выстроил их, из глаз у меня потекли слезы. Ах, мои храбрецы и их добрые кони... Сердце мое разрывалось, когда я видел, в каком они состоянии. «Мужайся,— сказал я себе тогда,— они потеряли многое, но их любимый полковник с ними». И я принялся за дело, привел их в божеский вид и уже сколотил два хороших эскадрона, когда пришел приказ всем кавалерийским полковникам немедленно отправляться во Францию, в полковые учебные лагеря, чтобы подготовить новобранцев и запасных лошадей для новой кампании.

Вы, без сомнения, подумаете, что я до смерти обрадовался случаю снова побывать на родине. Не стану отрицать, что меня обрадовала возможность свидеться с матушкой, да и некоторым девицам было бы приятно такое известие; но в армии я был нужнее. Я охотно уступил бы свое место тем, у кого были жены и дети, которых им, возможно, не придется больше увидеть. Однако какие могут быть рассуждения, когда получаешь голубую бумагу с маленькой красной печатью, и через час я уже отправился в долгий путь от Эльбы к Вогезам. Наконец для меня наступили спокойные времена. Война осталась за хвостом моей лошади, а перед ее мордой лежали мирные края. Так думал я, когда звуки труб замерли вдали и впереди зазмеилась длинная белая дорога, которая шла через равнины, леса и горы, и где-то там, за голубой дымкой на горизонте, раскинулась Франция.

Интересно, но в то же время утомительно ехать через армейские тылы. Во время сбора урожая наши солдаты отлично обходились без припасов, так как были приучены собирать зерно в полях, через которые проходили, и молоть его собственными руками на привалах. В такое время года и совершались те молниеносные броски, повергавшие Европу в изумление н ужас. Но теперь изголодавшимся людям надо было окрепнуть, н мне приходилось то и дело сворачивать в канаву, так как по дороге сплошным потоком двигались гобурские овцы и баварские волы тащили фургоны, груженные берлинским пивом и добрым французским коньяком. Кроме того, порой я слышал отрывистый грохот бараба-

нов и пронзительный свист дудок, и мимо меня маршировали длинные колонны наших молодцов-пехотинцев в синих мундирах, выбеленных густым слоем пыли. Это были старые солдаты, набранные из гарнизонов наших крепостей в Германии, потому что новобранцы из Франции начали прибывать только в мае.

Ну, мне порядком надоело без конца останавливаться да сворачивать с дороги, и я был рад, когда добрался до Альтенбурга и увидел распутье, позволявшее мне свернуть на южную, менее оживленную дорогу. До самого Грейца мне почти никто не встретился, и дорога шла через дубравы и буковые рощи, так что ветки висели прямо над головой. Вам показалось бы странным, что гусарский полковник то и дело останавливает коня и любуется красотой пушистых ветвей и едва распустившихся зеленых листочков, но если б вам довелось полгода пробыть среди русских елей, вы бы меня поняли.

Однако было вокруг и нечто такое, что радовало меня куда меньше, чем красота природы,— слова и взгляды людей в деревнях, затерянных среди лесов. С немцами мы всегда были в самых добрых отношениях, и за последние шесть лет они как будто не питали к нам никакой злобы за то, что мы несколько вольно распоряжались их страной. Мы были добры к мужчинам, а женщины были добры к нам, так что милая, уютная Германия стала для нас как бы второй родиной. Но теперь в поведении людей появилось что-то такое, чего я не мог понять. Встречные не отвечали на мои приветствия; лесники отворачивались, избегая моих взглядов, а в деревнях люди собирались кучками на дороге и неприязненно глядели мне вслед. Так поступали даже женщины, а в те дни я не привык видеть в женских глазах, устремленных на меня, что-нибудь, кроме улыбки.

Особенно остро я почувствовал это в деревне Шмолин, всего в десяти милях от Альтенбурга. Я остановился на маленьком заезжем дворе, чтобы промочить горло и выполоскать пыль из глотки бедной Фиалки. Я имел обыкновение в таких случаях говорить комплимент девушке, которая мне прислуживала, а то и сорвать у нее поцелуй, но эта не желала ни того,

ни другого, а пронзила меня взглядом, как штыком. Когда же я поднял стакан за здоровье людей, которые пили пиво у двери, все они повернулись ко мне спиной, кроме одного, который воскликнул: «За вас, ребята! За букву «Т»!» При этом все осушили свои кружки и засмеялись, но смех их был совсем не дружелюбным.

Я недоумевал и никак не мог взять в толк, что означает их грубое поведение, а когда выехал из деревни, увидел большое «Т», совсем недавно вырезанное на дереве. В то утро я видел эту букву уже не раз, но не обращал на нее внимания, однако после слов этого малого в пивной понял, что тут дело нечисто. Мимо как раз проезжал почтенного вида человек, и я решил расспросить его.

— Не скажете ли мне, почтеннейший, что означает эта буква «Т»? — спросил я.

Он как-то странно посмотрел на нее, потом на меня.

— Молодой человек,— сказал он,— «Т» — это совсем не то, что «Н».

Я не успел и рта раскрыть, как он дал лошади шпоры и во весь дух поскакал дальше.

Его слова поначалу не произвели на меня особого впечатления, но когда я рысью поехал дальше, Фиалка слегка повернула свою красивую голову, и в глаза мне бросилась медная сверкающая буква «Н» на уздечке. Это был инициал императора. А «Т» означало нечто обратное. Значит, за время нашего отсутствия в Германии что-то произошло, спящий гигант зашевелился. Я вспомнил злобные лица, которые видел по пути, и почувствовал, что если б я мог заглянуть в сердца этих людей, то привез бы во Францию странные вести. Тут мне еще больше захотелось поскорей получить запасных лошадей и увидеть за собой десять боевых эскадронов, скачущих под гром литавр.

Пока эти мысли мелькали у меня в голове, я переходил с шага на рысь, а потом снова на шаг, как делает путник, которому предстоит дальняя дорога, оберегая резвую лошадь. Леса в тех местах редкие, но в одном месте у дороги лежала куча валежника; когда я проезжал мимо, оттуда раздался крик, и я, оглянувшись, увидел лицо, смотрящее на меня,— красное, разгоряченное лицо, какое бывает у сильно взвол-

иованного человека. Приглядевшись, я узнал того самого путника, с которым час иазад разговаривал в деревне.

— Приблизьтесь! — прошептал ои.— Еще ближе! А теперь сойдите с коня и сделайте вид, будто поправляете стремя. Возможио, за нами следят, а если они узиают, что я вам помог, меня убьют.

— Убьют! — прошептал я.— Но кто?

— Tugendbund[1]. Ночные мстители Лутцова. Вы, французы, сидите на пороховой бочке, и уже наготове спичка, чтобы поджечь порох.

— Как странио,— сказал я, делая вид, будто поправляю сбрую у лошади.— А что это такое — Tugendbund?

— Это — тайное общество, которое замыслило поднять большое восстаиие и выгнать вас из Германии, как выгнали из России.

— И что же означают эти буквы «Т»?

— Это условный зиак. Мне следовало рассказать вам все еще в деревне, но я боялся, как бы там не увидели, что я с вами разговариваю. Поэтому я поскакал иапрямик через лес, чтобы опередить вас, спрятал лошадь и спрятался сам.

— Я вам бескоиечно обязаи,— сказал я,— тем более что вы единственный из всех немцев, которых я встретил за сегодняшний деиь, отнеслись ко мне с вежливостью, какой требует простое приличие.

— Все, что у меня есть, я приобрел благодаря поставкам для французской армии,— сказал он.— Ваш император относился ко мне, как к другу. А теперь, прошу вас, поезжайте, мы и так уже слишком долго разговариваем. Но смотрите остерегайтесь ночиых мстителей Лутцова!

— Это баидиты? — спросил я.

— Это лучшие люди Германии,— отвечал ои.— Но, бога ради, поезжайте, я и так рисковал жизнью и своим добрым имеием, чтобы вас предостеречь.

Что ж, если меня и раньше одолевали невеселые мысли, то можете себе представить, что я почувствовал после этого странного разговора с человеком, спря-

---

[1] Союз добродетели (*нем.*).

тавшимся в куче валежника. Его дрожащий, прерывистый голос, перекошенное лицо, глаза, которые так и шныряли по сторонам, и неприкрытый страх, охватывавший его всякий раз, как хрустнет ветка, произвели на меня еще большее впечатление, чем его слова. Ясно было, что он перепуган насмерть, и, очевидно, не без причины, потому что вскоре после того, как мы расстались, я услышал где-то далеко позади выстрел и крик. Может быть, это просто какой-нибудь охотник звал своих собак, но я никогда больше не видел человека, предупредившего меня об опасности, и не слышал о нем.

Теперь я был начеку и быстро проезжал открытые места, зато придерживал лошадь там, где могла оказаться засада. Дело было нешуточное, потому что впереди лежали добрых пятьсот миль немецкой земли. И все же я не принимал все это слишком близко к сердцу, потому что немцы всегда казались мне милыми, добродушными людьми, которые куда охотнее держат в руках чубук трубки, чем рукоятку сабли,— не из-за недостатка мужества, как вы понимаете, но потому, что у них беззлобные, открытые сердца и они предпочитают жить в мире со всеми. В то время я не знал, что под приветливой внешностью таится дьявольская злоба, столь же лютая и еще более упорная, чем у кастильца или итальянца.

В скором времени я убедился, что мне грозит нечто более серьезное, чем грубые слова и недружелюбные взгляды. Дорога начала подниматься вверх через безлюдную вересковую пустошь, а дальше исчезала в дубовой роще. Я поднялся примерно до половины склона и вдруг, взглянув вперед, увидел что-то блестящее в тени стволов, а потом на дорогу вышел человек в плаще, сплошь расшитом и изукрашенном золотом, которое сверкало на солнце, как огонь. Он, видимо, был сильно пьян, так как шатался и спотыкался, направляясь ко мне. Одной рукой он прижимал около уха конец большого красного платка, повязанного на шее.

Я остановил лошадь и смотрел на него не без отвращения, так как мне показалось странным, что человек в такой великолепной одежде разгуливает в подобном состоянии средь бела дня. А он не сводил с меня глаз и

медленно шел вперед, время от времени останавливаясь и покачиваясь из стороны в сторону. Я уже было снова тронулся с места, как вдруг он громко возблагодарил Христа и, пошатнувшись, со стуком упал ничком на пыльную дорогу. При этом он простер руки вперед, и я увидел, что на шее у него вовсе не красный платок, а огромная зияющая рана, из которой на плечо свисал, как эполет, кусок кожи, покрытый темной запекшейся кровью.

— Боже мой! — воскликнул я, бросаясь к нему на помощь.— А я-то принял вас за пьяного!

— Я не пьян, я умираю,— сказал он.— Но благодарение господу, я встретил французского офицера, пока у меня еще есть силы говорить.

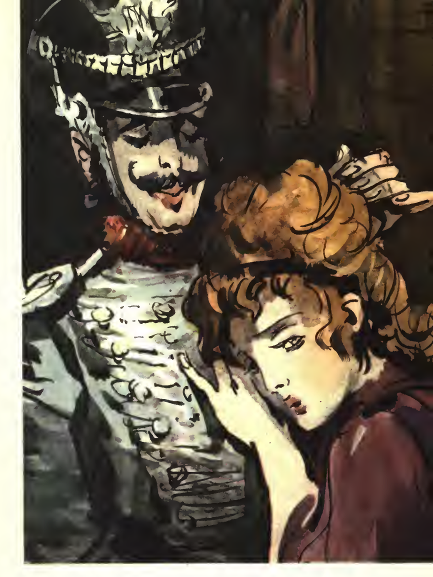
Я уложил его среди вереска и влил ему в рот немного коньяку. Вокруг нас раскинулась мирная зеленая равнина, и, сколько хватал глаз, нигде не было ни души, кроме искалеченного человека рядом со мной.

— Кто это сделал? — спросил я.— И откуда вы? Вы француз, но ваш мундир мне незнаком.

— Это мундир новой императорской почетной гвардии. Я маркиз Шато Сент-Арно, девятый в этом роду, который отдал свою жизнь ради Франции. За мной гнались ночные мстители Лутцова и ранили меня, но я спрятался вон там в кустарнике и ждал, надеясь, что мимо проедет француз. Сначала я не был уверен, друг вы или враг, но чувствовал, что смерть моя близка и надо рискнуть.

— Не теряй мужества, товарищ,— сказал я.— Мне довелось однажды видеть человека с куда более тяжелой раной, но он остался в живых и потом даже щеголял ею.

— Нет, нет,— прошептал он.— Мои минуты сочтены.— С этими словами он взял меня за руку, и я увидел, что ногти у него уже синеют.— Но у меня на груди бумаги, которые вы должны немедленно доставить князю Сакс-Фельштейну в его замок Гоф. Он еще сохраняет нам верность, но княгиня — наш заклятый враг. Она хочет заставить его заявить во всеуслышание, что он тоже против нас. Если он это сделает, все колеблющиеся примкнут к нему, потому что он племянник прусского и двоюродный брат баварского короля. Эти бума-

«Подвиги бригадира Жерара»

«Подвиги бригадира Жерара»

ги, если только оин попадут к иему в руки прежде чем он сделает решительный шаг, удержат его от этого. Вручнте нх ему сегодия же вечером, и, быть может, вы сохраннте этим для нмператора всю Германию. Еслн бы подо миой ие убнли коня, я бы н раненный....— Он запнулся, его холодеющая рука сильней сжала мои пальцы, отчего оин сталн такнмн же бескровнымн, как и его. Потом он застоиал, голова его запрокннулась, н он нспустнл дух.

Что ж, я неплохо начал свой путь на роднну. Мне передали поручеиие, о котором я, в сущиости, ничего ие знал, но, по-вндимому, оно было очень важио, и пренебречь нм я ннкак ие мог, хотя оно несколько задержнвало меня. Я расстегнул муиднр маркиза, велнколепне которого, по замыслу нмператора, должио было прнвлечь молодых арнстократов, из которых он иадеялся сформнровать иовые полки своей гвардин. Из виутреииего кармаиа я извлек иебольшой пакет, перевязанный шелковой лентой и адресованиый киязю Сакс-Фельштейиу. В углу размашнстым небрежным почерком — я сразу узиал руку императора — было иапнсаио: «Срочно н чрезвычайио важно». Эти четыре слова были для меня равносильиы прнказу, точно его пронзиеслн твердые губы и в глаза мне глянули холодные серые глаза. Мои гусары подождут лошадей, мертвый маркиз пускай лежнт средн вереска, где я его оставнл, ио, еслн только мы с моей лошадкой ие протяием иоги, бумагн будут доставлеиы киязю сегодня же вечером.

Я ие боялся скакать по лесной дороге, так как в Испаиии убеднлся, что ехать через местность, где действуют партнзаны, всего безопасиее сразу после нх иалета, а всего опаснее — когда вокруг тнхо н мирно. Однако, справнвшнсь по карте, увндел, что Гоф расположен к югу от меня и кратчайшнй путь туда лежнт по краю болот. Поэтому я свернул к болотам н не проехал и пятндесяти шагов, как в кустах раздалнсь два выстрела, н пуля, пущенная из карабниа, прожужжала возле моей головы, как пчела. Было ясно, что ночные мстителн действуют более дерзко, чем разбойинки в Испанин, н, еслн я ие сверну с дорогн, моя мнссия закоичится иедалеко от того места, где иачалась.

Да, это была безумная скачка: я отпустил поводья и несся, утопая до самой подпруги в вереске и дроке, вниз с крутых холмов, через кусты, вверив целость своей шеи моей милой Фиалке. А она... Она ни разу не оступилась, не поскользнулась и скакала так быстро и уверенно, словно знала, что ее хозяин везет под ментиком судьбу всей Германии. Ну, а я... Я давно уже прослыл лучшим наездником во всех шести бригадах легкой кавалерии, но никогда еще я не скакал так, как в тот день. Мой друг Барт рассказывал мне, как у них в Англии охотятся на лисиц, но я настиг бы самую быстроногую лису. Дикие голуби у меня над головой не летели так прямо, как мчались мы с Фиалкой. Как офицер, я всегда был готов пожертвовать собой ради своих солдат, хотя император не похвалил бы меня за это, так как солдат у него было много, но только один... ну, словом, первоклассных кавалерийских командиров можно сосчитать по пальцам.

Но у меня была цель, которая стоила жертвы, и я заботился о своей жизни не больше, чем о комьях земли, летевших из-под копыт моей лошадки.

Уже темнело, когда я снова выехал на дорогу и поскакал к деревушке Лобенштейн. Но едва я очутился на мощенной булыжником дороге, как у моей лошади отлетела подкова, и пришлось вести ее в деревенскую кузницу. Горн там был уже погашен, кузнец кончил работу, и я понял, что пройдет не меньше часа, прежде чем я смогу отправиться в Гоф. Проклиная задержку, я пешком пошел на постоялый двор и заказал на обед холодного цыпленка и вина. Гоф был всего в нескольких милях от этой деревни, и я мог надеяться, что мне еще до наступления ночи удастся доставить бумаги князю, а утром отправиться во Францию, везя на груди письма к императору. А теперь послушайте, что произошло со мной на постоялом дворе в Лобенштейне.

Принесли цыпленка и вино, и я после бешеной скачки жадно набросился на них, как вдруг услышал в прихожей, у самой своей двери, невнятные голоса и шум. Сначала я подумал, что это крестьяне перессорились за стаканом вина, и предоставил им самим улаживать свои дела. Но вдруг сквозь угрюмое, низкое гудение

голосов до моих ушей долетел звук, который поднял бы Этьена Жерара с одра смерти. Это был горестный женский плач. Нож и вилка со звоном полетели на пол, и в мгновенье ока я очутился в гуще толпы, которая собралась за дверью.

Там был толстомордый хозяин и его белобрысая жена, два конюха, горничная и несколько крестьян. Все они, женщины и мужчины, были красные и злые, а среди них, бледная, с глазами полными ужаса, но с гордо поднятой головой, стояла самая прелестная женщина, какую когда-либо видел Этьен Жерар. Среди этих людей с грубыми, низменными лицами казалась существом иной расы. Едва я показался на пороге своей комнаты, она рванулась мне навстречу, схватила меня за руку и синие глаза ее засняли радостью и торжеством.

— Французский офицер и благородный человек! — воскликнула она.— Теперь мне нечего бояться!

— Да, мадам, вам нечего бояться,— сказал я и, не удержавшись, взял ее за руку, чтобы ободрить.— Вам стоит только приказать, я в вашем распоряжении,— добавил я, целуя ей руку в знак того, что мне можно верить.

— Я полька! — воскликнула она.— Графиня Палотта. Они набросились на меня за то, что я люблю французов. Не знаю, что со мной сталось бы, если б небо не послало мне спасителя в вашем лице.

Я снова поцеловал ей руку, дабы у нее не осталось сомнений в моих намерениях. Потом повернулся к толпе с тем выражением, которое я так хорошо умею придавать своему лицу. Вмиг прихожая опустела.

— Графиня,— сказал я,— теперь вы под моей защитой. Вы ослабели, и стакан вина просто необходим вам для подкрепления сил.

Я предложил ей руку и отвел ее в свою комнату, где она села рядом со мной за стол и подкрепилась едой и вином, которые я ей предложил.

Как она расцвела в моем присутствии, эта женщина, совсем как цветок под лучами солнца! Она осветила всю комнату своей красотой. Должно быть, она прочла восхищение в моих глазах, и мне казалось, что я тоже ей небезразличен. Ах, друзья мои, я был не по-

следним из мужчин, когда мне едва перевалило за тридцать. Во всей легкой кавалерии трудно было сыскать вторые такие бакенбарды. У Мюрата они, пожалуй, были подлиннее, но лучшие знатоки соглашались, что у него они чуть-чуть слишком длинны. И, кроме того, я умел нравиться. К одним женщинам нужен такой подход, к другим — этакий, так же как при осаде города в плохую погоду нужны фашины и габноны [1], а в хорошую — траншеи. Но мужчина, который умеет сочетать натиск и робкую нежность, который может быть неистовым и в то же время кротким, самонадеянным и почтительным, именно такой мужчина наводит ужас на матерей. Я чувствовал себя покровителем одинокой женщины и, зная, какой я опасный человек, строго следил за собой. Но даже у покровителя есть привилегии, и я не преминул ими воспользоваться.

Голос у нее был такой же чарующий, как и лицо. В коротких словах она объяснила, что едет в Польшу, до сих пор ее сопровождал брат, но он заболел в дороге и слег. Местные жители не раз проявляли к ней враждебность, потому что она не могла скрыть свою симпатию к французам. Когда она кончила рассказывать про свои злоключения, разговор зашел обо мне и о моих подвигах. Оказалось, что она слышала о них, так как знала нескольких офицеров Понятовского и они рассказывали о моих славных делах. Но она жаждала услышать обо всем из моих собственных уст. Никогда еще не вел я столь приятной беседы. Большинство женщин совершает ошибку, слишком много говоря о себе, но эта слушала меня так, как вот сейчас слушаете вы, и просила рассказывать еще и еще. Незаметно проходил час за часом, и вдруг я с ужасом услышал, что часы на деревенской колокольне пробили одиннадцать, и спохватился, что на целых четыре часа забыл об интересах императора.

— Простите меня, дорогая мадам! — воскликнул я, вскакивая со стула.— Но я должен немедленно ехать в Гоф.

---

[1] Фашины — связки хвороста, применяемые саперами при бездорожье. Габионы — ящики из проволочной сетки, засыпанные щебенкой и используемые для строительства укреплений.

Она встала и посмотрела на меня с выражением упрека на бледном лице.

— А как же я? — спросила она.— Что будет со мной?

— Дело касается императора. Я и так задержался здесь слишком долго. Мой долг призывает меня, и я должен ехать.

— Должны ехать? А меня хотите бросить одну среди этих дикарей? Ах, зачем я вас встретила! Зачем вы внушили мне мысль, что я могу положиться на вашу сильную руку!

Ее глаза заблестели, и она, рыдая, бросилась мне на грудь.

Да, это была нелегкая минута для покровителя! Молодому офицеру пришлось зорко следить за собой. Но я оказался на высоте. Я гладил ее пышные каштановые волосы и шептал ей на ухо все утешения, какие только мог придумать,— правда, при этом я обнимал ее одной рукой, но это было необходимо, чтобы она не упала в обморок. Она обратила ко мне залитое слезами лицо.

— Воды,— прошептала она.— Ради бога, воды!

Я видел, что еще мгновенье, и она лишится чувств. Голова ее поникла, и я, уложив ее на кушетку, бросился из комнаты искать графин с водой. Прошло несколько минут, прежде чем я нашел его и поспешил назад. Представьте же себе мои чувства, когда я увидел, что комната пуста и женщина исчезла.

Исчезла не только она сама, но и ее шляпка и отделанный серебром хлыст, лежавший на столе. Я выбежал в коридор и стал громко звать хозяина. Он ничего не знал, никогда раньше не видел этой женщины и рад бы никогда больше ее не увидеть. А крестьяне, стоявшие у двери,— не видели ли они, чтобы кто-нибудь ускакал? Нет, никого не видели. Я шарил повсюду, а потом вдруг случайно взглянул в зеркало, и тут глаза у меня полезли на лоб и я разинул рот так широко, что чуть не оборвал ремешок своего кивера.

Все четыре пуговицы на моем ментике были расстегнуты, и, даже не ощупывая мундир у себя на груди, я понял, что драгоценные бумаги исчезли. О глубина лу-

кавства, таящегося в женском сердце! Она обокрала меня, обокрала в тот самый миг, когда прильнула к моей груди. Пока я гладил ее по волосам и шептал ей на ухо утешения, ее руки шарили под моим доломаном. И вот теперь, когда я почти у цели, мне невозможно исполнить поручение, которое уже стоило жизни одному хорошему человеку и теперь, как видно, будет стоить другому чести. Что скажет император, когда услышит, что я потерял его письма? Поверит ли армия, узнав, что Этьен Жерар способен на такое? А когда станет известно, что женская рука похитила их у меня, то-то будет смеху за офицерскими столами и вокруг бивачных костров! От отчаяния я готов был упасть и кататься по земле.

Но одно было несомненно: весь этот шум в прихожей и травля мнимой графини были разыграны нарочно от начала до конца. Этот негодяй хозяин, без сомнения, посвящен в заговор. У него и нужно выпытать, кто она такая и куда делись похищенные бумаги. Я схватил со стола саблю и выбежал искать его. Но негодяй предвидел это и приготовился к встрече. Я отыскал его в углу двора — он стоял с ружьем в руках, а рядом его сын держал на поводке здоровенного мастифа. По обе стороны от них стояли два конюха с вилами, а сзади жена держала большой фонарь, чтоб удобней было целиться.

— Уезжайте, слышите, уезжайте отсюда! — крикнул он сиплым голосом.—Ваша лошадь у ворот, и никто не станет вас задерживать. А ежели хотите драться, вам придется одному выйти против троих храбрецов.

Я опасался только пса, потому что обе пары вил и ружье дрожали в их руках, как ветки на ветру. Но я рассудил, что если даже и вырву ответ, приставив острие сабли к горлу этого негодяя, у меня все равно не будет возможности проверить, правду ли он сказал. А раз так, в этой борьбе я могу многое потерять и ничего наверняка не выиграю. Поэтому я окинул их взглядом, от которого их дурацкое оружие задрожало еще больше, а затем, вскочив в седло, поскакал прочь, и пронзительный смех хозяйки долго еще раздавался у меня в ушах.

Я уже решил, что делать. Хоть я и потерял бумаги, но об их содержании нетрудно было догадаться, и я сам

скажу все киязю Сакс-Фельштейиу, как будто император уполномочил меия. Это был смелый ход и довольно опасный к тому же, но если я зайду слишком далеко, то впоследствии меня можно дезавуировать. Все или ничего, а поскольку на кои поставлена вся Германиия, игру иельзя проиграть, если мужество одного человека может решить ее исход.

Я въехал в Гоф за полиочь, но все окна были ярко освещеиы, что уже само по себе свидетельствовало в этой сонной стране о лихорадочиом возбуждении жителей. Проезжая по людиым улицам, я слышал улюлюканье и насмешки, а одии раз мимо моей головы просвистел камень, ио я продолжал путь как ии в чем ие бывало, шагом, пока не доехал до дворца. Он был освещен сверху донизу, и темные теии, мелькавшие в желтом зареве света, выдавали переполох, который поднялся виутри. У ворот я отдал лошадь конюху, вошел и с важиостью, приличествующей посланнику, заявил, что мне иеобходимо видеть князя по делу, ие терпящему отлагательства.

Прихожая была пуста, но, войдя, я услышал гул множества голосов, который сразу смолк, как только я громко объявил о цели своего прибытия. Значит, там было какое-то собрание, и чутье подсказывало мие, что оно должио решить роковой вопрос войны или мира. Возможио, я еще не опоздал и перевесит чаша весов, на которой лежат интересы императора и Франции. Дворецкий, бросив злобный взгляд исподлобья, провел меня в маленькую комнату рядом с прихожей и скрылся. Через мииуту он вернулся и сказал, что князя сейчас беспокоить иельзя и меня примет кииягиия.

Киягиия! Что толку с ией разговаривать? Разве меия ие предупредили, что оиа душой и телом предаиа Германии и всячески старается настроить против нас своего мужа и всю страну!

— Я должен видеть киязя,— сказал я.

— Нет, киягиню,— раздался в дверях голос, и в комнату быстро вошла женщина.— Фои Розен, прошу вас, останьтесь. Итак, мсье, что вы имеете сообщить киязю или киягине Сакс-Фельштейн?

При первых звуках ее голоса я вскочил на ноги. При первом взгляде на иее задрожал от ярости. Нет иа све-

те второй такой статной фигуры, такой царственной головы, такнх глаз, сниих, как Гароииа, н холодиых, как ее воды в зимиюю пору.

— Время ие ждет! — воскликиула оиа и нетерпелнво топнула ногой.— Что вы имеете мне сказать?

— Что я имею вам сказать? — повторил я.— Что могу я сказать, кроме того, что вы иаучили меия иикогда больше не верить жеищине? Вы иавеки погубили и опозорили меия.

Она, приподияв брови, взглянула иа дворецкого.

— Что это, приступ горячки, или тут какая-нибудь более серьезиая причииа? — сказала оиа.— Мие кажется, небольшое кровопускаине...

— Да, коварства вам не занимать! — воскликнул я.— Это вы уже доказали.

— Вы хотите сказать, что уже встречали меия?

— Я хочу сказать, что не далее как два часа иазад вы меня обокрали.

— Ну, это уж слишком! — вскричала она, восхитительно разыграв возмущеине.— Насколько я поимаю, вы претеидуете на роль послаииика, ио и привилегии посланиика имеют свон грaиицы.

— Ваша дерзость восхитительиа,— сказал я.— Но вашему высочеству ие одурачить меия дважды за один вечер.— Я бросился к ней и, нагнувшись, схватил подол ее платья.— Вам следовало бы переодеться после такого долгого н спешного путешествня.

Ее белые, как слоновая кость, щеки мгиовеиио вспыхнули, словно блики зари занграли иа сиеговой вершиие горы.

— Какая наглость! — воскликиула оиа.— Позвать сюда стражу, и пускай его вышвыриут вои из дворца.

— Не раиее, чем я увижу киязя.

— Вы его иикогда ие увидите... Ах! Держите его, фои Розен, держите же!

Но оиа забыла, с кем нмеет дело: я был бы ие я, если б стал дожидаться, пока оии клнкиут этих иегодяев. Оиа поторопилась открыть карты. Ее ставка была ие допустить меия к мужу. Моя — любой ценой поговорить с иим в открытую. Однням прыжком я выскочил за дверь. Вторым пересек прихожую. Еще мгиовенье — н я ворвался в большую залу, откуда слышался гул

голосов. В дальнем ее конце я увидел человека, сидевшего на высоком троне. Чуть пониже восседали в ряд какие-то важные сановники, а по обе стороны смутно виднелись головы множества людей. Я вышел на середину зала, держа под мышкой кивер и бряцая саблей.

— Я посланник императора! — воскликнул я.— У меня поручение к его высочеству князю Сакс-Фельштейну.

Человек на троне поднял голову, и я увидел, что лицо у него худое и осунувшееся, а спина сгорблена, словно ему взвалили на плечи непосильную ношу.

— Как ваше имя? — спросил он.

— Полковник Этьен Жерар, командир Третьего гусарского полка.

Все лица обратились ко мне, я услышал шуршанье множества воротников и выдержал множество взглядов, среди которых не было ни одного дружественного. Княгиня проскользнула мимо меня и принялась что-то нашептывать на ухо князю, то и дело качая головой и размахивая руками. Я же выпятил грудь и подкручивал усы, молодецки поглядывая вокруг. Там были одни мужчины — преподаватели из коллежа, несколько студентов, солдаты, дворяне, ремесленники,— и все хранили торжественное молчание. В одном углу сидели несколько человек в черном, на плечи у них были накинуты короткие плащи. Наклонившись друг к другу, они о чем-то шептались, и при каждом их движении я слышал звяканье сабель или шпор.

— Император известил меня личным письмом, что его бумаги доставит маркиз Шато Сент-Арно,— сказал князь.

— Маркиз злодейски убит,— отвечал я, и после этих слов в зале раздался гул. Я заметил, что многие головы повернулись к людям в черных плащах.

— А где же бумаги? — спросил князь.

— У меня их нет.

Тут поднялся невообразимый шум.

— Это шпион! Он просто прикидывается! — кричали все.

— Повесить его! — пробасил кто-то из угла, и еще десяток голосов подхватил эти слова. Я преспокойно до-

стал иосовой платок н обмахнул пыль с меховой оторочки ментнка. Князь поднял тонкие руки, и шум замер.

— Где в таком случае вашн вернтельные грамоты и что вам поручеио передать?

— Мой муиднр — вот мон верительиые грамоты, а то, что мне поручено, я скажу вам с глазу на глаз.

Ои провел рукой по лбу, как делает слабый человек в полной растеряниостн. Княгння стояла подле иего, положнв руку иа спннку трона, и сиова что-то шепнула ему.

— Здесь собралнсь на совет мои вериые поддаиные,— сказал он.— У меия иет от них тайи, н что бы вам ни поручнл передать нмператор, в такую мниуту это касается нх ие меньше, чем меия.

После этнх слов раздалнсь аплодисменты, н все взгляды сиова устремнлнсь на меия. Честное слово, я оказался в нелегком положении, потому что одно дело разговаривать с тремя сотнямн гусар, а другое — с этой публнкой да еще иа такую тему. Но я устремил глаза иа князя н заговорнл так, словно был с ннм иаеднне, громовым голосом, какнм обращался к своему полку иа смотру.

— Вы не раз клялнсь в любвн к императору! — загремел я.— И вот иастал час испытаиия этой любвн! Еслн вы сохраните твердость, он вознаграднт вас так, как он одии умеет вознаграждать. Для иего ничего ие стоит превратить киязя в короля, а княжество — в королевство. Его взор устремлеи иа вас, вы бесснльиы ему повреднть, ио самн вы погибиете. В эту мниуту ои переходнт Рейи с двухсоттысячиой армией. Крепостн по всей страие в его руках. Ои будет здесь через иеделю, и если вы его предадите, да помнлует бог вас с княгнией н ваших поддаиных. Вы думаете, что ои потерял свое могущество лишь потому, что кое-кто из иас обморознлся прошлой знмой. Глядите! — воскликнул я, указывая иа большую звезду, сиявшую в окне над головой киязя.— Это звезда нмператора. Только когда она померкиет, померкнет и его слава, но не ранее.

Вы гордилнсь бы мной, друзья мои, еслн бы вндели меия тогда и слышалн мон слова, потому что при этом

я забряцал саблей и так взмахнул доломаном, словно во дворе был построен мой полк. Меня слушали молча, но спина князя горбилась все больше и больше, будто бремя, давившее его, было сверх его сил. Он окинул залу беспомощным взглядом.

— Мы выслушали француза, говорившего от лица Франции,— сказал он.— Теперь пускай немец скажет от лица Германии.

Все переглянулись и начали шептаться. Видимо, моя речь произвела сильное впечатление, и никто не решался первым навлечь на себя гнев императора. Княгиня повела вокруг сверкающими глазами, и ее звонкий голос нарушил тишину.

— Неужели женщине придется отвечать французу? — вскричала она.— Неужели среди ночных мстителей Лутцова нет ни одного, кто так же хорошо владеет языком, как и саблей?

С грохотом опрокинулся стол, и на стул вскочил юноша. У него было вдохновенное лицо, бледное, неистовое, с дикими ястребиными глазами, и спутанные волосы. У пояса его висела сабля, а сапоги порыжели от болотной грязи.

— Это Корнер! — закричали в зале.— Молодой Корнер, он поэт! Сейчас он будет петь!

И он запел! Сначала он тихо и мечтательно пел о древней Германии, матери народов, о плодородных, солнечных равнинах, о городах в серой дымке и о славе павших героев. Но вот каждый стих зазвучал, как зов трубы. Это была песнь о нынешней Германии, Германии, которую враги захватили врасплох и повергли ниц, но теперь она воспрянула вновь и срывает путы со своего гигантского тела. Нам ли дорожить жизнью? Нам ли страшиться славной смерти? Мать, великая мать зовет. Ее вздохи слышатся в шуме ночного ветра. Она со слезами кличет на помощь своих детей. Придут ли они? Придут ли? Придут ли?

Ах, эта ужасная песня, это вдохновенное лицо и звенящий, как струна, голос! Кто помнил теперь обо мне, и о Франции, и об императоре? Эти люди даже не закричали — они взвыли. Они вскочили на стулья и столы. Они неистовствовали, рыдали, слезы текли по их лицам. Корнер спрыгнул со стула, друзья обступили его,

потрясая обнаженными саблями. Бледное лицо князя вспыхнуло, и он встал с трона.

— Полковник Жерар,— сказал он,— вы слышали ответ и передадите его императору. Жребий брошен, дети мои. Ваш князь восторжествует или падет вместе с вами.

Он наклонил голову, давая понять, что совет окончен, и люди с криками устремились к двери, торопясь разнести новость по всему городу. Я же сделал все, что мог сделать храбрый человек, и не жалел, когда этот поток увлек и меня. Что мне было делать во дворце? Я получил ответ и должен передать его, каков бы он ни был. Я не хотел больше видеть ни Гоф, ни его жителей, пока не войду туда во главе нашего авангарда. Итак, я отвернулся от толпы и в угрюмом молчании пошел в ту сторону, куда конюх отвел мою лошадь.

У конюшни было темно, и я вглядывался, отыскивая конюха, как вдруг кто-то схватил меня сзади за обе руки. Я почувствовал, что мне стиснули запястья и горло, а возле уха ощутил холодок пистолетного ствола.

— Только пикни у меня, французский пес,— прошептал злобный голос.— Капитан, мы держим его.

— Есть у вас уздечка?

— Вот она.

— Накиньте ее ему на шею.

Я почувствовал у себя на шее холодное прикосновение ременной петли. Вышел конюх с фонарем и молча смотрел на нас. При тусклом свете фонаря я увидел суровые лица, которые со всех сторон выглядывали из темноты, черные фуражки и плащи ночных мстителей.

— Что вы намерены с ним сделать, капитан?— раздался голос.

— Повесить на воротах замка.

— Посланника?

— Посланника без верительных грамот.

— Но что скажет князь?

— Да разве ты не понимаешь, приятель, что тогда князю поневоле придется принять нашу сторону? Ему нечего будет и надеяться на прощенье. А так он хоть завт-

ра может переметнуться, как сделал сейчас. Свои слова он может взять назад, но после убнйства гусара ему ни-как не оправдаться.

— Нет, нет, фон Стрелиц, это невозможно,— сказал другой голос.

— Невозможно? А вот сейчас увидите.— И тут за уздечку так дернули, что я еле устоял на ногах. В тот же миг сверкнула сабля и рассекла ремень в двух дюймах от моей шеи.

— Ей-богу, Корнер, это мятеж! — заорал капитан.— Это вам боком выйдет, черт вас подери.

— Я обнажил саблю, чтобы стать солдатом, а не разбойником,— сказал молодой поэт.— Ее клинок может покрыть кровь, но не бесчестье. Друзья, неужели вы будете молча смотреть, как этого человека злодейски убивают?

С десяток сабель вылетело из ножен, и я понял, что силы моих друзей и врагов почти равные. Но злобные голоса и сверканье стали привлекли людей со всех сторон.

— Княгиня! — кричали они.— Княгиня идет!

И тут же я увидел ее прямо перед собой,— ее прелестное лицо выступало из темноты как на портрете. У меня были причины ее ненавидеть, потому что ей удалось одурачить меня, но все же восторг наполнял и до сих пор наполняет мне душу при мысли, что мои руки обнимали ее и я чувствовал запах ее волос. Не знаю, покоится ли она теперь где-нибудь в немецкой земле или же, превратившись в седовласую старуху, еще живет в своем замке в Гофе, но она жива, молодая и красивая, в сердце и памяти Этьена Жерара.

— Стыд и срам! — вскричала она, бросаясь ко мне, и собственными руками сорвала петлю с моей шеи.— Вы сражаетесь за святое дело и хотите начать с такого богомерзкого поступка. Этот человек под моим покровительством, и тот, кто тронет хоть волос на его голове, будет держать ответ передо мной.

Под ее презрительным взглядом все они поспешили скрыться в темноте. Тогда она снова повернулась ко мне.

— Следуйте за мной, полковник Жерар,— сказала она.— Мне нужно поговорить с вами.

Я последовал за ней в ту же комнату, куда меня ввели с самого начала. Она закрыла дверь и посмотрела на меня с лукавым блеском в глазах.

— Видите, как я доверяю вам, оставаясь с вами наедине? — сказала она. — Прошу вас помнить, что перед вами княгиня Сакс-Фельштейн, а не бедная польская графиня Палотта.

— Каково бы ни было ваше имя, — отвечал я, — я помог женщине, думая, что она попала в беду, а в награду меня обокрали и едва не опозорили навеки.

— Полковник Жерар, — сказала она, — мы оба вели игру, и ставка была немалая. Вы, исполнив поручение, которое вам никогда не давали, доказали, что ради своей страны ни перед чем не остановитесь. Во мне бьется сердце немки, а в вас — сердце француза, и я тоже готова на все, даже на обман и кражу, только бы в этот решительный час помочь моей несчастной родине. Вы сами видите, как я с вами откровенна.

— Все, что вы говорите, я и без того знаю.

— Но теперь, когда игра окончена и я выиграла, почему мы должны питать друг к другу злобу? Уверяю вас, что если бы я попала в такое положение, в каком якобы очутилась на постоялом дворе в Лобенштейне, я не желала бы встретить более храброго защитника, более преданного и благородного человека, чем полковник Этьен Жерар. Я никогда не думала, что могу испытывать такое расположение к французу, какое испытывала к вам в тот миг, когда тайком искала бумаги на вашей груди.

— И все-таки вы их взяли.

— Это было необходимо для меня и для Германии. Я знала, какие доводы там содержатся и какое действие они произвели бы на князя. Попади они только к нему в руки, все было бы потеряно.

— Но почему вы, ваше высочество, снизошли до таких уловок, когда два десятка разбойников, которые собирались повесить меня на воротах вашего замка, отлично справились бы с этим делом?

— Они не разбойники, а отпрыски благороднейших немецких родов! — воскликнула она с горячностью. — Если с вами грубо обошлись, не забывайте, каким уни-

жениям был подвергнут каждый немец, начиная с королевы Пруссии и кончая последним простолюдином. А если хотите знать, почему вы не попали в засаду на дороге, да будет вам известно, что я выслала отряды во все стороны и ждала в Лобенштейне донесения об успехе. Когда же вместо этого явились вы собственной персоной, я пришла в отчаянье, потому что на вашем пути к моему мужу стояла теперь только слабая женщина. Вы видите, в каком тупике я оказалась, когда решилась прибегнуть к оружию своего пола.

— Признаюсь, вы победили меня, ваше высочество, и мне остается лишь удалиться, оставив поле боя за вами.

— Но прежде возьмите свои бумаги.— С этими словами она протянула мне пакет.— Князь перешел Рубикон, и ничто уже не может заставить его повернуть вспять. Верните их императору и скажите, что мы отказались их принять. Тогда никто не сможет упрекнуть вас в том, что вы потеряли императорское послание. Прощайте, полковник Жерар, и могу вам пожелать только одно — чтобы, добравшись до Франции, вы там и оставались. Не пройдет и года, как ни одному французу не будет места по эту сторону Рейна.

Вот как случилось, что я сыграл с княгиней Сакс-Фельштейн и ставкой была вся Германия, но, увы, я проиграл.

VII

КАК БРИГАДИР БЫЛ НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

Герцог Тарентемский, или Макдональд, как его предпочитают звать старые друзья, был, насколько я понял, в прескверном настроении. Угрюмое лицо этого шотландца походило на одну из тех причудливых дверных колотушек, какие можно увидеть в предместье Сен-Жермен. Как мы узнали позже, император как-то в шутку сказал, что послал бы его на юг против Веллингтона, но боится отпустить туда, где слышен звук во-

лынки. Мы с майором Шарпантье сразу увидели, что в нем так и клокочет ярость.

— Бригадир гусар Жерар,— сказал он тоном, каким капрал обращается к новобранцу.

Я отдал честь.

— Майор конных гренадеров Шарпантье.

Мой товарищ вытянулся, услышав свою фамилию.

— Император поручает вам важное дело.

Без дальнейших разговоров он распахнул дверь и доложил о нашем приходе.

На каждые десять раз, что я видел Наполеона верхом, приходился только один, когда он был пеший, и я полагаю, он поступал разумно, показываясь перед войсками на коне, потому что когда он в седле, на него можно залюбоваться. Теперь же перед нами стоял коротышка, на дюйм ниже любого из полдюжины мужчин, широкий в плечах,— правда, и сам я не такой уж рослый. Кроме того, бросалось в глаза, что туловище у него слишком длинное, а ноги короткие. Большая, круглая голова, поникшие плечи и гладко выбритое лицо делали его больше похожим на профессора Сорбонны, чем на первого полководца Франции. Конечно, о вкусах не спорят, но мне сдается, что если б я мог прилепить ему пару добрых кавалерийских бакенбард вроде моих, это ему не повредило бы. Однако у него был твердый рот и удивительные глаза. Однажды он устремил их на меня в гневе, и я скорей согласился бы проехать через вражеское каре на запаленной лошади, чем снова предстать перед ним в такую минуту. А ведь я не из робкого десятка.

Он стоял у стены, поодаль от окна, и рассматривал большую карту местности, висевшую на стене. Рядом стоял Бертье, пытаясь придать своему лицу умное выражение. Как раз когда мы вошли, Наполеон нетерпеливо вырвал у него из рук шпагу и указал ею что-то на карте. Он говорил быстро и тихо, но все же я расслышал: «Долина Мёз»,— и еще он дважды повторил: «Берлин». Когда мы вошли, адъютант направился к нам, но император остановил его и кивком подозвал нас к себе.

— Вы еще не награждены почетным крестом, бригадир Жерар? — спросил он.

Я отвечал, что нет, и готов был уже присовокупить, что дело тут не в отсутствии заслуг с моей стороны, но он решительно, по своему обыкновению, оборвал меня.

— А вы, майор?

— Нет, ваше величество.

— В таком случае вам обоим предоставляется возможность его получить.

Он подвел нас к карте, висевшей на стене, и указал концом шпаги Бертье на Реймс.

— Господа, я буду с вами откровенен, как с боевыми товарищами. Ведь вы оба сражаетесь за меня со времен Маренго, не так ли? — У него была на редкость обаятельная улыбка, освещавшая его бледное лицо, словно холодное солнце.— Здесь, в Реймсе, сего числа, а именно четырнадцатого марта, находится наша ставка. Прекрасно. А вот Париж, до него по дороге добрых двадцать пять лиг. Армия Блюхера стоит к северу, Шварценберга — к югу.

Говоря это, он тыкал шпагой в карту.

— Так вот,— продолжал он,— чем дальше в глубь страны они зайдут, тем сокрушительней будет мой удар. Они вот-вот двинутся на Париж. Превосходно. Пускай. Мой брат, испанский король, встретит их там со стотысячной армией. Я посылаю вас к нему. Вы вручите ему вот это письмо — я даю вам каждому по копии. Здесь сказано, что я подоспею к нему на помощь не позднее чем через два дня со всеми своими людьми, лошадьми и пушками. Я должен дать армии сорок восемь часов, чтобы прийти в себя. А потом прямо на Париж! Вы меня поняли, господа?

Ах, если б я мог передать вам, какой гордостью наполнилась моя душа, когда этот великий человек оказал мне такое доверие!

Когда он протянул нам письма, я щелкнул шпорами и выпятил грудь, улыбаясь и кивая, дабы он видел, что я прекрасно понимаю его. Он тоже улыбнулся и коснулся рукой меха на моем доломане. Я отдал бы половину своего невыплаченного жалованья, только бы моя матушка могла меня видеть в этот миг.

— Сейчас я покажу, каким путем вам ехать,— сказал он, снова оборачиваясь к карте.— Вы поедете вместе до Базоша. Там вы разделитесь: один направится

в Париж через Ульшн и Нейл, а другой — севернее, через Брен, Суассон н Сенлн. Вы что-то хотите сказать, бригадир Жерар?

Я, конечно, простой солдат, но умею думать и выражать свои мысли. Я начал говорить о славе Францин и об опасности, грозящей ей, но он оборвал меня:

— А вы, майор Шарпантье?

— Если мы сочтем этот путь опасным, можем ли мы выбрать другой? — спросил он.

— Солдаты не выбнрают, онн повннуются.

Император наклонил голову, показывая, что не задержнвает нас долее, н повернулся к Бертье. Я не слышал, что он сказал, но оба засмеялнсь.

Ну-с, как вы понимаете, мы, не теряя времени, собрались в дорогу. Через полчаса мы уже ехали по главной улице Реймса, а когда проезжалн мимо собора, часы пробили двенадцать. Я ехал на Фиалке, той самой серой лошадке, которую Себастиани так хотел купить у меня после Дрездена. Это самая быстрая лошадь на все шесть брнгад легкой кавалерин, и ее обскакал только английский рысак герцога Ровнго. А у Шарпантье была лошадь, на какнх обычно ездят конные гренадеры нлн кирасиры: поверите ли, спнна, как кровать, а ногн, как столбы. Да н сам он был довольно грузный малый, так что выгляделн оба забавно. И все же он с ндиотским самомнением подмигивал девушкам, которые махалн мне платочками нз окон, и закручнвал свои безобразные рыжие усы чуть не до самых глаз, как будто не я, а он привлекал нх внимание.

Выехав из города, мы миновали сначала позиции своих частей, а потом — поле вчерашней бнтвы, которое было усеяно трупамн наших бедняг н русских. Но еще печальней выглядел наш лагерь. Армия буквально таяла. Гвардия еще ничего, хотя в недавно сформированных полках было много новобранцев. Артиллерия и тяжелая кавалерия тоже куда ни шло, будь нх побольше, но пехотинцы н их младшие офицеры выглядели как школьники с учнтелямн. А резервов у нас не было. И если учесть, что к северу от нас стояла восьмидесятитысячная армня пруссаков, а к югу — сто пятьдесят тысяч русских и австрийцев, то даже самый отчаянный храбрец мог прийти в уныние.

Призиаться, я прослезился, но меня поддержала мысль, что император по-прежнему с нами, и не далее как сегодия утром ои косился моего доломана и обещал наградить меия почетиой медалью. Я даже запел и пришпоривал Фиалку до тех пор, покуда Шарпантье не взмолился пощадить его здоровеииого верблюда, который храпел и тяжело водил боками. Дорога была вся разъезжеииая, вязкая, как тесто, и пушки выбили на ней колеи глубиной фута в два, так что Шарпаитье был прав, говоря, что здесь неподходящее место скакать галопом.

Мы с этим Шарпантье никогда не были друзьями, и теперь за двадцать миль пути я не мог вытяиуть из иего ии слова. Ои ехал, насупившись и опустив голову, как человек, погруженный в тяжкие думы. Я не раз спрашивал его, о чем ои думает, полагая, что я поумией его и разрешу его затрудиеиия. Он неизмеиио отвечал, что думает о поручеином ему деле, и это очеиь удивляло меия, потому что, хотя я никогда не был особенно высокого миеиия о его уме, все же мне казалось иевозможиым, что такая простая боевая задача может привести человека в замешательство.

Наконец мы доехали до Базоша, откуда он должеи был отправиться иа юг, а я иа север. Прежде чем расстаться со миой, ои повериулся вполоборота в седле и посмотрел иа меия страииым, испытующим взглядом.

— Что вы об этом думаете, бригадир? — спросил он.

— О чем?

— О приказе императора.

— Да тут все ясиее ясиого.

— Вы так полагаете? А для чего императору понадобилось посвящать нас в свои планы?

— Ои поиял, что имеет дело с умными людьми.

Мой спутиик засмеялся, и этот смех вывел меня из себя.

— А позвольте спросить, что вы намерены делать, если во всех этих деревиях окажутся пруссаки? — спросил он.

— Буду выполиять приказ.

— Но ведь вас убьют.

— Очеиь может статься.

Он снова засмеялся, да так вызывающе, что я слегка похлопал ладонью по эфесу сабли. Но прежде чем я успел высказать ему все, что я думаю о его глупости и грубости, он повернул лошадь и неуклюже поскакал на юг. Его высокая меховая шапка исчезла за вершиной холма, и я поехал своей дорогой, дивясь его поведению. Время от времени я прикладывал руку к груди и ощупывал письмо, шелестевшее у меня под мундиром. Ах, драгоценное письмо, вскоре оно превратится в маленькую серебряную медаль, о которой я столько мечтал! Весь путь от Брена до Сермуаза я думал о том, что скажет моя матушка, когда увидит ее.

Я остановился на заезжем дворе неподалеку от Суассона, у подножия холма, чтобы накормить Фиалку. Вокруг росли старые дубы, и на них гнездилась такая уйма ворон, что я едва слышал собственный голос. От хозяина я узнал, что два дня назад Мармон отступил и пруссаки перешли Эн. Через час, уже в сумерки, я увидел два их дозора на холме справа от себя, а когда совсем стемнело, на севере задрожало огромное зарево бивачных костров.

Услышав, что Блюхер там вот уже два дня, я очень удивился, как это император не знал, что местность, через которую он приказал мне везти столь важное письмо, уже занята противником. Но я вспомнил, каким тоном он сказал Шарпантье, что солдат не выбирает, а повинуется. Я должен ехать так, как он мне приказал, пока Фиалка в силах перебирать ногами, а я — держать поводья. Весь путь от Сермуаза до Суассона дорога идет то вверх, то вниз, петляя среди еловых лесов, и я, держа пистолет наготове, а саблю у пояса, двигался быстро там, где дорога шла прямо, но придерживал лошадь на поворотах: делать так мы научились в Испании.

Когда я доехал до усадьбы, той, что справа от дороги, сразу, как переедешь деревянный мост через Крис, неподалеку от того места, где стоит большая статуя пресвятой девы, с поля меня окликнула какая-то женщина и предупредила, что в Суассоне пруссаки. Небольшой отряд их улан, сказала она, вступил туда не далее как сегодня вечером, а к полуночи

ожидается целая бригада. Не дослушав, я дал Фиалке шпоры и через пять минут уже влетел галопом в город.

В иачале главной улицы мне встретились трое улан. Их лошади были привязаиы, а сами они о чем-то толковали между собой, и каждый курил трубку длииой с мою саблю. Я хорошо разглядел их при свете, падавшем из открытой двери, они же увидели только, как мимо мелькиул серый бок Фиалки и мой чериый, трепыхавшийся иа ветру плащ. А через мгновенье я уже мчался сквозь толпу, высыпавшую из открытых ворот. Одного Фиалка сшибла с ног, и он кубарем полетел на землю, другого я хотел зарубить, ио промахнулся. «Бах! Бах!» — выпалили два карабиия, но я уже завернул за угол и даже не услышал свиста пуль. Ах, мы оба были великолепны — и я и Фиалка! Она мчалась, как заяц, которого преследуют гончие, искры так и сыпались у нее из-под копыт. Я привстал на стременах и размахивал саблей. Кто-то бросился мне наперерез и хотел схватить лошадь под уздцы. Я рубанул его по руке и услышал, как ои взвыл у меня за спиной. За мной гнались два всадника. Одного я зарубил, а другого оставил далеко позади. Миииуту спустя я уже вылетел из города и иесся по широкой белой дороге, обсажеииой по обеим стороиам осокорями. Сначала я слышал позади стук копыт, но постепенно он становился все глуше, и я уже не мог отличить его от стука собствеииого сердца. Я остаиовился и внимательно прислушался, но все было тихо. Они прекратили погоню.

Первым делом я спешился и отвел свою лошадку в лесок, где журчал ручей. Там я иапоил и обтер ее, дал ей два куска сахару, смочив их коньяком из фляги. Она была измучена после тяжелой скачки и просто чудом оправилась после получасового отдыха. Когда я сиова сел в седло, то поиял по ее упругому шагу, что ие ее будет виил, если я ие доберусь целым и иевредимым до Парижа.

Теперь я, по-видимому, был глубоко во вражеском тылу, потому что слышал, как оии, подвыпив, горланят свои песни в доме у дороги, и свериул в поле, чтобы объехать этот дом стороиой. В другой раз иа лунный свет вышли какие-то двое (ночь тогда была безоблач-

ная) и что-то крикнули по-немецки, но я проскакал мимо, не обращая на них внимания, а стрелять они побоялись, потому что мундиры их гусар очень похожи на наши. В таких случаях лучше всего не обращать внимания на окрики, тогда тебя считают глухим.

Луна была удивительно красива, и деревья отбрасывали на дорогу черные тени, похожие на прутья решетки. Я видел все ясно, как днем, и пейзаж был совсем мирный, только где-то на севере бушевал пожар. Я знал, что спереди и сзади меня подстерегает опасность, и когда в ночной тишине смотрел на зарево этого далекого, огромного пожара, то испытывал волнение и благоговейный страх. Но я не привык унывать, потому что мне на моем веку довелось повидать много удивительного, и я только мурлыкал под нос песенку да думал о Лизетте, с которой надеялся встретиться в Париже. Мои мысли были поглощены ею, когда вдруг за поворотом я наскочил прямо на шестерых немецких драгун, которые расположились у самой дороги вокруг костра.

Я прекрасный солдат. Говорю это не из тщеславия, а потому что это истинная правда. Я могу в один миг взвесить все за и против и принять решение, словно размышлял целую неделю. И вот теперь я с быстротой молнии сообразил, что погони никак не избежать, а лошадь моя уже проскакала целых двенадцать лиг. Но лучше при этом скакать вперед, чем назад. В эту лунную ночь, спасаясь от преследователей, под которыми свежие лошади, я все равно подвергнусь большому риску; если же мне удастся от них уйти, лучше пускай это произойдет близ Сенли, а не близ Суассона.

Все эти мысли, знаете ли, осенили меня как бы по наитию. Я едва скользнул взглядом по бородатым лицам под медными шлемами, а мои шпоры уже коснулись боков Фиалки, и она ринулась вперед, словно в атаку. Ого, как они заорали, забегали, затопали позади меня! Трое выстрелили, а трое бросились к лошадям. Пуля угодила в луку седла с таким звуком, словно ударили палкой в дверь. Фиалка, обезумев, рванулась вперед, и я подумал, что она ранена, но она отделалась лишь царапиной на передней бабке. Ах, бедная моя

лошадка! Какую нежность испытал я к ней, когда почувствовал, что она пустилась вперед машистым легким галопом, и ее копыта дробно стучали, как кастаньеты в руках испанки. Я не мог сдержаться. Я обернулся в седле и рявкнул: «Vive l'Empereur!» Я хохотал и громко вопил, слыша, какие сзади раздавались проклятия.

Но погоня была не кончена. Не будь Фиалка так измучена, она через пять миль обскакала бы их на целую милю. Теперь же она могла только удерживать преследователей на прежнем расстоянии, почти ничего не выигрывая. Был среди них один офицер, совсем еще мальчишка, под ним лошадь оказалась получше остальных. Он с каждым шагом вырывался вперед. В двух сотнях шагов позади него скакали еще двое, но, оглядываясь, я всякий раз видел, что расстояние между ними увеличивается. А остальные трое, те, что стреляли, были далеко позади.

У офицера была гнедая лошадь, очень даже недурная, и хотя, ясное дело, она не могла сравниться с Фиалкой, все же это было сильное животное, и я предвидел, что через несколько миль его свежие силы скажутся. Я подождал, пока этот малый далеко опередил своих товарищей, а потом чуть-чуть придержал Фиалку — самую малость, чтобы он подумал, будто и впрямь меня настигает. Подпустив его на выстрел, я вытащил пистолет, взвел курок и оглянулся через плечо, ожидая, что он станет делать. Он не стрелял, и я вскоре понял, почему. Этот глупый мальчишка вынул на ночь пистолеты из кобур. Он размахивал саблей и выкрикивал всякие угрозы. Видимо, он не понимал, что его жизнь в моих руках. Я еще немного придержал Фиалку, пока серый хвост и гнедая морда не сблизились на длину копья.

— Rendez-vous! [1] — крикнул он.

— Поздравляю вас, мсье, вы отлично говорите по-французски,— сказал я, кладя ствол пистолета на согнутую левую руку, которой держал поводья: так мне всегда было удобней стрелять, сидя в седле. Я прице-

---

[1] Свидание (*франц.*). — Немец путает с «randrez-vous» — «сдавайтесь».

нился ему в лицо и даже при лунном свете увидел, как он побледнел, когда понял, что ему крышка. Но, уже спуская курок, я подумал, о его матери и выстрелил лошади под лопатку. Боюсь, что он сильно ушибся, с таким стуком он упал, но мне нужно было думать о письме, которое я вез, и я снова пустил Фиалку галопом.

Но от этих бандитов не так-то легко было уйти. Двое драгун обратили на своего офицера не больше внимания, чем если б это был простой новобранец, только что вышедший из кавалерийской школы. Они предоставили его заботам остальных и продолжали погоню. Я остановился на вершине холма, думая, что не услышу больше стука копыт; но, клянусь, я вскоре убедился, что мешкать нельзя, и мы снова помчались вперед; Фиалка при этом мотала головой, а я — кивером, выражая свое презрение к двум драгунам, которые пытаются догнать гусара. Но в тот самый миг, когда я смеялся над этой мыслью, сердце у меня вдруг упало, потому что вдалеке, на белой дороге, я увидел черных всадников, поджидавших меня. Неопытный солдат принял бы их за тени деревьев, но я сразу понял, что это эскадрон гусар, и куда бы я ни свернул, всюду меня подстерегала смерть.

Итак, позади были драгуны, а впереди гусары. Ни разу со времен Москвы я еще не бывал в такой переделке. Но во имя чести моей бригады я предпочитал, чтобы меня зарубил представитель легкой кавалерии, а не тяжелой. Поэтому я даже не тронул повода, не поколебался ни мгновения, а дал Фиалке волю. Помню, я даже пытался молиться, несясь во весь опор, но я как-то отвык от таких вещей и вспомнил только молитву о хорошей погоде, которую мы читали в школе по вечерам перед каникулами. Это было лучше, чем ничего, и я скороговоркой бормотал эту молитву, как вдруг услышал впереди голоса французов. О боже, радость пронзила мое сердце, как пуля! Это были наши — наши милые дьяволы из корпуса Мармона. Оба драгуна поспешно повернули и что было духу поскакали назад, только их медные шлемы поблескивали под луной, а я подъехал к своим не спеша, с достоинством, давая этим понять, что хотя гусар и может спасаться бегством, не в его характере удирать слишком быстро. И все же,

боюсь, дрожащие бока Фналкн н ее взмылеииая морда выдали меия, иесмотря иа всю мою притворную беззаботность.

А командовал отрядом ие кто иной, как сам старнна Буве, которого я спас под Лейпцигом! Когда ои увидел меия, его малеиькие красиые глазки иаполнились слезамн, и, честиое слово, я сам прослезился, троиутый его радостью. Я рассказал ему о письме, но он только рассмеялся, услышав, что я должен проехать через Сенли.

— Там враг,— сказал он.— Нельзя туда ехать.

— Я предпочнтаю ехать именно туда, где враг,— возразнл я.

— Но почему ие отвезтн письмо прямо в Парнж? Почему вам иепремеиио иадо ехать через этот город, где вас ждет вериая смерть или плен?

— Солдат ие выбирает, ои повинуется,— повторнл я слова Наполеона.

Старииа Буве засмеялся своим странным, похожнм на кашель смехом, н, чтобы он ие забывался, мие пришлось подкрутнть усы и смерить его взглядом.

— Что ж,— сказал ои.— В таком случае присоедиияйтесь к иам, мы как раз едем в Сеили. Нас отрядили иа разведку. Впереди эскадрон польскнх улан Понятовского. Если вам иепремеиио надо туда, поедем вместе.

И мы поехали, звякая и бряцая оружием в ночной тишиие, пока не нагиали поляков,— оии все как иа подбор были добрые, старые солдаты, хотя чуть тяжеловаты для своих коией. Смотреть иа иих было одио удовольствие, даже гусары из моей бригады не могли бы держаться лучше. Мы продолжалн путь все вместе и раииим утром увиделн впереди огии Сеили. Навстречу иам попался крестьяиии в повозке, и от иего мы узналн положение дел.

Сведеиия были вериые, потому что брат этого крестьяниил служил кучером у мэра, и он виделся с ним иакануие, поздией ночью. В городе был одии-едннственный эскадрои казаков, разместнвшийся в доме мэра на углу рыиочиой площади, это был самый большой дом в городе. В лесу, к северу, расположилась целая

дивизия прусской пехоты, но в Сенли нет никого, кроме казаков.

Мы ворвались в город лавиной, изрубили дозорных, смели охранение и уже ломились в двери дома мэра, прежде чем они успели сообразить, что французы у них под носом. Мы видели в окнах лица, заросшие волосами до самых ушей, овчинные шапки и разинутые рты. «Ура, ура!» — кричали они и палили из карабинов, но наши ребята уже ворвались в дом и вцепились им в глотки, пока они не успели еще как следует продрать глаза. Было ужасно видеть, как поляки набросились на них, будто голодные волки на стадо упитанных быков. Казаки почти все были перебиты в верхних комнатах, где пытались укрыться, и кровь стекала в прихожую, как дождь с крыши. Они страшны в бою, эти поляки, хотя, на мой взгляд, тяжеловаты малость для своих коней. Все как на подбор, они не уступят ростом кирасирам Келлермана. Вооружены они, конечно, гораздо легче, так как не носят кирас, брони на спине и шлемов.

И тут я сделал ошибку — и, сознаюсь, ошибку непростительную. До тех пор я выполнял возложенное на меня поручение так, что лишь скромность мешает мне назвать свое поведение безукоризненным. Теперь же я сделал то, что чиновник осудил бы, а солдат понял и простил.

Конечно, моя лошадь была почти загнана, но все же я мог бы проехать галопом через Сенли, и тогда враг не преграждал бы мне больше путь в Париж. Но какой гусар может проехать мимо места схватки и не остановить коня? Нельзя требовать от него слишком многого. Кроме того, я решил, что если Фиалка отдохнет часок, я потом выиграю добрых три. А тут еще в окнах появились головы в овчинных шапках и раздались дикие крики. Я соскочил с седла, накинул поводья на столбик перил и бросился в дом вместе со всеми. Правда, я подоспел слишком поздно, и все же один из этих умирающих дикарей чуть не ранил меня копьем. Но всегда жаль пропускать даже мелкую стычку, ведь никогда не знаешь, где тебя ждет случай отличиться. Во время стычек передовых постов и в мелких кавалерийских рубках мне приходилось видеть более славные подвиги,

чем в любом из больших сражеиий, которыми руководил сам император.

Когда дом был очнщеи, я прниес Фиалке ведро воды, а крестьяини, иаш проводннк, показал мие, где у мэра храиится корм. Да, моя дорогая крошка здорово проголодалась. Я обтер ей мокрой губкой иоги н, оставнв ее иа привязн, вернулся в дом, чтобы самому чего-нибудь перехватнть н больше уж ие остаиавливаться до самого Парнжа.

А теперь я подхожу к той части своего рассказа, которая, пожалуй, покажется вам невероятной, хотя я могу рассказать по меиьшей мере десяток ие менее поразительных случаев. Самн понимаете, с человеком, который всегда в разведках и дозорах, иа залнтой кровью земле, разделяющей две великие армии, часто случаются удивительиые вещн. Но послушайте же, что со мною произошло.

Когда я вошел в дом, старина Буве ждал меия в прихожей и предложил распить вместе бутылочку вниа.

— Нам иадо поторапливаться,— сказал ои.— Вон там, в лесу, десять тысяч пруссаков Тельмана.

— А где же вино? — спросил я.

— Ну, вниа двое гусар всегда раздобудут,— отвечал ои и, взяв свечу, повел меня по камеииой лестннце вииз на кухию.

Там мы увндели дверь, выходившую на винтовую лестннцу, которая вела в погреб. Казаки уже побывалн в погребе до иас, это было нетрудио понять по разбнтым бутылкам, разбросанным повсюду. Мэр, видно, любнл хорошо пожнть, выбор внн был прекрасиый: «Шамбертеи», «Граве», «Алнкан», белое и красиое, игрнстое н простое, бутылкн лежалн пнрамндами, стыдлнво выглядывая нз опилок. Старнна Буве стоял со свечой, поглядывая по стороиам и мурлыкая, как кот перед миской с молоком. Наконец он выбрал бургуидское и уже протянул руку к бутылке, как вдруг наверху раздались ружейиая пальба, топот ног н такне крнкн н вопли, какнх я сроду ие слыхивал. Пруссаки напали на нас!

Буве — иастоящнй храбрец, в этом ему не откажешь. Ои выхватил саблю н бросился вверх по камен-

ным ступеням, бряцая шпорами. Я поспешил за ним, но едва мы выбежали из кухни, оглушительные крики известили нас, что враг снова овладел домом.

— Все погибло! — воскликнул я, хватая Буве за рукав.

— Я умру вместе с ними! — отвечал он и, как безумный, бросился вверх по лестнице. Право, я сам пошел бы на смерть, будь я на его месте, потому что он совершил серьезную ошибку, не выслав дозорных, которые донесли бы о приближении немцев. В тот миг я готов был броситься за ним, но потом вспомнил, что мне поручено важное дело, которое необходимо исполнить, а если меня возьмут в плен, письмо императора не будет доставлено. Поэтому я предоставил Буве умирать в одиночку, а сам снова спустился в погреб и плотно затворил за собой дверь.

Правда, и там, внизу, меня не ждало ничего хорошего. Когда поднялась тревога, Буве уронил свечу, и я, шаря в темноте, не мог нащупать ничего, кроме битых бутылок. Наконец я отыскал свечу, которая закатилась за бочонок, но как ни старался, не мог зажечь ее от трута: фитиль попал в лужу вина и намок. Сообразив, в чем дело, я обрезал его конец саблей, и свеча сразу загорелась. Но что делать дальше, я понятия не имел. Негодяи наверху хрипло орали, и, судя по крикам, их было несколько сотен; не приходилось сомневаться, что кое-кто из них вскоре пожелает промочить глотку. И тогда — конец храброму офицеру, письму императора, медали. Я подумал о своей матушке и об императоре. Слезы выступили у меня на глазах при мысли, что она потеряет такого замечательного сына, а он — одного из лучших офицеров во всей легкой кавалерии, какой у него был со времен Лассаля. Но я мигом смахнул слезы. «Мужайся! — вскричал я, ударяя себя в грудь.— Мужайся, мой мальчик! Возможно ли, что тот, кто вернулся из Москвы целым и невредимым, даже не обморозившись, умрет во Франции, в этом винном погребе?» При этой мысли я вскочил на ноги и прижал руку к письму на груди, так как шелест бумаги вселял в меня храбрость.

Сначала я хотел поджечь дом, надеясь удрать среди переполоха. Потом решил залезть в пустой бочонок

из-под вина. Я оглядывался вокруг, отыскивая подходящий бочонок, как вдруг обнаружил в углу низенькую дверцу, выкрашенную под цвет серой стены, так что лишь острый глаз мог ее заметить. Я толкнул ее, и мне поначалу показалось, что она заперта. Но тут она слегла подалась, и тогда я понял, что она просто приперта чем-то с той стороны. Я уперся ногами в большую бочку и так налег на дверь, что она распахнулась, я грохнулся навзничь, свеча выпала у меня из рук, и я снова очутился в темноте. Я встал и начал вглядываться в глубину сводчатого коридора, который оказался за дверью.

Через какую-то щель и решетку туда просачивался скупой свет. Снаружи уже рассвело, и я смутно увидел огромные выпуклые бока нескольких бочек и подумал, что, вероятно, здесь мэр держит свое вино, пока оно бродит. Во всяком случае, это место казалось мне более надежным убежищем, чем первый погреб, и я, взяв свечу, уже хотел закрыть за собой дверь, как вдруг увидел нечто такое, что удивило и даже, признаюсь, несколько испугало меня.

Я уже говорил, что в конце подвала откуда-то сверху сероватым веером пробивались лучи света. И вот, вглядываясь в темноту, я вдруг увидел, как в этой полосе света в дальнем конце коридора мелькнул какой-то огромный детина и исчез в темноте. Клянусь, я так вздрогнул, что мой кивер чуть не упал, оборвав ремешок! Я видел этого человека лишь мельком, но тем не менее успел разглядеть, что на нем мохнатая казацкая шапка и сам он здоровенный, длинноногий, широкоплечий, с саблей у пояса. Клянусь, даже Этьен Жерар пришел в замешательство, когда оказался во мраке наедине с таким чудовищем.

Но то был лишь один миг. «Мужайся,— сказал я себе.— Разве ты не гусар и не бригадир, разве тебе не тридцать один год и ты не доверенный гонец императора?» В конце концов у этого человека, который прятался в погребе, было больше причин бояться меня, чем у меня — его. И я вдруг понял, что он боится — боится до смерти. Я угадал это в его торопливости, в его поникших плечах, когда он бежал среди бочек, как крыса, прячущаяся в свою нору. И, конечно, это он не

давал открыть дверь, а не какой-нибудь ящик или бочонок, как мне показалось. Значит, он был преследуемым, а я — преследователем. Ага! Я почувствовал, как мои бакенбарды ощетинились, когда я начал подступать к нему в темноте. Этот разбойник увидит, что имеет дело не с цыпленком. В тот миг я был великолепен.

Сначала я опасался зажечь свечу, чтобы не выдать себя, но после того, как я больно ударился ногой о ящик и запутался шпорами в каком-то тряпье, я решил, что лучше действовать смело. Итак, я зажег свечу и пошел вперед широким шагом, держа наготове обнаженную саблю.

— Выходи, негодяй! — крикнул я.— Тебе нет спасенья. Ты наконец получишь по заслугам!

Я держал свечу высоко над собой и вдруг увидел его голову, глядевшую на меня поверх бочки. На его черной шапке был золотой шеврон, и по выражению его лица я сразу понял, что это офицер и человек из высшего общества.

— Мсье! — воскликнул он на безукоризненном французском языке.— Я сдаюсь, если вы обещаете мне пощаду. В противном случае я дорого продам свою жизнь.

— Мсье,— отвечал я,— француз умеет уважать побежденного врага. Ваша жизнь в безопасности.— Тогда он передал мне через бочку свою саблю, а я поклонился, поднеся руку со свечой к груди.— Кого мне выпала честь взять в плен? — спросил я.

— Я граф Боткин из императорского донского казацкого полка,— отвечал он.— Я выехал со своим эскадроном на разведку в Сенли, и, так как ваших войск здесь не оказалось, мы решили заночевать в этом доме.

— Не сочтите нескромностью, если я полюбопытствую, как вы попали в этот темный подвал? — спросил я.

— Нет ничего проще,— отвечал он.— Мы собирались выступить на рассвете. Я чистил лошадь, промерз и, решив, что стакан вина мне не повредит, спустился сюда поискать чего-нибудь выпить. Я шарил здесь, как вдруг на дом напали враги, и прежде чем я успел подняться по лестнице, все было кончено. Мне оставалось лишь одно — позаботиться о своем спасении, поэтому я

снова спустился сюда н спрятался в дальнем погребе, где вы меня и нашли.

Я вспомнил, как в подобных же обстоятельствах поступил Буве, и при мысли о славе Франции слезы выступили у меня на глазах. Но нужно было подумать, как поступить дальше. Было ясно, что этот русский граф, который сидел во втором подвале, пока мы были в первом, не слышал шума, иначе он сообразил бы, что дом снова в руках его союзников. Если он об этом догадается, роли переменятся, и я сам окажусь у него в плену. Что же делать? Я ума не мог приложить, но вдруг у меня мелькнула мысль столь блестящая, что я сам удивился своей изобретательности.

— Граф Боткин,— сказал я,— я оказался в весьма затруднительном положении.

— Но почему же? — спросил он.

— Потому что я обещал сохранить вам жизнь.

Он даже рот разинул.

— Ведь вы не возьмете назад свое слово? — воскликнул он.

— Если случится худшее, я умру, защищая вас,— сказал я.— Но положение не из легких.

— В чем же дело? — спросил он.

— Я буду с вами откровенен,— сказал я.— Вам должно быть известно, что наши ребята, и в особенности поляки, так настроены против казаков, что один только вид казачьей формы приводит их в ярость. Они бросаются на этого человека и буквально разрывают его на части. Даже офицеры не могут их удержать.

Услышав эти слова и тон, которым они были сказаны, русский побледнел.

— Но ведь это ужасно,— сказал он.

— Кошмар! — подтвердил я.— И если сейчас мы оба поднимемся наверх, я не уверен, что сумею вас защитить.

— Я в ваших руках! — воскликнул он.— Что же вы посоветуете? Не лучше ли мне остаться здесь?

— Хуже ничего не придумаешь.

— Но почему же?

— Потому что наши люди сейчас станут обыскивать дом и вас изрубят на куски. Нет, нет, я должен пой-

ти и подготовить их. Но даже тогда, едва они завидят иеиавистиый муидир, ие зиаю, чем все коичится.

— В таком случае, может быть, мие лучше сиять мундир?

— Превосходиая мысль! — воскликиул я.— Постойте, я прндумал! Вы сннмете свой муидир н наденете мой. Тогда вас ие посмеет троиуть ни одни француз.

— Но я боюсь ие столько французов, сколько поляков.

— Мой мундир охранит вас н от тех н от других.

— Как мие вас благодарнть! — вскрнчал он.— Но вы... что же вы наденете?

— Ваш муидир.

— Да ведь вы рискуете пасть жертвой своего благородства.

— Мой долг — прниять риск иа себя,— отвечал я.— Но я ие боюсь. Я подинмусь иаверх в вашем муидире. Сотня сабель сверкиет у меня иад головой. «Стойте! — крикну я нм.— Перед вамн бригаднр Жерар!» И тогда они взгляиут мне в лнцо. И сразу узиают меня. Я расскажу им про вас. В этом мундире инкто ие посмеет вас тронуть.

Когда ои снимал с себя муиднр, пальцы его дрожали от поспешиостн. Его сапоги н рейтузы были очень похожи иа мои, и меияться ими ие было иадобиости, так что я отдал ему свой меитик, доломан, кивер, пояс с иожиамн и подсумком, а себе взял высокую шапку из овчины с золотым шевроном, меховой плащ н кривую саблю. Само собой разумеется, меняясь одеждой, я ие забыл выиуть драгоцеиное пнсьмо.

— А теперь,— сказал я,— с вашего позволения, я прнвяжу вас к бочке.

Он прииялся возмущаться, ио я за свою боевую жнзнь иаучнлся ие пренебрегать инкакимн предосторожиостями, а мог лн я быть увереи, что, едва я повериусь к иему спиной, он ие сообразнт, как обстоят дела в действительности, н ие разрушнт все мои планы? Ои стоял в эту мииуту, прислоиившнсь к бочке, и я шесть раз обвязал его веревкой, а потом затяиул ее сзадн крепким узлом. Если он вздумает подияться наверх, то ему по крайией мере придется тащнть на спнне тысячу литров доброго французского виоа. Потом я за-

крыл за собой дверь второго погреба, чтобы он не слышал, что происходит в первом, и, отбросив свечу, поднялся по лестнице в кухню.

Там было всего ступеней двадцать, и все же, поднимаясь по ним, я успел подумать обо всем, что я еще рассчитывал совершить в жизни. Такое же чувство я испытывал при Эйлау, когда лежал со сломанной ногой и видел, как на меня несутся кони, запряженные в пушки. Конечно, я понимал, что если меня схватят, то пристрелят на месте, как переодетого шпиона. Но все же это будет славная смерть — смерть при исполнении личного приказа императора,— и я подумал, что в «Монитёре» поместят обо мне не меньше пяти строк, а может быть, и все семь. Про Паляре было восемь строк, а я уверен, что он совершил куда меньше славных подвигов.

Когда я вышел в коридор со всей непринужденностью на лице и в манерах, какую только мог на себя напустить, первое, что я увидел, был труп Буве с вытянутыми ногами и сломанной саблей в руке. По черному пороховому пятну я понял, что его застрелили в упор. Мне хотелось отдать честь, когда я проходил мимо, потому что это был настоящий храбрец, но я боялся, что кто-нибудь меня увидит, и прошел дальше.

В прихожей было полно прусских пехотинцев, которые пробивали бойницы в стене, видимо, ожидая нового нападения. Их офицер, щуплый коротышка, суетился, отдавая приказания. Все были слишком заняты, чтобы обращать внимание на меня, но второй офицер, который стоял у двери с длинной трубкой в зубах, подошел и хлопнул меня по плечу, указывая на трупы наших бедных гусар, и сказал что-то, очевидно, насмехаясь над ними, потому что под косматой бородой оскалились все его клыки. Я тоже весело засмеялся и сказал единственную русскую фразу, которой научила меня крошка Софи в Вильне: «Если ночь будет ясная, мы встретимся под дубом, а если будет дождь, встретимся в хлеву». Этому немцу все было едино, и он, без сомнения, решил, что я сказал что-то очень остроумное, так как покатился со смеху и еще раз хлопнул меня по плечу. Я кивнул ему и вышел на двор так спокойно, словно был комендантом всего гарнизона.

Снаружи было привязано около сотни лошадей, по большей части принадлежавших полякам и нашим гусарам. Моя милая Фиалка тоже ждала там и тихонько заржала, когда увидела, что я иду к ней. Но я не сел на нее. Нет, я не так прост! Наоборот, я выбрал самую лохматую казачью лошаденку, какую мог найти, и вскочил на нее так уверенно, словно до меня на ней ездил еще мой отец. Через спину у нее был перекинут здоровенный мешок с добром, который я переложил на Фиалку, и повел ее за собой в поводу. До чего же я походил на казака,— право, на это стоило поглядеть.

Тем временем пруссаки буквально наводнили город. Они толпились на тротуарах, указывали на меня пальцами и говорили друг другу, насколько я мог судить по их жестам: «Вот едет один из этих дьяволов-казаков...»

Несколько раз со мной повелительным тоном заговаривали офицеры, но я качал головой, улыбался и говорил: «Если ночь будет ясная, мы встретимся под дубом, а если будет дождь, встретимся в хлеву»,— после чего они пожимали плечами и оставляли меня в покое. Наконец я миновал северную окраину города. На дороге я увидел двух дозорных улан с черно-белыми флажками и понял, что, когда миную их, снова буду свободен. Я пустил свою лошадку рысью, а Фиалка все время терлась мордой о мое колено и поглядывала на меня, словно спрашивая, в чем она провинилась, что ей предпочли эту косматую клячу. До улан оставалась какая-нибудь сотня шагов, и представьте себе мои чувства, когда я вдруг увидел настоящего казака — он галопом скакал по дороге мне навстречу.

Ах, друзья мои, если у вас в груди есть сердце, вы, читая эти строки, посочувствуете человеку, который прошел через столько опасностей и испытаний, но в самый последний миг встретился с неминуемой гибелью! Признаюсь, у меня сердце упало, и я готов был в отчаянии броситься на землю и кричать, проклиная судьбу. Но нет, даже теперь я не был побежден. Я расстегнул две пуговицы мундира, чтобы в нужную секунду выхватить из-под него письмо императора, потому что твердо решил, если не останется никакой надежды, проглотить его и умереть с оружием в руках. Потом я проверил, свободно ли вынимается из ножен моя короткая кривая сабля, и

рысью поехал прямо на дозорных. Они, видимо, намеревались остановить меня, но я указал на второго казака, который все еще был в двух сотнях шагов от меня, и они, поняв, что я еду ему навстречу, отдали честь и пропустили меня.

Тогда я вонзил шпоры в бока своей лошади, зная, что стоит мне подальше отъехать от улан, и я без труда справлюсь с казаком. Это был офицер, здоровенный бородач, с таким же золотым шевроном на шапке, как и у меня. Когда я поехал ему навстречу, он невольно помог мне, придержав лошадь, так что я успел достаточно удалиться от дозорных. Я ехал прямо на него и заметил, что при виде меня, моей лошадки, моего снаряжения в его глазах мелькнуло сперва недоумевающее, а потом подозрительное выражение. Не знаю, что у меня было не в порядке, но какую-то неполадку он заметил. Он крикнул, задавая мне какой-то вопрос, а потом, видя, что я не отвечаю, обнажил саблю. В душе я обрадовался этому, потому как предпочитаю честно драться, нежели зарубить ни о чем не подозревающего врага. Парируя его удар, я сделал ловкий выпад и попал как раз под четвертую пуговицу его мундира. Он упал с лошади и своей тяжестью едва не увлек на землю и меня, прежде чем я успел вытащить из него саблю. Я даже не взглянул на него, не поинтересовался, жив он или мертв, а сразу спрыгнул с казачьей лошадки, вскочил на Фиалку, дернул повод и послал воздушный поцелуй двоим уланам. Они с криком поскакали за мной, но Фиалка уже отдохнула и была полна сил, как в начале пути. Я свернул на первую же дорогу, которая шла на запад, потом на другую, к югу,— она должна была увести меня с вражеской территории. Мы мчались вперед, и с каждым шагом я удалялся от врагов и приближался к друзьям. Наконец после долгой скачки я, оглянувшись назад, не увидел преследователей и понял, что мытарства мои кончились.

Я поехал дальше, радуясь, что выполнил приказ императора. Что он скажет, когда увидит меня? Какими словами сможет по справедливости оценить тот невероятный путь, полный опасностей, которые я преодолел? Он приказал мне ехать через Сермуаз, Суассон и Санлис, даже не подозревая, что все они заняты врагом. И все же

я выполнил приказ. Я в целости провез его письмо через эти города. Гусары, драгуны, уланы, казаки, пехотинцы — я прошел сквозь них, как сквозь строй, и вышел невредимым.

Лишь добравшись до Даммартена, я наконец увидел наши передовые посты. Через поле ехал эскадрон драгун, и по конским хвостам на шлемах я сразу увидел, что это французы. Я поскакал к ним, намереваясь узнать, свободна ли дорога на Париж, и меня распирала гордость оттого, что я прорвался к своим,— я не выдержал и даже помахал саблей.

Тут от драгун отделился молодой офицер, тоже размахивая саблей, и на сердце у меня потеплело — с таким пылом, с таким восторгом мчался он приветствовать меня. Я заставил Фиалку сделать караколь[1] и, когда мы съехались, еще усердней замахал саблей, но представьте себе мое удивление, когда он вдруг нанес мне такой удар, что снес бы мне голову с плеч, если б я не пригнулся, ткнувшись носом в гриву Фиалки. Клянусь, клинок просвистел над моей головой, как восточный ветер. Конечно, во всем был виноват этот проклятый казацкий мундир, про который я в волнении совершенно забыл, и молодой драгун подумал, что перед ним русский удалец, который бросает вызов французским кавалеристам. Честное слово, он здорово перепугался, когда узнал, что чуть не зарубил знаменитого бригадира Жерара.

Что ж, путь был свободен, и около трех часов пополудни я въехал в Сен-Дени, но оттуда еще долгих два часа добирался до Парижа, потому что дорога была забита обозом и пушками артиллерийского резерва, двигавшимися на север, к Мармону и Мортье. Вы себе представить не можете, какой переполох вызвало мое появление в Париже в таком наряде, и, когда я выехал на рю де Риволи, за мной тянулся целый хвост конных и пеших длиной по меньшей мере в четверть мили. От драгун (двое из которых приехали вместе со мной) все узнали про мои приключения и про то, как я добыл казачий мундир. Это был настоящий триумф — мужчины кричали, женщины махали платками и посылали мне из окон воздушные поцелуи.

---

[1] Крутой поворот на месте.

Хотя я совершенно лишен тщеславия, все же, признаюсь, я не мог скрыть, что столь горячий прием мне приятен. Русский мундир висел на мне мешком, но я выпятил грудь, пока он не натянулся, как кожура сосиски. А моя милая лошадка потряхивала гривой, била передними копытами и махала хвостом, словно говоря: «На сей раз мы это сделали вместе. Нам можно доверять важные поручения». Спешившись у ворот Тюильри, я поцеловал ее в морду, и тут раздались такие крики, словно только что огласили сводку о боевых действиях Великой армии.

Конечно, я не был подобающим образом одет, чтобы предстать перед королем, но в конце концов, если у человека мужественная фигура, он вполне может обойтись без всех этих тонкостей. Меня провели прямо к Жозефу, которого я не раз видел в Испании. Он был все такой же толстый, спокойный и добродушный. При нем был Талейран,— быть может, мне следует называть его герцогом Беневенто, но, признаюсь, старые имена мне больше по душе. Он прочел письмо, которое Жозеф Бонапарт передал ему, и посмотрел на меня со странным выражением в блестящих, смешных глазках.

— А кроме вас, император никого не послал? — спросил он.

— Послал еще одного офицера,— ответил я.— Майора Шарпантье из полка конных гренадеров.

— Он еще не прибыл,— заметил король Испании.

— Если б вы, ваше величество, видели, какие ноги у его лошади, вы не удивлялись бы этому,— сказал я.

— Возможны и другие причины,— заметил Талейран и улыбнулся своей загадочной улыбкой.

Что ж, они отпустили мне несколько комплиментов, хотя могли бы сказать куда больше, и этого все равно было бы мало. Я откланялся и был рад удалиться, потому что ненавижу королевский двор так же горячо, как люблю армейский лагерь. Я поехал к своему старому другу Шоберу на рю Миромениль и взял у него гусарский мундир, который оказался мне как раз впору. Мы с ним и с Лизеттой хорошенько выпили у него на квартире, и я забыл обо всех превратностях судьбы. А наутро Фиалка опять была готова проскакать двадцать лиг. Я решил немедленно вернуться в ставку императора,

потому что, как вы легко можете себе представить, мне не терпелось услышать его похвалы и получить награду.

Незачем и говорить, что назад я ехал безопасной дорогой, потому что довольно навидался улан и казаков. Я проехал через Мо и Шато-Тьерри и к вечеру прибыл в Реймс, где все еще находился Наполеон. Тела наших ребят и русских, убитых при Сен-Пре, уже были похоронены, и в лагере я тоже заметил перемены. Солдаты имели уже не столь потрепанный вид; некоторые кавалеристы получили запасных лошадей, и все было в образцовом порядке. Просто поразительно, что может сделать хороший полководец за какие-нибудь два дня!

Когда я приехал в ставку, меня провели прямо к императору. Он пил кофе за письменным столом, и перед ним была разостлана большая карта. Бертье и Макдональд склонились по обе стороны от него, и он говорил так быстро, что, я уверен, ни один из них не мог уловить и половины его слов. Но когда взгляд его упал на меня, он выронил перо и вскочил с таким выражением на бледном лице, что я похолодел.

— Какого дьявола вы тут делаете? — закричал он. Когда он сердился, голос у него становился как у павлина.

— Честь имею доложить, ваше величество,— сказал я,— что я доставил ваше письмо королю Испании в целости и сохранности.

— Как! — завопил он, и его глаза пронзили меня, словно два штыка. О эти ужасные глаза, из серых они стали голубыми, как сталь, сверкающая на солнце! Я и теперь вижу их в кошмарных снах.

— А что с Шарпантье? — спросил он.

— Взят в плен,— отвечал Макдональд.

— Кем?

— Русскими.

— Казаками?

— Нет, одним казаком.

— Он сдался?

— Без сопротивления.

— Вот умный офицер. Позаботьтесь, чтобы он был непременно награжден почетной медалью.

Когда я услышал это, то протер глаза, так как мне показалось, что я сплю.

— А вы,— крикнул император, делая шаг ко мне, словно хотел меня ударить,— у вас заячьи мозги! Зачем, как вы думаете, я послал вас с этим поручением? Неужели вы воображаете, что я доверил бы действительно важное письмо в ваши руки да еще послал бы вас через все города, которые в руках у неприятеля? Как вы через них проехали, не могу понять. Но если б у вашего товарища было так же мало ума, весь план кампании полетел бы к черту. Неужели вы не понимаете, coglione [1], что это письмо было военной хитростью, чтобы обмануть неприятеля и выиграть время для осуществления совсем другого плана?

Когда я услышал эти жестокие слова и увидел разгневанное бледное лицо, которое в ярости смотрело на меня, мне пришлось ухватиться за спинку стула, так как ноги у меня подкосились и я чуть не лишился чувств. Но я собрался с духом, вспомнив, что я дворянин и всю свою жизнь служил императору и моей любимой родине.

— Ваше величество,— сказал я, и слезы потекли у меня из глаз,— когда вы имеете дело с таким человеком, как я, лучше говорить все напрямик. Знай я ваше желание, чтобы письмо попало в руки врага, я бы позаботился об этом. Но я считал, что должен беречь его как зеницу ока, и готов был пожертвовать за него своей жизнью. Я не думаю, ваше величество, что есть в мире человек, который перенес бы больше невзгод и опасностей, чем я, когда старался выполнить то, что считал вашей волей.

Сказав это, я вытер слезы и со всей горячностью, на какую был способен, рассказал ему обо всем: как прорвался через Суассон, как сражался с драгунами, ввязался в дело в Сенли, встретился в подвале с графом Боткиным, как я переоделся, как столкнулся с казачьим офицером, как бежал и как в последний миг меня чуть не зарубил французский драгун. Император, Бертье и Макдональд слушали с удивлением. Когда я кончил, Наполеон подошел ко мне и ущипнул меня за ухо.

[1] Дурак (*итал.*).

— Ну полно, полно! — сказал он.— Забудьте все, что я сказал. Мне следовало больше доверять вам. А теперь вы свободны.

Я повернулся к двери и уже взялся за ручку, как вдруг император остановил меня.

— Позаботьтесь, чтобы бригадир Жерар был награжден персональной почетной медалью,— сказал он герцогу Тарентемскому,— потому что хотя у него самая тупая голова, зато самое отважное сердце во всей армии.

VIII

КАК БРИГАДИРА ИСКУШАЛ ДЬЯВОЛ

Весна уже совсем близко, друзья мои. Я вижу, что на каштанах снова пробиваются зеленые ростки, и все столики выставлены из кафе на солнышко. Сидеть там куда приятнее, и все же мне не хочется, чтобы мои скромные рассказы стали достоянием всего города. Вы слышали о моих делах, когда я был лейтенантом, эскадронным командиром, полковником и командиром бригады. Но теперь я вдруг стал чем-то более важным и высоким. Я стал историей.

Если вы читали о последних годах жизни императора на Святой Елене, то, конечно, помните, что он не раз умолял разрешить ему отправить хоть одно письмо, которое не будет вскрыто его тюремщиками. Много раз обращался он с этой просьбой и дошел даже до того, что обещал, если это будет ему позволено, содержать себя на собственный счет, избавив английское правительство от этой статьи расхода. Но тюремщики знали, как ужасен этот бледный, полный человек в соломенной шляпе, и боялись удовлетворить его просьбу. Многие гадали, кто же тот адресат, которому император хочет поверить столь важные тайны. Некоторые называли его жену, некоторые — тестя, иные—императора Александра, а кое-кто—маршала Сульта. Но что вы подумаете обо мне, друзья мои, если я скажу вам, что это мне, да, мне, бригадиру Жерару, хотел написать император? Вашему покорному слуге на пенсии всего в сто франков — только-только не умереть с голоду; и, уверяю вас, это правда: император

все время вспоминал меня и отдал бы свою левую руку, только бы поговорить со мной пять минут. Сегодня я расскажу вам, как это получилось.

Дело было после битвы при Фер-Шампенуаз, где новобранцы в блузах и деревянных башмаках воевали так, что мы, самые проницательные, почувствовали приближение конца. Наши боеприпасы были захвачены врагом, наши пушки замолчали, зарядные ящики были пусты. Кавалерия тоже пришла в жалкое состояние, и моя собственная бригада была разбита в атаке при Краоне. А потом пришли известия, что враг взял Париж, где горожане подняли белую кокарду, и, наконец, самое ужасное — что Мармон со своим корпусом перешел на сторону Бурбонов. Мы только переглядывались и спрашивали друг друга, сколько же еще из наших генералов нас предадут. Журден, Мармон, Мюрат, Бернадот и Жомини уже сделали это, хотя о Жомини никто не жалел, потому что перо его было острее шпаги. Мы были готовы воевать против Европы, но теперь выходило, что придется воевать не только против Европы, но и против половины Франции.

После долгого форсированного марша мы дошли до Фонтенбло и собрались там — жалкие остатки армии: корпус Нея, корпус моего двоюродного брата Жерара и корпус Макдональда, всего двадцать пять тысяч, из них семь тысяч гвардейцев. Но у нас была слава, которая стоила пятидесяти тысяч, и наш император, который стоил еще пятидесяти. Император всегда был с нами, спокойный, улыбающийся, уверенный; он как ни в чем не бывало нюхал табак и пощелкивал хлыстиком. Даже в дни его величайших побед я не восхищался им так, как во время битвы за Францию.

Как-то вечером я пил сюренское вино в обществе офицеров своей бригады. Я говорю, что это было сюренское, чтобы вы поняли, какие нелегкие для нас настали времена. Вдруг мне доложили, что Бертье требует меня к себе. Когда я говорю о своих старых соратниках, я, с вашего позволения, буду отбрасывать все красивые иностранные титулы, которые они получили во время войн. Эти титулы хороши при дворе, но их никогда не услышишь в армии, потому что мы никак не могли расстаться с нашим Неем, Раппом или Сультом — эти имена звучали му-

зыкой в наших ушах, как звуки труб, играющих побудку. Итак, Бертье вызвал меня к себе.

Его резиденция была в конце галереи Франциска Первого, неподалеку от покоев императора. В приемной уже ждали два офицера, которых я хорошо знал: полковник Депьеи из Пятьдесят седьмого линейного полка и капитан Тремо из Вольтижерского. Оба были старые вояки — Тремо побывал еще в Египте,— и, кроме того, оба славились в армии своей храбростью и умением владеть оружием. У Тремо рука несколько ослабела, но Депьеи, стоило ему хорошенько постараться, мог бы заставить попотеть меня самого. Это был коротышка дюйма на три ниже хорошего мужского роста,— он был ровно на три дюйма ниже меня, но во владении саблей и шпагой он несколько раз успешно соперничал со мной, когда показывал свое искусство в Верронском фехтовальном зале в Пале-Рояль. Сами понимаете, когда мы все трое очутились в одной комнате, то сразу почуяли, что пахнет чем-то серьезным. Если видишь салат и приправу, сразу ясно, какое готовится блюдо.

— Клянусь моей трубкой! — сказал Тремо по-солдатски грубо.— Уж не ожидают ли прибытия троих приверженцев Бурбонов?

Нам эта мысль показалась весьма вероятной. Ну конечно же, из всей армии именно нас троих и могли избрать для встречи с ними.

— Князь Нешательский желает говорить с бригадиром Жераром,— объявил лакей, появляясь в дверях.

Я вошел, а двое моих товарищей остались ждать, снедаемые нетерпением. Кабинет был небольшой, но роскошно обставленный. Бертье сидел за столиком с пером в руке, и перед ним лежал открытый блокнот. Усталый и неряшливый с виду, он был совсем непохож на того Бертье, который слыл законодателем мод во всей армии и часто заставлял нас, менее состоятельных офицеров, рвать на себе волосы, когда оторачивал ментик в одну кампанию простым мехом, а в другую — каракулем. По его гладко выбритому красивому лицу видно было, что ему не по себе, и, когда я вошел, он посмотрел на меня каким-то бегающим, неприятным взглядом.

— Командир бригады Жерар! — сказал он.

— Слушаю вас, ваше высочество! — отозвался я.

— Прежде чем начать разговор, я прошу вас дать мне честное слово благородного человека и офицера, что все сказанное останется между нами.

Клянусь, начало было многообещающее! У меня не было иного выбора, как дать слово.

— Знайте же, что дело императора проиграно,— сказал он, глядя в стол и медленно, словно с большим трудом, подбирая слова.— Журден в Руэне и Мармон в Париже подняли белую кокарду, ходят слухи, что Талейран уговорил Нея сделать то же самое. Совершенно ясно, что дальнейшее сопротивление бессмысленно и не может принести нашей стране ничего, кроме несчастий. Итак, я спрашиваю вас, готовы ли вы вместе со мной захватить императора и положить конец войне, передав его в руки союзников?

Уверяю вас, что, услышав это гнусное предложение, сделанное мне, старому другу императора, который получил от него больше милостей, чем любой из его приверженцев, я мог только стоять как столб и пялить на него глаза. А он кусал перо и поглядывал на меня, склонив голову.

— Ну? — спросил он.

— Я глуховат на одно ухо,— отвечал я ледяным тоном.— Есть вещи, которых я не слышу. Прошу вас, позвольте мне вернуться к исполнению моих обязанностей.

— Ну-ну, не будьте же таким упрямым,— сказал он, вставая, и положил руку мне на плечо.— Вы же знаете, что сенат отстранил Наполеона от власти и император Александр отказывается вести с ним переговоры.

— Мсье! — горячо воскликнул я.— Да будет вам известно, что в моих глазах сенат вместе с императором Александром не стоят осадка в выпитом бокале!

— Что же имеет значение в ваших глазах?

— Моя честь и верность моему славному повелителю, императору Наполеону.

— Все это превосходно,— сказал Бертье, раздраженно пожимая плечами.— Но факты остаются фактами, и мы, как разумные люди, должны смотреть им в глаза. Вправе ли мы противостоять воле народов? Вправе ли в довершение всех наших несчастий допустить гражданскую войну? И, кроме того, наши силы тают. Каждый

час приходят известия о все новых дезертирствах. Пока не поздно, надо заключить мир с противником; к тому же мы получим немалую награду, выдав императора.

Я потряс головой так решительно, что сабля зазвенела у меня на боку.

— Мсье! — воскликнул я.— Не думал я дожить до такого дня, когда маршал Франции падет так низко, что сделает мне столь гнусное предложение. Оставляю вас на суд собственной вашей совести. Что же до меня, то, пока я не получу личный приказ императора, сабля Этьена Жерара всегда будет защищать его от врагов.

Я был так растроган этими словами и собственным благородством, что голос мой пресекся и я едва сдержал слезы. Хотел бы я, чтобы вся армия видела, как я стоял с высоко поднятой головой, приложив руку к сердцу, провозглашая свою преданность императору в трудную минуту. Это было одно из самых великих мгновений моей жизни.

— Что ж, прекрасно,— сказал Бертье и звоиком вызвал лакея.— Проводите бригадира Жерара в гостиную.

Лакей провел меня во внутренние покои и предложил сесть. Но моим единственным желанием было уйти, и я никак не мог понять, почему меня задерживают. Человек, который ни разу не сменил мундир за всю зимнюю кампанию, чувствует себя неловко во дворце.

Я прождал около четверти часа, а потом лакей снова распахнул дверь, и вошел полковник Депьен. Боже правый, что у него был за вид! Его лицо стало белым, как гетры гвардейца, глаза были вытаращены, вены на лбу вздулись, а усы встопорщились, как у разъяренной кошки. Он был слишком рассержен, чтобы говорить, и лишь потрясал над головой кулаками, а в горле у него клокотало.

— Отцеубийца! Змея!

Только эти слова я и слышал, пока он метался по комнате.

Мне было совершенно ясно, что ему сделали то же гнусное предложение и он ответил в том же духе, что и я. Он ничего не сказал мне, как и я ему, потому что оба мы дали слово, но все же я пробормотал: «Ужасно!

Неслыханно!» — давая ему понять, что я с ним согласен.

Он все еще метался взад-вперед по комнате, а я сидел в углу, как вдруг в кабинете, из которого мы незадолго перед тем вышли, раздался невероятный шум. Это было хриплое, злобное рычанье, словно разъяренная собака вцепилась в добычу. Потом раздался треск и крик о помощи. Мы оба вбежали в кабинет и, клянусь, только-только поспели вовремя.

Старина Тремо и Бертье покатились на пол, опрокинув стол на себя. Капитан желтой, костлявой рукой стиснул горло маршала, чье лицо уже стало свинцового цвета, а глаза вылезли из орбит. Тремо был вне себя, в углах его рта выступила пена, а на лице было такое безумное выражение, что, я уверен, если б мы не разжали его железную хватку палец за пальцем, он задушил бы маршала насмерть. От усилия у него даже ногти побелели.

— Это дьявол! Он искушал меня! — крикнул Тремо, с трудом вставая на ноги. — Да, меня искушал дьявол!

Бертье же молча прислонился к стене и несколько минут не мог отдышаться, приложив руку к горлу и вертя головой. Потом он раздраженно повернулся к тяжелой голубой шторе за креслом.

Штора отдернулась, и в комнату вошел император. Мы все трое вытянулись и отдали честь, но нам казалось, что это сон, и глаза у нас самих полезли на лоб, как только что у Бертье. Наполеон был в зеленом егерском мундире и держал в руке хлыст с серебряной рукояткой. Он взглянул на каждого из нас по очереди с улыбкой — со своей ужасной улыбкой, которая не отражалась ни в глазах, ни на лице, — у каждого, я уверен, мороз прошел по коже, потому что взгляд императора почти на всех оказывал именно такое действие. Потом он подошел к Бертье и положил руку ему на плечо.

— Вы не должны обижаться на удары, дорогой князь, — сказал он.

Он умел придавать своему голосу мягкий, ласковый тон. Ни в чьих устах французский язык не звучал так красиво, как в устах императора, и ни в чьих устах он не бывал таким резким и беспощадным.

— Да ведь он чуть не убил меня! — воскликнул Бертье, все еще вертя головой.

— Ну, полно! Я сам пришел бы к вам на помощь, если б эти офицеры не услышали ваш крик. Но надеюсь, вы не пострадали слишком серьезно!

Он сказал это без тени улыбки, потому что в самом деле очень любил Бертье — больше всех, кроме разве бедняги Дюрока.

Бертье засмеялся, хотя и натянуто.

— Я не привык страдать от руки француза,— сказал он.

— Но тем не менее вы пострадали во имя Франции,— возразил император. Потом, повернувшись к нам, он слегка дернул старину Тремо за ухо.— А, это ты старый ворчун,— сказал он,— ты, помнится, был среди моих гренадеров еще в Египте, а после Маренго получил в награду почетный карабин. Я хорошо помню тебя, дружище. Значит, старый огонь еще не погас! Он сразу вспыхивает, когда тебе кажется, что посягают на твоего императора. А вы, полковник Депьен, не стали и слушать искусителя. И вы, Жерар, тоже. Ваша верная сабля всегда ограждает меня от врагов. Что ж, в моем окружении оказалось несколько изменников, но теперь наконец мы знаем истинных друзей.

Можете представить себе, друзья мои, какая радость охватила нас, когда величайший человек в мире сказал нам эти слова! Тремо так дрожал, что я боялся, как бы он не упал, и слезы катились по его огромным усищам. Тот, кто этого не видел, никогда не поймет, какую власть имел император над загрубелыми сердцами своих ветеранов.

— Так вот, мои верные друзья,— сказал он,— следуйте за мной вон в ту комнату, и я объясню вам, что значила эта маленькая комедия. Бертье, прошу вас, останьтесь здесь и позаботьтесь, чтобы нас не беспокоили.

Для нас было в новинку заниматься делами, в то время как у двери будет стоять на часах маршал Францин. Однако мы повиновались и последовали за императором, который отвел нас к оконной нише, попросил подойти ближе и начал, понизив голос:

— Я выбрал вас из целой армии, считая не только самыми бесстрашными, но и самыми преданными мне людьми. Я всегда был убежден, что вы все трое никогда не поколеблетесь в своей верности мне. И если я решился подвергнуть эту верность испытанию и наблюдал за вами, пока Бертье по моему приказу уговаривал вас поступиться честью, то это лишь потому, что сегодня, когда среди самых близких мне людей я вижу черную измену, мне приходится быть вдвойне осторожным. Но теперь я убежден, что могу положиться на вашу доблесть.

— До последнего вздоха, ваше величество! — вскричал Тремо, и все мы повторили вслед за ним эти слова.

Наполеон попросил нас подойти к нему совсем вплотную и еще больше понизил голос:

— То, что я вам сейчас скажу, я не доверил никому, даже жене и братьям, об этом будете знать только вы. Наше дело погибло, друзья мои. Наступает последний парад. Игра проиграна, и надо принять соответствующие меры.

Когда я это услышал, сердце мое словно превратилось в девятифунтовое ядро. Мы еще надеялись вопреки очевидности, но теперь, когда он, всегда такой спокойный и уверенный, своим тихим и бесстрастным голосом сказал, что все кончено, мы поняли, что тучи сгустились и последний луч безвозвратно угас. Тремо что-то проворчал и схватился за саблю, Депьен скрипнул зубами, а я выпятил грудь и щелкнул каблуками, дабы показать императору, что есть души, способные сохранить ему верность в беде.

— Необходимо спасти мои документы и состояние,— прошептал император.— От их сохранности зависит, какой оборот примут события в дальнейшем. Они залог нашего будущего успеха, ибо я уверен, что для этих жалких Бурбонов скамеечка, на которую я ставлю ноги, и та слишком высока, чтобы служить им троном. Но где мне хранить эти драгоценности? Все мое имущество обыщут, дома моих сторонников тоже. Их должны спрятать и сохранить люди, которым я могу доверить то, что для меня важнее жизни. Это священное доверие я оказываю вам, единственным на всю Францию.

Прежде всего я объясню, что это за бумаги. Вам не придется сетовать, что я сделал вас своим слепым ору-

дием. Это официальные свидетельства моего развода с Жозефиной и законного брака с Марией-Луизой, а также рождения нашего сына и наследника, короля римского. Если мы не сможем доказать это, будущие претензии моей семьи на французский трон рухнут. Кроме того, тут на сорок миллионов франков ценных бумаг — это огромная сумма, друзья мои, но она стóит не больше, чем вот этот хлыст, по сравнению с документами, о которых я говорил. Я говорю вам все это, чтобы вы поняли, какой огромной важности дело я вам поручаю. А теперь слушайте, я скажу, где вы получите эти бумаги и что должны с ними сделать.

Сегодня утром в Париже их вручили моему преданному другу графине Валевской. В пять часов она в своей голубой дорожной карете выедет в Фонтенбло. Сюда она прибудет между половиной десятого и десятью. Бумаги будут спрятаны в карете, в тайнике, который не известен никому, кроме нее. Она предупреждена, что карету при въезде в город остановят три конных офицера, и передаст вам пакет. Жерар, вы моложе всех, но старший по чину. Возьмите вот это кольцо с аметистом, вы покажете его графине как условный знак, а потом отдадите его ей вместо расписки.

Получив пакет, вы поедете лесом до разрушенной голубятни. Возможно, я буду ждать вас там, но если я сочту это опасным, то пошлю своего личного камердинера Мустафу, чьи приказания вы должны исполнять, как мои собственные. Крыши у голубятни нет, и сегодня полнолуние. Справа от входа у стены вы найдете три лопаты. Выкопайте в северо-восточном углу, ближайшем к Фонтенбло, слева от входа, яму в три фута глубиной. Закопав бумаги, вы аккуратно разровняете землю, а потом явитесь ко мне во дворец с докладом.

Таков был приказ императора, ясный и исчерпывающий во всех подробностях, как это умел делать он один. Кончив, он заставил нас поклясться сохранить тайну до его смерти и до тех пор, пока бумаги останутся там. Снова и снова он заставлял нас клясться в этом и наконец отпустил.

Полковник Депьен жил в гостинице «Большой фазан», и там мы все вместе выпили. Мы привыкли к самым невероятным превратностям судьбы, это составляло

неотъемлемую часть нашей жизни, и все же мы были взволнованы и растроганы необычайным разговором с императором и мыслью о великом деле, которое нам предстояло совершить. Мне посчастливилось трижды получать приказ из уст самого императора, но ни случай с Братьями из Аяччо, ни знаменитая поездка в Париж не таили в себе таких возможностей, как это новое, необычайно ответственное поручение.

— Если дела императора поправятся,— сказал Депьен,— мы еще доживем до того, что нас произведут в маршалы.

И мы выпили за свои будущие треуголки и жезлы.

Мы условились, что поедем порознь и соберемся у первого столба на парижской дороге. Так мы избежим всяких слухов, которые могут возникнуть, если увидят вместе троих таких знаменитых людей. Моя верная Фиалка потеряла в то утро подкову, и когда я вернулся, кузнец ее ковал, поэтому, приехав на место встречи, я уже застал там своих товарищей. Я взял с собой не только саблю, но и пару новых английских нарезных пистолетов с деревянной колотушкой для забивания зарядов. Я заплатил за них у Трувеля, на рю де Риволи, сто пятьдесят франков, но зато они били дальше и точнее всяких других. При помощи одного из этих пистолетов я спас в Лейпциге жизнь старику Буве.

Ночь была безоблачная, и за спиной у нас ярко светила луна так, что перед нами по белой дороге все время двигались три черных всадника. Но леса в тех местах до того густые, что мы не могли видеть далеко. Большие дворцовые часы уже пробили десять, а графини все не было. Мы начали уже опасаться, что ей по какой-либо причине не удалось выехать. Но потом мы услышали стук колес и цоканье копыт. Сперва они были едва слышны. Потом стали громче, яснее, отчетливее, и, наконец, из-за поворота показались два желтых фонаря, при свете которых мы увидели двух больших гнедых лошадей, запряженных в высокую голубую карету. Форейтор осадил их в нескольких шагах от нас, они храпели и роняли с морд пену. В мгновенье ока мы очутились у кареты и отдали честь, приветствуя даму, чье бледное, прекрасное лицо смотрело на нас из окна.

— Перед вами трое офицеров, которые действуют по приказу императора, мадам,— сказал я негромко, наклонившись к открытому окну.— Вы предупреждены, что мы будем вас ждать.

У графини было очень красивое, белое, как мрамор, лицо — такие лица мне особенно нравятся,— но, глядя на меня, она становилась все белее и белее. Резкие морщины избороздили ее лицо, и она прямо у меня на глазах вдруг превратилась из молодой женщины в старуху.

— Мне совершенно ясно,— сказала она,— что вы трое — низкие обманщики.

Если бы она дала мне своей нежной ручкой пощечину, я не удивился бы больше. Поразительны были не только слова, но и та горечь, с которой она выдавила их из себя.

— Право, мадам,— сказал я,— вы к нам несправедливы. Это полковник Депьен и капитан Тремо. А сам я бригадир Жерар и смею заверить: мне достаточно лишь назвать свое имя, чтобы всякий, слышавший про меня, подтвердил...

— Ах, негодяи! — перебила она меня.— Вы думаете, что если я всего только слабая женщина, меня так легко провести! Презренные лгуны!

Я взглянул на Депьена, который побледнел от ярости, и на Тремо, свирепо дергавшего себя за усы.

— Мадам,— сказал я холодно,— когда император оказал нам честь, возложив на нас это поручение, он дал мне в качестве условного знака вот этот перстень с аметистом. Я полагал, что три достойных человека могут обойтись и без него, но теперь мне остается только опровергнуть ваши недостойные подозрения, вручив его вам.

Она поднесла перстень к фонарю, и выражение безысходного отчаяния исказило ее лицо.

— Это его перстень! — вскрикнула она.— Боже мой, что я наделала! Что я наделала!

Я понял, что произошло нечто ужасное.

— Скорей же, мадам, скорей! — воскликнул я.— Давайте бумаги!

— Я уже отдала их.

— Отдали! Но кому?

— Трем офицерам.

— Когда?

— Полчаса назад.

— Где эти офицеры?

— О господи, если б я знала! Они остановили карету, и я отдала им пакет без колебаний, уверенная, что их послал император.

Это было подобно удару грома. Но именно в такие мгновенья я предстаю во всем своем блеске.

— Оставайтесь здесь,— бросил я товарищам.— Если мимо проедут три всадника, задержите их любой ценой. Мадам опишет вам их внешность. А я мигом вернусь.

Стоило мне тронуть повод, и я уже летел в Фонтенбло, как мог лететь только я на моей Фиалке. У дворца я спрыгнул на землю, бросился вверх по лестнице, отшвырнул в сторону лакеев, которые пытались преградить мне путь, и ворвался прямо в кабинет императора. Он и Макдональд с карандашами в руках что-то отмечали на карте, сверяясь по компасу. При моем внезапном появлении он поднял голову и недовольно нахмурился, но, узнав меня, переменился в лице.

— Оставьте нас, маршал,— сказал он и, едва дверь закрылась, нетерпеливо спросил: — Ну, что с бумагами?

— Они пропали! — воскликнул я и в коротких словах рассказал ему, что произошло.

Внешне лицо его оставалось спокойным, но я видел, что компас дрожит у него в руке.

— Вы должны вернуть их, Жерар! — воскликнул он.— На кон поставлена судьба моей династии. Не теряйте ни секунды! В седло, скорее в седло!

— Кто эти люди, ваше величество?

— Не знаю. Я окружен изменниками. Но они доставят бумаги в Париж. И уж, конечно, прямо к этому мерзавцу Талейрану! Да, да, эти люди едут в Париж, их еще можно догнать. Три лучших скакуна из моей конюшни и...

Я не стал дожидаться конца фразы. Я уже бежал вниз по лестнице. Уверяю вас, и пяти минут не прошло, как я уже галопом вылетел на Фиалке из города, держа обеими руками в поводу двух лучших арабских

скакунов императора. Мие предлагали трех, ио после этого я никогда ие посмел бы взглянуть в глаза моей Фналке. Я сам любовался собой, когда подлетел к своим товарнщам, озаренный луиой, и осадил коней у самых нх ног.

— Ннкто не проезжал?

— Никто.

— В таком случае они на парнжской дороге. Скорей в погоню!

Храбрые офнцеры не заставнли себя ждать. В одио мгновенье онн уже снделн на нмператорских конях, а своих бросили у обочины. И мы пустнлись в погоню: я — посередние, Депьеи — справа, а Тремо — чуть позадн, потому что был тяжелее нас. Боже, какая это была скачка! Двенадцать подков грохотали по твердой, ровной дороге. Мелькали тополя и луиа в их ветвях, черные полосы н серебряные пятна — мнля за мнлей лежал наш путь все по той же, словио расчерченной квадратами дороге; впереди мчалнсь нашн тенн, а сзади клубнлась пыль. С грохотом проиосясь мнмо домов, мы слышали скрежет засовов н скрип ставен, но, прежде чем люди успевали взглянуть иам вслед, мы превращались в три маленькнх, темных пятнышка. Когда мы въехали в Корбель, пробило полночь, но коиюх, держа в каждой руке по ведру, стоял у гостинницы, н его теиь ложнлась на полосу золотого света, падавшего нз открытой двери.

— Три всадника! — крикиул я, задыхаясь.— Здесь не проезжали трн всадника?

— Я только что поил нх коней,— отвечал ои.— Помоему, онн...

— Вперед, друзья, вперед!

И мы помчалнсь дальше, высекая подковами искры из булыжиой мостовой городка. Жандарм попытался остановить иас, ио его голос утоиул в грохоте и треске. Дома мелькали мимо, и вот уж мы снова иа дороге, а до Парижа еще добрых двадцать миль. Как моглн этн люди уйти от нас, еслн нх преследовали на лучшнх скакуиах Францнн? Ни одии не отстал ни иа шаг, но Фиалка все время была на полкорпуса впереди. Она скакала не в полиую силу, н я чувствовал, что стоит мне дать ей волю, н императорскне скакуиы увидят ее хвост.

— Вот они! — воскликнул Депьен.
— Теперь не уйдут! — проворчал Тремо.
— Вперед, друзья, вперед! — снова воскликнул я.

Белая дорога убегала вдаль в лунном свете. И далеко впереди мы увидели трех всадников, припавших к шеям лошадей. Мы настигали их, с каждым мгновеньем они становились все больше и отчетливей. Я уже ясно видел, что двое, которые скакали по краям, закутаны в плащи и едут на гнедых лошадях, а тот, что посередине, в егерском мундире и конь под ним серый. Они скакали рядом, но по аллюру среднего коня было видно, что он самый свежий. А тот, кто сидел на нем, видимо, был главным, потому что он то и дело оборачивался, измеряя взглядом расстояние между нами, и лицо его белело в лунном свете. Сначала оно казалось сплошь белым, потом его как бы перечеркнули усы, и, наконец, когда нам в ноздри начала забиваться пыль, поднятая копытами их коней, я узнал этого человека.

— Стойте, полковник де Монтлюк! — крикнул я.— Именем императора приказываю вам остановиться!

Я много лет знал его как смелого офицера и отъявленного негодяя. И, кроме того, между нами были кое-какие счеты, потому что он убил в Варшаве моего друга Тревиля, спустив курок, как говорили, за секунду до того, как секундант бросил платок.

Едва я выкрикнул эти слова, оба его спутника обернулись и выстрелили в нас из пистолетов. Я услышал, как Депьен отчаянно вскрикнул, и в тот же миг мы с Тремо выстрелили в одного и того же. Он повалился вперед, уронив руки вдоль шеи лошади. Его товарищ, пришпорив коня и обнажив саблю, поскакал прямо на Тремо, раздался лязг, какой можно услышать, когда сильный удар парируют еще более сильным. Но я даже не повернул головы, а в первый раз тронул Фиалку шпорой и помчался вслед за главным негодяем. То, что он бросил своих товарищей и пустился наутек, само по себе было достаточным основанием, чтобы мне тоже бросить своих и гнаться за ним.

Он выиграл сотни две ярдов, но моя добрая лошадка наверстала их, не проскакали мы и двух миль. Напрасно он пришпоривал и нахлестывал коня, как артиллерийский ездовой, когда увязнет пушка. С него сле-

тела шляпа, и лысина засверкала под луной. Но как он ни старался, все равно стук копыт становился все ближе и ближе за его спиной. Я был уже в двадцати шагах от него, и тень моей головы касалась тени его ноги, как вдруг он с проклятьем повернулся в седле и разрядил оба своих пистолета один за другим прямо в Фиалку.

Я сам так часто бывал ранен, что не сразу и сосчитаю, сколько раз. Меня ранили из ружей, из пистолетов, осколками ядер, не говоря уж о том, что неоднократно протыкали штыком, копьем, саблей и наконец шилом, что было всего больнее. И все же ни одно из этих ранений не причинило мне такого нестерпимого страдания, как в ту минуту, когда я почувствовал, что бедное, бессловесное, кроткое существо, которое я любил больше всех на свете, кроме моей матушки и императора, зашаталось и споткнулось подо мной. Я вынул из кобуры второй пистолет и выстрелил этому негодяю прямо между лопаток. Он сильно хлестнул по боку свою лошадь, и я уже думал, что промахнулся. Но потом я увидел на его зеленом егерском мундире расползающееся темное пятно, он стал клониться в седле, сначала едва заметно, а потом все больше, и наконец упал, запутавшись ногой в стремени, и волочился по дороге, пока у лошади не стало сил тащить его, и тут я схватил покрытую пеной узду. Когда я остановил лошадь, кожаное стремя ослабло, и нога, обутая в сапог, упала на землю, громко звякнув шпорой.

— Бумаги! — воскликнул я, соскакивая с седла.— Немедленно!

Но тело в зеленом мундире уже лежало на земле бесформенной грудой, озаренное луной, руки были причудливо раскинуты, и я понял, что с ним все кончено. Пуля пронзила ему сердце, и лишь железная воля так долго удерживала его в седле. Он был упрям при жизни, этот Монтлюк, и, надо быть справедливым, остался таким же в смертный час.

Но я думал о бумагах — только о них. Я расстегнул его мундир и ощупал рубашку. Потом обыскал кобуры и подсумок. Наконец стянул с него сапоги и, отпустив подпругу у лошади, пошарил под седлом. Не осталось

ни одного самого укромного местечка, которое я не обыскал бы. Но тщетно! Бумаг при нем не было.

Ошеломленный этим ударом, я готов был сесть у обочины дороги и заплакать. Видно, судьба ополчилась против меня, а перед таким противником не стыдно спасовать и доброму гусару. Я стоял, обняв за шею мою бедную, раненую лошадку, и пытался собраться с мыслями, чтобы решить, как быть дальше. Для меня не было секретом, что император не слишком высокого мнения о моем уме, и я жаждал доказать ему, что он ко мне несправедлив. У Монтлюка бумаг нет. И все же Монтлюк пожертвовал своими спутниками, только бы удрать. Тут я ничего не мог понять. Но, с другой стороны, было ясно, что если у него бумаг нет, значит, они у одного из тех двоих. Один убит, это я знал точно. Второй, когда я ускакал, дрался с Тремо, и если ему удалось уйти от этого старого рубаки, он все равно не минует меня. Значит, надо ехать назад.

Прикинув все это, я перезарядил пистолеты. Потом сунул их в кобуры и осмотрел свою лошадку, которая все время мотала головой и прядала ушами, словно хотела сказать, что такой ветеран, как она, не станет обращать внимания на пустяковые царапины. Первая пуля только скользнула по ее лопатке, оцарапав кожу, словно поверхность стены. Вторая рана была серьезнее. Пуля прошла через мускулы шеи, но кровь уже не текла. Я подумал, что, если она ослабеет, я пересяду на серого коня Монтлюка, а пока повел его в поводу, потому что это был хороший конь и стоил он по меньшей мере пятнадцать тысяч франков, а я имел на него все права.

Теперь я горел нетерпением поскорей вернуться назад, но только пустил Фиалку вскачь, как вдруг увидел в поле у дороги что-то блестящее. Это была медная отделка на егерской шляпе, слетевшей с головы Монтлюка; при виде ее я даже подпрыгнул в седле. Как могла шляпа слететь? Ведь она тяжелая. А не бросил ли он ее нарочно? Она лежит шагах в пятнадцати от дороги! Ну конечно же, он бросил ее, когда понял, что ему от меня не уйти. А если так... Не теряя времени, я соскочил с лошади, и сердце у меня билось так, словно я мчался в атаку. Да, теперь все в порядке. Там, в его шляпе, были бумаги, свернутые трубкой, обернутые

в пергамент и перевязанные желтой лентой. Я вытащил их одной рукой и, держа шляпу другой, заплясал от радости в лунном свете. Император увидит, что не ошибся, когда поручил это дело Этьену Жерару.

У меня на груди, у самого сердца, был потайной карман, где я хранил всякие дорогие для меня мелочи, и туда я засунул бесценный сверток. Потом вскочил на Фиалку и поехал посмотреть, что сталось с Тремо, но вдруг вдали, в поле, заметил всадника. Через мгновенье я услышал стук копыт и увидел при свете луны императора; он был в сером сюртуке и треуголке, верхом на белом жеребце — таким я часто видел его на поле сражения.

— Ну! — крикнул он по своему обыкновению грубым фельдфебельским тоном.— Где мои бумаги?

Я подскакал к нему и подал их без единого слова. Он разорвал ленту и быстро пробежал их глазами. Лошади наши стояли голова к хвосту, и он положил мне левую руку на плечо. Да, друзья мои, меня, простого, скромного человека, обнял мой великий повелитель.

— Жерар! — воскликнул он.— Вам нет равных!

Я, конечно, не стал ему возражать и покраснел от радости, видя, что наконец-то справедливость восторжествовала.

— А где же похититель, Жерар? — спросил он.

— Мертв, ваше величество.

— Вы убили его?

— Он ранил мою лошадь, ваше величество, и удрал бы, если б я его не пристрелил.

— Вы его узнали?

— Это де Монтлюк, ваше величество, командир егерского полка.

— Так,— сказал император.— Мы отрубили щупальце, но рука, которая ведет главную игру, все еще недосягаема.— Он помолчал, склонив голову на грудь.— Ах, Талейран, Талейран,— услышал я его шепот,— будь я на твоем месте, а ты на моем, ты раздавил бы змею, когда она была у тебя под каблуком. Я знал, каков ты, целых пять лет и все же пощадил тебя, а теперь ты норовишь меня ужалить. Но ничего, Жерар,— добавил он, поворачиваясь ко мне,— пробьет мой час, и когда

он пробьет, клянусь, я не забуду своих друзей, так же как и врагов.

— Ваше величество,— сказал я, потому что тоже успел поразмыслить,— ваши планы насчет этих бумаг, видно, дошли до ушей врагов. Но я надеюсь, вы не думаете, что это случилось из-за какой-либо нескромности моей или моих товарищей?

— Как я могу это думать? — отвечал он.— Ведь заговор был составлен в Париже, а вы получили от меня приказ всего несколько часов назад.

— Так каким же образом...

— Довольно! — резко оборвал он меня.— Вы забываетесь.

Вот так он всегда. Мог беседовать с человеком, как с другом или братом, а потом, когда тот забывал, какая пропасть отделяет его от императора, вдруг словом или взглядом напоминал, что она все так же широка и бездонна. Бывает, я ласкаю свою старую собаку и она осмеливается положить лапу мне на колено — тогда я сбрасываю ее и вспоминаю императора и эту его манеру.

Он повернул лошадь, и я молча поехал вслед за ним, а на душе у меня было тяжко. Но когда он снова заговорил, его слова сразу заставили меня забыть обо всем.

— Я не мог уснуть, не узнав, как у вас дела,— сказал он.— Я заплатил за эти бумаги дорогой ценой. У меня осталось не так много старых солдат, чтобы я мог позволить себе в одну ночь потерять двоих.

Когда он сказал «двоих», я весь похолодел.

— Полковник Депьен убит выстрелом из пистолета, ваше величество,— пробормотал я.

— А капитан Тремо зарублен. Подоспей я на пять минут раньше, я мог бы спасти его. А негодяй ускакал в поле.

Я вспомнил, что за секунду до того, как подъехал император, я видел всадника. Чтобы избежать встречи со мной, он свернул в поле, но знай я, кто он, и не будь Фиалка ранена, старый солдат не остался бы неотмщенным. Я с грустью вспоминал о том, как ловко он владел саблей, и думал, что, вероятно, его погубила ослабевшая рука, как вдруг Наполеон заговорил снова.

— Да, бригадир,— сказал он,— теперь вы один будете знать, где спрятаны мои бумаги.

Быть может, мне это только показалось, друзья мои, но, откровенно говоря, я не уловил в голосе императора сожаления. Однако не успела эта горькая мысль промелькнуть у меня в голове, как он доказал мне, что я к нему несправедлив.

— Да, я дорого заплатил за эти бумаги,— сказал он, и я услышал, как они захрустели под его рукой.— Ни у кого не было таких преданных слуг — ни у кого, с тех пор как стоит мир.

Тем временем мы подъехали к месту схватки. Полковник Депьен и человек, которого мы застрелили, лежали рядом поодаль от дороги, а их лошади преспокойно паслись среди тополей. Капитан Тремо лежал прямо перед нами на спине, раскинув руки и ноги, еще сжимая обломок сабли. Мундир его был расстегнут, и большой кровавый лоскут, как темный платок, торчал из ворота белой рубашки. Из-под огромных усов блестели оскаленные зубы.

Император спешился и наклонился над убитым.

— Он был со мной с самого Риволи,— сказал он печально.— Это один из моих старых ворчунов, которые воевали еще в Египте.

И этот голос воскресил человека из мертвых. Я увидел, как его веки дрогнули. Он шевельнул рукой и на несколько дюймов сдвинул эфес сабли. Это он пытался поднять ее, приветствуя императора. Потом челюсть у него отвисла, и обломок сабли, звякнув, упал на землю.

— Да пошлет нам судьба столь же геройскую смерть,— сказал император, выпрямляясь, и я от всего сердца добавил:

— Аминь.

Шагах в пятидесяти от нас была усадьба, и хозяин, разбуженный стуком копыт и треском выстрелов, выбежал на дорогу. Теперь мы увидели его,— онемевший от страха и удивления, он глядел на императора во все глаза. Его заботам мы и передали всех четырех убитых и лошадей. Я счел за лучшее оставить у него Фиалку, а самому пересесть на серого жеребца Монтлюка, потому что мою лошадь он мне наверняка отдаст, а с чужой

могут возникнуть затруднения. Кроме того, рана моей Фиалки требовала лечения, а нам предстоял обратный путь.

Сначала император был молчалив. Быть может, смерть Депьена и Тремо все еще тяготила его душу. Он всегда был сдержан, и в эти трудные времена, когда каждый час приносил ему вести об успехе его врагов или отступничестве друзей, нечего было ожидать, что он окажется веселым собеседником. Тем не менее, когда я думал, что он везет на груди бумаги, которые так важны для него и которые всего лишь час назад были, казалось, утрачены безвозвратно, и это я, Этьен Жерар, вернул их ему, я чувствовал, что заслуживаю некоторого внимания. Та же мысль, по-видимому, пришла в голову и ему, потому что, когда мы наконец свернули с парижской дороги в лес, он сам заговорил о том, о чем у меня так и чесался язык его спросить.

— Так вот,— сказал он,— я уже говорил вам, что теперь, кроме вас и меня, ни один человек на свете не будет знать, где мы спрячем эти бумаги. Мой мамелюк отнес к голубятне лопаты, но я не сказал ему, зачем они нужны. С другой стороны, план доставки бумаг из Парижа обсуждался с понедельника. Тайну знали трое: одна женщина и двое мужчин. Женщине я, не колеблясь, доверил бы свою жизнь. Кто из двоих мужчин оказался предателем, я не знаю, но клянусь, что буду знать.

Мы ехали в это время в тени деревьев, и я слышал, как он пощелкивал хлыстом по сапогу и закладывал в нос понюшку за понюшкой, как делал всегда, когда волновался.

— Вы, разумеется, удивлены,— сказал он, помолчав,— почему эти негодяи остановили карету не в Париже, а при въезде в Фонтенбло.

Этот вопрос не приходил мне в голову, но я не хотел показаться глупее, чем он меня считал, и сказал, что это в самом деле странно.

— Если б они это сделали, был бы публичный скандал и они рисковали не достичь цели. В Париже им пришлось бы разломать карету на мелкие куски. Он это ловко придумал, насчет Фонтенбло, на это он мастер, и хорошо выбрал людей. Но мои люди оказались лучше.

Не мне, друзья мои, повторять вам все, что сказал император, пока мы ехали шагом под сенью темных деревьев и через посеребренные луной прогалины знаменитого леса. Каждое его слово отпечаталось в моей памяти, и, прежде чем умереть, я хотел бы запечатлеть их на бумаге для потомков. Он охотно говорил о своем прошлом и более скупо — о будущем, о преданности Макдональда, предательстве Мармона, о маленьком римском короле, о котором вспоминал с такой же нежностью, как всякий отец о своем единственном ребенке, и наконец о своем тесте, австрийском императоре, который, как он надеялся, защитит его от врагов. Я же не смел вымолвить ни слова, помня, что уже раз вызвал этим его неудовольствие; но я ехал с ним бок о бок и едва мог поверить, что рядом со мной в самом деле великий император, человек, чей взгляд наполнял меня восторгом, что это он поверяет мне сейчас свои мысли короткими, энергичными фразами,— его слова гремели, как копыта целого эскадрона, скачущего галопом. Мне кажется, после словесных ухищрений и дипломатии двора для него было облегчением излить душу передо мной, простым солдатом.

Так мы с императором — даже после стольких лет я краснею от гордости, что могу произнести вместе эти слова,— мы с императором ехали шагом через лес Фонтенбло, пока наконец не очутились у голубятни. Справа от выломанной двери стояли у стены три лопаты, и при виде их на глаза у меня навернулись слезы: я вспомнил о тех, для чьих рук они были предназначены. Император схватил одну, я — другую.

— Скорей! — сказал он.— Мы должны вернуться во дворец до рассвета.

Мы выкопали яму, засунули бумаги в мою пистолетную кобуру, чтобы предохранить их от сырости, положили ее на дно и засыпали землей. Потом тщательно разровняли землю, а сверху навалили большой камень. Смею вас заверить, что с тех пор, как император молодым артиллеристом готовил своих подчиненных к штурму Тулона, ему не доводилось так поработать руками. Он начал утирать лоб шелковым платком задолго до того, как мы закончили дело.

Первые серые, холодные лучи утреннего света уже пробивались меж стволов, когда мы вышли из старой голубятни. Император положил мне руку на плечо, и я стоял, готовый помочь ему сесть на коня.

— Мы оставили бумаги здесь,— сказал он торжественно,— и я хочу, чтобы самую мысль о них вы тоже оставили здесь. Пусть воспоминание о них совершенно исчезнет из вашей головы и оживет лишь тогда, когда вы получите прямой приказ, собственноручно написанный мной и скрепленный моей печатью. А сейчас вы должны забыть все, что произошло.

— Я уже забыл, ваше величество.

Мы доехали вместе до окраины города, и там он приказал мне покинуть его. Я отдал честь и уже поворачивал лошадь, когда он меня окликнул.

— В лесу легко можно спутать страны света,— сказал он.— Скажите, а мы не зарыли их в северо-западном углу?

— Что зарыли, ваше величество?

— Бумаги, разумеется! — сердито воскликнул он.

— Какие бумаги, ваше величество?

— Тысяча чертей! Да мои бумаги, которые вы мне вручили.

— Я, право, не понимаю, о чем ваше величество изволит говорить.

Он побагровел от гнева, но тут же рассмеялся.

— Молодец, бригадир! — воскликнул он.— Я начинаю верить, что вы такой же хороший дипломат, как и военный, а это в моих устах высшая похвала.

Вот какое это было удивительное приключение, и с тех пор я стал другом и доверенным лицом императора. Когда он вернулся с Эльбы, то решил выждать и не выкапывать бумаги, пока его положение не упрочнится, и они так и остались в углу старой голубятни, когда он был сослан на Святую Елену. Там он вспомнил про них и пожелал, чтобы они попали наконец в руки его приверженцев, и написал мне, как я узнал впоследствии, три письма, но все они были перехвачены охраной. Тогда он предложил, что сам будет содержать себя и своих приближенных,— ведь он был богатый человек,—

если хоть одно его письмо пропустят, не распечатывая. Но в этой просьбе ему было отказано, и до самой его смерти в двадцать первом году бумаги оставались там, где мы их спрятали. Я рассказал бы и о том, как мы с графом Бертраном откопали их и в чьи руки они в конце концов перешли, но это дело пока еще не кончено.

Когда-нибудь вы еще услышите об этих бумагах и увидите, что великий человек, который давно в могиле, до сих пор способен привести в содрогание Европу. И когда этот день наступит, вы вспомните Этьена Жерара и расскажете своим детям, что слышали про это удивительное дело из уст человека, который один из всех, принимавших в нем участие, остался в живых,— человека, которого искушал маршал Бертье, который был впереди в отчаянной скачке на парижской дороге, удостоился объятий самого императора и ехал с ним в лунную ночь по лесу Фонтенбло. Почки лопаются на деревьях, и птицы щебечут, друзья мои. Вам будет приятней погулять на солнышке, чем слушать рассказы старого, немощного солдата. И все же не грех вам сохранить в памяти то, что я говорю, потому что еще много раз будут лопаться почки и петь птицы, прежде чем Франция увидит второго такого повелителя как тот, которому мы с гордостью служили.

Приключения бригадира Жерара

I

КАК БРИГАДИР ЛИШИЛСЯ УХА

Старый бригадир Жерар, сидя в кафе, рассказывал:

— Да, друзья мои, многое множество городов перевидал я на своем веку. Вы не поверите, если я скажу, сколько раз вступал я в города победителем во главе восьмисот лихих рубак, которые ехали за мной под стук подков и бряцание оружия. Кавалерия шла впереди Великой армии, гусары Конфланского полка — впереди кавалерии, а я — впереди гусар. Но из городов, где нам довелось побывать, Венеция всех нелепей,— и кто ее только построил! Ума не приложу, о чем думали эти строители, ведь для кавалерии там нет никакой возможности маневрировать. Сам Мюрат или Лассаль—и те не сумели бы провести эскадрон на главную площадь. Поэтому тяжелую кавалерийскую бригаду Келлермана и моих гусар мы оставили в Падуе, на материке. Город заняла пехота под командованием Сюше, а он взял меня в ту зиму к себе в адъютанты, потому что ему понравилось, как я разделался в Милане с одним итальянцем, который ловко умел рубиться на саблях. Этот малый знал свое дело, и, к счастью для Франции, именно я вышел против него и поддержал честь нашего оружия. Да и проучить его следовало: ведь если кому не нравится, как поет примадонна, тот может и помолчать,

а когда публично срамят красивую женщину, этого стерпеть нельзя. Поэтому общее сочувствие было на моей стороне, а когда дело было сделано и вдове итальянца назначили пенсию, Сюше взял меня в адъютанты, и я отправился с ним в Венецию, где со мной и произошел тот удивительный случай, о котором я вам сейчас расскажу.

Вы не бывали в Венеции? Ну, конечно, нет, французы ведь нелегки на подъем. А мы вот в наше время довольно попутешествовали. Всюду побывали, от Москвы до самого Каира, только хозяевам не по душе было такое множество гостей, да и пропуска свои мы везли на лафетах. Плохо придется Европе, когда французы снова вздумают путешествовать,— они неохотно покидают свои дома, но если уж сдвинутся с места, кто знает, где они остановятся, особенно если их поведет такой человек, как наш император, даром что он невысок ростом. Но те славные дни прошли, те славные люди мертвы, и я, последний из них, сижу в кафе, пью сюренское вино и рассказываю о былом.

Но о чем это я... Ах, да, о Венеции. Люди там живут, как водяные крысы на илистых отмелях, но дома хороши, ничего не скажешь, и я нигде не видывал таких великолепных церквей; особенно замечателен Собор св. Марка. Но более всего они гордятся своими статуями и картинами, знаменитыми по всей Европе. Многие в армии считают, что их дело — воевать, и ни о чем другом, кроме сражений да добычи, и думать не стоит. К примеру, был у нас один такой старик Буве, его убили пруссаки в то самое время, когда император пожаловал мне медаль; попробовали бы вы заговорить с ним не про бивак да провиант, а про книги или про искусство, он стал бы только глаза таращить. Но настоящий воин, вот как я, к примеру, должен разбираться в тонких материях, которые дают пищу для ума и для души. Правда, я поступил в армию совсем еще мальчишкой и единственным моим учителем был квартирмейстер, но тот, у кого есть глаза во лбу, поневоле многому научится, пройдя чуть ли не полсвета.

Так что я мог оценить картины, какие видел в Венеции, и знал имена великих людей, Майкла Титиена,

и Ангелюса [1], и других, которые их нарисовали. И всякий вам скажет, что сам Наполеон тоже был от них в восторге, потому что он, когда взял город, первым делом велел отправить лучшие из них в Париж. Мы забрали все, что только могли, и на мою долю достались две картины. Одну, которая называлась «Испуганные нимфы», я оставил себе, а другую, «Святую Барбару», послал в подарок матушке.

Но что греха таить, некоторые из наших молодцов плохо обращались со статуями и картинами. Венецианцы их очень любили, а в четверке бронзовых коней, что стояли над воротами самой большой ихней церкви, они просто души не чаяли, как в родных детях. Я всегда знал толк в лошадях и хорошенько осмотрел эту четверку, но ничего особенного не нашел. Для легкой кавалерии ноги у них слишком толстые, а для орудийной запряжки они слабоваты. Но поскольку, кроме этой четверки, во всем городе не было больше ни единой лошади, живой или дохлой, тамошние жители просто-напросто ничего лучшего не видели. Когда этих коней снимали и отправляли во Францию, все горько плакали, а ночью из каналов выловили десять французских солдат. В наказание у них отобрали еще многое множество картин, и наши солдаты принялись ломать статуи и палить из ружей по разноцветным оконным стеклам. Это привело народ в ярость, венецианцы нас возненавидели. Многие офицеры и солдаты пропали в ту зиму без вести, и даже трупы их найти не удалось.

У меня в то время дел было по горло, скучать не приходилось. В каждой стране, куда меня забрасывала судьба, я старался выучить тамошний язык. Для этого я всегда искал милую даму, которая согласилась бы выучить меня, чтоб потом нам вместе попрактиковаться. Нет более приятного способа обучиться иностранному языку, и мне не исполнилось еще тридцати, когда я уже говорил чуть ли не на всех европейских языках; но скажем прямо, те слова, какие можно выучить та-

---

[1] Майкл Титиен — бригадир называет так великого итальянского живописца XVI в. Тициана Вечеллио. Ангелюс — очевидно, имеется в виду Анжелико, фра Джованни да Фьезоле (1387—1455).

кнм способом, ие очень-то годятся в обычной жнзин. Вот мне, к примеру, прнходилось все больше нметь дело с солдатами да крестьяиамн, а какой толк говорнть нм, что я люблю нх одних н вернусь к ннм, когда коичнтся война?

Никогда ие было у меня такой милой учительинцы, как в Венецни. Звалн ее Лючня, а по фамнлнн... ио благородиому человеку не прнстало помннть фамнлнн. Могу только сказать, не будучн иескромным, что она дочь венецнанского сенатора, а дед ее был дожем. Она была редкостная красавица — а уж ежелн я, Этьеи Жерар, говорю «редкостиая», это, друзья мон, что-нибудь да значит. Я кое-что смыслю в этих делах, и память у меия хорошая, да и сравннвать есть с чем. Из всех женщнн, какне меия любилн, ие иаберется н двух десятков, про которых я мог бы так сказать. Но Лючня, говорю вам, была редкостиая красавнца. Среди брюиеток я ие прнпомию ей равиой,— разве только вот Долорес нз Толедо. Да еще была у меия одна брюнеточка в Саитареме, когда я служнл под иачалом у Массеиа в Португалнн... как, бнщь, ее звали?.. запамятовал. Она была само совершеиство, ио все же до Лючнн ей далеко — н фнгуру не сравнить н грацня ие та. Была еще, правда, Агнесса. Я ие отдавал ни одиой из них предпочтення, ио по справедливостн надо прнзнать, что Лючня была лучшей нз лучшнх.

Из-за этнх самых картии я с ней н позиакомнлся,— дворец ее отца стоял по ту стороиу Большого каиала, у моста Рнальто, и все стеиы в ием сплошь были разрнсоваиы, поэтому Сюше выслал отряд саперов с прнказом вырезать иекоторые куски и отправнть в Парнж. Я пошел с ннми, увндел Лючню, всю в слезах, и сразу сообразил, что еслн штукатурку со стеи сиять, она вся потрескается. Я доложил об этом, н саперов отозвалн. С тех пор я стал другом нх дома н раздавил с ее папашей не одиу бутылочку кьяити, а дочка дала мне ие один сладостный урок итальянского языка. В ту знму в Венецнн кое-кто нз фраицузскнх офнцеров женнлся, н та же судьба могла постичь н меия, потому что я любнл Лючию всем сердцем; но Этьеи Жерар иикогда ие забывает о чести своего оружня, о своем коие, своем полку, своей матерн, об императоре и о карьере. В сердце доброго

гусара всегда найдется место для любви, но жена — дело другое. Так рассуждал я в те дни, друзья мои, и не думал, что наступит время, когда я останусь один как перст и буду тосковать о той, которой давно уж нет, и отводить взгляд при виде старых боевых товарищей, которые сидят себе в кресле в кругу взрослых детей. Да, любовь казалась мне тогда шуткой, баловством, и теперь только я понял, что это главное в жизни, самое возвышенное и святое на свете... Спасибо вам, друзья мои, спасибо! Винцо превосходное, и лишняя бутылочка мне не повредит.

А теперь слушайте, я расскажу вам, как любовь к Лючии ввергла меня в самое ужасное из всех невероятных приключений, какие мне довелось пережить,— тогда-то я и лишился верхней половины правого уха. Вы часто спрашивали меня, как это случилось. Сегодня я наконец расскажу вам об этом.

Ставка Сюше находилась в ту пору в старинном дворце дожа Дандоло, на берегу лагуны, неподалеку от площади святого Марка. Дело уже шло к весне, и вот как-то вечером прихожу я из театра Гольдини[1], а меня уже дожидается записка от Лючии и гондола. Она умоляла меня приехать не мешкая, потому что с ней случилась беда. На такую записку у французского офицера может быть только один ответ. Через секунду я был уже в гондоле, и гондольер, отталкиваясь веслом, поплыл по темной лагуне. Помню, садясь на скамейку, я еще подивился, какой это здоровенный малый. Хоть и невысок ростом, зато плечи широченные, я таких сроду не видывал. Но гондольеры в Венеции народ крепкий, и силачей среди них немало. Так вот, он занял свое место у меня за спиной и стал грести.

Хороший солдат во вражеской стране должен всюду и всегда быть начеку. Это было одно из главных моих правил, и если я дожил до седых волос, то лишь потому, что неизменно ему следовал. Но в ту ночь я был беспечен и глуп, как желторотый новобранец, который больше всего на свете боится, как бы не подумали, что он трусит. Пистолеты я в спешке позабыл дома. Сабля

[1] Имеется в виду Гольдони.

была при мне, но это оружне не всегда самое удобное. Я откннулся на спинку скамьн и задремал под баюкающнй плеск воды и мерное поскрнпываиие весла. Путь иаш лежал через лабнринт узкнх каналов, по обоим берегам которых стояли высокие дома, так что иад головами у иас вндиелась лишь узкая полоска неба, усыпаиного звездамн. Кое-где иа мостах, перекииутых через каиал, тускло мерцали кероснновые фонарн, да иногда в нише, где горела свеча перед статуей святого. В целом же вокруг была кромешная, непроницаемая тьма, только белое пятно пеннлось под длнниым черным иосом нашей лодки. Час был поздинй, да и обстаиовка располагала ко сиу. Мие вспомиилась вся моя жнзиь, вспомиились велнкне дела, в которых я участвовал, коии, иа которых я езднл, н жеищиины, которых любил. А потом я стал думать о своей матушке и представил себе, как она обрадовалась, когда вся наша деревня заговорнла о геройстве ее сына. А еще я думал об императоре и о Францни, нашей мнлой роднне, о солнечной Фраиции, вскормившей миогих прекрасиых дочерей и отважиых сыиов. Душа моя нсполннлась лнкования прн мысли о том, что мы проиесли знамеиа Францнн за много сотен лнг от ее граннц. Служеиию ей я посвящу всю свою жнзнь. Я приложнл руку к сердцу н поклялся в этом, но тут гоидольер вдруг иавалился иа меня сзади.

Когда я говорю, что он иавалился на меня, то нисколько ие преувеличнваю: он ие просто напал, а именно обрушнлся иа меия всей тяжестью. Гоидольер, когда гребет, стоит у пассажира за спнной, иа возвышеннн, так что его не вндать, и от такого иападення иикак не уберечься. Только что я сидел, исполненный самых благородиых порывов, а теперь вот лежал иа дие гондолы, к которому это чудовнще прнгвозднло меня, н не мог даже вздохиуть. Я чувствовал его горячее, яростное дыхаиие у себя иа затылке. Он жнво сорвал у меня с пояса саблю, натяиул мне иа голову мешок н крепко захлестнул его веревочной петлей. Я лежал иа дие гоидолы, беспомощный, как птнчка, запутавшаяся в силке. Я не мог крнкнуть, ие мог пошевельнуться н был словио узел с тряпьем. Вскоре я сиова услышал плеск воды и скрнп весла. Этот иегодяй сделал свое дело и преспокойно

поплыл дальше как нн в чем ие бывало, словио привык каждый день набрасывать мешок на голову гусарского полковника.

Не могу описать вам то чувство уинжеиия и то бешеиство, наполиявшее мою душу, когда я лежал там, беспомощный, как баран, которого волокут иа бойню. Меня, Этьеиа Жерара, которому не было равиых в шести бригадах легкой коиницы, первого рубаку во всей Великой армнн, осилнл однн безоружиый человек, н какнм образом! Но я лежал смирио, потому что всему свое время — надо зиать, когда сопротнвляться, а когда беречь снлы. Я уже испытал хватку этого малого и знал, что перед инм я слабее ребенка. Поэтому я молча ждал своего часа, но сердце мое пылало яростью.

Долго ли я пролежал на дне гондолы, не зиаю; мне показалось, что очеиь долго, а вода все плескалась н весло скрнпело. Несколько раз мы сворачнвалн в стороиу — я знал это, потому что слышал протяжный, тосклнвый крнк, которым гондольеры предупреждают друг друга о своем приближеиин. Наконец после долгого пути я почувствовал, как борт лодки скребиул о прнстань. Гоидольер трижды ударнл веслом по доскам, и я услышал грохот засовов н скрежет ключа в замке. Тяжелая дверь повернулась на ржавых петлях.

— Ты прнвез его? — спроснл чей-то голос по-итальянскн.

Негодяй захохотал и пнул мешок, в котором я лежал.

— Вот получайте,— ответил ои.

— Они ждут,— сказал голос. И добавнл еще что-то, чего я ие поиял.

— Ну и берите его,— сказал гондольер.

Ои подхватнл меия, поднял иа иесколько ступеней и швырнул иа твердый пол. Через мгновеиье загрохотали засовы и сиова раздался скрежет ключа. Я очутнлся в плену.

Судя по голосам и звукам шагов, меня, вндимо, окружало несколько человек. Я иеважно говорю по-итальянскн, но поимаю куда лучше н поэтому отличио разобрал, о чем шла речь.

— Ты случайно не прндушнл его, Маттео?

— А хоть бы н так.

— Кляиусь, ты ответншь за это перед судом.

— Но ведь его все равно казнят, верно?

— Да, но не тебе и не мне быть судьями.

— Тьфу! Да я и не думал его убивать. Мертвые не кусаются, а он, подлец, прокусил мне руку, когда я натягивал мешок ему на голову.

— Но он не двигается.

— А вы вытряхните его из мешка и сами увидите, что он живехонек.

Веревку развязали и мешок стянули у меня с головы. Зажмурившись, я неподвижно лежал на полу.

— Клянусь всеми святыми, Маттео, ты сломал ему шею.

— Ну нет. Это он в обмороке. И если не очнется, что ж, тем лучше для него.

Я почувствовал, как чья-то рука залезла мне под мундир.

— Маттео прав,— послышался голос.— Сердце у него стучит, как молот. Пускай отлежится, придет в чувство.

Я выждал минуту-другую, а потом рискнул бросить украдкой взгляд из-под опущенных ресниц. Сперва я ничего не увидел, потому что долго пробыл в темноте и теперь очутился как бы в тумане. Но вскоре я разглядел у себя над головой высокий сводчатый потолок, разрисованный разными богами и богинями. Значит, меня приволокли не просто в логово головорезов, а в вестибюль какого-то венецианского дворца. Тогда я, не шевелясь, очень медленно и осторожно оглядел людей, стоявших вокруг меня. Я увидел гондольера, этого злобного негодяя со смуглым, словно высеченным из камня, лицом и еще троих — один из них был щуплый, сутулый, начальственного вида, со связкой ключей в руке, двое других — рослые молодые слуги в щегольских ливреях. Из их разговора я понял, что щуплый — это дворецкий, и все остальные у него под началом.

Итак, их четверо — правда, щуплый дворецкий не в счет. Будь у меня оружие, я только посмеялся бы над таким превосходством сил. Но голыми руками мне невозможно справиться и с одним из них, даже если остальные трое ему не помогут. Значит, оставалось надеяться на хитрость, а не на силу. Я стал искать какого-нибудь пути к бегству и при этом чуть-чуть повернул голову.

Сколь ни неприметно было это движение, оно не ускользнуло от моих врагов.

— Эй ты, очнись! — крикнул дворецкий.

— Вставай-ка, французик,— проворчал гондольер.— Слышишь, вставай.— И он снова пнул меня ногой.

Ни один приказ еще не был исполнен с такой быстротой. В мгновенье ока я вскочил и со всех ног бросился в дальний конец вестибюля. Они пустились за мной, словно английские гончие, которые как-то у меня на глазах травили лису, но я уже бежал по длинному коридору. Поворот налево, еще раз налево, и я снова очутился в вестибюле. Они уже настигали меня, и раздумывать было некогда. Я бросился было к лестнице, но по ней спускались какие-то двое. Я кинулся назад и сделал попытку открыть дверь, через которую меня втащили, но она была заложена тяжелыми засовами, которые мне не удалось отодвинуть. Гондольер бросился на меня с ножом, но я нанес ему такой удар ногой, что он упал навзничь. Нож громко звякнул о мраморный пол. Схватить его я не успел, потому что на меня накинулись сразу шестеро. Я бросился напролом, но тут щуплый дворецкий подставил мне ножку, и я с грохотом упал, однако сразу же вскочил, вырвался из их рук, раскидал их во все стороны и бросился к двери в другом конце вестибюля. Я успел добежать до нее первым, ручка легко поддалась нажиму, и я издал торжествующий крик, потому что дверь вела наружу и путь был свободен. Но я забыл, какой это нелепый город. Там что ни дом, то остров. Я распахнул дверь и хотел уже выскочить на улицу, и тут свет из вестибюля упал на глубокую, спокойную, черную воду, которая подступала к верхней ступеньке крыльца. Я попятился, и они навалились всем скопом. Но меня так просто не возьмешь. Действуя руками и ногами, я снова вырвался, хотя один из них, стараясь удержать меня, выдрал из моей головы здоровый клок волос. Дворецкий огрел меня тяжелым ключом, я был весь избит и исцарапан, но снова расчистил себе дорогу. Я побежал вверх по широкой лестнице, распахнул одну за другой несколько больших двустворчатых дверей, которые попались на пути, и наконец увидел, что все мои усилия пропали даром.

Комната, куда я ворвался, была ярко освещена. Судя по раззолоченным карнизам, массивным колоннам, рас-

писным стенам и потолкам, это, вероятно, была парадная зала какого-то великолепного венецианского дворца. Таких дворцов в этом странном городе не сосчитать, и в каждом есть залы, которым позавидовали бы Лувр и Версаль. Посередине было возвышение, на котором полукругом сидели двенадцать человек, одетые в черное с ног до головы будто францисканские монахи, и все как один в полумасках. Отряд вооруженных людей — по виду настоящих бандитов — охранял вход, а впереди, лицом к возвышению, стоял молодой человек в пехотной форме. Когда он обернулся, я узнал его. Это был капитан Оре из Седьмого полка, молодой баск, с которым я в ту зиму выпил не одну бутылку вина. Он, бедняга, был бледен, как смерть, но держался среди этих палачей, как подобает мужчине. Никогда не забуду, как в его темных глазах блеснула искра надежды, когда он увидел, что в комнату ворвался товарищ, но надежда тут же сменилась отчаяньем: он понял, что я явился разделить его участь, а не изменить ее.

Можете себе представить, как удивились все эти люди, когда я вихрем влетел в залу. Преследователи мои сгрудились позади меня и отрезали путь к двери, так что теперь уж нечего было и думать о побеге. В такие вот минуты и проявляется по-настоящему мой характер. Я с достоинством подошел к судьям. Мой мундир был изорван, волосы встрепаны, голова разбита и в крови, но было в моих глазах и в моей осанке нечто, заставившее их понять, что перед ними не простой человек. Меня даже не пытались задержать, и я остановился перед величественным седобородым стариком властного вида, решив, что и по возрасту и по внешности он должен быть тут главным.

— Синьор,— сказал я,— не соблаговолите ли объяснить мне, по какому праву меня схватили и насильно привезли сюда? Я честный солдат, как и вот этот человек, и требую, чтобы нас обоих немедленно освободили.

Зловещее молчание было ответом на мои слова. Мне стало не по себе, когда двенадцать итальянцев в масках устремили на меня глаза, пылающие мстительной злобой. Но я не дрогнул, как и подобает доброму солдату, а в голове у меня невольно мелькнула мысль, что я не посрамил своим поведением чести гусар Конфланского

полка. Не думаю, чтобы кто-нибудь на моем месте сумел в столь трудных обстоятельствах держаться лучше. Я бесстрашно переводил взгляд с одного палача на другого и ждал ответа.

Молчание нарушил седобородый.

— Кто этот человек? — спросил он.

— Его зовут Жерар,— ответил дворецкий из дверей.

— Полковник Жерар,— поправил я.— Не вижу причин скрывать это. Да, я Этьен Жерар, тот самый полковник Жерар, который пять раз упомянут в донесениях и представлен к награждению почетной шпагой. Я адъютант генерала Сюше и требую, чтобы меня и моего товарища немедленно освободили.

Снова то же зловещее молчание воцарилось в зале, и те же двенадцать пар беспощадных глаз устремились на мое лицо. Заговорил опять седобородый:

— Сейчас не его очередь. У нас в списке до него еще двое.

— Но он вырвался из наших рук и вломился сюда.

— Пускай ждет своей очереди. Отведите его в деревянную камеру.

— А если он будет сопротивляться, ваша светлость?

— У вас на то есть кинжал. Суд гарантирует вам безнаказанность. Уведите его, пока мы занимаемся остальными.

Они двинулись ко мне, и я подумал было о сопротивлении. Это была бы геройская смерть, но кто увидел бы ее, кто поведал бы о ней потомкам? Конечно, я мог лишь отсрочить роковой конец, и все же я побывал в стольких скверных переплетах и столько раз выходил из них невредимым, что научился надеяться и верить в свою звезду. Я позволил этим негодяям схватить меня, и мы вышли за дверь, причем гондольер не отходил от меня ни на шаг, держа наготове длинный нож. По глазам этого негодяя видно было, с каким удовольствием он всадил бы этот нож в меня, будь у него для этого малейший предлог.

Что за чудо эти огромные венецианские дома, они же дворцы, крепости и одновременно тюрьмы. Меня повели сперва по галерее, а потом вниз по каменной лестнице, и наконец мы очутились в коротком коридоре, где было три двери. Меня втолкнули в одну из них, и позади сразу же защелкнулся замок. Скупой свет проникал внутрь че-

рез зарешеченное оконце, выходившее в коридор. Почти ничего не видя, я ощупью обшарил все помещение. Из разговоров, которые я слышал, было ясно, что скоро мне снова придется выйти отсюда и предстать перед судом, но не в моем обычае пренебрегать хотя бы малейшим шансом на спасение.

Каменный пол моей камеры был сырой, а стены на несколько футов в высоту осклизлые и прогнившие, из чего я заключил, что нахожусь ниже уровня воды. Высоко под потолком я обнаружил отдушину, сквозь которую в камеру проникал свет и воздух. Я глянул вверх и увидел яркую звезду, сверкавшую прямо надо мной, и это преисполнило меня спокойствием и надеждой. Я не был слишком набожен, хоть всегда уважал искренне верующих, но мне не забыть ту ночь, когда сияющая звезда заглядывала в мое подземелье, словно всевидящее око, и я чувствовал себя робким, безусым новобранцем, который в разгаре боя ощутил на себе спокойный взгляд своего полковника.

Три стены моей темницы были каменные, а четвертая деревянная, и было ясно, что она сколочена совсем недавно. Очевидно, один большой подвал разделили деревянными перегородками на две камеры поменьше. Толстые, старинные стены, крепкая дверь, крошечное оконце — тут надеяться было не на что. Оставалась только деревянная перегородка. Конечно, я понимал, что если и проникну за нее — это, кстати, было не так уж трудно,— то попаду всего-навсего в другую камеру, не менее прочную, чем эта. Все же я всегда предпочитал действовать, чем сидеть сложа руки, и занялся деревянной стеной со всей решительностью, на какую был способен. Там были две доски, плохо пригнанные одна к другой, они держались так непрочно, что их, без сомнения, легко можно было оторвать. Я поискал подле себя какое-нибудь подходящее орудие и отломал ножку койки, стоявшей в углу. Я уже засунул ее в щель между досками, как вдруг быстрые шаги заставили меня остановиться и прислушаться.

Ах, если бы я мог забыть то, что услышал! У меня на глазах умирали на поле битвы многие сотни людей, да и сам я убил стольких, что лучше и не вспоминать, но все это было в честном бою, при исполнении воинско-

го долга. Совсем другое дело — слышать, как человек принимает смерть в этом логове убийц. Они волокли кого-то по коридору, а он сопротивлялся и ухватился за дверь моей темницы. Видно, его втолкнули в третью камеру, самую дальнюю от меня. «Помогите! Помогите!» — закричал он, и я услышал звук удара и отчаянный вопль. «Помогите! Помогите!» — закричал он снова, а потом: «Жерар! Полковник Жерар!» Это убивали несчастного пехотного капитана. «Подлые убийцы!» — загремел я и стал колотить ногами в дверь, но тут он снова вскрикнул, и все стихло. А еще через минуту раздался громкий всплеск, и я понял, что на этом свете никто уж не увидит Оре. Он погиб, как сотни других, которых в ту зиму недосчитались на перекличке наши полки в Венеции.

В коридоре снова раздались шаги, и я подумал, что пришли за мной. Но вместо этого я услышал, как отперли дверь соседней камеры и вывели оттуда кого-то. Шаги замерли на лестнице. Тогда я снова принялся за перегородку и в какие-нибудь несколько минут так расшатал доски, что их можно было свободно вынуть и вставить на место, когда мне заблагорассудится. Через отверстие я проник в соседнюю камеру; как я и ожидал, она оказалась частью подвала, разделенного перегородкой. Это нимало не приблизило меня к моей цели, потому что здесь уже не было деревянной стены, сквозь которую я мог бы пробраться, а дверь была заперта на замок. И никаких следов, по которым я мог бы судить, кто был мой товарищ по несчастью. Я вернулся в свою камеру, вставил доски на место и, собрав все свое мужество, стал ждать вызова, который, по всей видимости, предвещал для меня смерть.

Ждать пришлось довольно долго, но вот в коридоре снова раздались шаги, и я приготовился услышать звуки еще одной отвратительной расправы и крики несчастной жертвы. Но ничего подобного не случилось, пленника ввели в камеру без борьбы. Я не успел заглянуть туда через щель, потому что в тот же миг дверь моей камеры распахнулась и вошел негодяй-гондольер вместе с другими убийцами.

— Выходи, француз,— сказал он.

Он сжимал в волосатой ручище окровавленный нож, и я прочел в его сверкавших злобой глазах, что он меч-

тает всадить этот нож мне в сердце и ждет только предлога. Сопротивление было бессмысленно. Я вышел без единого слова. Меня повели вверх по каменной лестнице в ту же великолепную залу, где заседал тайный суд. Когда меня впустили туда, я с удивлением увидел, что на меня никто не обращает внимания. Один из них, высокий темноволосый молодой человек, стоял перед возвышением и тихим, но идущим от самого сердца голосом упрашивал о чем-то остальных судей. Голос его дрожал от волнения, он то простирал к ним руки, то прижимал их к груди в отчаянной мольбе.

— Вы не сделаете этого! Не сделаете! — говорил он.— Я умоляю суд пересмотреть приговор!

— Отойди, брат,— сказал старик, главный среди них.— Приговор вынесен, и мы переходим к следующему делу.

— Ради всего святого будьте милосердны! — воскликнул молодой человек.

— Мы были милосердны,— отозвался тот.— Даже смерть — слишком легкая кара за такое преступление. Молчи и не мешай суду.

Я видел, как юноша в отчаянии упал на стул. Но мне недосуг было раздумывать, отчего он так сокрушается, потому что одиннадцать его собратьев уже устремили на меня суровые взгляды. Роковой миг настал.

— Вы полковник Жерар? — спросил свирепый старик.

— Да.

— Адъютант грабителя, который именует себя генералом Сюше и, в свою очередь, подчинен другому грабителю, какого не видел свет, Бонапарту?

Я едва удержался, чтобы не назвать его лжецом, но иногда лучше воздержаться от возражений.

— Я честный солдат,— сказал я.— Я повиновался приказам и выполнял свой долг.

Кровь бросилась старику в лицо, глаза яростно сверкнули из-под маски.

— Все вы воры и убийцы, все до единого! —воскликнул он.— Что вам здесь надо? Вы французы. Так и сидели бы у себя во Франции. Разве мы звали вас в Венецию? По какому праву вы здесь? Где наши картины? Где кони с Собора святого Марка? Кто вы такие, что

крадете сокровища, которые наши предки собирали столько столетий? Наш город славился на весь мир, когда Франция была еще пустыней. Ваши пьяные, буйные, невежественные солдаты погубили созданное святыми и героями. Что можешь ты возразить на это?

Вид у старика был грозный, нет слов, его седая борода встала торчком от ярости, голос звучал отрывисто, как лай бешеной собаки. Я, конечно, мог бы ему возразить, что с его картинами ничего не сделается в Париже, что из-за этих коней не стоит подымать шума, а уж героев — не говоря о святых — он может увидеть, не обращаясь к своим далеким предкам и даже не вставая с кресла. Все это я мог бы ему сказать, но это было бы все равно, что спорить с мамелюком о религии. Я пожал плечами и промолчал.

— Подсудимому нечего сказать в свое оправдание,— произнес один из судей в маске.

— Хочет ли кто-нибудь высказаться перед вынесением приговора?

Старик сверкающим взглядом обвел остальных.

— Тут есть одно обстоятельство, ваша светлость,— сказал один из них.— Конечно, касаясь его, приходится бередить раны нашего брата, но все же напоминаю вам, что есть особая причина примерно покарать этого офицера.

— Я помню об этом,— отозвался старик.— Брат, если в одном деле суд причинил тебе боль, то в другом ты получишь полное удовлетворение.

Молодой человек, который просил суд о милосердии, когда меня ввели, шатаясь встал на ноги.

— Нет, мне этого не вынести! — вскричал он.— Ваша светлость, простите меня. Я не могу больше участвовать в суде. Я болен. Я теряю рассудок.

Он в отчаянии простер руки к суду и выбежал из зала.

— Пускай уходит! Пускай! — сказал старик.— От человека из плоти и крови нельзя требовать слишком много, он не может оставаться здесь. Но он настоящий венецианец, и, когда первое отчаяние пройдет, он поймет, что иначе мы поступить не могли.

Обо мне на время забыли, и хотя я не привык, чтобы мной пренебрегали, тут я был бы рад, если бы обо мне

не вспомнили подольше. Но вот старик снова сверкнул на меня глазами, словно тигр, который возвращается к своей жертве.

— Ты заплатишь за все, это будет только справедливо,— сказал он.— Ты, наглый проходимец, чужак, посмел поднять нечистый взгляд на внучку самого дожа Венеции, который уже обручил ее с наследником Лореданов. За такую честь придется заплатить дорогой ценой.

— Невозможно заплатить за то, чему нет цены,— отвечал я.

— Послушаем, что ты скажешь, когда придет твой час,— сказал он.— Может статься, что спеси у тебя сильно поубавится. Маттео, отведи пленника в деревянную камеру. Сегодня понедельник. Не давай ему ни пить, ни есть, а в среду вечером пускай снова предстанет перед судом. Тогда и решим, какой смерти его предать.

Конечно, хорошего впереди было мало, но все же я получил отсрочку. Когда косматый дикарь заносит над тобой окровавленный нож, бываешь благодарен и за малое снисхождение. Он вытолкнул меня из залы, потащил вниз по лестнице и снова швырнул в ту же камеру. Щелкнул замок, и я остался наедине с собственными мыслями.

Первым делом я решил снестись со своим соседом и товарищем по несчастью. Я подождал, пока шаги не замерли вдали, потом осторожно вынул обе доски и заглянул в щель. Так как было почти совсем темно, мне удалось лишь смутно различить фигуру, съежившуюся в углу, и я услышал шепот: узник молился так горячо, как молится человек, охваченный смертельным страхом. Должно быть, доски скрипнули. Послышался удивленный возглас.

— Мужайся, друг мой, мужайся! — воскликнул я.— Не все еще потеряно. Не падай духом, ибо с тобой Этьен Жерар.

— Этьен! — Голос был женский, и он прозвучал для меня как музыка. Я мигом протиснулся в щель и обнял девушку.

— Лючия! Лючия! — воскликнул я.

Несколько минут только и слышно было, что «Этьен!» да «Лючия!», ведь в такие минуты не до разговора. Она опомнилась первая.

— Ах, Этьен, они тебя убьют. Как ты попал к ним в руки?

— Я получил твою записку.

— Но я не писала никакой записки.

— Коварные дьяволы! Ну, а ты?

— Я тоже получила записку от тебя.

— Лючия, да ведь и я не писал записки.

— Значит, они поймали нас обоих на одну удочку.

— О себе я не беспокоюсь, Лючия. К тому же мне сейчас ничто и не грозит. Они просто снова посадили меня сюда.

— Этьен, Этьен, они тебя убьют! Ведь там Лоренцо.

— Это кто, старик с седой бородой?

— Нет, нет, молодой, черноволосый. Он любил меня, и я тоже думала, что люблю его, пока... пока не узнала, что такое настоящая любовь, Этьен. Он не простит тебе этого. У него сердце из камня.

— Пусть делают что хотят. Они не в силах отнять у меня прошлого, Лючия. Но ты... Что будет с тобой?

— Да ведь это совсем не страшно, Этьен. Мгновенная боль — и все кончено. Они хотят заклеймить меня позором, мой дорогой, но я приму это как венец чести, ведь я принимаю его благодаря тебе.

От этих слов кровь заледенела у меня в жилах. Все превратности моей судьбы были ничто по сравнению с этой ужасной тенью, которая вдруг омрачила мою душу.

— Лючия! Лючия! — воскликнул я.— Сжалься, скажи мне, что задумали эти душегубы! Скажи же, Лючия! Скажи!

— Нет, Этьен, не скажу, потому что тебе это причинит гораздо большую боль, чем мне. Ну, ладно, ладно, скажу, а то ты бог весть что подумаешь. Старый судья приказал отрезать мне ухо, чтобы навеки заклеймить за любовь к французу.

Ее ухо! Крошечное, милое ушко, которое я так часто целовал. Я по очереди коснулся бархатистых раковинок и убедился, что кощунство еще не совершено. Только через мой труп они это сделают. Я поклялся в этом перед ней сквозь стиснутые зубы.

— Не беспокойся, Этьен. Но все же я рада, что ты беспокоишься обо мне.

— Эти дьяволы не тронут тебя!

— Есть еще иадежда, Этьен. Там Лоренцо. Он молчал во время суда, но, может быть, просил о милосердии, когда меия увели.

— Да, просил. Я сам слышал.

— И, может быть, сердца их смягчились.

Я знал, что это ие так, но как было сказать ей? Одиако иапрасио старался я скрыть правду,— с жеиской проницательностью оиа прочла мои мысли.

— Ну, конечио, оии ие стали его и слушать! Мой дорогой, говори прямо, ие бойся. Увидишь, что я достойна любви такого героя, как ты. Где Лоренцо?

— Он ушел из залы.

— Может быть, он вообще покииул этот дом?

— Кажется, да.

— Зиачит, он предоставил меия моей судьбе. Ой, Этьеи, оии уже идут!

Я услышал в отдалеиии роковые шаги и позвякивание ключей. Зачем они шли сюда теперь, когда некого было уже тащить на суд? Им оставалось сделать только одио: привести в исполиеиие приговор иад моей возлюблеииой. Я встал между ней и дверью, готовый драться, как лев. Я решил, что разнесу весь дом, ио не дам к ней прикоснуться.

— Уходи! Уходи, Этьен! — вскричала она.— Они убьют тебя. А мне по крайней мере смерть не грозит. Если любишь меня, Этьен, уходи. Это совсем ие страшно. Я не издам ии звука. Ты ничего и не услышишь.

Оиа, это нежное существо, схватила меия и — откуда только у нее взялись силы — подтащила к щели в перегородке. Вдруг в голове у меня сверкнула новая мысль.

— Еще можно спастись,— шепнул я ей.— Живо, делай, что я тебе скажу, и не спорь. Лезь в мою камеру. Скорей!

Я втолкиул ее в щель и помог ей поставить доски на место. Плащ ее я удержал в руках и, завернувшись в него, забился в самый темиый угол камеры. Я уже лежал там, когда дверь отворилась и вошли иесколько человек. Я надеялся, что они пришли без фонаря, как и в прошлый раз. Я казался им лишь темным пятиом в углу.

— Прииесите огия,— сказал один.

— На кой он нам черт! — воскликнул грубый голос, и я узнал этого негодяя Маттео.— Такое дело мне не по нутру, и чем меньше я буду видеть, тем лучше. Мне очень жаль, синьора, но приговор суда надо привести в исполнение.

Первым моим порывом было вскочить на ноги, раскидать их и выбежать в открытую дверь. Но как тогда помочь Лючии? Допустим, мне удастся вырваться, но она останется у них в руках, пока я не приведу помощь,— ведь в одиночку нечего и надеяться освободить ее. Все это мгновенно промелькнуло у меня в голове, и я понял, что мне остается лишь одно — лежать смирно, покориться судьбе и ждать своего часа. Грубая рука негодяя ощупала мои волосы, которые до тех пор гладили лишь женские ручки. Вот он схватил меня за ухо, и все мое тело пронзила нестерпимая боль, словно меня жгли каленым железом. Я закусил губу, чтобы не закричать, и почувствовал, как по шее и по спине струится теплая кровь.

— Ну вот, слава богу, все кончено,—сказал гондольер, дружески потрепав меня по голове.— Вы храбрая девушка, синьора, этого нельзя не признать, жаль только, что у вас такой дурной вкус и вы полюбили француза. Так что вините его, а не меня.

Мне ничего не оставалось, кроме как лежать тихо, стиснув зубы от бессильной досады. Но, как всегда, мою боль и ярость успокоила мысль, что я пострадал ради любимой женщины. Мужчины имеют обыкновение говорить дамам, что были бы счастливы претерпеть ради них любую боль, мне же выпала честь доказать, что это не пустые слова. И еще я подумал, как благородно будет выглядеть этот мой поступок, если когда-нибудь про него узнают, и как будет гордиться Конфланский полк своим командиром. Эта мысль помогла мне перенести страдания, не издав ни звука, а кровь все текла у меня по шее, и слышно было, как она капала на каменный пол. Этот звук чуть не погубил меня.

— Она истекает кровью,— сказал один из слуг.— Надо позвать доктора, не то утром вы найдете ее мертвой.

— Что-то она не шевелится и даже не пикнула,—сказал другой.— Наверное, не пережила такого потрясения.

— Вздор! Молодую женщину не так-то просто убить.— Это был голос Маттео.— И отхватил-то я самую малость, только чтобы видно было клеймо. Вставайте, синьора, вставайте!

Он тряхнул меня за плечо, и сердце мое упало, я боялся, что он нащупает под плащом эполет.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил он.

Я не отвечал.

— Проклятие! Куда лучше иметь дело с мужчиной, чем с женщиной, да еще с первой красавицей в Венеции,— сказал гондольер.— Эй, Николас, дай-ка мне носовой платок да принеси фонарь.

Все пропало. Случилось самое худшее. Теперь уж ничто не могло меня спасти. Я по-прежнему лежал, съежившись, в углу, но весь напрягся, как дикая кошка, готовая к прыжку. Уж если умирать, решил я, так пусть мой конец будет достоин славной жизни, которую я прожил.

Один из них ушел за фонарем, а Маттео стоял, склонившись надо мной, с платком в руке. Еще мгновенье, и тайна моя будет раскрыта. Вдруг он выпрямился и словно окаменел. В тот же миг через оконце под потолком донесся невнятный шум. Это был плеск весел и гул многих голосов. Потом наверху раздались громкие удары в дверь, и грозный голос загремел:

— Откройте! Откройте! Именем императора!

Император! Это слово было подобно святому имени, которое одним звуком своим может обратить в бегство дьяволов. Все бросились наутек, испуская крики ужаса: Маттео, слуги, дворецкий, вся эта шайка убийц. Снова грозный окрик, потом удар топора и треск разрубаемых досок. В прихожей раздались бряцание оружия и громкие голоса французских солдат. Еще мгновенье, и какой-то человек, промчавшись по лестнице, ворвался ко мне в камеру.

— Лючия! — вскричал он.— Лючия!

Он стоял в тусклом свете, тяжело дыша, и не находил слов. Наконец он взволнованно заговорил:

— Теперь ты видишь, Лючия, как я люблю тебя? Что еще мог я сделать в доказательство своей любви? Я предал свою родину, нарушил клятву, погубил друзей и пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти тебя.

Это был молодой Лоренцо Лоредан, у которого я отнял невесту. В ту минуту мне стало жаль его, но в конце концов ведь в любви каждый стоит за себя, и если кто несчастлив, пусть утешается, что он побежден благородным и великодушным соперником. Я хотел было сказать ему это, но не успел слова вымолвить, как он испустил удивленный возглас, выбежал за дверь, схватил фонарь, висевший в коридоре, и осветил мое лицо.

— Так это ты, негодяй! — воскликнул он.— Ты, развратник! Ты заплатишь мне за все зло, которое причинил.

Но тут он заметил бледность моего лица и кровь, которая все не унималась.

— Что это? — спросил он.— Каким образом вы лишились уха?

Я пересилил свою слабость и, зажав рану платком, встал на ноги, беспечный и веселый, как и подобает гусарскому полковнику.

— Это пустяк, царапина. С вашего позволения не станем говорить об этом, тем более, что дело сугубо личное.

Но тут из соседней камеры вбежала Лючия и, схватив Лоренцо за руку, рассказала все как было.

— Этот благородный человек занял мое место, Лоренцо! Он все перенес ради меня. И пострадал, чтобы меня спасти.

Я понимал борьбу чувств, которая отразилась на лице итальянца. Наконец он протянул мне руку.

— Полковник Жерар,— сказал он,— вы достойны истинной любви. Я прощаю вас, ибо если вы причинили мне зло, то искупили его своим благородным поступком. Но я удивлен, что вижу вас в живых. Я покинул суд до вынесения приговора, но знал, что ни одному французу нечего надеяться на снисхождение с тех пор, как погибли сокровища Венеции.

— Он в этом не повинен! — воскликнула Лючия.— Это благодаря ему целы сокровища в нашем дворце.

— Во всяком случае, одно из них,— сказал я, наклонился и поцеловал ей руку.

Вот при каких обстоятельствах, друзья мои, я лишился уха. Лоренцо нашли с ножом в сердце на площади св. Марка через два дня после этой бурной ночи. Из числа судей и их гнусных пособников Маттео и еще

трое были расстреляны, остальные высланы из города. Лючия, милая моя Лючия, ушла в монастырь в Мурано, когда французские войска оставили город, там она, верно, живет и поныне, стала, я думаю, доброй аббатисой и давным-давно забыла те дни, когда наши сердца бились так дружно и весь мир казался таким ничтожным по сравнению с любовью, пылавшей в нашей крови. А может быть, это и не так. Может быть, она ничего не забыла. Как знать, а вдруг безмятежный монастырский покой нарушают иногда воспоминания о старом солдате, который любил ее в те далекие дни! Юность прошла, страсть угасла, но душа благородного человека остается неизменной, и Этьен Жерар готов снова склонить перед этой женщиной седую голову и с охотой лишиться ради нее второго уха.

II

КАК БРИГАДИР ВЗЯЛ САРАГОССУ

А рассказывал ли я вам когда-нибудь, друзья мои, при каких обстоятельствах довелось мне вступить в гусарский Конфланский полк во времена осады Сарагоссы и про тот замечательный подвиг, который я совершил, когда мы брали этот город приступом? Нет? Право, об этом стоит послушать. Сейчас я расскажу вам все, как было. Вы будете первые, кто про это услышит, кроме разве нескольких мужчин да двух-трех десятков женщин.

Итак, надо вам знать, что я служил сперва лейтенантом, а потом капитаном во втором гусарском полку, который именовался Шамберанским. Мне тогда едва исполнилось двадцать пять лет, и я был безрассудным и отчаянным, как все солдаты нашей Великой армии. В то время война в Германии уже прекратилась, а в Испании еще шла вовсю, и император, желая укрепить там армию, перевел меня в чине капитана в гусарский Конфланский полк, который в то время действовал в составе Пятого армейского корпуса под командованием маршала Ланна.

Путь от Берлина до Пиренеев не близкий. Мой новый полк был среди войск, которые во главе с маршалом

Ланном осаждалн в то время нспанский город Сарагоссу. Я направнл коня к этому городу н примерно через иеделю был уже в нашей главиой штаб-квартире, где мне указали дорогу в расположение Конфланского полка.

Вы, без сомнения, чнтали о знамеиитой осаде Сарагоссы, и я скажу только, что ин перед одиим генералом ие стояла еще такая трудиая задача, как тогда перед маршалом Ланном. Огромный город был переполнен нспанцами — солдатамн, крестьянамн, священиикамн, — и все пылали самой что ни иа есть отчаянной иенавнстью к французам н самой ярой решимостью умереть, но ие сдаться. Город защищало восемьдесят тысяч человек, а осаждающих было всего трндцать тысяч. Зато у нас была мощная артнллерия, н нашн саперы не нмели себе равных. Такой осады еще не вндел свет, ведь обычио, когда стены взяты, город сдается, а здесь только, когда мы взяли штурмом стены, и началась иастоящая битва. Каждый дом превратнлся в бастнон, каждая улица — в поле боя, н нам приходнлось медленно, деиь за днем, прокладывать себе путь вперед, взрывая дома вместе с нх защнтннками, пока больше половнны города не было разрушено. Но вторая половнна по-прежиему не сдавалась, н защнщаться там было легче, потому что она сплошь состояла нз огромных моиастырей со стенамн не хуже, чем у Бастнлнн, которые ие так-то легко было убрать с путн. Так обстоялн дела, когда я прнбыл в армию.

Скажем прямо, от кавалерин при осаде города не миого пользы, хотя было время, когда я никому не позволнл бы пронзиести этн слова безнаказанио в моем прнсутствии. Конфланский полк расположился к югу от города, в его задачу входнло патрулировать окрестиости и не допускать продвнжеиня нспанцев в этом иаправлении. Комаидир плохо знал свое дело, и у гусар не было того боевого духа, которым полк отлнчался потом. Уже в первый вечер я пришел в ужас, и было отчего: ведь я приучеи к образцовому порядку и ие мог без душевной боли вндеть плохо устроеиный бнвак, неухоженную лошадь нлн расхлябаииого кавалериста. В тот вечер я ужинал вместе с двадцатью шестью офицерамн своего нового полка н, боюсь, переусердствовал, слншком ясно дав им

понять, что у них по части порядка далеко до того, к чему я привык, сражаясь в Германии. После моих слов за столом наступило молчание, и я, поймав на себе их взгляды, понял свою бестактность. Полковник был в ярости, а майор, по фамилии Оливье, первый дуэлянт в полку, сидевший прямо напротив меня, подкручивал большие черные усы и пожирал меня глазами. Однако я не вспылил, поскольку чувствовал, что действительно был нескромен, и если еще в первый же вечер поссорюсь с офицером, который старше меня чином, это произведет дурное впечатление.

Итак, я допускаю, что был неправ, но слушайте дальше. После ужина полковник и некоторые офицеры вышли из комнаты — мы ужинали в крестьянском доме. Осталось с десяток офицеров, и так как принесли меха с испанским вином, все мы развеселились. И тогда этот Оливье задал мне несколько вопросов насчет нашей армии в Германии и моего участия в кампании. Разгоряченный вином, я так и сыпал всякими историями. Что ж тут удивительного, друзья мои? Я уверен, вы меня поймете. Там я был образцом для офицеров своего поколения во всей армии. Я был первым рубакой, самым отчаянным кавалеристом, героем сотни приключений. Здесь же не только не знали про мою славу, но и смотрели на меня косо. Мудрено ли, если мне хотелось показать этим храбрецам, что за человека к ним прислали? Мудрено ли, если мне хотелось сказать: «Радуйтесь, друзья, радуйтесь! Сегодня к вам прибыл не кто-нибудь, а я, собственной персоной, сам Жерар, герой Ратисбона, покоритель Йены, человек, который прорвал каре при Аустерлице!». Но я не мог так прямо им сказать это. И я пустился вспоминать разные боевые случаи, чтобы они сами это мне сказали. И что же? Они слушали меня с полнейшим равнодушием. Увлекшись, я рассказал им, как провел армию через Дунай, и тут грянул дружный смех. Я вскочил, красный от стыда и бешенства: я попался на их удочку! Они, оказывается, потешались надо мной. Они были уверены, что имеют дело с хвастуном и лжецом. Неужто мне суждено быть принятым так конфланскими гусарами? На глазах у меня выступили слезы обиды, а они, видя это, захохотали еще громче.

— Скажите-ка, капитан Пеллетан, что, маршал Ланн все еще командует армией? — спросил майор.

— Насколько мне известно, да,— отвечал капитан.

— Право, я готов был подумать, что теперь, когда прибыл капитан Жерар, в его присутствии едва ли есть необходимость.

Снова грянул смех. Как сейчас, вижу все эти лица, эти насмешливые глаза, разинутые рты — Оливье с его длинными черными усами, худого и насмешливого Пеллетана,— даже юные подпоручики и те корчились от смеха. Боже, какое унижение! От ярости слезы высохли у меня на глазах. Я снова стал самим собой, холодным, спокойным, замкнутым, снаружи лед, а внутри пламя.

— Позволено ли мне будет спросить вас, сударь,— обратился я к майору,— в котором часу состоится утренний сбор полка?

— Надеюсь, капитан Жерар, вы не намерены изменить распорядок? — сказал он, и снова раздался взрыв смеха, который, однако, сразу стих, когда я огляделся вокруг.

— В котором часу сбор? — резко спросил я у капитана Пеллетана.

У него уже готов был вырваться насмешливый ответ, но мой взгляд заставил его прикусить язык.

— В шесть,— ответил он.

— Благодарю вас,— сказал я.

Потом я пересчитал присутствующих и обнаружил, что имею дело с четырнадцатью офицерами, двое из которых были юнцы прямо из Сен-Сира [1]. Им можно было простить их неучтивость. Оставались майор, четыре капитана и семь поручиков.

— Господа,— сказал я, переводя взгляд с одного на другого.— Я буду чувствовать себя недостойным этого славного полка, если не потребую у вас удовлетворения за вашу грубость, и буду считать вас недостойными его, если вы под каким-либо предлогом мне откажете.

— Ну, тут у вас не будет никаких затруднений,— заявил майор.— Я готов забыть о своем чине и дать вам любое удовлетворение от имени конфланских гусар.

[1] Французская военная академия.

— Премного благодарен,— отвечал я.— Но я требую того же и от *всех* остальных офицеров, которые надо мной смеялись.

— С кем вы хотите драться?— спросил капитан Пелетан.

— Со всеми,— отвечал я.

Они удивленно переглянулись. Потом отошли в другой конец комнаты и стали шептаться. Они смеялись. Видимо, все еще думали, что имеют дело с жалким хвастуном. Наконец они вернулись.

— Ваша просьба несколько необычна,— сказал майор Оливье,— но она будет удовлетворена. Как предлагаете вы вести такую дуэль? Мы предоставляем вам назвать условия.

— Будем рубиться на саблях,— ответил я.— И начну я по старшинству с вас, майор Оливье, ровно в пять часов. Таким образом, до сигнала трубы я успею уделить каждому по пяти минут. Однако должен просить вас назначить место встречи, поскольку я незнаком с окрестностями.

Моя холодная деловитость произвела на них впечатление. Улыбок на их губах как не бывало. Лицо Оливье стало уже не насмешливым, а мрачным и суровым.

— За коновязями есть небольшая поляна,— сказал он.— Мы там уже улаживали дела чести, и все проходило как нельзя лучше. Будем ждать вас там, капитан Жерар, в назначенный вами час.

Я уже наклонил голову в знак благодарности за это согласие, как вдруг дверь распахнулась и быстрым шагом вошел взволнованный полковник.

— Господа,— сказал он,— мне поручено найти среди вас добровольца для дела, сопряженного с величайшей опасностью. Не скрою, дело это весьма и весьма серьезное, и маршал Ланн решил послать кавалерийского офицера, потому что кавалеристы не так нужны ему, как пехотинцы или саперы. Семейных приказано не брать. Итак, кто из остальных вызовется добровольцем?

Незачем и говорить, что все холостые офицеры сделали шаг вперед. Полковник оглядел их в некотором замешательстве. Я понимал его затруднение. Пойти должен был лучший из лучших, и в то же время этот лучший был ему особенно необходим.

— Господин полковник,— сказал я,— позвольте мне высказать предложение?

Полковник бросил на меня неприязненный взгляд. Он не забыл моих замечаний за ужином.

— Говорите! — сказал он.

— Обращаю ваше внимание на то, господин полковник, что это задание должен выполнить я и по праву и по соображениям целесообразности.

— Но почему же, капитан Жерар?

— По праву потому, что мой чин обязывает меня к этому, а по соображениям целесообразности потому, что если я не вернусь, это не будет утратой для полка, где меня еще никто не знает.

На лице полковника выразилось облегчение.

— Вы совершенно правы, капитан Жерар,— сказал он.— Мне кажется, вы в самом деле лучше всех подходите для этого дела. Следуйте за мной, я передам вам приказ.

Я простился со своими новыми товарищами и, уходя, повторил, что буду к их услугам утром в пять часов. Они молча поклонились, и по выражению их лиц я мог заключить, что они начинают более справедливо судить о моем характере.

Я ожидал, что полковник сразу объяснит мне суть дела, но он шел молча, и я следовал за ним. Мы прошли через весь лагерь, потом через окопы, мимо груд каменных обломков, оставшихся от городской стены. Дальше начался лабиринт ходов, проложенных среди развалин домов, взорванных саперами. Огромное пространство было усыпано обломками стен и кирпичом, а ведь когда-то здесь было густонаселенное городское предместье. Ходы тянулись во все стороны, на углах висели фонари с надписями, указывавшими направление. Полковник быстро шагал вперед, и вот, наконец, впереди выросла высокая серая стена, которая тянулась прямо поперек нашего пути. Здесь, под прикрытием баррикады, расположились наши передовые посты. Полковник ввел меня в дом с сорванной крышей, и я увидел там двух генералов — стоя на коленях у барабана, на котором была разложена карта, они внимательно рассматривали ее при свете фонаря. Один, гладко выбритый, со скрюченной

шеей, был маршал Ланн, другой — генерал Разу, который командовал саперами.

— Вот капитан Жерар, он вызвался добровольцем,— сказал полковник.

Маршал Ланн встал с колен и пожал мне руку.

— Вы храбрец,— сказал он.— Вот, возьмите, этот подарок приготовлен для вас,— добавил он, протягивая мне тоненькую стеклянную трубочку.— Доктор Фарде специально составил яд. Если не будет другого выхода, вам довольно положить его в рот — смерть наступает мгновенно.

Начало было многообещающее. Признаться, друзья мои, по спине у меня пополз холодок, а волосы на голове встали дыбом.

— Прошу прощения,— сказал я, отдавая честь.— Я понимаю, что вызвался на очень опасное дело, но мне еще не сообщили, в чем оно состоит.

— Полковник Перрен,— строго сказал Ланн.— Это несправедливо: вы позволили этому храбрецу вызваться добровольцем, а он не знает даже, какие опасности его ждут.

Но я уже снова стал прежним Жераром.

— Ваше превосходительство,— сказал я,— да позволено мне будет заметить, что чем больше опасность, тем больше и слава, и мне придется только пожалеть, что я вызвался добровольцем, если окажется, что никакого риска нет.

Это были благородные слова, и выражение моего лица подкрепляло их. Вид у меня в тот миг был геройский. Я почувствовал на себе восхищенный взгляд Ланна и с восторгом подумал, что блестяще начинаю свою службу в Испании. Если бы я погиб в ту ночь, то обессмертил бы свое имя. Новые и старые товарищи, которые ни в чем другом не могли бы столковаться, единодушно отдали бы дань любви и восхищения Этьену Жерару.

— Генерал Разу, разъясните обстановку!— коротко приказал Ланн.

Командующий саперами встал, держа циркуль в руке. Он подвел меня к двери и указал на высокую серую стену, которая высилась среди развалин.

— Вон там проходит теперь вражеская линия обороны,— сказал он.— Это стена большого монастыря Ма-

донны. Если нам удастся взять его приступом, город падет, но они заложили вокруг монастыря контрмины, а стены такие толстые, что пробить их артиллерийским огнем невероятно трудно. Однако нам стало известно, что в одном из подвалов противник устроил большой пороховой склад. Если его удастся взорвать, путь нашим войскам будет свободен.

— А как туда пробраться?— спросил я.

— Сейчас объясню. У нас есть в городе свой человек по имени Юбер. Этот смельчак поддерживал с нами регулярную связь и обещал взорвать склад. Он должен был сделать это ранним утром, и вот уже два дня штурмовой отряд из тысячи гренадеров ждет, пока будет пробита брешь. Но взрыва не было, и эти два дня мы не имеем никаких вестей от Юбера. Судьба его нам неизвестна.

— Значит, я должен пойти туда и все выяснить?

— Совершенно верно. Может быть, он заболел, или ранен, или убит? Ждать ли нам взрыва или же предпринять наступление в каком-нибудь другом месте? Мы не можем решить это, пока не узнаем, что с ним сталось. Вот план города, капитан Жерар. Как видите, за этим кольцом монастырей лежат улицы, которые сходятся к главной площади. Если вы доберетесь до площади, то увидите на одном из ее углов собор. Он стоит на углу улицы Толедо. Юбер живет в маленьком домике между мастерской сапожника и винной лавкой, по правую руку, если идти от собора. Вам все ясно?

— Вполне.

— Вы найдете его дом, поговорите с Юбером и узнаете, осуществим ли еще наш план или же придется отказаться от него.— Он протянул мне сверток грязной материи.— Вот облачение францисканского монаха,— сказал он.— Это самая удобная одежда.

Я попятился.

— Не хочу быть шпионом! — воскликнул я.— Нет уж, пойду в мундире.

— Это невозможно! Как надеетесь вы пройти по улицам? И, кроме того, вспомните, что испанцы пленных не берут, и вас постигнет одинаковая судьба, в какой бы одежде вы ни были.

Это была правда, я уже достаточно долго пробыл в Испании и знал, что судьба эта будет похуже смерти. Я напялил на себя монашескую одежду.

— Я готов.

— У вас есть оружие?

— Сабля.

— Они могут услышать звяканье. Вот, возьмите этот нож, а саблю оставьте здесь. Скажите Юберу, что в четыре часа, перед рассветом, штурмовой отряд снова будет наготове. У двери ждет сержант, он укажет вам дорогу в город. До свиданья и желаю удачи!

Когда я выходил из комнаты, треуголки обоих генералов уже снова склонились над картой. У двери меня ждал унтер-офицер инженерных войск. Я подпоясался и, сняв кивер, натянул на голову капюшон. Шпоры я тоже снял и молча последовал за своим проводником.

Двигаться приходилось с большой осторожностью, так как на стенах у нас над головами стояли испанские часовые, которые то и дело обстреливали наши передовые посты.

Прячась в тени высокой монастырской стены, мы медленно и осторожно пробирались меж грудами развалин, пока не дошли до большого каштана. Здесь сержант остановился.

— На это дерево нетрудно залезть,— сказал он.— Проще, чем по веревочной лестнице. Полезайте, и вы увидите, что с верхней ветки можно перебраться на крышу вон того дома. Оттуда вас поведет ваш ангел-хранитель, потому что я больше ничем не могу помочь.

Я послушался совета и, подоткнув полы тяжелой коричневой рясы, влез на дерево. Серп месяца ярко светил, и силуэты крыши четко выделялись на лиловом, усыпанном звездами небе. Дерево стояло в тени дома. Я медленно перебирался с ветки на ветку, пока не долез почти до самой верхушки. Оставалось только проползти по какому-нибудь толстому суку, чтобы очутиться за стеной. Вдруг я услышал шаги, прижался к стволу и постарался слиться с ним в полутьме. Кто-то шел по крыше в мою сторону. Я увидел темную фигуру — человек крался, пригнувшись, вытянув шею, держа ружье наперевес. Поведение его было необычайно настороженным. Несколько раз он останавливался, потом шел дальше

и наконец очутился у парапета в нескольких шагах от меня. Здесь он встал на колени, прицелился и выстрелил.

Я был до того поражен этим внезапным грохотом у себя под самым носом, что чуть не свалился с дерева. В первый миг мне даже показалось, что он ранил меня. Но вот внизу послышался громкий стон, а испанец перегнулся через парапет и захохотал, и тогда я понял, что произошло. Стонал бедняга сержант, который все это время оставался внизу, ожидая, когда я доберусь до крыши. Испанец увидел его под деревом и выстрелил. Вы можете подумать, что он был метким стрелком, но эти люди вооружены «трабукос», или мушкетонами, которые набивают камнями и кусочками металла, и им попасть в человека так же легко, как мне в фазана, сидящего на ветке. Испанец стоял, вглядываясь в темноту; внизу опять раздался стон. Испанец огляделся — вокруг было тихо и спокойно. Возможно, он подумал, что хорошо бы прикончить этого проклятого француза, а может, собирался обшарить его карманы,— каковы бы ни были его побуждения, он положил ружье, пригнулся и прыгнул на дерево. В тот же миг я всадил в него нож, и он, ломая ветки, с громким треском полетел вниз и шлепнулся на землю. Я услышал внизу шум короткой борьбы и французские ругательства. Раненый сержант отомстил за себя.

Несколько минут я не смел шелохнуться, мне все казалось, что шум непременно кто-нибудь слышал. Однако все было тихо, только колокола в городе отбивали полночь. Я прополз по ветке и перелез на крышу. Там лежало ружье испанца, но мне от этого не было толку, так как пороховница осталась у него на поясе. В то же время я знал, что, если ружье найдут, это насторожит врагов, и счел за благо перебросить его через стену. Потом я огляделся, раздумывая, как бы спуститься с крыши.

Было совершенно ясно, что проще всего спуститься тем же путем, каким сюда поднялся этот испанец, а как он это сделал, выяснилось очень скоро. На крыше раздался оклик: «Мануэло! Мануэло!» Он повторился несколько раз, и я, съежившись в тени, увидел при свете луны бородатую голову, которая высунулась из слухового окна.

Не получив ответа, бородач вылез на крышу, а за ним еще трое, все вооруженные до зубов. Вот видите, как важно не пренебрегать никакими, даже самыми мелкими предосторожностями: ведь оставь я на месте ружье испанца, они стали бы искать его самого и наверняка обнаружили бы меня. А так патруль, не найдя своего часового, без сомнения, решил, что тот пошел дальше по крышам. Они поспешили следом за ним, а я, едва они повернулись ко мне спиной, бросился к окну и спустился по лестнице вниз. Дом оказался пустым, я прошел его весь из конца в конец и через открытую дверь вышел на улицу.

Это была узкая, пустынная улочка, но она выходила на другую, пошире, где горели костры, вокруг которых спало много солдат и крестьян. В городе стоял такой ужасный смрад, что можно было только удивляться, как здесь живут люди: ведь осада длилась уже много месяцев, а они ни разу даже не пытались очистить улицы или похоронить мертвых. Многие переходили от костра к костру, и среди них я увидел нескольких монахов. Убедившись, что они ходят свободно и никто не задает им никаких вопросов, я собрался с духом и быстро зашагал в сторону большой площади. Один раз какой-то человек, лежавший у костра, вскочил и схватил меня за рукав. Он указал на женщину, неподвижно лежавшую на мостовой, и я понял, что она умирает и он просит напутствовать ее перед кончиной. Я постарался отделаться немногими латинскими фразами, которые еще помнил. «Ora pro nobis [1],— пробормотал я из-под капюшона.— Te deum laudamus [2]. Ora pro nobis». При этом я поднял руку и указал вперед. Он выпустил мой рукав и молча отступил, а я, сделав торжественный жест, поспешил дальше.

Как я и ожидал, широкий бульвар вел на главную площадь, где было полно войск и ярко пылали костры. Я быстро шел вперед, и хотя несколько раз со мной заговаривали какие-то люди, я не обратил на них внимания. Я миновал собор и пошел по улице, о которой мне было сказано. В этой части города, удаленной от наших

[1] Молись за нас (*лат.*).
[2] Тебе бога славим (*лат.*).

позиций, войск не было, и вокруг царила темнота — разве только изредка в каком-нибудь окне мелькнет свет. Я без труда нашел нужный дом между винной лавкой и сапожной мастерской. Окна не светились, и дверь была закрыта. Я осторожно дернул ручку, и она подалась. Неизвестно было, кто там внутри, но приходилось рисковать. Я отворил дверь и вошел.

Темно было — хоть глаз выколи, тем более, что я прикрыл за собой дверь. Я ощупью нашарил стол. Потом остановился, не зная, что делать дальше, как узнать что-нибудь о хозяине этого дома. Малейшая оплошность не только стоила бы мне жизни, но и означала бы провал всего дела. Может быть, он живет не один. Может, он только снимает комнату у какого-нибудь семейного испанца и мой приход для него равносилен смерти, так же как и для меня. Не часто в своей жизни бывал я так растерян. И вдруг кровь заледенела у меня в жилах. Над самым ухом у меня раздался тихий голос, да, да, голос. «Mon Dieu!» — простонал кто-то, и в этих словах звучала смертная мука.— «Oh, mon Dieu! Mon Dieu!»[1]. Потом в темноте раздались глухие рыдания, и все снова стихло.

Этот голос привел меня в ужас, но вместе с тем в душе моей блеснула надежда: ведь то был голос француза.

— Кто здесь?— спросил я.

Послышался стон, но ответа не было.

— Это вы, мсье Юбер?

— Да, да,— прошептал голос так тихо, что я едва мог его расслышать.— Воды, ради всего святого, воды!

Я пошел на голос, но уперся в стену. Снова послышался стон, на этот раз, без сомнения, у меня над головой. Я поднял руки, но не нащупал ничего, кроме пустоты.

— Где вы?— воскликнул я.

— Здесь! Здесь!— прошептал этот странный, дрожащий голос. Я принялся шарить по стене и нащупал голую ногу. Она была на уровне моего лица, но, насколько я мог понять, висела без всякой опоры. Я в изумлении отпрянул. Потом достал из кармана кремень с тру-

[1] О боже мой! Боже мой! (*франц.*).

том и высек огонь. При первой вспышке мне показалось, что человек парит передо мной в воздухе, и от удивления я выронил кремень. Потом я снова дрожащей рукой ударил стальным кресалом по кремню, и на этот раз зажег не только трут, но и вощеную бумагу. Я поднял ее над головой и увидел такое, что перестал удивляться, и теперь единственным чувством, наполнявшим меня, был ужас.

Человек был распят на стене, как распинают крестьяне ласку на двери курятника. Руки и ноги его пронзали огромные железные штыри. Бедняга был в предсмертной агонии, его голова свесилась на плечо, а почерневший язык вывалился изо рта. Он умирал от ран и от жажды, а эти бесчеловечные негодяи поставили перед ним на столе чашу с вином, чтобы усугубить его страдания. Я поднес чашу к его губам. У него хватило сил сделать несколько глотков, и глаза его несколько оживились.

— Вы француз?— прошептал он.

— Да. Меня послали выяснить, что с вами сталось.

— Они узнали, кто я. И предали меня казни. Но перед смертью я расскажу вам все, что знаю. Умоляю, еще глоток вина! Скорей же, скорей. Мне немного осталось жить. Силы покидают меня. Слушайте! Порох хранится в келье матери-настоятельницы. В стене уже просверлено отверстие, и конец шнура выведен в келью сестры Анхелы, что рядом с часовней. Все было готово еще два дня назад. Но они перехватили донесение и стали меня пытать.

— Боже правый! Неужели вы висите здесь целых два дня?

— Эти дни показались мне годами. Товарищ, скажи, ведь я послужил Франции верой и правдой? Тогда окажи мне одну маленькую услугу. Всади мне нож в сердце, дорогой друг! Заклинаю тебя всем святым, положи конец моим страданьям.

Действительно, состояние его было безнадежным и милосерднее всего было бы выполнить его просьбу. И все же я не мог хладнокровно всадить в него нож, хотя знал, что на его месте я сам молил бы о смерти, как о милосердии. И вдруг я вспомнил, что в кармане у меня яд, действующий мгновенно и безболезненно. Этот яд

должен был избавить от пыток меня самого, но несчастный Юбер нуждался в нем самым отчаяниым образом и достойно послужил Францни. Я достал пузырек и вылил его содержимое в чашу с вином. Я уже подиосил чашу к его губам, как вдруг услышал снаружи бряцание оружия. В мгновенье ока я погасил свет и притаился за шторой. Дверь распахнулась, и в дом ввалились двое испанцев, свирепые, смуглолицые, в гражданской одежде, но с ружьями за плечами. Я смотрел на них сквозь щель меж занавесками, дрожа при мысли, что они напали на мой след, но было ясно, что они пришли просто для того, чтобы насладиться страданиями моего несчастного соотечественника. Один из них поднес фонарь, который держал в руках, к лицу умирающего, и оба громко, злорадно захохотали. Потом взгляд того, что держал фонарь, упал на чашу с вином, стоявшую на столе. Он взял ее, с дьявольским смехом поднес к губам Юбера, а когда бедняга невольно потянулся к ней, отдернул ее и сам сделал большой глоток. В тот же миг он с диким криком схватил себя за горло и бездыханный свалился на пол. Его товарищ смотрел на него в страхе и изумлении. Вдруг, охваченный суеверным ужасом, он издал пронзительный вопль и, как безумный, выбежал из комнаты. Я слышал, как его шаги прогрохотали по мостовой, потом все стихло.

Горящий фонарь остался на столе, и я, выйдя из-за занавески, увидел при его свете, что голова несчастного Юбера поникла на грудь, и он тоже мертв. Движенье, которое он сделал, пытаясь дотянуться до чаши губами, было последним. В доме громко тикали часы, и больше ничто не нарушало тишины. На стене висело поникшее тело француза, на полу валялся недвижимый труп испанца, и все это освещал тусклый фонарь. Впервые в жизни отчаянный страх приковал меня к месту. Я видел, как десять тысяч человек лежали на земле, терзаемые всеми страданиями, какие только можно вообразить, но даже это зрелище потрясло меня меньше, чем две безмолвные фигуры, перед которыми я очутился в этой полутемной комнате. Я опрометью выбежал на улицу, как тот, второй испанец,— только бы вырваться из этого жуткого дома, и опомнился, лишь когда добежал до самого собора. Там я остановился в темном углу, тяжело дыша, при-

жал руку к сердцу и попытался собраться с мыслямн н решить, что же теперь делать. Пока я стоял там, все еще не в снлах перевестн дух, огромные медные колокола дважды ударнлн у меня иад головой. Два часа. А в четыре штурмовой отряд выйдет на рубеж для атаки. У меия оставалось два часа временн.

Собор был ярко освещен изнутрн, людн то н дело входили и выходнлн; я тоже вошел, решив, что там едва лн кто-ннбудь заговорит со мной н я смогу спокойно обдумать план действнй. На этот собор, скажу я вам, стоило посмотреть — он служил одновременно госпнталем, укрытием от ядер н складом. Однн прндел был завалеи всякнмн прнпасамн, другой — переполнен больными и раненымн, а посередине ютилось множество беспомощиых людей, которые даже развели на мозаичном полу костры н стряпали себе пнщу. Многне молнлнсь, н я тоже встал иа колеии у колонны и молнлся всем сердцем, прося бога помочь мне выбраться нз этой переделки жнвым н совершить в эту иочь подвнг, который сделает мое нмя столь же славиым в Испаиин, как н в Германнн. Я дождался, пока часы пробнлн три, вышел из собора и иаправнлся к монастырю Мадоины, откуда иашим войскам предстояло начать прнступ. Вы ведь меия знаете, ие такой я человек, чтобы струснть н вернуться к своим с докладом, что наш лазутчнк погиб и надо искать иных путей прорваться в город. Лнбо я должен был найти средство завершить иезаконченное дело, лнбо в Коифлаиский гусарскнй полк назначнли бы нового капитаиа взамен погнбшего.

Я беспрепятственно прошел по широкому бульвару, о котором уже рассказывал, н очутнлся у огромного монастыря с каменнымн стенамн, этого главного бастнона в обороне города. Моиастырь стоял иа площади, перед ним рослн деревья. Здесь сосредоточилось несколько сот человек, вооружеиных н готовых к бою,— ведь защнтникн города, конечио, зналн, что нмеино отсюда французы скорей всего начиут штурм. До тех пор иашей армнн прнходнлось драться в Европе лншь с регуляриымн войсками. И только здесь, в Испанин, мы узналн, как это ужасно — воевать протнв всего народа. С одной стороны, иикакой славы — велнка лн слава одолеть этот сброд, этих пожилых лавочииков, иевежествеиных кре-

стьян, фанатичных священников, обезумевших женщин и прочих вояк, из которых состоял гарнизон? С другой стороны, это было крайне хлопотно и опасно, потому что они не давали нам ни минуты покоя, не соблюдали законов ведения войны и были полны решимости доинять нас не мытьем, так катаньем. Я начал понимать, что мы делаем недоброе дело, когда увидел пеструю, но грозную толпу, которая собралась вокруг сторожевых костров во дворе монастыря Мадонны. Конечно, не наше солдатское дело рассуждать о политике, но с самого начала в этой Испании над нами словно висело проклятие.

Однако у меня не было времени раздумывать обо всем этом. Как я уже говорил, проникнуть в монастырский сад не составляло никакого труда, зато пройти внутрь самого монастыря, мимо часовых, было не так-то просто. Первым делом я обошел сад и сразу обратил внимание на большое окно с цветным стеклом,— вероятно, там и была часовня. Из слов Юбера я понял, что келья матери-настоятельницы, где теперь пороховой склад, находится рядом с часовней и шнур протянут через дыру в стене из соседней кельи. Я должен был любой ценой проникнуть внутрь. У дверей стояла стража— как же войти без объяснений? И тут меня вдруг словно какое-то вдохновенье осенило — я понял, как это можно сделать. В саду был колодец, рядом с ним стояло несколько пустых ведер. Я наполнил водой два ведра, взял их и подошел к двери. Не приходится объяснять, зачем идет человек, у которого в каждой руке по полному ведру. Стража расступилась и пропустила меня. Я очутился в длинном, вымощенном каменными плитами коридоре, освещенном фонарями, по одну сторону которого были расположены кельи монашек. Наконец-то я был на верном пути. Я, не колеблясь, пошел дальше, так как еще в саду заметил, в какую сторону надо идти, чтобы попасть к часовне.

По коридору, покуривая, слонялось много испанских солдат, некоторые заговаривали со мной, когда я проходил мимо. Наверное, они просили у меня благословения, и мое «ora pro nobis» как будто вполне их удовлетворяло. Вскоре я добрался до часовни — здесь сразу видно было, что в соседней келье устроен склад, так как пол перед дверью был весь черен от пороха. Дверь была за-

крыта, и снаружи ее охраняли два свирепых с виду молодца, у одного из которых за поясом торчал ключ. Будь нас только двое, этот ключ живо оказался бы у меня в руках, но в присутствии второго часового мне нечего было и надеяться завладеть им силой. Соседняя со складом келья, видимо, и принадлежала сестре Аихеле. Дверь была приоткрыта. Я собрал все свое мужество и, оставив ведра в коридоре, беспрепятственно вошел в келью.

Я ожидал найти там по крайней мере шестерых испанских головорезов, но то, что я увидел, смутило меня еще больше. Келья, очевидно, была отдана в распоряжение монахинь, которые по какой-то причине отказались покинуть монастырь. Их было три: одна пожилая, с суровым лицом, очевидно, сама настоятельница, а две другие — молодые и хорошенькие. Они сидели рядом в дальнем конце кельи, но встали, едва я вошел, и я не без удивления понял по их поведению и выражению лиц, что моего прихода ждали и рады ему. Ко мне сразу же вернулось присутствие духа, и я сообразил, в чем дело. Поскольку ожидался штурм монастыря, эти сестры, разумеется, полагали, что их отведут в какое-нибудь убежище. Возможно, они дали обет не покидать эти стены, и им велели оставаться в келье до дальнейших распоряжений. Так или иначе, я действовал, исходя именно из этого, ведь необходимо было как-то удалить их из кельи, а тут подвернулся удобный повод. Первым делом я оглянулся на дверь и убедился, что ключ торчит в замке изнутри. Тогда я знаком велел монахиням следовать за мной. Настоятельница о чем-то спросила меня, но я нетерпеливо покачал головой и снова сделал знак. Она колебалась, но я топнул ногой и так властно указал на дверь, что все три немедленно повиновались. Самым безопасным местом была часовня, я отвел их туда и поместил в дальнем от порохового склада конце. Когда монахини расселись наконец перед алтарем, сердце мое подпрыгнуло от радости и гордости,— я понял, что последнее препятствие устранено с моего пути.

И все же я всегда каким-то нюхом чувствовал приближение самой опасной минуты. Собираясь уйти, я еще раз посмотрел на настоятельницу и с тревогой увидел, что ее пронзительный взгляд прикован к моей правой

руке, а на лице у нее написано удивление, быстро переходящее в подозрительность. Что же могло привлечь ее внимание? Во-первых, моя рука была обагрена кровью часового, которого я ударил ножом на дереве. Само по себе это ничего не значило, ведь нож у монахов Сарагоссы в таком же ходу, как и требник. Во-вторых, на указательном пальце я носил массивное золотое кольцо — подарок одной немецкой баронессы, чье имя я называть не стану. Оно ярко сверкало при свете лампады. А кольцо на руке у монаха — это уже нечто невиданное, поскольку он принес обет бедности. Я быстро повернулся и пошел к двери, но дело уже невозможно было поправить. Оглянувшись, я увидел, что настоятельница спешит за мной следом. Я выбежал из часовни и бросился по коридору, но она пронзительным голосом выкрикнула предостережение часовым у склада. К счастью, у меня хватило присутствия духа тоже крикнуть и указать вперед, словно мы оба гнались за кем-то еще. Тем временем я проскочил мимо них, вбежал в келью, захлопнул тяжелую дверь и запер ее изнутри. На этой толстой деревянной двери сверху и снизу были засовы, а посередине — здоровенный замок, и взломать ее было нелегко.

И все же, если б у них хватило ума подложить под дверь бочку с порохом, песенка моя была бы спета. Это была их последняя возможность, потому что я уже оказался у цели. Наконец-то, после множества опасностей, какие мало кому довелось пережить, я очутился у одного конца шнура, другой конец которого был протянут на склад, где хранился весь порох Сарагоссы. Они выли в коридоре, как волки, и колотили в дверь прикладами. Я не обращал никакого внимания на весь этот шум и торопливо озирался в поисках шнура, о котором говорил Юбер. Разумеется, шнур должен быть в стене, примыкающей к складу. Я прополз на четвереньках вдоль всей стены, заглядывая в каждую щель, но не нашел никаких следов. Две пули прошили дверь насквозь и расплющились о стену. Удары прикладов становились все громче. Я заметил в углу что-то серое, бросился туда с радостным криком и увидел, что это всего лишь мусор. Тогда я, встав сбоку, у самой двери, где пули, которые буквально изрешетили ее, не могли причинить мне вреда, попытался отвлечься от оглушавшего меня

дьявольского воя и сообразить, где же может быть этот шнур. Видимо, Юбер искусно спрятал его, в противном случае он не укрылся бы от монахинь. Я попытался представить себе, как проложил бы его я сам на месте Юбера. Внимание мое привлекла статуя святого Иосифа, стоявшая в углу. Вокруг пьедестала был венок из листьев, среди которых теплилась лампада. Я бросился к статуе и сорвал венок. Да, да, я увидел там тонкий черный шнур, исчезавший в едва приметном отверстии в стене. Я опрокинул лампаду и распластался на полу. Через мгновенье раздался громовой взрыв, стены зашатались и рухнули, потолок обвалился и, перекрывая вопль перепуганных испанцев, раздался грозный боевой клич: это гренадеры пошли на приступ. Как во сне — в счастливом сне — услышал я этот клич и больше уж ничего не слышал.

Когда я очнулся, двое французских солдат помогли мне сесть,— голова у меня звенела, как котел. Шатаясь, я встал на ноги и огляделся. Вся штукатурка осыпалась, скамьи валялись на полу, в кирпичах зияли пробоины, но никаких следов бреши. Да, стены монастыря были слишком толсты, и взрыв порохового склада их не разрушил. Но зато этот взрыв посеял такую панику среди защитников, что нашим штурмовым частям удалось без особого труда высадить окна и двери. Выскочив в коридор, я увидел, что он запружен французскими войсками, и тут сам маршал Ланн вошел туда в сопровождении своего штаба. Он остановился и с интересом выслушал мой доклад.

— Великолепно, капитан Жерар, просто великолепно!— воскликнул он.— О вашем подвиге непременно будет доложено императору.

— Осмелюсь заметить, ваше превосходительство, что я только завершил то, что задумал и подготовил мсье Юбер, отдавший свою жизнь за великое дело.

— Его заслуги не будут забыты,— сказал маршал.— Однако, капитан Жерар, уже половина пятого, и вы, наверное, умираете с голоду после столь трудной ночи. Я со своим штабом буду завтракать в городе. Прошу вас быть моим почетным гостем.

— Я вскоре догоню ваше превосходительство,— сказал я.— У меня тут одно небольшое дельце.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Как, в такой час?

— Да, ваше превосходительство,— отвечал я.— Я обману ожидания моих товарищей офицеров, с которыми я только вчера познакомился, если не повидаюсь с ними в этот час.

— В таком случае до свидания,— сказал маршал Ланн и проследовал дальше.

Я поспешно вышел через разбитые ворота монастыря. Возле дома с сорванной крышей, куда накануне вызвал меня маршал, я сбросил монашеское одеяние и надел кивер и шпагу, которые оставил там. Снова став гусаром, я поспешил к роще, где была назначена встреча. Голова у меня все еще кружилась после контузии, и я был измучен волнениями этой ужасной ночи. Рассвет еще только занимался, и я шел как во сне, а вокруг тлели гаснущие костры и гудела просыпающаяся армия. Сигнальные трубы и барабаны во всех концах созывали пехоту, так как взрыв и крики уже оповестили о случившемся. Я все шел и, наконец, добравшись до дубовой рощицы за коновязями, увидел двенадцать своих товарищей. Все они были при саблях и ждали меня, собравшись в кружок. Когда я приблизился, меня встретили любопытными взглядами. Быть может, теперь, когда лицо у меня было черным от пороха, а руки обагрены кровью, я показался им совсем иным Жераром, нежели тот молодой капитан, над которым они потешались накануне.

— Доброе утро, господа,— сказал я.— Приношу глубочайшие извинения, что заставил вас ждать, но это не моя вина.

Они молчали, но по-прежнему смотрели на меня с любопытством. Как сейчас вижу их: они стояли в ряд, рослые и приземистые, толстые и худощавые,— Оливье, со своими воинственными усами, Пеллетан с худым, горячим лицом, юный Удэн, покрасневший от волнения перед своей первой дуэлью, Мортье, с косым шрамом на морщинистом лбу. Я снял кивер и обнажил саблю.

— Господа, у меня к вам только одна просьба,— сказал я.— Маршал Ланн пригласил меня к завтраку, и я не могу заставить его ждать.

— Что же вы предлагаете?—спросил майор Оливье.

— Прошу освободить меня от обещания уделить

каждому из вас пять минут и позволить мне драться со всеми разом.

Сказав это, я встал в боевую позицию.

Ответ их был великолепен и достоин истых французов. Единым движением все двенадцать клинков вылетели из ножен и поднялись вверх, салютуя мне. Все двенадцать офицеров замерли, вытянувшись, и каждый поднял саблю перед собой.

Я попятился, переводя взгляд с одного на другого. Сначала я не мог поверить своим глазам. Эти люди, которые накануне смеялись надо мной, теперь отдавали мне дань уважения! И вдруг я все понял. Они оценили мой благородный поступок и не хотели остаться в долгу. Человек слаб, он может закалить себя против опасности, но не против чувств.

— Друзья!— вскричал я.— Друзья мои!

И больше не мог вымолвить ни слова. Что-то сдавило мне горло, дыхание перехватило. В тот же миг Оливье обнял меня, Пеллетан жал мне правую руку, Мортье — левую, кто-то трепал меня по плечу, кто-то хлопал по спине, со всех сторон на меня смотрели улыбающиеся лица, и я понял, что принят конфланскими гусарами.

III

КАК БРИГАДИР УБИЛ ЛИСУ

Во всем великом французском войске был только один офицер, к которому англичане из армии Веллингтона питали глубокую, ярую, неугасимую ненависть. Были среди французов грабители, насильники, заядлые игроки, дуэлянты и повесы. Все это можно простить, поскольку нетрудно было найти им подобных и среди англичан. Но один офицер из армии Массена совершил преступление невиданное, неслыханное, ужасное; не к ночи будь оно помянуто, разве только когда вторая бутылка развяжет языки. Весть об этом донеслась до Англии, и джентльмены из глухих ее уголков, которые мало что знали о войне, краснели от ярости, когда слышали об этом, а йомены из всех графств грозили в небо веснуш-

чатыми кулаками и изрыгали проклятия. И кто бы вы думали совершил это ужасное деяние? Ну конечно же, наш друг бригадир Этьен Жерар из Конфланского гусарского полка, лихой наездник, забияка, добрый малый, любимец дам и шести бригад легкой кавалерии.

Но самое удивительное, что этот храбрый и благородный человек совершил такой ужасный проступок и стал пользоваться самой дурной славой на Пиренейском полуострове, даже не подозревая, что повинен в преступлении, которое невозможно описать никакими словами. Он умер в преклонных годах и никогда в своей невозмутимой самоуверенности, которая украшала или, быть может, скорее портила его репутацию, даже не заподозрил, что многие тысячи англичан охотно повесили бы его собственными руками. Напротив, он числил это приключение среди прочих подвигов, которые прославили его на весь мир, не раз, посмеиваясь и любуясь собой, рассказывал о нем в кругу друзей, ловивших каждое его слово, в том скромном кафе, где между обедом и партией в домино он вспоминал, то со смехом, то со слезами, неповторимые наполеоновские времена, когда Франция, подобно ангелу гнева, вознеслась, прекрасная и ужасная, над трепещущей Европой. Послушаем же этот рассказ из его собственных уст и попытаемся увидеть все его глазами.

— Да будет вам известно, друзья мои,— начал он,— что в конце тысяча восемьсот десятого года мы с Массена и всеми остальными теснили Веллингтона, надеясь сбросить его самого и его армию в Тахо. Но еще в двадцати пяти милях от Лисабона мы обнаружили, что нас обманули: этот англичанин построил мощную линию укреплений на том месте, которое называется Торрес Ведрас, и даже мы не в силах были ее прорвать! Она протянулась через весь полуостров, а мы были так далеко от родины, что не рисковали повернуть назад, так как еще при Бусако поняли, что война с этим народом совсем не детская игра. Что нам оставалось, кроме как остановиться перед этими укреплениями и блокировать их всеми силами? Мы проторчали там полгода в невыносимых условиях, и Массена потом говорил, что совершенно поседел за это время. Что касается меня, то я не очень тревожился, меня заботили только кони, которым

нужно было отдохнуть и подкормиться на зеленых пастбищах. А мы пили местное вино и веселились, как только могли. Была у меня одна знакомая в Сантарене... но нет, молчок! Благородный человек обязан хранить тайну, хотя вправе дать понять, что мог бы сказать многое.

Однажды вызывает меня Массена к себе. Я тотчас явился в его палатку, где он сидел за столом и рассматривал большую карту. Он молча посмотрел на меня своим единственным орлиным глазом, и по выражению его лица я понял, что дело нешуточное. Он нервничал, хмурился, но мой бравый вид, видимо, его ободрил. Всегда полезно побыть в обществе храбреца.

— Полковник Этьен Жерар,— сказал он,— я не раз слышал, что вы храбрый и находчивый офицер.

Не мне было подтверждать это, но и отрицать такие вещи тоже глупо, так что я звякнул шпорами и отдал честь.

— Кроме того, говорят, вы отлично ездите верхом.

Я не возражал.

— И лучший рубака на все шесть бригад легкой кавалерии.

Массена славился своей осведомленностью.

— Так вот,— продолжал он,— взгляните на эту карту, и вы сразу поймете, чего я от вас хочу. Вот линии укреплений Торрес Ведрас. Посмотрите, как они растянуты, и вам станет ясно, что силы англичан сильно разбросаны. А за укреплениями до самого Лисабона тянется голая равнина. Мне чрезвычайно важно знать, как расположены на этом пространстве войска Веллингтона, и я прошу вас отправиться туда и принести точные сведения.

От его слов мне стало не по себе.

— Ваше превосходительство,— сказал я,— немыслимо кавалерийскому полковнику унизиться до роли шпиона.

Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Гусар—всегда горячая голова, иначе какой же это гусар,— сказал он.— Выслушайте меня, и вы поймете, что я вовсе не посылаю вас шпионить. Что вы скажете вот об этой лошадке?

Он подвел меня к окну, где егерь прогуливал замечательного коня. Конь был серый, в яблоках, не очень рос-

лый, пожалуй, немногим повыше пяти футов, но с короткой, красиво выгнутой шеей, как у лошадей арабских кровей. Ноги крепкие, мускулистые, но бабки такие тонкие, что я, едва взглянув на него, пришел в полный восторг. Никогда не мог смотреть равнодушно ни на хорошую лошадь, ни на красивую женщину, и не могу даже теперь, когда семьдесят зим поостудили мою кровь. Представьте же себе, каков я был в десятом году.

— Это Вольтижер, — сказал Массена, — лучший скакун во всей армии. Итак, отправляйтесь сегодня же вечером, вы должны обогнуть противника с фланга, объехать его тылы и, вернувшись с другого фланга, привезти сведения о расположении вражеских частей. Вы будете в мундире, и поэтому, если попадете в плен, вас не казнят, как шпиона. Вполне возможно, что вы проедете через линию обороны незамеченным, так как вражеские посты сильно разбросаны. Когда же вы окажетесь по ту сторону, вас никому не догнать, пока светло, а если станете избегать дорог, то, пожалуй, вообще никого не встретите. Жду вас до завтрашнего вечера, после чего буду считать, что вы попали в плен, и предложу им в обмен на вас полковника Петри.

Ах, какой гордостью и радостью преисполнилась моя душа, когда я вскочил в седло и галопом проехался на этом изумительном коне. Конь был великолепен—мы оба были великолепны, и Массена захлопал в ладоши и закричал в восторге. Я не набивался на похвалу, он сам сказал, что достойному коню—достойный всадник. А когда я, как молния, промчался мимо него в третий раз, и султан мой развевался, а доломан, трепеща, летел следом, по его суровому, словно каменному, лицу было видно, что он больше не сомневается в правильности своего выбора. Я обнажил саблю, поцеловал эфес, отсалютовал и поскакал в расположение своего полка. Все уже знали, что мне поручено важное дело, и мои дьяволы высыпали из палаток, приветствуя меня. Ах! И сейчас, в старости, на глазах у меня выступают слезы, когда я вспоминаю, как гордились они своим полковником. И я тоже гордился ими. Они были достойны своего лихого командира.

Ночь обещала быть ненастной, и это оказалось мне на руку. Я постарался сохранить свой отъезд в строжайшей тайне: ведь было ясно, что если англичане проню-

хают о моей отлучке из армии, они, естественно, поймут, что дело тут иешуточиое. Поэтому моего коня вывели за лииию пикетов, как будто иа водопой, я же пошел пешком и там сел в седло. У меия была при себе карта, компас и письменные инструкции маршала — с этой бумагой на груди, под мундиром, и с саблей на боку я пустился в опасный путь.

Моросил дождь, луиа была скрыта облаками — словом, можете себе представить, обстановка не очень приятная. Но на сердце у меня было легко, когда я думал о том, какая честь мне оказаиа и какая слава меия ожидает. Этот подвиг должеи был умножить блестящий список, благодаря которому я получу вместо сабли маршальский жезл. Ах, каким мечтам предавались мы, глупые молодые люди, опьяненные успехом! Мог ли предвидеть в тот вечер я, избраиный из шестидесяти тысяч, что буду иа старости лет выращивать капусту за сотию франков в месяц! Ах, моя юность, мои мечты, мои боевые друзья! Но колесо судьбы вертнтся, не остаиавливаясь. Простите, друзья мои, старика за его слабость.

Итак, путь мой лежал через плато Торрес Ведрас, потом через ручеек, мимо сгоревшего дома, который теперь служнл только ориентиром, и дальше через иебольшую дубраву к монастырю святого Антония, который находился на левом фланге англичаи. Оттуда я повернул на юг н стал тихонько спускаться с горы, так как именно здесь, как считал Массеиа, легче всего было проехать через вражескне позиции иезамеченным. Ехал я шагом, поскольку тьма стояла такая, что я не видел дальше собственного носа. В таких случаях я всегда отпускаю поводья и целиком полагаюсь на лошадь. Вольтижер уверенио шел вперед, а я, удобно сидя в седле, только поглядывал вокруг да держался подальше от всяких огней. Так мы осторожио продвигались часа три, и я уже решил было, что все опасности позади. Я поскакал быстрее, так как хотел к рассвету оказаться в тылу вражеской армии. В тех местах много вниоградников, и зимой ехать через них верхом одно удовольствие — скачи себе напрямик.

Но Массена иедооценил коварство англичан: как выяснилось, там была ие одна линия обороны, а все три, и как раз третью, самую сильную, я и проезжал в тот

миг. Я ехал, радуясь удаче, как вдруг впереди вспыхнул фонарь, и я увидел блеск ружейных стволов и красные мундиры.

— Кто едет? — окликнул меня голос, и какой голос! Я взял вправо и помчался во весь опор, но из темноты вылетело с десяток огненных стрел, и вокруг меня запели пули. Это пение мне хорошо знакомо, друзья мои, но я не стану утверждать, как какой-нибудь глупый новобранец, будто мне оно по душе. Однако же я по крайней мере никогда не терял при этом голову и теперь знал, что остается только одно — скакать вперед что есть духу и попытать счастья где-нибудь в другом месте. Я оставил позади пикеты англичан и, не слыша больше ни звука, справедливо заключил, что уж теперь-то проехал линию их обороны. Я проскакал пять миль на юг, время от времени высекая огонь, чтобы взглянуть на карманный компас. А потом вдруг — до сих пор, как вспомню об этом, душа обливается кровью — мой конь, даже не споткнувшись, без единого звука пал подо мной!

Я и не подозревал, что одна из пуль, пущенных этим проклятым пикетом, ранила его навылет. Благородное животное даже не дрогнуло, оно скакало до последнего издыхания. Только что я чувствовал себя неуловимым на самом быстром, самом великолепном скакуне в армии Массена. И вот он лежит на боку, и толку от него никакого, разве только шкуру содрать, а я стою над ним, спешенный гусар — самое беспомощное, самое нелепое существо на свете. На что мне теперь сапоги, шпоры, сабля, волочащаяся по земле? Я был глубоко во вражеском тылу. Как мог я надеяться вернуться? Не стыжусь признаться, что я, Этьен Жерар, присел на труп своего коня и в отчаянии закрыл лицо руками. На востоке уже брезжил рассвет. Через полчаса станет совсем светло. Я преодолел все препятствия, и вот теперь, в последний миг, оказался беспомощным среди врагов, провалил поручение и попал в плен — разве мало этого, чтоб привести в отчаяние солдата?

Но не огорчайтесь, друзья мои! Даже у самых отважных бывают минуты слабости; но у меня дух, как стальная пружина,— чем больше его сгибаешь, тем выше он рвется вверх. Мгновенный приступ отчаяния миновал, и вот уж мой ум холоден как лед, а сердце пылает

огнем. Не все было потеряно. Я прошел через столько опасностей, пройду и через эту. Я встал и начал раздумывать, как быть.

Мне сразу же стало ясно, что возвращаться назад нельзя. Прежде чем я успею миновать английские позиции, будет уже совсем светло. Надо где-то спрятаться до вечера, а ночью попытаться унести ноги. Я снял с бедняги Вольтижера седло, кобуру и уздечку и спрятал их в кустах, чтобы нельзя было узнать, если кто на него наткнется, что лошадь французская. Потом, оставив его там, я отправился на поиски какого-нибудь укрытия, где можно будет отсидеться до вечера. Со всех сторон от меня на склонах холмов горели бивачные костры, и вокруг них уже закопошились люди. Надо было спрятаться поскорее, иначе я пропал.

Но куда? Я забрел в виноградник, где еще торчали сухие лозы, но зелени не было. Здесь не укроешься. Кроме того, чтобы переждать до ночи, мне нужна была пища и вода. Становилось все светлее, и я поспешил вперед, надеясь, что случай мне поможет. И мне не пришлось разочароваться. Случай что женщина, друзья мои, он всегда благосклонен к отважному гусару.

Так вот, шел я, спотыкаясь, через виноградник, вдруг вижу, впереди что-то маячит — это я набрел на большой квадратный дом с длинной низкой боковой пристройкой. Дом стоял на скрещении трех дорог, и нетрудно было догадаться, что это *posada*, иными словами — таверна. Окна не светились, всюду было темно и тихо, но я, разумеется, понимал, что такая удобная квартира не может пустовать и, скорее всего, занята кем-нибудь из высокого начальства. Одно я по опыту знал, что чем ближе опасность, тем порой бывает надежней убежище, и вовсе не собирался уходить. Пристройка, видимо, была хлевом, и я забрался туда, поскольку дверь оказалась незапертой. В хлеву было полно волов и овец,— ясно было, что их спрятали здесь от лап мародеров. Вверх, на сеновал, вела лестница, я залез туда и уютно устроился на сене. Наверху было маленькое незастекленное оконце, откуда я мог видеть крыльцо и дорогу. Я устроился у окна и стал ждать.

В недолгом времени стало ясно, что я не ошибся: здесь расположилось какое-то высокое начальство. Вско-

ре после восхода солнца прискакал английский легкий драгун с донесением, и больше уже не было ни минуты тишины, офицеры то и дело приезжали и уезжали. И на устах у всех одно имя: «Сэр Стэплтон, сэр Стэплтон». Нелегко мне было лежать на сене с пересохшей глоткой и видеть, как хозяин таскает этим офицерам здоровенные бутыли с вином, но я забавлялся, глядя на их свежие, гладко выбритые, беззаботные физиономии и представляя себе, что они подумали бы, если б знали, что у них под самым носом пристроился такой знаменитый человек, как я. Лежу я себе, поглядываю и вдруг вижу такое, что впору рот раскрыть от изумления.

Просто невероятно, до какой наглости доходят эти англичане! Что, по-вашему, сделал милорд Веллингтон, когда узнал, что Массена его блокировал и ему с армией некуда податься? Ни за что не угадаете. Скажете, что он пришел в бешенство или в отчаяние, собрал все свои войска и обратился к ним с речью, говорил о славе и родине, а потом повел в последнее, решительное сражение. Нет, милорд не сделал ничего подобного. Он отправил в Англию военный корабль за гончими и начал травить лисиц. С места мне не сойти, если вру. За укреплениями Торрес Ведрас эти сумасшедшие англичане три дня в неделю охотились на лисиц. Слухи об этом доходили до нас и раньше, а теперь мне предстояло своими глазами убедиться в их правдивости.

По дороге, про которую я говорил, бежали эти самые собачки, штук тридцать, не то сорок, белые с коричневым, и у всех хвосты торчали под одинаковым углом, как штыки в старой гвардии. Клянусь богом, на это стоило посмотреть! А позади и посередке ехали трое в остроконечных шапочках и красных куртках — я догадался, что это егери. Следом двигалась целая толпа конных в мундирах всех родов войск, они тянулись по двое или по трое, со смехом болтая о чем-то. Ехали они мелкой рысью, и я подумал, что лиса, которую они собирались затравить, видно, не больно резвая. Однако это было их дело, а не мое, и вскоре все они проехали мимо моего убежища и скрылись из виду. Я притаился и ждал, готовый воспользоваться любым благоприятным случаем.

Вскоре по дороге проскакал офицер в голубой форме, похожей на ту, что носят наши конные артиллеристы, немолодой уже, грузный человек с седыми бакенбардами. Он остановился и начал разговаривать с драгунским штабным офицером, ждавшим у крыльца, и тут я убедился, как важно знать английский язык, которому у меня был случай научиться. Я слышал и понимал каждое слово.

— Где место сбора? — спросил офицер.

Второй ответил, что возле Альтары.

— Вы опаздываете, сэр Джордж,— сказал ординарец.

— Да, пришлось заседать в трибунале. Сэр Стэплтон Коттон уехал?

В этот миг отворилось окно, и в него выглянул красивый молодой человек в блестящем мундире.

— Хэлло, Мэррей! — сказал он.— Меня задержали эти чертовы протоколы, но я вас сейчас нагоню.

— Прекрасно, Коттон. Я опаздываю и поеду вперед.

— Велите груму подвести мне коня,— сказал молодой генерал через окно ординарцу, а пожилой двинулся дальше по дороге.

Ординарец отъехал куда-то к конюшне, и через несколько минут появился проворный английский грум с кокардой на фуражке, ведя под уздцы коня,— ах, друзья мои, кто не видел английского охотничьего скакуна, тот ничего не видел! Это было настоящее чудо: рослый, широкий в кости, сильный, стройный и быстроногий, как олень. Масти вороной, без единого пятнышка, а что за шея, круп, ноги, бабки — описать невозможно. Он весь блестел под солнцем, как полированное черное дерево, нетерпеливо пританцовывал на месте, легко и изящно поднимая копыта, тряс гривой и тонко ржал. Сроду не видел я такой силы, красоты и грации. Раньше я часто удивлялся, как это английским гусарам удалось обскакать гвардейских егерей под Асторгой, но когда увидел английских лошадей, то перестал удивляться.

У двери в стену было ввинчено кольцо, грум привязал лошадь, а сам вошел внутрь. Я мигом сообразил, какой счастливый случай посылает мне судьба. Стоит вскочить в седло, и положение мое станет еще выгодней, чем вначале. Даже Вольтижер не мог бы сравниться

с этим великолепным конем. Долго раздумывать не в моих привычках. Вмиг спустился я с лестницы и был у дверей хлева. Еще миг — и, выскочив наружу, я схватил повод и прыгнул в седло. Кто-то, хозяин или слуга, ошалело закричал мне вслед. Но что мне его крики! Я дал коню шпоры, и он ринулся вперед так резво, что лишь столь искусный наездник, как я, мог усидеть в седле. Я отпустил поводья и дал ему волю — мне было безразлично, куда скакать, лишь бы подальше от постоялого двора. Конь пронесся вихрем по виноградникам, и через несколько минут целые мили легли между мной и моими преследователями. В этой дикой стране им уже не узнать было, в какую сторону я поскакал. Я почувствовал себя в безопасности и, доехав до вершины невысокого холма, достал из кармана карандаш и записную книжку и снова принялся зарисовывать местность и набрасывать план позиций.

Подо мной был славный конь, но рисовать, сидя на нем, оказалось нелегким делом — он все время прядал ушами, дрожал и водил боками от нетерпения. Сначала я не мог понять, что это с ним, но потом заметил, что он делает это, только когда откуда-то из дубравы под нами доносится странный звук: «Улю-лю-лю». Потом вдруг этот нелепый крик сменило дикое порсканье и отчаянный рев рога. Мой конь словно обезумел. Глаза его метали искры. Грива встала дыбом. Он высоко прыгнул раз, другой, дрожа всем телом. Карандаш мой полетел в одну сторону, записная книжка — в другую. А когда я взглянул вниз, в долину, то увидел необычайное зрелище. Туда лавиной мчались охотники. Лисицы мне видно не было, но собаки так и заливались лаем, они уткнули носы в землю, задрали хвосты и бежали такой тесной гурьбой, что казались большим летящим желто-белым ковром. А за ними следом скакали охотники — бог мой, какое это было зрелище! Представьте себе всех офицеров, какие только входят в состав большой армии. Некоторые были в охотничьих костюмах, но большинство в мундирах: голубые драгуны, красные драгуны, гусары в красных рейтузах, зеленые стрелки, артиллеристы, уланы в мундирах с золотой оторочкой, и почти сплошь красные, красные, красные, потому что пехотные офицеры ездили верхом не хуже кавалеристов. Ну и тол-

па — одни хорошо сидели в седле, другие плохо, но каждый летел вперед во весь опор, младшие офицеры и генералы сшибались и теснили друг друга, давали лошадям шпоры, дергали поводья, забыв обо всем на свете, кроме одного — они жаждали крови этой разнесчастной лисы! Право, странный народ эти англичане!

Но у меня не было времени любоваться на охоту или дивиться на глупых островитян, потому что впереди всех этих сумасшедших несся конь, на котором я сидел. Понимаете, это был охотничий конь, и собачий лай для него значил то же, что для меня сигнал кавалерийской трубы, раздайся он сейчас на улице. Этот конь ошалел. Он обезумел. Он сделал скачок, потом другой и вдруг, закусив удила, пустился с холма вслед за собаками. Я ругался, дергал поводья, тянул их изо всех сил, но ничего не мог поделать. Этот английский генерал ездил только с трензелем, и пасть у его коня была как из железа. Бесполезно было и пробовать его сдержать. С таким же успехом можно пытаться оторвать гренадера от бутылки с вином. Я отбросил всякую надежду остановиться и, покрепче усевшись в седле, приготовился к самому худшему.

Что это был за конь! В жизни мне не доводилось на таком ездить. С каждым прыжком он весь подбирался и несся вперед все быстрей, распластавшись, как борзая, а ветер хлестал меня в лицо и свистел в ушах. На мне была обычная форма, простой и скромный мундир — хотя, конечно, есть люди, которые любой мундир способны украсить,— и я из осторожности, когда отправлялся, снял с кивера высокий плюмаж. Поэтому я не привлекал к себе внимания среди пестрых мундиров охотников, и никто из этих людей, увлеченных травлей, меня не заметил. Мысль, что среди них может скакать французский офицер, была до такой степени нелепой, что не могла прийти им в голову. Я не удержался от смеха, потому что, хотя меня со всех сторон окружала опасность, в моем положении было что-то комическое.

Я уже говорил, что не все охотники одинаково хорошо умели ездить верхом, и через несколько миль они уже не скакали единым строем, как атакующий полк, а сильно растянулись — лучшие наездники мчались впереди, следом за собаками, но многие отстали. Само со-

бой, я был лучшим из лучших, а конь мой не имел себе равных, так что, сами понимаете, он вскоре вынес меня вперед. И когда я увидел собак, мчавшихся по равнине, и егерей в красных куртках, от которых меня отделяло всего семь или восемь всадников, произошло самое поразительное — я, Этьен Жерар, тоже ошалел! Азарт вмиг охватил меня, я жаждал показать себя и пылал ненавистью к лисе. Ах, бестия, как смеешь ты нас дразнить! Разбойница, минуты твои сочтены! Ах, что за славное чувство — этот азарт, друзья мои, это желание растоптать лису копытами коня! И я вместе с англичанами принял участие в травле. А ведь был в моей жизни и такой случай — когда-нибудь я вам о нем расскажу,— я дрался против самого Бастлера из Бристоля. И, надо вам сказать, спорт — удивительная штука, он захватывает и подобен безумию.

Мой конь летел все быстрее, и вот уже всего трое скачут рядом со мной за собаками. Страх, что меня разоблачат, как рукой сняло. Голова у меня закружилась от волнения, кровь взыграла в жилах,— казалось, только ради одного и стоит жить на свете: чтобы настичь эту проклятую лисицу. Я обскакал еще одного охотника, он был гусар, как и я. Теперь впереди оставались только двое: один в черном мундире, второй — артиллерист в голубом, тот самый, которого я видел около постоялого двора. Ветер трепал его седые бакенбарды, но скакал он лихо. Еще с милю он продержался впереди, но потом, когда мы помчались вверх по крутому склону, я благодаря тому, что был легче его, вырвался вперед. Я обошел обоих и по холму скакал голова в голову с маленьким, суровым на вид егерем. Впереди были собаки, а в сотне шагов перед ними — рыжий комок, лисица, которая распласталась в бешеном беге. При виде ее кровь бросилась мне в голову.

— Ага, попалась, подлая! — завопил я и стал криками подбадривать егеря. Я махнул ему рукой, давая понять, что не подкачаю.

Теперь меня отделяли от лисицы только собаки. Они нужны для того, чтобы указывать охотнику, где зверь, и теперь стали только помехой, потому что я не знал, как их обойти. Егерь тоже был в затруднении, из-за собак он не мог настичь добычу. Он был неплохой наезд-

ник, но смекалки ему не хватало. Я знал, что если спасую, то посрамлю конфланских гусар. Неужели Этьена Жерара остановит свора собак? Какой вздор! Я гикнул и дал коню шпоры.

— Держитесь, сэр! Держитесь! — кричал егерь.

Он боялся за меня, добрый малый, но я успокоил его, с улыбкой махнув рукой. Собаки шарахнулись от меня в стороны. Может быть, нескольким досталось копытами, но что поделаешь! Лес рубят — щепки летят. Я слышал позади восхищенные крики егеря. Наддал еще, и вот уж собаки позади. Передо мной только лисица.

Ах, какую радость и гордость я почувствовал! Подумать только, я обставил англичан в их национальном спорте. Три сотни охотников жаждали убить этого зверя, а он достанется мне. Я подумал о своих товарищах из кавалерийской бригады, о своей матушке, об императоре, о Франции. Я прославил их всех. С каждым мгновением я настигал лисицу. Пришла пора действовать, и я обнажил саблю. Я взмахнул ею, и молодцы англичане издали дружный крик.

Только тут я понял, какое это трудное дело—травля лисицы: рубишь по ней и рубишь, но никак не можешь попасть. Она ведь маленькая и ловко увертывается. При каждом ударе я слышал ободряющие крики, и они подстегивали меня. Наконец настал миг моего торжества. Лисица попыталась увернуться, и тут-то я накрыл ее таким же точно боковым ударом, каким я зарубил адъютанта русского императора. Я рассек ее надвое, голова покатилась в одну сторону, а хвост — в другую. Я оглянулся и взмахнул окровавленным клинком. Торжество переполняло меня — это было замечательно!

Ах, до чего же мне хотелось остановиться и принять поздравления моих благородных соперников! Их было человек пятьдесят, и все они махали руками и кричали. Право, не такие уж они флегматичные, эти англичане. Геройский поступок на войне или на охоте всегда разжигает их сердца. Что же до старика егеря, он был ближе всех ко мне, и я собственными глазами видел, как он был поражен тем, что произошло. Его словно хватил столбняк — рот разинут, поднятая рука с растопырен-

ными пальцами застыла в воздухе. Я готов был повернуть назад и расцеловать его.

Но в ушах у меня уже звучал зов долга, и к тому же эти англичане, несмотря на братство, объединяющее всех охотников, без сомнения, взяли бы меня в плен. Теперь не было никакой надежды выполнить поручение маршала, хотя я сделал все, что в человеческих силах. Я видел расположение войск Массена, французы были недалеко, так как по счастливой случайности мы скакали именно в ту сторону. Я объехал мертвую лисицу, отдал салют саблей и поскакал прочь.

Но эти славные охотники не дали мне уйти так легко. Теперь я оказался на месте лисицы, и мы лихо помчались по равнине. Только когда я поскакал прямо к нашим позициям, они поняли, что я француз, и теперь все устремились за мной. Лишь на расстоянии выстрела от наших передовых постов они остановились кучками, но не поворачивали назад, а кричали и махали мне руками. Нет, я не верю, что это было выражением враждебных чувств. Скорей, мне кажется, души их исполнились восхищением, и они хотели только одного — обнять чужеземца, проявившего такую доблесть и искусство.

IV

КАК БРИГАДИР СПАС АРМИЮ

Я уже рассказывал вам, друзья мои, как мы полгода, с октября тысяча восемьсот десятого по март одиннадцатого года, осаждали англичан в Торрес Ведрас. Как раз тогда мне довелось охотиться с ними на лису и показать им, что среди них нет ни одного кавалериста, способного обскакать гусара Конфланского полка. Когда я вернулся в расположение своих войск, на моем клинке еще не высохла лисья кровь, и передовые посты, которые всё видели, встретили меня радостными криками, да и английские охотники надрывали глотки у меня за спиной,— так что меня приветствовали обе армии. Я прослезился, когда увидел, сколько храбрецов мной восхищается. Эти англичане — благородные противни-

кн. В тот же вечер нарочный под белым флагом привез сверток, адресованный «гусарскому офицеру, убившему лису». Вскрыв его, я нашел там эту самую лису, разрубленную мной надвое. Кроме того, там была записка, короткая, но очень сердечная, вполне в английском духе, в ней говорилось, что, поскольку я убил лису, мне остается только съесть ее. Откуда им было знать, что мы, французы, не имеем обычая есть лисиц, но, значит, они считают, что добыча принадлежит победителю. Однако француз не может позволить, чтобы его перещеголяли в вежливости, и я вернул лисицу этим удальцам-охотникам на закуску к следующему déjeuner de la chasse [1]. Вот как воюют благородные люди.

Я привез с собой довольно подробный план английских позиций и в тот же вечер выложил его перед генералом Массена.

Я надеялся, что это побудит его начать наступление, но все наши маршалы в то время перегрызлись, они щелкали зубами и рычали, как свора голодных собак. Ней ненавидел Массена, Массена ненавидел Жюно, а Сульт — их обоих. Поэтому мы бездействовали. Припасы наши тем временем таяли, и наша прекрасная конница имела печальный вид из-за бескормицы. К весне мы начисто опустошили всю страну и сидели голодные, хотя и посылали фуражные команды к черту на рога. Даже самым отчаянным храбрецам было ясно, что настало время отступать. Мне самому пришлось признать это.

Но отступить было не так-то легко. И не только потому, что люди вымотались и ослабели от голода, но еще и потому, что враг, видя, как долго мы бездействуем, воспрянул духом. Веллингтона мы не очень-то боялись. Мы знали, что он смел и благоразумен, но не слишком предприимчив. Кроме того, в этой разоренной стране он не мог быстро нас преследовать. Но с флангов и в тылу сосредоточились большие силы португальского ополчения, состоявшего из вооруженных крестьян и других партизан. Всю зиму они держались от нас на почтительном расстоянии, но теперь, когда кони у нас отощали, они вились, как мухи, вокруг наших передовых постов, и если кто попадал к ним в лапы, то за его

[1] Охотничьему завтраку *(франц.)*.

жизнь нельзя было дать ни единого су. Я мог бы назвать с десяток офицеров, которых лично знал, погибших в те дни, и счастливее всех был тот, кому пуля, пущенная из-за скалы, угодила прямо в голову или в сердце. Некоторых постигла до того страшная смерть, что об этом было запрещено сообщать родственникам. Этих ужасных случаев было столько и они производили такое впечатление на наших людей, что стало нелегко заставить их выйти за пределы лагеря. Особенный ужас наводил на них один негодяй, командир партизан Мануэло по прозвищу «Шутник». Это был здоровенный толстяк, такой благодушный с виду, он засел со своей бандой головорезов в горах у нас на левом фланге. Можно было бы написать целую книгу о жестоких делах этого малого, но командовать он, надо прямо сказать, умел и так вышколил своих бандитов, что они не давали нам шагу ступить. Это ему удалось, потому что он ввел у себя железную дисциплину и за малейший проступок наказывал без всякой жалости, так что люди его наводили ужас на всех, однако это, как вы сейчас услышите, привело к самым неожиданным последствиям. Если бы он не высек собственного лейтенанта... но об этом речь впереди.

При отступлении нас ждало немало всяких трудностей, но было совершенно ясно, что другого выхода нет, и Массена принялся поспешно готовить обоз и лазарет к отправке из Торрес Новас, где был штаб, в Коимбру, первый укрепленный пост на его коммуникациях. Однако это невозможно было сделать незаметно, и партизаны сразу начали роиться все ближе и ближе к нашим флангам. Одно из наших подразделений, которым командовал Клозель, вместе с кавалерийской бригадой Монбрена находилось далеко к югу от Тахо, и было необходимо сообщить им, что мы готовимся к отступлению, так как иначе они остались бы без всякой поддержки, одни в самом сердце враждебной страны. Помнится, я все думал, как же Массена это сделает, ведь нарочные проехать туда не могли, а мелкие отряды, без сомнения, были бы сразу же уничтожены. Нужно было как-то передать им приказ об отступлении, иначе Франция потеряла бы четырнадцать тысяч человек. Но я и не думал тогда, что именно мне, полковнику Жерару, выпадет

честь совершить поступок, который для всякого другого мог бы стать величайшим подвигом в жизни, да и среди тех подвигов, что прославили меня, окажется не на последнем месте.

В то время я состоял при штабе Массена, и, кроме меня, у него было еще два адъютанта, тоже храбрые и неглупые офицеры. Фамилия одного была Кортекс, другого — Дюплесси. Оба были старше меня по возрасту, но во всех прочих отношениях старшим мог считаться я. Кортекс был маленький, темноволосый, очень живой и подвижный. Прекрасный был солдат, но его погубила самонадеянность. Послушать его, так он первый герой во всей армии. Дюплесси был гасконец, мой земляк, славный малый, как все гасконцы. Мы дежурили по очереди, и в то утро, о котором у нас пойдет речь, дежурил Кортекс. Я видел его за завтраком, а потом он куда-то исчез, и коня его тоже не было в стойле. Весь день Массена был по обыкновению мрачен и долго осматривал в подзорную трубу позиции англичан и суда на Тахо. Он ни слова не сказал о том, с каким поручением послал нашего товарища, и не нам было задавать ему вопросы.

Около полуночи, когда я стоял у дверей штаба, он вышел и полчаса не двигался с места, сложив руки на груди, вглядываясь во тьму на востоке. Он был так неподвижен в своей настороженности, что его закутанную фигуру в треуголке можно было принять за изваяние. Я не понимал, чего он ждет; наконец он с досадой выругался, круто повернулся и, войдя в дом, с грохотом захлопнул за собой дверь.

На другое утро Массена о чем-то долго говорил со вторым адъютантом, Дюплесси, после чего тот тоже исчез вместе с конем. Ночью, когда я сидел в прихожей, маршал прошел мимо меня, и я видел через окно, как он стоял и смотрел на восток, точно так же, как накануне. Он простоял там не меньше получаса, застыв в темноте черной тенью. Потом он вошел, хлопнула дверь, и я услышал звяканье его шпор и ножен в коридоре. Конечно, это был всего-навсего вспыльчивый старик, но когда он приходил в ярость, я предпочел бы предстать перед самим императором, чем попасться ему на глаза. Я слышал, как он всю ночь шагал по комнате и ругался

у меня над головой, но меня он не вызвал, а я слишком хорошо его знал, чтобы пойти без зова.

На другое утро снова пришлось дежурить мне, так как я остался единственным из адъютантов. Я был любимцем маршала. Сердце его всегда бывало открыто для бравого солдата. И, честное слово, когда он утром позвал меня, в его черных глазах блестели слезы.

— Жерар! — сказал он.— Подойди сюда!

Он дружески взял меня за рукав и подвел к открытому окну, выходившему на восток. Внизу был лагерь пехотинцев, рядом — позиции кавалерии с длинным частоколом коновязей. Видны были наши передовые посты, а дальше — открытая равнина, вся в виноградниках. За ней — цепь гор, над которыми возвышалась одна, самая высокая. У подножия этих гор лежала широкая полоса леса. Единственная дорога была отчетливо видна, она вилась белой полоской то вверх, то вниз, а потом исчезала среди гор.

— Это Сьерра де Меродаль,— сказал Массена, указывая на высокую гору.— Видишь ты что-нибудь на ее вершине?

Я ответил, что ничего не вижу.

— А теперь? — спросил он, протянув мне подзорную трубу.

В трубу я увидел на вершине горы небольшую пирамиду.

— Это бревна, заготовленные для сигнального костра,— сказал маршал.— Мы сложили его, когда эта территория была в наших руках. Жерар, сегодняшней ночью костер этот необходимо зажечь. Это нужно сделать ради Франции, ради императора, ради нашей армии. Двое твоих товарищей отправились туда, но ни один не добрался до вершины. Сегодня твоя очередь, и да пошлет тебе бог удачи.

Солдату не положено обсуждать приказ, и я уже хотел выйти, но маршал удержал меня, положив руку мне на плечо.

— Ты должен знать все. Так узнай же, какой важности это дело, ради которого ты рискуешь жизнью,— сказал он.— В пятидесяти милях к югу от нас, по другую сторону Тахо, стоит армия генерала Клозеля. Лагерь его разбит близ горы, которая называется Сьерра

д'Осса. На ее вершине тоже приготовлен сигнальный костер, и у костра дежурит дозорный. У нас условлено, что если Клозель в полночь увидит наш сигнал, то в ответ зажжет свой и сразу же присоединится к главным силам. Если он не выступит немедленно, мне придется уйти без него. Вот уже два дня я пытаюсь подать ему сигнал. Он должен увидеть костер сегодня. Иначе его армия будет отрезана и разбита.

Ах, друзья мои, какой гордостью преисполнилась моя душа, когда я услышал об этой великой задаче, посылаемой мне судьбой! Если я останусь в живых, еще одна лавровая ветвь появится в моем венце. Если же мне суждено погибнуть, я умру так же достойно, как жил. Я не сказал ни слова, но не сомневаюсь, что все эти благородные мысли были написаны у меня на лице, так как Массена крепко пожал мне руку.

— Вон там гора и сигнальный костер,— сказал он.— На пути у тебя только этот бандит со своими людьми. Я не могу отрядить на это дело крупные силы, а маленькую группу они заметят и уничтожат. Так что ты должен все сделать в одиночку. Каким образом, решай сам, но сегодня в полночь я должен увидеть костер на вершине горы.

— Если костер не загорится,— сказал я,— прошу вас, маршал Массена, прикажите продать все мое имущество, а деньги отослать моей матери.

Я отдал честь и повернулся кругом, а сердце мое ликовало от мысли, какой славный подвиг мне предстоит.

Я посидел немного у себя в комнате, раздумывая, как лучше приняться за это дело. Если ни Кортексу, ни Дюплесси, весьма исполнительным и энергичным офицерам, не удалось добраться до вершины Сьерры де Меродаль, это означало, что за местностью пристально наблюдают партизаны. Я прикинул по карте расстояние. Выходило, что прежде чем я достигну гор, нужно пересечь десять миль открытой местности. Дальше начиналась полоса леса у подножия шириной мили в три-четыре. И наконец самая гора, не такая уж высокая, но спрятаться там решительно негде. Таковы были три этапа предстоящего мне пути.

Я решил, что стоит только пробраться к лесу, и дальше все пойдет как по маслу: я пролежу там до вечера,

а на гору заберусь под покровом темноты. С восьми вечера до полуночи целых четыре часа темного времени. Значит, серьезно обдумать надо лишь первый этап.

На равнине заманчиво белела дорога, и я вспомнил, что оба мои товарища уехали верхом. Ясное дело, это их и погубило, потому что бандитам легче легкого следить за дорогой, и всякий, кто там появлялся, попадал к ним в лапы. Мне ничего не стоило бы пересечь верхом равнину, ведь лошади у меня в ту пору были отличные — не только Фиалка и Барабан, два лучших скакуна во всей армии, но и великолепная английская вороная охотничья лошадь, которую я угнал у сэра Коттона. Однако, поразмыслив, я решил идти пешком, надеясь, что так мне легче будет воспользоваться всяким благоприятным случаем, какой только представится. Что же до одежды, то я накинул поверх гусарского мундира длинный плащ, а на голову надел серую фуражку. Вы спросите, почему я не переоделся в крестьянскую одежду, но, скажу я вам, благородному человеку вовсе не улыбается умереть смертью шпиона. Одно дело — расправа, другое — справедливая казнь по законам войны. Я не хотел позорной смерти.

Под вечер я украдкой вышел из лагеря и прошел мимо наших передовых постов. Под плащом у меня была подзорная труба, небольшой пистолет, и, конечно, сабля. В кармане — трут, кремень и кресало.

Первые несколько миль меня скрывали виноградники, и я ушел так далеко, что уже ликовал, думая про себя, что нужно только иметь голову на плечах да умеючи взяться за дело — и успех обеспечен. Конечно, Кортекса и Дюплесси сразу заметили, когда они скакали по дороге, но Жерар не так прост, он избрал путь через виноградники. И, представьте себе, я прошел не меньше пяти миль, прежде чем наткнулся на первое препятствие. На пути у меня оказалась маленькая таверна, вокруг которой я увидел несколько повозок, а около них суетились люди — первые, кого я встретил. Я уже далеко ушел от наших позиций и знал, что здесь могут быть только враги, а потому припал к земле и подполз поближе, желая узнать, что происходит. Я увидел, что это крестьяне и что они нагружают две повозки пустыми бо-

чонкамн нз-под внна. Так как мне от ннх не могло быть ии вреда, нн пользы, я продолжал путь.

Но вскоре я понял, что дело совсем не так просто, как кажется. Когда я поднялся повыше, внноградннкн кончнлнсь, н я очутнлся на открытом склоне, усеянном невысокимн пригоркамн. Прнсев в лощнне, я осмотрел нх в подзорную трубу и сразу обнаружил, что на каждом нз ннх сндит дозорный и что у португальцев есть лнння передовых постов не хуже нашей. Я много слышал о том, какую железную днсцнплнну поддерживал среди своих людей этот негодяй по прозвнщу Шутник, и вот теперь передо мной неоспорнмое свидетельство, что это правда. В ущелье тоже оказался кордон, н хотя я иесколько взял в сторону, впереди по-прежнему были врагн. Я не знал, что делать. Укрыться было решнтельно иегде, тут даже крыса не проскользнула бы. Конечно, я мог бы без труда пройтн этот открытый участок ночью, как пробрался через позиции англнчан в Торрес Ведрас, но до горы было все еще далеко, н я не поспел бы туда вовремя, чтобы зажечь костер в полночь. Я лежал в лощине н строил сотнн планов, однн рискованнее другого. И вдруг меня словно озарила вспышка света — вот что значнт не падать духом.

Помните, я уже говорил, что около таверны грузнлн пустымн бочонками две повозкн. Быкн былн повернуты иа восток, н, значит, направлялись онн нменно в ту стороиу, куда мие нужно. Еслн только мне удастся спрятаться в одном из ннх, едва лн я найду более удобный и легкий путь проннкнуть через позицнн партнзан. План был так прост и удачеи, что, когда он прншел мне в голову, я не удержался от радостиого возгласа н поспешнл к таверие. Там, спрятавшнсь в кустах, я хорошеиько прнгляделся к тому, что пронсходнло на дороге.

Трое крестьян в красных шапках грузили бочонкн; одна повозка была уже нагружена доверху, вторая — только в однн ряд. Много пустых бочонков еще лежало перед домом, ожидая погрузкн. Судьба была ко мие благосклонна, я всегда говорил, что она — жеищина н не может устоять перед бравым молодым гусаром. Пока я наблюдал, все трое вошлн в таверну, так как день был жаркий н с усталости нм захотелось промочить глотку.

Я пулей выскочил из своего укрытия, залез на повозку и забрался в пустой бочонок. Он был с дном, но без крышки и лежал на боку, открытой стороной внутрь. Я заполз туда, как собака в конуру, подобрав колени к подбородку, так как бочонки были не очень большие, а я малый рослый. Тем временем крестьяне снова вышли, и вскоре я услышал грохот у себя над головой и понял, что сверху взвалили еще один бочонок. Они громоздили их все выше, и я уже не знал, как выберусь на волю. Но думать о том, как переправиться через Вислу, надо, когда будешь уже за Рейном, и я не сомневался, что, если случай и смекалка помогли мне добраться сюда, они помогут мне и дальше.

Вскоре повозка была нагружена, и крестьяне тронулись в путь, а я знай себе посмеивался, сидя в бочонке, так как меня везли именно туда, куда мне было надо. Ехали мы медленно, крестьяне шли пешком рядом с повозками. Я знал об этом потому, что слышал рядом их голоса. Мне показалось, что они веселые парни, потому что они над чем-то смеялись от всего сердца. В чем была соль, я не понял. Хоть я и неплохо изъяснялся на их языке, но в обрывках разговора, которые до меня долетали, я не усмотрел ничего смешного.

Прикинув скорость упряжных быков, я решил, что мы делаем около двух миль в час. И когда прошли два с половиной часа — да каких, друзья мои, ведь я лежал скрючившись, задыхаясь, едва не отравившись винными парами,— когда они прошли, я был уверен, что опасная открытая полоса осталась позади и мы уже у подножия горы, на опушке леса. Теперь надо было подумать, как выбраться из бочки. Я перебрал несколько способов и тщательно взвешивал каждый, как вдруг вопрос решился сам собой, просто и неожиданно.

Повозка вдруг остановилась, и я услышал грубые, раздраженные голоса.

— Где, где? — крикнул один.

— Да у нас в повозке,— ответил другой.

— А кто он? — спросил третий.

— Французский офицер. Я видел его фуражку и сапоги.

Все так и покатились со смеху.

— Я глянул в окно, вдруг вижу, как он сигает в бочонок, будто тореадор, за которым гонится севильский бык.

— В который же бочонок?

— Да вот сюда,— сказал этот малый и кулаком стукнул по бочонку у самой моей головы.

Ну и положеньице, доложу я вам, друзья мои, для такого прославленного человека, как я! Даже теперь, сорок лет спустя, я краснею, как вспомню об этом. Сидеть, словно птица в силке, беспомощно слушать грубый смех этих мужиков и знать, что дело, которое мне поручено, заканчивается столь постыдным и даже смешным образом,— да я благословил бы всякого, кто пустил бы в бочонок пулю и избавил меня от унижения.

Я услышал грохот сбрасываемых бочонков, а потом на меня глянули две бородатые рожи и два ружейных ствола. Меня ухватили за рукава и вытащили на свет божий. Вероятно, нелепый был у меня вид, когда я стоял, хлопая глазами от слепящего солнечного света. Я скрючился, как калека, не в состоянии расправить затекшее тело, и одна половина моего мундира стала красной, как у англичанина, от остатков вина, в которых я лежал. А эти псы все хохотали, и когда я попытался жестами и всем своим видом выразить то презрение, которое к ним испытывал, они загоготали еще пуще. Но даже в этих нелегких обстоятельствах я держался с обычным достоинством и медленно переводил с одного на другого взгляд, который никто из этих насмешников не мог выдержать.

Этого единственного взгляда вокруг мне оказалось достаточно, чтобы сообразить, где я. Крестьяне завезли меня прямо в лапы партизанам, к их передовым постам. Я увидел восемь бородатых дикарей — головы у них были повязаны под сомбреро бумажными платками, на них были куртки со множеством пуговиц, перепоясанные цветными шарфами. У каждого было ружье и по два, а то и по три пистолета за поясом. Начальник, здоровенный бородатый бандит, наставил ружье прямо мне в ухо, а остальные обшарили мои карманы, стянули с меня плащ, отобрали пистолет, подзорную трубу, саблю и, что хуже всего, кремень, трут и кресало. Теперь, как бы ни обернулось дело, все погибло, потому что даже если

я доберусь до вершнны горы, мне иечем будет разжечь костер.

Я был одии, друзья мои, безоружный, против восьмерых, да тут еще этн трое крестьяи! Но иеужто вы думаете, что Этьеи Жерар отчаялся? Нет, вы меия слншком хорошо зиаете; ио оии-то меия еще ие зиали, эти проклятые головорезы. В жизии ие делал я столь могучего н великолепного усилия, как в этот миг, когда, казалось, все пропало. И все же вам пришлось бы долго гадать, прежде чем вы донскались бы способа, с помощью которого я от них ускользиул. Вот послушайте, я вам расскажу.

Они обыскали меня, а потом стащили с повозки, и я, все еще весь скрючеииый, стоял среди этой толпы. Но постепеиио оцепеиеиие проходило, и вот уже мой мозг иачал лихорадочно искать какого-иибудь способа бежать. Разбойничья засада иаходилась в узком ущелье. С одиой стороиы был крутой обрыв. С другой — тяиулся длиииый склои, спускавшийся в поросшую кустариикам долиму в сотне футов под нами. Сами поиимаете, эти ребята были прирождеииые горцы и, коиечио уж, лазали по горам быстрей меия. На них были «абаркас», кожаиые башмаки, привязаииые к иогам, как саидалии, в которых всюду можно пройти. Человек меиее решительиый пришел бы в отчаяиье. Но я в мгиовеиье ока заметил, какой редкий случай посылает мие судьба, н воспользовался им.

На самом краю склоиа валялся одии из виииых бочоиков. Я тихоиько подвииулся поближе к нему, а потом прыгиул, как тигр, иырнул в бочоиок ногамн вперед и, дернувшись всем телом, покатнлся по склоиу.

Никогда не забыть мне это ужасиое путешествие — с грохотом и треском летел я, подпрыгивая, по проклятому склону. Я подобрал колеии и локтн, свериувшнсь в тугой клубок, чтобы придать себе устойчивости; но голова все равно торчала иаружу, и просто чудо, что мне не вышибло мозги. Сперва склои был пологий и довольно ровиый, потом пошли крутые откосы, и бочонок уже ие катился, а скакал, как козел, летя вниз с громом и дребезгом, от которого трещали все мои косточки. Ох, как свистел ветер у меия в ушах, и все вокруг кружилось, так что меия стало тошнить, и я чуть ие лишился чувств! Со свистом,

хрустом и треском вломился я в кусты, которые только что видел далеко внизу под собой, пролетел их насквозь и врезался в рощицу, где мой бочонок, налетев на деревцо, развалился. Я выполз из кучи обломков досок и обручей, все тело у меня ныло, но сердце громко пело, ликуя, и я воспрянул духом, радуясь своему замечательному подвигу, и уже словно видел костер, пылающий на вершине горы.

Во время спуска меня так швыряло, что нестерпимая тошнота подкатывала к горлу, и я чувствовал себя, как в море, когда мне впервые довелось испытать силу ветра и волн, которыми англичане так бессовестно воспользовались[1]. Пришлось мне посидеть немного, обхватив руками голову, подле обломков бочонка. Но прохлаждаться было некогда. Я уже слышал крики наверху, свидетельствовавшие, что мои преследователи спускаются. Я бросился в самую чащу и бежал до тех пор, пока совершенно не выбился из сил. Тогда я, задыхаясь, упал на землю и стал напряженно прислушиваться, но все было тихо. От погони я ушел.

Когда я отдышался, то поспешил дальше и прошел вброд по руслам нескольких ручьев, где мне было по колено, потому что партизаны могли пойти по моему следу с собаками. Выйдя на поляну и оглядевшись, я, к радости своей, обнаружил, что не слишком отклонился от своего пути. Надо мной высилась вершина Меродаля, ее голый пик торчал над рощами карликовых дубов, растущих по склонам. Эти рощи были продолжением того леса, в котором я укрылся, и я подумал, что теперь бояться нечего, пока не доберусь до дальней опушки. Но я не забывал ни на минуту, что со всех сторон окружен врагами и они многочисленны, а я безоружен. Я никого не видел, но слышал несколько раз пронзительный свист и отдаленные выстрелы.

Нелегко было продираться сквозь кусты, и я обрадовался, когда пошли деревья побольше и появилась тропинка, которая вела через лес. Конечно, я был не такой дурак, чтобы идти по ней, но держался поблизости, продвигаясь в том же направлении. Я шел уже довольно

---

[1] Намек на Трафальгарскую битву, во время которой ветер и волны мешали французскому флоту маневрировать.

долго и считал, что опушка близко, как вдруг услышал какие-то странные стоны. Сначала я подумал, что кричит какой-нибудь зверь, но потом услышал слова, из которых разобрал только французское восклицание «Mon Dieu!». Я с большой осторожностью двинулся на голос и увидел вот что.

На подстилке из сухих листьев лежал человек в таком же сером муидире, какой был на мне. Видимо, он был тяжело ранен, потому что прижимал к груди тряпку, красную от крови. Вокруг растеклась целая лужа, и над раненым, назойливо жужжа, роились мухи, которые наверняка привлекли бы мое внимание, если б я даже не услышал стоны. Сначала я затаился, опасаясь ловушки, но потом сострадание и чувство товарищества взяли верх над всем остальным, я бросился вперед и опустился подле него на колени. Он повернул ко мне осунувшееся лицо, и я узнал Дюплесси, который отправился прежде меня с тем же поручением. Достаточно было одного взгляда на его ввалившиеся щеки и помутневшие глаза, чтобы понять, что он умирает.

— Жерар! — сказал он.— Жерар!

Я мог лишь взглядом выразить свое сострадание, но он, хотя жизнь быстро покидала его, помнил о своем долге, как и подобает храбрецу.

— Костер, Жерар! Вы зажжете его?

— А есть у вас кремень и кресало?

— Вот!

— В таком случае сегодня ночью он загорится.

— Теперь я могу умереть спокойно. Они подстрелили меня, Жерар. Но скажите маршалу, что я сделал все возможное.

— А Кортекс?

— Ему повезло еще меньше. Он попал к ним в лапы и принял страшную смерть. Жерар, если увидите, что вам не уйти, пустите пулю в сердце. Не дай вам бог умереть, как он.

Я видел, что дыхание его слабеет, и должен был низко склониться к нему, чтобы расслышать его слова.

— Что вы мне посоветуете? — спросил я.

— Де Помбаль. Он поможет. Положитесь на де Помбаля.

С этими словами он уронил голову и испустил дух.

— Вы слышали, положитесь на де Помбаля. Это хороший совет!

Тут я с удивлением увидел, что совсем рядом стоит человек. Я был так занят своим товарищем, так жадно ловил его слова, что незнакомец подошел незамеченным. Я мигом вскочил с колен и повернулся к нему. Он был высокий, темноволосый, черноглазый и чернобородый, с длинным печальным лицом. В руке он держал бутылку вина, а через плечо у него, как у всех партизан, висел «трабуко». Он не сделал движения снять мушкетон, и я понял, что это ему вверил меня мой погибший друг.

— Увы, он мертв! — сказал де Помбаль, склоняясь над Дюплесси.— Когда его ранили, он скрылся в лесу и вскоре упал, но, к счастью, я нашел его и облегчил его конец. Я устроил ему вот это ложе и принес вина, чтобы он мог утолить жажду.

— Сеньор,— сказал я.— Благодарю вас от лица Франции. По чину я всего лишь кавалерийский полковник, но меня зовут Этьен Жерар, а это имя не из последних во французской армии. Могу ли узнать...

— Да, я Алонсус де Помбаль, младший брат знаменитого дворянина, носящего ту же фамилию. В настоящее время я офицер в отряде у Шутника Мануэло.

Клянусь, рука моя потянулась к тому месту, где недавно висел пистолет, но де Помбаль только улыбнулся.

— Я правая рука Мануэло, но в то же время злейший его враг,— сказал он. С этими словами он скинул куртку и поднял рубаху.— Вот поглядите! — воскликнул он и повернулся ко мне спиной, которая вся была исполосована и иссечена красными и багровыми рубцами.— Вот что сделал Шутник со мной, с человеком, в чьих жилах течет кровь самого благородного рода в Португалии. Но вы еще увидите, что я сделаю с Шутником!

В его глазах и усмешке была такая ненависть, что я больше не сомневался в правдивости его слов, да и кровавые, запекшиеся рубцы на спине подтверждали это.

— Со мной десять человек, которые поклялись мне в верности,— сказал он.— Я надеюсь вскоре присоединиться к вашей армии, вот только улажу здесь кое-ка-

кие дела. А пока...— Вдруг лицо его странным образом изменилось, и он схватился за ружье.— Руки вверх французский пес! — заорал он.— Руки вверх, не то я вышибу тебе мозги!

Вы вздрогнули, друзья мои! У вас глаза полезли на лоб! Представьте же себе, что было со мной, когда наш разговор закончился столь неожиданно. На меня смотрел черный ствол, и над ним блестели черные злые глаза. Что было делать? Податься некуда. Я поднял руки. В тот же миг со всех сторон послышались голоса, крики, свистки, быстрый топот множества ног. Из зеленых кустов высыпал всякий сброд, десяток рук схватили меня, и я, жалкий, несчастный, взбешенный, снова очутился в плену. Слава богу, за поясом у меня не было пистолета, не то я пустил бы себе пулю в лоб. Будь у меня в тот миг оружие, я не сидел бы сейчас здесь в кафе и не рассказывал вам эти давнишние истории.

Грязные, волосатые руки вцепились в меня со всех сторон и потащили по тропинке через лес, а этот негодяй де Помбаль отдавал приказы. Четверо головорезов несли труп Дюплесси. Уже смеркалось, когда мы вышли из леса на голый склон горы. Меня повели вверх, и наконец мы очутились в главном штабе партизан, в ущелье почти под самой вершиной. Прямо у нас над головами высился тот самый костер, из-за которого меня постигла столь ужасная судьба. Ниже лепились хижины — раньше тут, без сомнения, жили пастухи, а теперь разместились эти негодяи. Меня, связанного и беспомощного, втолкнули в одну из них, а рядом швырнули тело моего бедного товарища.

Я лежал на полу, и одна мысль не давала мне покоя: как протянуть еще несколько часов и добраться все-таки до этой кучи дров у меня над головой? Но вдруг дверь распахнулась, и вошел какой-то человек. Не будь у меня связаны руки, я вцепился бы ему в горло, потому что это был не кто иной, как де Помбаль. Следом за ним вошли еще двое, но он приказал им выйти и плотно притворил дверь.

— Ты подлец! — сказал я.

— Тс! — остановил он меня.— Говорите шепотом, потому что нас могут подслушать, а на карту поставлена моя жизнь. Мне нужно кое-что сказать вам, полковник

Жерар. Я желаю вам добра, как желал вашему несчастному умершему другу. Когда мы разговаривали у его тела, я вдруг увидел, что мы окружены и вас неизбежно схватят. Замешкайся я хоть на миг, мне пришлось бы разделить вашу участь. Я тотчас взял вас на мушку, чтобы сохранить доверие отряда. Рассудите сами, и здравый смысл скажет вам, что ничего другого мне не оставалось. Не знаю, удастся ли мне теперь спасти вас, но я по крайней мере попытаюсь.

Дело приняло новый оборот. Я сказал, что не могу быть уверен в его искренности, но буду судить об этом по его поступкам.

— Лучшего я и не желаю,— сказал он.— И позвольте дать вам один совет. Сейчас вас отведут к командиру. Говорите ему правду, не перечьте ему ни в чем. Выложите ему все сведения, какие он потребует. Это ваш единственный шанс на спасенье. Если вы сумеете выиграть время, быть может, случай придет нам на помощь. А теперь медлить больше нельзя. Выходите скорей, не то меня заподозрят.

Он помог мне встать и, открыв дверь, грубо выволок меня из хижины, а потом вместе с теми двумя, что ждали снаружи, грубыми пинками и ударами погнал туда, где сидел их командир, а вокруг столпились его подчиненные.

Этот Шутник Мануэло был удивительный человек. Толстый, румяный, самодовольный, с широким, чисто выбритым лицом, ни дать ни взять добропорядочный отец семейства. Увидев его открытую улыбку, я не мог поверить, что это в самом деле тот презренный негодяй, чье имя приводило в трепет английскую армию да и нашу тоже. Все знают, что впоследствии английский офицер Трент повесил его за зверства. А сейчас он сидел на валуне и улыбался мне, словно встретил старого знакомого. Однако от меня не укрылось, что один из его подчиненных опирался на длинную пилу, и этого было довольно, чтобы рассеять все мои иллюзии.

— Добрый вечер, полковник Жерар,— сказал он.— Штаб генерала Массена оказал нам высокую честь. Сначала нас посетил майор Кортекс, на другой день — полковник Дюплесси, а теперь — полковник Жерар. Как знать, может, и самому маршалу придется нанести нам

визит. Я полагаю, Дюплесси вы видели. А Кортекса вы найдете вон там внизу. Остается только решить, как нам лучше всего поступить с вами.

Это была не слишком обнадеживающая речь. Но его жирное лицо все время морщилось в улыбке, и говорил он самым успокаивающим и благодушным тоном. Но вдруг он подался вперед, и я почувствовал, что он буквально сверлит меня взглядом.

— Полковник Жерар,— сказал он.— Я не могу обещать, что подарю вам жизнь, ибо не таков наш обычай, но в моей воле предать вас легкой смерти или смерти в страшных мучениях. Какую вы предпочитаете?

— А чего вы потребуете от меня взамен?

— Если хотите умереть легко, вы должны правдиво ответить на все мои вопросы.

У меня в голове мелькнула внезапная мысль.

— Вы намерены меня убить,— сказал я.— Вам все равно, как я умру. Если я отвечу на ваши вопросы, позволите ли вы мне самому выбрать смерть?

— Отчего ж,— ответил он.— Но все должно быть кончено сегодня до полуночи.

— Поклянитесь!— вскричал я.

— Слóва португальского дворянина должно быть достаточно,— сказал он.

— Я ничего не скажу, пока вы не дадите клятву.

Он побагровел от ярости и покосился на пилу. Но по моему тону он понял, что у меня слово не расходится с делом и меня не запугаешь. Он вынул из-под «самарра», полушубка из черной овчины, крест.

— Клянусь,— сказал он.

Ах, как я обрадовался, когда услышал это! Какой конец, какой великолепный конец для первого рубаки Франции! Я готов был смеяться от восторга.

— Спрашивайте!— сказал я.

— Поклянитесь и вы, что скажете правду.

— Клянусь честью солдата и дворянина.

Как видите, я дал ужасную клятву, но это был пустяк по сравнению с тем, что я мог выиграть.

— Ну что ж, сделка честная и прелюбопытная,— сказал он, доставая из кармана записную книжку.— Не соблаговолите ли вы обратить свой взор в сторону французского лагеря?

Взглянув туда, куда он указывал, я увидел внизу, на равнине, наш лагерь. Хотя до него было пятнадцать миль, прозрачный воздух позволял разглядеть все до мельчайших подробностей. Я видел прямоугольники наших палаток, домики с коновязями и темные пятна — десять артиллерийских батарей. Как грустно было думать о моем славном полку, который ждет меня там, внизу, и знать, что никогда больше не видеть им своего полковника! Будь со мной один только эскадрон, я стер бы этих головорезов с лица земли. Я жадно вглядывался вдаль, и глаза мои наполнились слезами, когда я взглянул на тот угол лагеря, где, я знал, были восемьсот человек, любой из которых отдал бы за своего полковника жизнь. Но моя печаль рассеялась, когда я увидел за палатками дымок над главным штабом в Торрес Новас. Там был Массена, и, слава богу, ценой своей жизни я выполню сегодня ночью его приказ. Душа моя исполнилась ликованием и гордостью. Мне хотелось крикнуть громовым голосом, так, чтобы меня услышали: «Глядите, это я, Этьен Жерар, я умираю, чтобы спасти армию Клозеля!» Право, обидно было думать, что некому будет потом рассказать о моем славном подвиге.

— Итак,— сказал разбойничий главарь,— вон лагерь, а вон дорога, которая ведет в Коимбру. Она вся забита вашими фургонами и санитарными повозками. Значит ли это, что Массена готовится к отступлению?

Мне были видны темные очертания движущихся фургонов, среди которых порой поблескивали штыки конвойных. Не говоря уж о том, что я обещал ответить на все вопросы, не было никакого смысла отрицать очевидное.

— Да, он намерен отступить.

— На Коимбру?

— Насколько мне известно, да.

— А как же армия Клозеля?

Я пожал плечами.

— Все дороги, ведущие на юг, отрезаны. Снестись с Клозелем нет никакой возможности. Если Массена отступит, армия Клозеля обречена.

— Видно, такова уж ее судьба,— сказал я.

— Сколько у него солдат?

— Вероятно, около четырнадцати тысяч.

— А кавалерии?

— Одна бригада из дивизии Монбрена.

— Какие полки в ее составе?

— Четвертый егерский, Девятый гусарский и один полк кирасиров.

— Все верно,— сказал он, справившись в своей книжке.— Я вижу, вы говорите правду, но, если вздумаете соврать, пеняйте на себя.

После этого он перебрал всю армию, подразделение за подразделением, расспрашивая о составе каждой бригады. Нужно ли говорить вам, что я скорее дал бы вырвать себе язык, чем выдал бы все это, не будь у меня более важной цели? Пускай знает все, только бы спасти армию Клозеля.

Наконец он закрыл свою книжку и сунул ее в карман.

— Я весьма признателен вам за все эти сведения, которые завтра же будут переданы лорду Веллингтону,— сказал он.— Вы, со своей стороны, соблюли условия сделки, теперь моя очередь. Как же вам желательно умереть? Вы солдат и, без сомнения, предпочтете расстрел, но некоторые считают, что прыжок в меродальскую пропасть более легкая смерть. Ее приняли многие, но мы, к несчастью, ни разу не имели возможности узнать потом их мнение. Мы, конечно, можем и вздернуть вас на суку, но это нежелательно, потому что придется спускаться к лесу. Однако слово есть слово, а вы, я вижу, славный малый, так что мы исполним ваше желание.

— Вы сказали,— ответил я,— что я должен умереть до полуночи. Я хочу, чтобы это произошло в двенадцать часов без одной минуты.

— Прекрасно,— сказал он.— Правда, это ребячество так цепляться за жизнь, но ваше желание будет исполнено.

— Что же до способа казни,— сказал я,— то я хочу умереть так, чтобы меня видел весь мир. Положите меня вон на ту кучу хвороста и сожгите заживо, как сжигали некогда святых и мучеников. Это не совсем обычный конец, но ему мог бы позавидовать сам император.

Такая мысль, вндимо, показалась ему очень забавной.

— Отчего же,— сказал он.— Раз Массена послал вас сюда шпноннть, он, быть может, догадается, что значнт этот костер.

— Вот нменно,— подтвердил я.— Вы попалн в самую точку. Конечно, он догадается, н все будут знать, что я умер смертью, достойной солдата.

— Не нмею ничего протнв,— сказал разбойник со своей гадкой улыбочкой.— Я пришлю вам козлятнны и внна. Солнце садится, скоро восемь. Через четыре часа будьте готовы покончнть счеты с жнзнью.

Мнр был так прекрасен, и мне не хотелось умирать. Я поглядел на золотнстую дымку вннзу, где последнне лучн заходящего солнца сверкалн на голубой поверхности извилистого Тахо и поблескнвали на белых парусах англнйскнх грузовых судов. Как все это было прекрасно, как не хотелось расставаться с жизнью! Но есть вещи во сто крат прекрасней! Пожертвовать собой ради других, во имя честн, долга, верности и любвн — прекраснее этого нет ничего на земле. Сознание собственного благородства наполннло мою грудь восторгом, н я раздумывал о том, узнает ли хоть одна живая душа, как я по собственной воле взошел на костер, спасая армню Клозеля. Я надеялся н молнл об этом бога — ведь только подумать, каким утешеннем это было бы для моей матушки, каким примером для всей армнн, какой гордостью для монх гусар. Когда наконец ко мне пршшел де Помбаль с едой н вином, я первым делом попроснл его напнсать донесенне о моей смертн н послать во французскнй лагерь. Он нничего не ответнл, но за ужином у меня прнбавилось аппетнта от мысли, что моя славная судьба не останется безвестной.

Я пробыл в хнжнне около двух часов, когда дверь снова отворнлась н в нее заглянул главарь разбойннков. Я сндел в темноте, но сопровождавший его бандит держал факел, и я увидел, как блестят его глаза и оскаленные зубы.

— Готов?— спросил он.

— Еще не время.

— Вы непременно хотнте дотянуть до последней минуты?

— Слово есть слово.

— Отлнчно. Будь по-вашему. А мы пока займемся собственнымн делами — один нз моих молодцов осмелился оказать неповиновение. А у нас на этот счет строго, спросите хоть у де Помбаля, более достойного свидетеля не найти. Де Помбаль, ты свяжешь его и положишь на костер, а я потом приду поглядеть, как он будет поджариваться.

Де Помбаль и человек с факелом вошлн в хнжину, а шагн начальника замерли где-то в отдаленин. Де Помбаль притворил дверь.

— Полковник Жерар,— сказал он,— доверьтесь этому человеку, он один из наших. Спасение илн смерть. Мы еще можем вас выручить. Но я многнм рнскую и хочу получить от вас одно обещание. Если мы вас спасем, обещаете ли вы, что французы примут нас дружески и прошлое будет забыто?

— Обещаю.

— Я верю вашему слову. А теперь скорей, нельзя терять ни секунды! Если этот злодей вернется, нам всем не мнновать лютой смерти.

И он принялся за дело, а я с удивлением следил за ним. Схватив длинную веревку, он опутал ею труп моего погибшего товарища и заткнул ему рот тряпкой, которая почти скрыла лицо.

— Ложитесь сюда!— крикнул он и уложил меня на то место, где только что лежал труп.— Там за дверью четверо моих людей, они положат тело на костер.

Он открыл дверь и отдал приказ. Несколько человек вошли и вынеслн Дюплесси. А я остался лежать на полу, и в голове у меня беспорядочно смешались надежда и удивление.

Минут через пять де Помбаль и его люди вернулись.

— Вы уже лежнте на костре,— сказал он.— Пусть только кто-нибудь посмеет сказать, что это не вы. А во рту у вас такой кляп, руки и ноги так туго связаны, что вы не можете ни пошевельнуться, ни пикнуть. Ну, а теперь остается только вынести отсюда труп Дюплесси и сбросить его в мералдальскую пропасть.

Двое из них подхватили меня за рукн, а двое — за ноги и вынесли из хижины, причем я не пошевельнулся и не нздал ни звука. Очутившись под открытым небом,

я чуть не вскрикнул от удивления. Над костром светила луна, и в ее серебристом свете отчетливо видно было распростертое тело. Бандиты либо были в своем лагере, либо столпились вокруг костра, так как наш маленький отряд никто не остановил и не задал нам никаких вопросов. Де Помбаль повел своих людей к пропасти. Вскоре мы скрылись за уступом, и тогда мне позволили встать на ноги. Де Помбаль указал на узкую извилистую тропинку.

— Она ведет вниз,— сказал он и вдруг вскрикнул:— Dios mio[1], что это?

Ужасный вопль донесся из леса внизу под нами. Я видел, что де Помбаль дрожит, как испуганная лошадь.

— Ах, дьявол,— прошептал он.— Расправляется с кем-то, как расправился со мной. Но вперед, вперед, потому что если мы попадем к нему в лапы, да смилуется над нами небо.

Мы гуськом двигались по узкой, протоптанной козами тропе. Спустившись в ущелье, мы снова очутились в лесу. Вдруг над нами вспыхнуло желтое пламя, и черные тени стволов вытянулись впереди. Это подожгли костер. Даже издалека нам видно было тело, недвижно распростертое среди языков пламени, и черные фигуры бандитов, которые, воя, как людоеды, плясали вокруг костра. Ух! Как я грозил им кулаком, этим псам, и какие давал клятвы, что настанет день, когда я с моими гусарами сведу с ними счеты.

Де Помбаль знал расположение дозоров и все тропинки, которые вели через лес. Но, чтобы избежать встречи с этими негодяями, нам пришлось углубиться в горы, путь через которые был нелегким, и пройти немало миль. И все же с какой охотой прошел бы я не одну лигу, только бы увидеть это зрелище! Было, наверное, около двух ночи, когда мы остановились на скалистом горном отроге, по которому вилась тропа. Оглянувшись, мы увидели красное зарево костра, словно на высокой вершине Меродаля началось вулканическое извержение. Но вот я увидел нечто такое, отчего радостно вскрикнул и, упав, начал от восторга кататься по земле. Далеко на

[1] Бог мой (*исп.*).

юге, у самого горнзонта, мерцал дрожащий желтый свет, ои то ярко вспыхивал, то мерк — это был не огонек в окие, не звезда, а ответиый сигиал со Сьерра д'Осса: армия Клозеля увидела костер Жерара.

V

КАК БРИГАДИР ПРОСЛАВИЛСЯ В ЛОНДОНЕ

Я уже рассказывал вам, друзья мои, как я прославился среди англичаи во время охоты иа лису, которую гиал таким бешеиым галопом, что даже свора прекрасных гоичих не могла со миой тягаться, и собствеиной рукой разрубил ее иадвое. Быть может, я слишком много говорю об этом, ио есть в охотиичьих победах радость, которую ие прииосит даже войиа,— ведь иа войие делишь славу со своим полком и армией, а иа охоте завоевываешь лавры без чужой помощи. У аигличан есть перед нами то преимущество, что все оии, и простые людн и аристократы, увлекаются спортом. Может быть, дело тут в том, что оии богаче иас, а может, у иих просто больше досуга, но я дняу давался, когда был там в плеиу, до чего широко распростраиеио это увлечение и как заполияет оио умы и жизнь людей. Скачки и бега, петушииые бои, травля собаками крыс, бокс — да оии ради любого из этих зрелищ отвериулись бы от самого императора во всей его славе.

Я мог бы миогое рассказать вам об английском спорте, потому что довольно насмотрелся на этн штукн, когда гостил у лорда Рафтоиа после того, как в Аиглию прншел приказ о моем обмеие. Мииуло миого месяцев, пока удалось отправить меия во Фраицию, и все это время я жил у гостеприимиого лорда Рафтоиа в его чудесиом доме в Хай-Коме, в северной части Дартмура. Когда я удрал из Пристауиа, он поехал вслед за миой вместе с полнцней, меия иагнали, и я поиравился лорду, как он поиравился бы мие, если б я встретил у себя во Фраиции храброго и доброго малого, у которого иет иа чужбине ии едииого друга. Одним словом, он взял ме-

ня к себе, одевал, кормил и обращался со мной, как с родным братом. Надо отдать справедливость англичанам, они всегда были благородными противниками, и воевать с ними — одно удовольствие. На Пиренейском полуострове передовые посты испанцев выставляли нам навстречу ружья, а англичане — фляги с коньяком. Но и среди этих благородных людей не было ни одного, кто мог бы сравниться с достойным милордом, который от всей души протянул руку врагу, попавшему в печальные обстоятельства.

Ах, сколько воспоминаний о спорте пробуждает во мне одно название — Хай-Ком! Как сейчас вижу этот низкий, длинный гостеприимный дом из красного кирпича, с белыми оштукатуренными колоннами перед входом. Лорд Рафтон был большой любитель спорта, и все его друзья тоже. Но могу вас порадовать, я им почти ни в чем не уступал, а иногда мог бы дать и фору. За домом был лес, в котором разводили фазанов, и лорд Рафтон обожал их стрелять. Перед охотой в лес посылали людей, чтобы они гнали оттуда фазанов, а лорд со своими друзьями стоял на опушке и стрелял. Я же взялся за дело иначе: я изучил привычки фазанов и как-то вечером, когда они спали на деревьях, отправился в лес. Я не сделал почти ни одного промаха, но выстрелы привлекли лесника, и он, бестактный, как все англичане, стал упрашивать меня пощадить хотя бы уцелевших. В тот вечер лорда Рафтона ждал сюрприз: я принес к ужину двенадцать фазанов. Он смеялся до слез, так это его обрадовало. «Ох, Жерар, вы меня уморите!» — воскликнул он. Он частенько повторял это, потому что я то и дело удивлял его своими успехами в английском спорте.

Есть такая игра, которая называется крикет, в нее играют летом, и я ей тоже выучился. Главный садовник Радд был знаменитым игроком в крикет, да и сам лорд Рафтон ему не уступал. Перед домом была лужайка, и на ней-то Радд и учил меня. Это славная забава, самая что ни на есть подходящая игра для солдата, в ней каждый пытается попасть в другого шаром, а отбивать шар можно только маленькой палочкой. Три колышка сзади обозначают место, дальше которого нельзя отступать. Это не детская игра, скажу я вам, и должен признаться,

что хоть мне и довелось участвовать в девяти кампаниях, я почувствовал, что бледнею, когда шар в первый раз пронесся мимо меня. Он летел так быстро, что я не успел даже поднять свою палку, чтобы отразить удар, но, на мое счастье, он попал не в меня, а в деревяшки, которые отмечали границу поля. Потом настала очередь Радда защищаться, а моя — нападать. Еще мальчишкой в Гаскони я научился бросать камни далеко и метко и не сомневался, что сумею попасть в этого храброго англичанина. Я с криком разбежался и метнул шар. Быстро, как пуля, шар летел ему прямо в грудь, но он без единого слова взмахнул палкой, и шар взвился высоко в небо. Лорд Рафтон захлопал в ладоши с криком одобрения. Шар вернулся ко мне, и снова пришла моя очередь бросать. На этот раз шар пролетел мимо его головы, и теперь он побледнел. Но он был не трус, этот садовник, и снова встал передо мной. Ах, друзья мои, настал час моего торжества! На нем был красный жилет, и я нацелился в этот жилет. Вы сказали бы, что я канонир, а не гусар, потому что трудно представить себе более точную наводку. С душераздирающим криком — так кричит храбрец, видя свое поражение,— он опрокинулся на деревянные колышки позади и вместе с ними рухнул на землю. А этот английский милорд был жестокий человек: он так смеялся, что не мог даже прийти на помощь своему слуге. Пришлось мне, победителю, броситься вперед, подхватить смелого игрока и поставить его на ноги со словами похвалы, ободрения и надежды. Он весь скорчился от боли и не мог разогнуться, но все же этот честный малый признал, что моя победа не случайна. «Он это нарочно! Нарочно!» — снова и снова повторял он. Все-таки замечательная игра крикет, и я охотно сыграл бы еще, но лорд Рафтон и Радд сказали, что сезон уже кончился и больше они играть не будут.

Конечно, это глупо, когда я, немощный старик, рассказываю о своих победах, и все же должен признаться, что в старости меня очень утешают и успокаивают воспоминания о женщинах, любивших меня, и о мужчинах, которых я в чем-либо превзошел. Приятно вспомнить, что через пять лет, когда заключили мир, лорд Рафтон приехал в Париж и заверил меня, что мое имя все еще гремит по всему северному Девонширу после удивитель-

ных подвигов, которые я совершил. В особенности, сказал он, много говорят о моем боксерском матче с достопочтенным Болдоком. Дело было так. По вечерам у лорда Рафтона собирались спортсмены, они выпивали немало вина, заключали самые невероятные пари и толковали о лошадях и травле лисиц. Как сейчас помню этих странных людей: сэр Бэррингтон, Джек Лаптон из Барнстейбла, полковник Эддисон, Джонни Миллер, лорд Сэдлер и мой противник, достопочтенный Болдок. Все они были на один лад — пьяницы, сумасброды, драчуны, игроки с вечными причудами и прихотями. Но все же они были по-своему добрые ребята, хоть и грубые, кроме этого Болдока, толстяка, который ужасно кичился своими боксерскими талантами. Его насмешки над французами, которые, мол, ничего не смыслят в спорте, и заставили меня вызвать его на бокс, в котором он был так силен. Вы скажете, что это глупость, друзья мои, но графин с вином уже не раз обошел стол, и молодая, горячая кровь взыграла во мне. Я буду драться с этим хвастуном; я покажу ему, что если мы и не владеем боксерским искусством, то храбрости нам не занимать. Лорд Рафтон не хотел допустить этого состязания. Я настаивал. Остальные подзадоривали меня и хлопали по спине.

— Черт побери, Болдок, нельзя же так, ведь он наш гость, —сказал Рафтон.

— Но он сам вызвался,— возразил тот.

— Послушайте, Рафтон, если они наденут перчатки, то не покалечат друг друга! — воскликнул лорд Сэдлер.

На том и порешили.

Я уже хотел вынуть из кармана перчатки, но нам тут же принесли четыре большие кожаные подушки, похожие на фехтовальные рукавицы, только побольше. Мы сняли сюртуки и жилеты, после чего нам надели эти самые рукавицы. Стол вместе с бокалами и графинами задвинули в угол, и вот мы стоим лицом к лицу! Лорд Сэдлер уселся в кресло с часами в руке.

— Первый раунд!— объявил он.

Признаюсь вам, друзья мои, что в этот миг я почувствовал вдруг такую дрожь, какой не испытывал ни на одной дуэли, а дрался я несчетное количество раз. Со шпагой или с пистолетом в руке я чувствую себя как рыба в воде, а тут я только понимал, что должен драться

с этим толстяком и сделать все, что в моих силах, чтобы его одолеть, несмотря на здоровенные подушки у меня на руках. Да еще с самого начала меня лишили лучшего оружия, которое оставалось.

— Запомните, Жерар, ногами бить нельзя,— сказал лорд Рафтон мне на ухо. На мне была только пара тонких вечерних туфель, и все же при тучности противника несколько удачных пинков могли бы обеспечить мне победу. Но тут существует определенный этикет, так же как и в дуэли на саблях, и я воздержался от пинков. Я посмотрел на этого англичанина и подумал, как лучше его атаковать. У него были большие оттопыренные уши. Я мог бы ухватиться за них и повалить его на землю. Я бросился на него, но меня подвели толстые перчатки, и его уши дважды выскользнули из моих рук. Он ударил меня, но что мне его удары — я снова схватил его за ухо. Он упал, а я навалился сверху и стукнул его головой об пол. Как они подбадривали меня и хохотали, эти храбрые англичане, как хлопали меня по спине!

— Ставлю на француза один к одному!— воскликнул лорд Сэдлер.

— Но он дерется нечестно!— крикнул мой противник, потирая покрасневшее ухо.— Бросился на меня, как зверь, и повалил на пол.

— Ну, вы сами напросились,— холодно сказал лорд Рафтон.

— Второй раунд!— объявил лорд Сэдлер, и мы снова заняли боевые позиции.

Мой противник побагровел, его маленькие глазки сверкали злобой, как у бульдога. На лице была написана ненависть. Я, со своей стороны, держался непринужденно и добродушно. Благородный француз в драке не испытывает ненависти. Я встал перед ним и поклонился, как делал на дуэли. Поклоном можно выразить любезность и учтивость, равно как и вызов; я же вложил в него все эти три оттенка, да еще слегка насмешливо пожал плечами. В этот миг он нанес мне удар. Все вокруг завертелось. Я упал навзничь. Но в мгновение ока я был уже на ногах и перешел в ближний бой. Я хватал его то за уши, то за волосы, то за нос. И снова радостное безумие боя зажгло мою кровь. С уст моих сорвался старый победный клич.

— Vive l'Empereur! — закричал я и ударил его головой в живот. Он обхватил меня за шею и, удерживая одной рукой, другой начал осыпать ударами. Я вцепился ему в руку зубами, и он взвыл от боли.

— Разведите нас, Рафтон! — взвизгнул он. — Разведите, слышите! Он кусается!

Меня оттащили. Никогда не забуду этот день — смех, приветствия, поздравления! Даже мой противник не затаил на меня злобы и пожал мне руку. Я же, со своей стороны, расцеловал его в обе щеки. Через пять лет после этого лорд Рафтон сказал мне, что доблесть, проявленная мною в тот вечер, все еще живет в памяти моих английских друзей.

Однако сегодня я хочу рассказать вам не о своих спортивных победах, а о леди Джейн Дэкр и о странном приключении, которому она послужила причиной. Леди Джейн Дэкр была сестрой лорда Рафтона и хозяйкой в его доме. Боюсь, что до моего появления она чувствовала себя одинокой, ведь это была красивая и утонченная женщина, у которой не могло быть ничего общего с окружавшими ее людьми. Право же, это относится ко многим английским дамам того времени, поскольку мужчины там все были грубые, неотесанные, низменные, с мужицкими замашками, лишенные каких-либо достоинств, а женщины — самые милые и нежные, каких я только знал. Мы с леди Джейн стали большими друзьями, и я, поскольку мне не под силу выпить после обеда три бутылки портвейна, как этим девонширским джентльменам, искал приюта в ее гостиной, где она каждый вечер играла на клавикордах, а я пел ей французские песни. В эти безмятежные минуты я забывал о своих горестях и тоске, которая меня охватывала, когда я вспоминал, что мой полк остался без любимого командира и вождя перед лицом врага. Право, я готов был рвать на себе волосы, когда читал в английских газетах о славных сражениях в Португалии и на границах Испании, ведь я бы участвовал в них, не попади я в плен к милорду Веллингтону.

Из того, что я рассказал о леди Джейн, вам, друзья мои, конечно, уже ясно, какой оборот приняло дело. Этьен Жерар очутился в обществе молодой и красивой женщины. Чем это может кончиться для него? И для

нее? Не мне, гостю, да еще пленному, заводить шашни с сестрой хозяина. Я был сдержан. Я был скромен. Старался обуздать свои чувства. Правда, боюсь, что я все-таки выдал себя с головой, ведь когда язык молчит, глаза становятся особенно красноречивыми. Я перелистывал ноты, когда она играла, и дрожание пальцев обнаруживало мои чувства. Но она... она была восхитительна. В таких делах женщина способна на непостижимое притворство. Если б я не разгадал ее, мне нередко казалось бы, что она просто-напросто забывала о моем присутствии. Она часами сидела, погруженная в задумчивость, а я любовался ее бледным лицом и красивыми локонами, освещенными лампой, и трепетал от восторга при мысли, что так сильно затронул ее чувства. Наконец я нарушал молчание, она вздрагивала в своем кресле и смотрела на меня с восхитительным притворством, будто удивленная, что я здесь. Ах! Как хотелось мне броситься к ее ногам, поцеловать ее белую ручку, сказать ей, что я разгадал ее тайну и не обману ее доверия! Но нет, я не был ей равным, я жил в ее доме как отверженный, как враг. Мои уста были замкнуты. Я попытался подражать ей в ее поразительном притворном равнодушии, но, как вы можете себе представить, с нетерпением ждал малейшего повода быть ей полезным.

Однажды утром леди Джейн села в карету и уехала в Оукхемптон, а я пошел пешком по дороге, надеясь встретить ее, когда она будет возвращаться. Зима была в самом начале, и увядшие папоротники клонились к извилистой дороге. Унылое место этот Дартмур — глушь да скалы, край ветров и туманов. Я шел и размышлял, что не мудрено, если англичане страдают сплином. У меня у самого было тяжело на сердце, и я присел на пригорок у дороги, глядя на унылые окрестности, а душа моя была беспокойна и полна дурных предчувствий. Но вдруг, взглянув на дорогу, я увидел такое, что все прочие мысли разом вылетели у меня из головы, и я вскочил на ноги с криком удивления и гнева.

Из-за поворота дороги показалась карета, и лошадка, которой она была запряжена, скакала во всю прыть. В карете сидела та, которую я вышел встречать. Она нахлестывала лошадь, словно спасалась от какой-то страшной опасности, то и дело оглядываясь. Ее пресле-

дователь был скрыт за поворотом дороги, и я бросился вперед, не зная, что меня ждет. В тот же миг я увидел этого преследователя, и удивление мое возросло еще больше. Это был джентльмен в красной охотничьей куртке, верхом на большой серой лошади. Он летел, как на скачках, и благодаря размашистому шагу своего прекрасного коня вскоре настиг карету. Я видел, как он наклонился, схватил вожжи и остановил лошадь. И тут же у них начался какой-то серьезный разговор, он что-то горячо говорил, склонившись с седла, а она жалась в угол, прячась от него, видимо, со страхом и отвращением.

Вы сами понимаете, друзья мои, что я не мог смотреть на это спокойно. Каким восторгом преисполнилось мое сердце, когда я подумал: вот прекрасный случай быть полезным леди Джейн! И я побежал — бог мой, как я бежал! Наконец, задыхаясь, не в силах вымолвить ни слова, я добежал до кареты. Этот человек, голубоглазый, как все англичане, скользнул по мне взглядом, но он был так поглощен разговором, что не обратил на меня никакого внимания, и леди тоже не сказала ни слова. Она все еще сидела, забившись в угол, и ее прекрасное бледное лицо было обращено к нему. Он был недурен собой — высокий, ладный, смуглолицый; когда я взглянул на него, то почувствовал укол ревности. Он говорил тихо и быстро, как все англичане, когда ведут серьезный разговор.

— Слышите, Джинни, я люблю вас, только вас одну,— сказал он.— Не будьте злопамятны, Джинни. Что было, то было, забудем прошлое. Ну, скажите же, что все забыто.

— Нет, Джордж, никогда, слышите, никогда!— воскликнула она.

Его красивое лицо побагровело. Он едва сдерживал ярость.

— Почему вы не хотите простить меня, Джинни?

— Я не в силах забыть случившееся.

— А, черт, вы должны выбросить это из головы! Довольно я умолял вас. Настало время требовать. У меня есть на вас права, понятно?

Он грубо схватил ее за руку.

Я тем временем перевел наконец дух.

— Мадам,— сказал я, приподнимая шляпу,— простите за вмешательство, но не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

Однако оба они обратили на меня не больше внимания, чем на муху, которой вздумалось бы жужжать около них. Они не сводили глаз друг с друга.

— Слышите, у меня есть права! И я достаточно долго ждал.

— Напрасно вы хотите меня запугать, Джордж.

— Так вы согласны?

— Никогда в жизни!

— Это ваше последнее слово?

— Да, последнее.

С уст его сорвалось проклятие, и он бросил ее руку.

— Ну ладно, миледи, я приму меры.

— Простите, сэр!— сказал я с достоинством.

— Ах, да подите вы к черту!— воскликнул он, поворачивая ко мне искаженное злобой лицо. С этими словами он дал шпоры коню и поскакал назад.

Леди Джейн провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, и я с удивлением заметил, что она вовсе не хмурится, а улыбается. Потом она повернулась ко мне и протянула руку.

— Благодарю вас, полковник Жерар. Я знаю, вы сделали это из благородных побуждений.

— Мадам,— сказал я,— если вы соблаговолите сообщить мне имя этого джентльмена, ручаюсь, что он никогда более не посмеет вам докучать.

— Нет, нет, заклинаю вас, не поднимайте скандала!— воскликнула она.

— Мадам, посмею ли я забыться до такой степени! Будьте уверены, что в этой истории имя леди мною упомянуто не будет. Послав меня к черту, этот джентльмен избавил меня от щекотливой необходимости искать повода для ссоры.

— Полковник Жерар,— сказала леди Джейн серьезно,— вы должны мне обещать как благородный человек и офицер, что с этим делом покончено и что вы не скажете моему брату о том, что видели. Обещаете?

— Как вам будет угодно.

— Ловлю вас на слове. А теперь садитесь и поедем домой, по дороге я вам все объясню.

Первая же ее фраза произила меия, как клинок.

— Этот человек — мой муж,— сказала оиа.

— Ваш муж!

— Разве вы не знали, что я замужем?

Казалось, мое волнеиие удивило ее.

— Не знал.

— Это лорд Джордж Дэкр. Мы пожеиились два года назад. Не к чему рассказывать, как ои меия обидел. Я ушла от него, и брат приютил меня. До сегодияшиего дия этот человек оставлял меия в покое. Больше всего я опасаюсь дуэли между моим мужем и братом. Страшио даже подумать об этом. Вот почему лорд Рафтон ие должеи ничего знать о нашей сегодняшией случайиой встрече.

— Если мой пистолет может избавить вас от затрудиеиия...

— Нет, иет, об этом даже не думайте. Вспомините свое обещанне, полковиик Жерар. И ни слова в Хай-Коме о том, что вы слышали!

Ее муж! В своем воображении я видел ее молодой вдовой. И вот смуглолицый негодяй с его «подите к черту» оказался мужем этой нежной голубки. Ах, если б только оиа позволила мие освободить ее от неиавистиой обузы! Нет более быстрого н надежного способа развестись, чем тот, который я мог ей предложить. Но слово есть слово, и я сдержал его. Я никому ничего ие сказал.

Через иеделю меня должиы были отправить из Плимута в Сеи-Мало, и я думал, что никогда ие узнаю продолжеиия этой истории. Но судьбе угодио было, чтобы она имела продолжеиие, и я сыграл в ней весьма приятную н почетную роль.

Всего через три дня после того случая, о котором я рассказал, лорд Рафтон вдруг ворвался ко мие в комиату. Он был бледен и, как видно, чем-то крайне взволнован.

— Жерар!— воскликиул ои.— Вы видели леди Джейи Дэкр?

Я видел ее после завтрака, а теперь было уже за полдень.

— Клянусь богом, совершено злодеяние! — воскликнул мой бедный друг, бегая по комнате, как безумный. — Приезжал бейлиф и сказал, что люди видели, как карета, запряженная парой, мчалась что есть духу по Тавистокской дороге. Когда она проезжала мимо кузницы, кузнец услышал женский крик. Джейн исчезла. Провалиться мне на месте, если ее не похитил этот негодяй Дэкр. — Он резко позвонил. — Немедленно оседлать двух лошадей! — крикнул он. — Полковник Жерар, где ваши пистолеты? Сегодня же я привезу Джейн назад из Грэйвел-Хэнгера, или же в Хай-Коме появится новый хозяин.

И вот через полчаса мы, как странствующие рыцари в старину, скакали на выручку леди, попавшей в беду. Лорд Дэкр жил близ Тавистока, и в каждом доме, на каждой дорожной заставе мы слышали о почтовой карете, мчавшейся впереди, так что не приходилось сомневаться, куда они держат путь. Дорогою лорд Рафтон рассказал мне о человеке, которого мы преследовали. Его имя было притчей во языцех по всей Англии, он стал символом всяких безобразий. Вино, женщины, кости, карты, скачки — всеми этими скандальными делами он стяжал себе дурную славу. Этот человек был из древнего и знатного рода, и, когда он женился на красавице леди Джейн Рафтон, все надеялись, что он уймется. В самом деле, несколько месяцев он вел себя хорошо, а потом затеял какую-то грязную интрижку. Оскорбленная в своих лучших чувствах, Джейн бежала из дому и нашла приют у брата, из-под чьего крова ее теперь похитили силой, против воли. Судите же сами, может ли быть цель более благородная, чем та, которая свела нас с лордом Рафтоном в тот день.

— Вон Грэйвел-Хэнгер! — воскликнул он наконец, указывая хлыстом вперед; там, на зеленом склоне холма, стоял старинный дом из кирпича и дерева, такой очаровательный, какой встретишь только в английской глуши. — У ворот парка есть постоялый двор, там мы оставим лошадей, — добавил он.

Но я считал, что раз наше дело правое, нам всего лучше смело подскакать к дверям и потребовать, чтобы он отпустил леди. Однако тут я ошибался. Ибо англи-

чанин боится только одного — закона. Он сам его устанавливает, но стоит закону войти в силу, и он становится тираном, перед которым пасуют самые отчаянные храбрецы. Англичанин с улыбкой преступит порог смерти, но побледнеет от страха, если придется преступить закон. Пока мы шли через парк, лорд Рафтон кое-что объяснил мне, и из его слов выходило, что в этой истории закон не на нашей стороне. Лорд Дэкр имел право увезти жену, так как она принадлежит ему, мы же ничем не отличались от грабителей, посягающих на чужую собственность. А грабителям нельзя открыто подходить к парадной двери. Мы могли забрать леди Джейн силой или хитростью, но не могли сделать это по праву, так как закон был против нас. Вот что объяснил мне мой друг, когда мы притаились в кустах под окнами. Из кустов мы могли наблюдать за этой крепостью и решить, удастся ли нам занять здесь прочные позиции и, главное, как снестись с прекрасной пленницей.

И вот мы с лордом Рафтоном засели в кустах, сжимая пистолеты в карманах охотничьих курток, и наши сердца были исполнены решимости не возвращаться домой без леди Джейн. Мы нетерпеливо вглядывались в длинный ряд окон. Никаких признаков присутствия пленницы заметно не было; но на усыпанной гравием дорожке перед дверью остались глубокие следы колес. Без сомнения, они уже приехали. Затаившись в кустах, мы шепотом держали военный совет, который вдруг был прерван самым необычным образом.

Из дома вышел высокий, белокурый человек, ни дать ни взять правофланговый гренадерской роты. Когда он повернул к нам смуглое, голубоглазое лицо, я узнал лорда Дэкра. Широким шагом он прошел по дорожке прямо к тому месту, где мы прятались.

— Выходите, Нед! — крикнул он.— Не то лесник, чего доброго, всадит в вас порцию свинца. Выходите, приятель, нечего сидеть в кустах.

Нельзя сказать, чтобы вид у нас был очень геройский. Мой бедный друг встал, весь красный от смущения. Я тоже вскочил на ноги и поклонился как можно учтивее.

— А! И этот француз тоже здесь?— сказал он, не отвечая на мой поклон.— Мы уже с ним столкнулись недавно. Что же касается вас, Нед, я знал, что вы примчитесь по горячим следам, и сам искал вас. Я видел, как вы прошли через парк и засели в кустах. Входите в дом, приятель, и сыграем в открытую.

Ну что ж, он был хозяином положения, этот рослый красавец, который непринужденно стоял у дверей дома, пока мы выбирались из своего убежища. Лорд Рафтон не сказал ни слова, но по его потемневшему лицу и мрачному взгляду я видел, что вот-вот грянет буря. Лорд Дэкр первый вошел в дом, мы последовали за ним. Он сам ввел нас в гостиную, отделанную дубовыми панелями, и плотно затворил дверь. Потом окинул меня наглым взглядом.

— Послушайте, Нед,— сказал он,— до сих пор англичане сами улаживали свои семейные дела. Какое отношение имеет этот чужеземец к вашей сестре и моей жене?

— Сэр,— сказал я,— да будет мне позволено заметить, что речь здесь идет не только о жене или сестре,— я друг леди Джейн и имею неотъемлемое право, как всякий благородный человек, защищать женщину от жестокого обращения. Слова бессильны выразить то, что я о вас думаю, поэтому вот, извольте!

В руке у меня была перчатка, и я хлестнул его по лицу. Он отшатнулся со зловещей усмешкой, взгляд его был тверд, как кремень.

— Значит, Нед, вы привезли с собой наемника,— сказал он.— Могли бы по крайней мере сами драться, если уж без драки не обойтись.

— Я буду драться,— сказал лорд Рафтон.— И немедленно, не сходя с места.

— Ну нет, сперва я уложу этого французского нахала,— сказал лорд Дэкр. Он подошел к столику, стоявшему у стены, и открыл ящик с медной отделкой.— Клянусь,— сказал он,— один из нас выйдет отсюда ногами вперед. Я не хотел ссориться с вами, Нед, разрази меня гром, но я пристрелю вашего прихвостня, это так же верно, как то, что я Джордж Дэкр. Сэр, выбирайте себе пистолет, стреляться будем через стол. Оба заряжены. Цельтесь хорошенько и постарайтесь меня убить,

потому что, если вы промахнетесь, клянусь, ваша песенка спета.

Напрасно лорд Рафтон пытался обратить его ярость на себя. Я твердо помнил два обстоятельства: первое, что леди Джейн больше всего на свете боялась дуэли между своим мужем и братом, и второе, что, если мне удастся убить этого рослого милорда, все устроится как нельзя лучше раз и навсегда. Лорд Рафтон хочет от него избавиться. И леди Джейн тоже. Поэтому я, Этьен Жерар, их друг, уплачу им долг благодарности, освободив их от этой обузы. Да иного выбора у меня и не было, так как лорд Дэкр жаждал всадить в меня пулю, и я, со своей стороны, желал оказать ему ту же услугу. Напрасно лорд Рафтон спорил и ругался. Остановить дальнейший ход событий не было возможности.

— Ну, если уж вы непременно хотите драться не со мной, а с моим гостем, пускай дуэль состоится завтра утром, в присутствии двух свидетелей!— воскликнул он наконец.— А стреляться через стол — ведь это же просто убийство.

— Меня это вполне устраивает, Нед,— сказал лорд Дэкр.

— И меня!— подхватил я.

— Тогда я умываю руки!— воскликнул лорд Рафтон.— Говорю вам, Джордж, если вы убьете полковника Жерара при таких обстоятельствах, то окажетесь на скамье подсудимых. Я отказываюсь быть секундантом.

— Сэр,— сказал я,— что до меня, я вполне готов обойтись без секунданта.

— Но это невозможно! Это не по правилам!—вскричал лорд Дэкр.— Послушайте, Нед, не валяйте дурака. Вы же видите, мы не шутим. Черт подери, да единственное, что от вас требуется,— это бросить платок.

— Я в этом деле не участвую.

— Ну, раз так, придется мне найти кого-нибудь другого,— сказал лорд Дэкр. Он положил пистолеты на стол, прикрыл их скатертью и позвонил. Вошел лакей.

— Попросите полковника Беркли зайти сюда. Он в бильярдной.

Через минуту вошел высокий, худой англичанин с длинными усами, что редко встретишь в этой стране среди гладко выбритых лиц. Позже я узнал, что усы

иосили только гвардейцы и гусары. Этот полковник Беркли был гвардеец. Он был странный, вялый, ленивый, медлительный, и из его огромных усов, как шест из кустарника, торчала длинная черная сигара. Он с чисто английской флегматичностью оглядел нас и не высказал ни малейшего удивления, узнав о наших намерениях.

— Отлично,— сказал он.— Отлично.

— Я отказываюсь участвовать в этом, полковник Беркли!— воскликнул лорд Рафтон.— Имейте в виду, эта дуэль не может состояться без вашего согласия, и я возлагаю лично на вас ответственность за все, что произойдет.

Полковник Беркли, очевидно, был знатоком дуэлей, потому что он вынул сигару изо рта и скрипучим голосом стал разъяснять, что к чему.

— Обстоятельства несколько необычны, однако не противоречат правилам, лорд Рафтон,— сказал он.— Один джентльмен нанес удар, другой джентльмен его получил. Все совершенно ясно. Время и условия зависят от человека, который требует удовлетворения. Превосходно. Этот человек желает стреляться немедленно, не сходя с места, через стол. Это — его право. Ответственность я готов взять на себя.

Разговаривать больше было не о чем. Лорд Рафтон сидел в углу мрачнее тучи, насупив брови и глубоко засунув руки в карманы брюк. Полковник Беркли осмотрел оба пистолета и положил их на середину стола. Лорд Дэкр стал по одну его сторону, а я по другую — нас разделяло теперь восемь футов полированного черного дерева. Рослый полковник встал на коврик спиной к камину, держа платок в левой руке, а сигару зажав между двумя пальцами правой.

— Когда я брошу платок, вы берете пистолеты и стреляете без команды. Готовы?

— Да!— воскликнули мы.

Он разжал руку, и платок упал. Я быстро наклонился вперед и схватил пистолет, но стол, как я уже говорил, был длиной в восемь футов, и длиннорукому милорду было легче дотянуться до оружия. Я не успел выпрямиться, как он уже выстрелил,— это меня и спасло. Если б я стоял прямо, он вышиб бы мне мозги. А так

пуля только задела мои волосы. Я тоже вскинул пистолет, но в этот миг дверь распахнулась, и чьи-то руки обхватили меня. В лицо мне заглянуло прекрасное, раскрасневшееся, взволнованное лицо леди Джейн.

— Не стреляйте! Полковник Жерар, ради меня, не стреляйте! — воскликнула она. — Это ошибка, уверяю вас, ошибка! Он самый лучший, самый любящий из мужей. Я никогда больше его не покину!

Ее руки скользнули по моей руке и закрыли дуло пистолета.

— Джейн, Джейн! — воскликнул лорд Рафтон. — Пойдем! Тебе здесь не место. Я уведу тебя.

— Все это чертовски не по правилам, — сказал лорд Беркли.

— Полковник Жерар, ведь вы не выстрелите, правда? Если вы его убьете, я этого не перенесу.

— Черт подери, Джинни, дай этому малому честно получить свое! — воскликнул лорд Дэкр. — Он выдержал мой выстрел, как настоящий мужчина, и я не допущу, чтобы ему помешали. Будь что будет, я сам во всем виноват.

Но мы с леди Джейн уже успели переглянуться, и она все поняла. Она выпустила мою руку.

— Я отдаю в руки полковника Жерара жизнь моего мужа и мое счастье, — сказала она.

Ах, как эта восхитительная женщина меня понимала! Секунду я раздумывал с пистолетом в руке. Мой противник храбро стоял передо мной, и его загорелое лицо ничуть не побледнело, а дерзкие голубые глаза ни разу даже не моргнули.

— Что же вы медлите, сэр, стреляйте! — воскликнул полковник, стоявший у камина.

— Пора кончать, — сказал лорд Дэкр.

Должен же я был, по крайней мере показать им, что его жизнь в моих руках. Этого требовала моя гордость. Я поискал глазами какую-нибудь мишень. Полковник смотрел на моего противника, ожидая, что вот сейчас он упадет. Я видел его лицо сбоку — длинная сигара торчала изо рта, и на ее конце было с дюйм пепла. С быстротой молнии я вскинул пистолет и выстрелил.

— С вашего позволения, я стряхнул пепел с вашей сигары, сэр,— сказал я и поклонился с изяществом, недоступным этим островитянам.

Я убежден, что всему виной пистолет, потому что глаз у меня верный. Я не поверил своим глазам, когда увидел, что отстрелил сигару у самых его губ. Он стоял, уставившись на меня, и из его опаленных усов торчал искромсанный обломок сигары. Как сейчас вижу его глупые, злые глаза и длинное, худое, растерянное лицо. А потом он открыл рот. Я всегда говорил, что англичане вовсе не флегматичный и молчаливый народ, надо только их расшевелить. В жизни не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил так оживленно, как этот полковник. Леди Джейн зажала уши.

— Послушайте, полковник Беркли,— сказал лорд Дэкр сурово,— вы забываетесь. Здесь дама.

Полковник неловко поклонился.

— Если леди Дэкр будет настолько любезна выйти из комнаты,— сказал он,— я выскажу этому мерзкому французу все, что я думаю о нем и о его дурацких выходках.

Я с великолепным бесстрастием пропустил его слова мимо ушей и обратил внимание только на вызывающий тон.

— Сэр,— сказал я,— я готов принести вам извинения за эту неприятную случайность. Мне было ясно, что, если я не разряжу свой пистолет, это нанесет ущерб чести лорда Дэкра, но в то же время после всего, что сказала эта леди, мне было решительно невозможно целиться в ее мужа. Поэтому я искал мишень и, к величайшему несчастью, выбил у вас изо рта сигару, хотя намеревался просто стряхнуть пепел. Меня подвел пистолет. А теперь, сэр, когда я объяснился и принес свои извинения, если вы все-таки желаете удовлетворения, мне незачем говорить, что в этом я никак не могу вам отказать.

Я держался безупречно и всех их покорил этим. Лорд Дэкр подошел и стиснул мне руку.

— Черт возьми, сэр,— сказал он,— никогда бы не думал, что могу испытывать такие теплые чувства к французу. Вы настоящий мужчина и благородный человек, больше мне нечего к этому добавить.

Лорд Рафтон ничего не сказал, но его рукопожатие было красноречивей слов. Даже полковник Беркли преподнес мне комплимент и заявил, что готов забыть об этой несчастной сигаре. А она... ах, если б вы только видели, каким взглядом она меня подарила, как вспыхнули ее щеки, увлажнились глаза, задрожали губы! Когда я вспоминаю мою красавицу леди Джейн, она представляется мне именно такой, какой была в тот миг. Они настойчиво приглашали меня отобедать, но, сами понимаете, друзья мои, некстати было бы ни лорду Рафтону, ни мне оставаться в Грэйвел-Хэнгере. Примирившаяся чета жаждала уединения. В карете лорд Дэкр убедил ее в своем искреннем раскаянии, и они снова стали любящими мужем и женой. А дабы они такими и остались, мне лучше всего было удалиться. Зачем разрушать семейный мир? Против моей воли мое присутствие и вид могли подействовать на леди Джейн. Нет, нет, прочь из этого дома, даже она не могла убедить меня остаться. Много лет спустя я узнал, что чета Дэкров — одна из самых счастливых в Англии и что жизнь их больше не омрачило ни одно облачко. И все же осмелюсь сказать, что, если б он мог прочесть мысли своей жены... но нет, ни слова больше! Тайна женского сердца священна, и боюсь, что леди Джейн вместе со своей тайной давно уж погребена на каком-нибудь Девонширском кладбище. Быть может, нет уж на свете и тех веселых людей, которые ее окружали, и леди Джейн живет лишь в памяти старого французского бригадира в отставке. Зато он никогда ее не забудет.

VI

КАК БРИГАДИР ПОБЫВАЛ В МИНСКЕ

Сегодня, друзья мои, мне хочется глотнуть чего-нибудь покрепче, и я, пожалуй, выпью бургундского вместо бордо. А все потому, что мое сердце, сердце старого солдата, не на месте. Просто диву даешься, как незаметно подкрадывается старость. Не думаешь, не гадаешь; душа все так же молода, и не чувствуешь, как раз-

рушается и дряхлеет тело. Но наступает день, когда понимаешь это, когда вдруг, как блеск разящего клинка, осеняет прозрение, и видишь, каким ты был и каким стал. Да, да, сегодня со мной это случилось, и я выпью бургундского. Белого бургундского — монтраше. Мсье, я ваш должник.

Все это произошло сегодня утром на Марсовом поле. Простите, друзья, старика за то, что он изливает вам свои горести. Ведь вы были на смотру. Правда, великолепно? Я был на местах, отведенных для ветеранов, кавалеров почетных орденов. Ленточка у меня на груди служила мне пропуском. А крест я храню дома в кожаном кошельке. Нам оказали честь, отвели места там, где войска проходят церемониальным маршем, а справа от нас был император и кареты придворных.

Я бог весть сколько лет не ходил на смотры, потому что многого не одобряю. Не одобряю красные рейтузы пехотинцев. Раньше пехота сражалась в белых рейтузах. А красные должна носить кавалерия. Того и гляди, они присвоят еще наши кивера и шпоры! Если б я показался на смотру, все решили бы, что я, Этьен Жерар, примирился с этим. Вот я и сидел дома. Но сейчас идет Крымская война, а это меняет дело. Люди отправляются в бой. И не мне сидеть дома, когда собираются храбрецы.

Честное слово, они недурно маршировали, эти пехотинцы! Хоть рост и не тот, но крепкие ребята и выправка отличная. Когда они проходили мимо меня, я обнажил голову. А потом двинулась артиллерия. Добрые пушки, лошади, и люди тоже не плохи. Я обнажил голову. Дальше пошли саперы, и перед ними я тоже снял шляпу. Нет на свете людей храбрее саперов. А там — кавалерия: уланы, кирасиры, егеря, спаги[1]. Я снимал шляпу перед всеми, кроме спаги. У императора их не было. Но, как вы думаете, кто ехал в самом конце? Гусарская бригада в боевом строю! Ах, друзья мои, какая краса, гордость, слава, великолепие, блеск, грохот подков и звяканье уздечек, развевающиеся гривы, благородные лица, облако пыли и колыхание

[1] Спаги — кавалеристы из французской колониальной Африки.

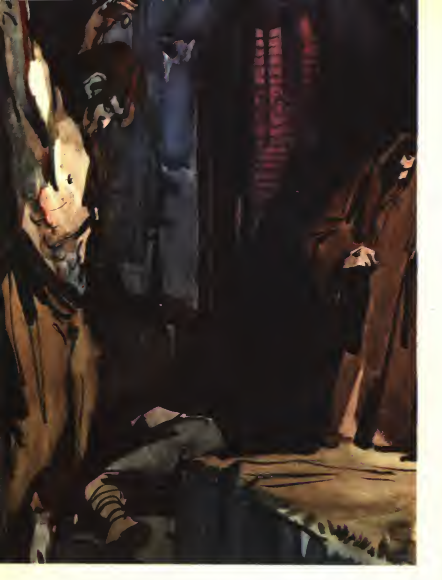
стальных сабель! Сердце мое стучало, как барабан, когда они проезжали мимо меня. А самым последним проскакал мой собственный полк. Я увидел серебристо-черные доломаны, чепраки из леопардовых шкур и словно сбросил с себя бремя лет, увидел своих удальцов, которые мчались за своим молодым полковником на добрых конях во всем блеске молодости и силы сорок лет назад. Я поднял трость. «Chargez! En avant! Vive l'Empereur!»[1]. Это прошлое взывало к настоящему. Но, боже, какой у меня был тонкий, писклявый голос! Неужели это его слышала вся наша непобедимая бригада? А рука едва могла поднять трость. Неужели это те стальные, несокрушимые мускулы, которым не было равных в могучей армии Наполеона? Мне улыбались. Меня приветствовали. Император засмеялся и кивнул. Но я видел все вокруг, как в тумане сне, а явью были мои восемьсот павших гусар и прежний Этьен, которого давным-давно уже нет. Но довольно — храбрец должен встретить старость так же, как встречал казаков и улан. И все же иногда монтраше лучше, чем бордо.

Эти войска отправляются в Россию, и я расскажу вам о России. Сейчас это кажется мне страшным сном! Кровь и лед. Лед и кровь. Озверелые лица и заледеневшие бакенбарды. Посиневшие руки, протянутые в мольбе о помощи. И через всю бесконечную равнину протянулась непрерывная вереница людей; они брели, брели — одну сотню миль за другой, а впереди была все та же белая равнина. Иногда ее однообразие нарушали еловые леса, иногда она расстилалась до самого голубого холодного горизонта, а черная вереница все тянулась вперед. Эти измученные, оборванные, умирающие от голода люди, промерзшие до самого нутра, не смотрели по сторонам,— понурившись и сгорбившись, они уползали туда, во Францию, как зверь в свою берлогу. Они не разговаривали, и снег заглушал их шаги. Только один раз я услышал смех. Это было под Вильно. К командиру нашей ужасной колонны подъехал адъютант и спросил, это ли Великая армия. Все, кто был поблизости и слышал его слова, огляделись и, увидев этих павших духом людей, эти разбитые полки, эти закутанные в мех

[1] В атаку! Вперед! Да здравствует император! *(франц.)*

«Приключения бригадира Жерара»

«Приключения бригадира Жерара»

скелеты, которые когда-то были гвардейцами, засмеялись, и смех затрещал по колонне, как фейерверк. Я много слышал в своей жизни стонов и криков, но куда ужасней был этот смех Великой армии.

Как же в таком случае русские не перебили этих беспомощных людей? Почему казаки не подняли их на пики или не сбили в стадо и не угнали в глубь России? Вокруг черной, извивавшейся по снегу, как змея, колонны со всех сторон мелькали смутные тени, они то появлялись, то исчезали с обоих флангов и в хвосте. Это были казаки, они рыскали вокруг нас, как волки вокруг овечьего стада. А не нападали они только потому, что весь лед России не мог остудить сердца некоторых храбрецов. До самого конца они готовы были в любую минуту встать между этими дикарями и их добычей. И когда нависла опасность, один из них в особенности показал, как он велик, и прославился в дни бедствий гораздо больше, чем тогда, когда вел наш авангард к победе. Я поднимаю бокал за него, за Нея, этого рыжегривого льва, который, сверкая глазами, оглядывался через плечо на врага, а тот боялся подступить к нему слишком близко. Я вижу его так, словно это было вчера,— широкое бледное лицо искажено яростью, светлые голубые глаза мечут искры, могучий голос гремит среди ружейных выстрелов. Его потрепанная треуголка без пера была знаменем, вокруг которого в эти ужасные дни сплотилась вся Франция.

Всем известно, что ни я, ни Конфланский гусарский полк не были в Москве. Мы оставались в тылу, охраняя коммуникации в Бородине. Ума не приложу, как мог император наступать без нас. Когда он этим решением ослабил армию, я понял, что он уж не тот, что прежде. Однако солдат должен повиноваться приказу, и я остался в этой деревне, отравленной смрадом тридцати тысяч трупов людей, павших в великой битве. Весь остаток осени я занимался тем, что подкармливал лошадей своего полка и кое-как экипировал людей, так что, когда армия снова отступила к Бородину, мои гусары были лучшими в кавалерийских частях и получили приказ двигаться под начальством Нея в арьергарде. Что делал бы он без нас в эти ужасные дни? «Ах, Жерар!»— сказал он как-то вечером, но не мне повто-

рять его слова. Достаточно того, что он выразил мысли всей армии. Арьергард прикрывал армию, а конфланские гусары прикрывали арьергард. В этих словах была святая правда. Казаки ни на минуту не оставляли нас в покое. Нам то и дело приходилось их сдерживать. Не было дня, чтобы мы не обтирали кровь со своих клинков. Да, нам пришлось-таки послужить императору.

Но между Вильно и Смоленском положение стало отчаянным. С казаками мы, хоть и промерзшие до костей, кое-как справлялись, но бороться с голодом оказалось нам не под силу. Надо было добыть провиант любой ценой. В тот вечер Ней вызвал меня в свой фургон. Он сидел, уронив свою большую голову на руки.

— Полковник Жерар,— сказал он,— наши дела отчаянно плохи. Люди умирают с голоду. Необходимо любой ценой их накормить.

— Лошади,— предложил я.

— Кроме тех, что остались у горстки ваших кавалеристов, больше ни одной нет.

— Музыканты,— сказал я.

Несмотря на все свое отчаяние, он рассмеялся.

— Почему же именно музыканты?

— Всех, кто может сражаться, надо беречь.

— Так,— сказал он.— Вижу, вы не выйдете из игры до последнего, и я тоже. Молодец, Жерар!— Он стиснул мне руку.— Но у нас еще остается одна надежда.— Он снял с крюка фонарь, который висел под крышей фургона, и поставил его около карты, развернутой перед ним.— Вот здесь, к югу от нас,— сказал он,— город Минск. Русский перебежчик сообщил, что в городской ратуше хранятся большие запасы зерна. Берите людей, сколько считаете нужным, отправляйтесь в Минск, захватите зерно, погрузите его на повозки, какие найдете в городе, и присоединитесь к нам на Смоленской дороге. Если вы потерпите неудачу, что ж, мы потеряем только один отряд. Зато в случае успеха это — спасение для всей армии.

Конечно, это было не совсем удачно сказано, ведь было ясно, что наша неудача не просто потеря отряда. Важно ведь не только количество, но и качество. И все же какое почетное задание, какой благородный риск! Если только это в человеческих силах, зерно из Минска

будет доставлено. Так я и сказал ему и добавил несколько горячих слов о долге храбреца, после чего маршал до того растрогался, что встал и, ласково обняв меня за плечи, вытолкнул из фургона.

Мне было ясно, что для успешного исполнения дела нужно взять небольшой отряд и рассчитывать более на внезапность, чем на численность. Большому отряду не пройти незамеченным, ему трудно добыть пропитание, и русские приложат все силы, чтобы его истребить. А небольшой кавалерийский отряд, если только ему удастся незаметно проскользнуть мимо казаков, вполне возможно, не встретит больше войск на своем пути, так как мы знали, что главные силы русских находятся в нескольких переходах от нас. Зерно в Минске наверняка предназначалось для них. Эскадрон гусар да тридцать польских улан — вот все, кого я выбрал для этого рискованного дела. В ту же ночь мы выступили и двинулись на юг, к Минску.

По счастью, до полнолуния было еще далеко, и враг нас не заметил. Два раза мы видели яркие костры на снегу и вокруг них высокий густой частокол. Это были казачьи пики, воткнутые на ночь в снег. Как хотелось нам напасть на казаков врасплох и отомстить им за все; мои товарищи выжидающе поглядывали то на меня, то на красные мерцающие круги в темноте. Клянусь богом, я сам едва поборол искушение, ведь это послужило бы врагам отличным уроком и научило бы их держаться от французской армии на почтительном расстоянии. Но для хорошего командира важнее всего на свете не отвлекаться от главной цели, и мы тихо ехали по снегу, объезжая стороной казачьи биваки. Ночное небо позади нас все было охвачено заревом, там наши бедняги боролись за жизнь, чтобы встретить новый день, полный невзгод и голода.

Всю ночь мы медленно продвигались вперед, держась так, что полярная звезда светила нам в спину. В снегу было протоптано множество троп, и мы ехали по ним, чтобы никто не обнаружил здесь следов кавалерийского отряда. По таким мелким предосторожностям всегда узнаешь опытного офицера. Кроме того, тропа скорее приведет в деревню, а только в деревнях можно было рассчитывать добыть еду. На рассвете мы

очутнлнсь в густом еловом лесу, снег лежал на ветках так плотно, что свет едва пробнвался сквозь ннх. Когда мы наконец выбралнсь оттуда, уже совсем рассвело, край восходящего солнца поднялся над заснеженной равннной, н вся она, нз края в край, стала красной. Я остановнл свонх гусар н улан на опушке н стал осматрнвать местность. Неподалеку стоял какой-то домнк. В несколькнх милях за ннм была деревня. А вдалн, на горнзонте, вндfestнелся большой город, над которым во множестве сверкалн купола церквей. Вйднмо, это н был Мннск. Следов войск я ннгде не заметил. Ясно было, что мы мнновалн казачьн посты н ннчто не преграждало нам путь к целн. Радостный крик вырвался у монх людей, когда я сказал нм, где мы находнмся, н мы быстро двннулнсь к деревне.

Однако, как я сказал, прямо перед намн был домнк. Когда мы подъехалн к нему, я увндел, что у дверн прнвязан прекрасный серый конь под кавалернйскнм седлом. Я прншпорнл своего коня, но прежде чем успел доскакать до домнка, нз дверн выбежал какой-то человек, прыгнул в седло н умчался во весь опор, оставляя за собой облако хрусткого, сухого снега. Солнце нграло на его золотых эполетах, н я понял, что это русскнй офнцер. Еслн его не настнчь, он поднннмет на ногн всю округу. Я дал Фналке шпоры н пустнлся в погоню. Мон людн последовалн за мной; но нн одна нз наших лошадей не могла сравнннться с Фналкой, н я знал, что еслн не настнгну русского сам, то на другнх надеяться нечего.

Только очень нскусный всаднпк на быстром скакуне может надеяться уйтн от Фналкн с Этьеном Жераром в седле. Он неплохо скакал, этот молодой русскнй офнцер, н сндел недурно, но постепенно мы его нзмоталн. Он то н дело оглядывался через плечо — смуглый красавец с орлнными глазамн,— н я, настнгая его, понял, что он взглядом нзмеряет расстоянне, разделяющее нас. Вдруг он обернулся — вспышка, треск выстрела, н пнстолетная пуля просвнстела у самого моего уха. Прежде чем он успел обнажнть саблю, я настнг его, но он все еще вонзал шпоры в бока своего коня, н мы скакалн бок о бок, н все-такн я успел ухватнть его левой рукой за плечо. Вдруг я увндел, что он быстро поднес руку ко рту. Я мн-

гом перетянул его на свою луку и стиснул ему горло, чтобы он не мог ничего проглотить. Лошадь вырвалась из-под него, но я держал его крепко, а Фиалка остановилась. Сержант Удэн из гусарского полка первым подскакал к нам. Это был старый вояка, он сразу смекнул что к чему.

— Держите его крепче, полковник,— сказал он.— А остальное предоставьте мне.

Он вытащил нож, просунул лезвие между стиснутыми зубами русского и, повернув лезвие, заставил его открыть рот. На языке у него был мокрый клочок бумаги, который он старался проглотить. Удэн взял бумажку, а я отпустил горло русского. Он, полузадушенный, не сводил с нее глаз, и я сразу понял, что это донесение большой важности. Его руки сжимались, как будто он хотел вырвать у меня бумагу. Но когда я попросил прощения за грубость, он пожал плечами и беспечно улыбнулся.

— А теперь к делу,— сказал я, когда он прокашлялся и отплевался.— Ваше имя?

— Алексис Бараков.

— Чин и полк?

— Капитан гродненских драгун[1].

— Что это у вас за письмо?

— Это записка к моей возлюбленной.

— И зовут ее,— сказал я, разглядывая адрес,— гетман Платов[2]. Ну нет, меня не обманете, это важный военный документ, вы везли письмо одного генерала другому. Живо говорите, что там написано.

— Прочтите сами.

Он, как большинство образованных русских, превосходно говорил на французском языке. Но ему было прекрасно известно, что и один французский офицер на тысячу едва ли знает хоть слово по-русски. Записка состояла всего из одной строчки и выглядела так:

«Пусть французы придут в Минск. Мы готовы».

Я посмотрел на записку и пожал плечами. Потом показал ее своим гусарам, но и они не могли взять в толк, что это может значить. Все поляки были простые, негра-

---

[1] В составе русской армии были гродненские гусары, а не драгуны.

[2] Атаман Платов.

мотные люди, кроме сержанта, но он был родом из Мемеля и не знал русского языка. С ума можно было сойти, ведь я понимал, что в руки мне попала важная тайна, от которой, может быть, зависит судьба всей армии, и ни слова не мог прочесть! Я опять попросил пленного перевести записку и обещал отпустить его за это на свободу. Но он только улыбнулся в ответ. Я невольно восхищался им, потому что сам точно так же улыбался, когда попадал в подобное положение.

— Тогда скажите нам по крайней мере, как называется эта деревня? — спросил я.

— Это Доброва.

— А вон там, вдали, вероятно, Минск?

— Да, это Минск.

— Что ж, поедем в деревню, там нам живо переведут эту депешу.

И мы тронулись. По обе стороны пленника ехали мои люди с карабинами на изготовку. Деревня оказалась маленькой, и я поставил часовых в каждом конце ее единственной улицы, чтобы никто не мог ускользнуть. Необходимо было остановиться и добыть еды для людей и корм лошадям, ведь они ехали всю ночь, и путь предстоял неблизкий.

Посреди деревни стоял большой каменный дом, к которому я и направился. В доме жил священник, злой и угрюмый старик, который не ответил вежливо ни на один наш вопрос. В жизни не видел более мерзкого человека, но, клянусь богом, его единственная дочь, которая вела у него хозяйство, ничуть на него не походила. Она была брюнетка, что редко увидишь в России, с белоснежной кожей, волосы черные, как вороново крыло, и самые чудесные темные глаза, какие только загорались при виде бравого гусара. Я с первого взгляда понял, что она передо мной не устоит. Конечно, при исполнении своего долга солдату не время заниматься амурами, но все же за скромным завтраком, который мне подали, я непринужденно болтал с дамой, и не прошло и часа, как мы стали самыми лучшими друзьями. Ее звали Софи, а фамилии я не знаю. Я научил ее называть меня Этьеном и постарался ободрить, потому что ее милое лицо было печально, а в прекрасных темных глазах стояли слезы. Я захотел узнать, что ее так печалит.

— Как же мне не печалиться,— сказала она по-французски, очаровательно шепелявя,— когда один из моих бедных соотечественников попал к вам в плен. Я видела, как он въехал в деревню под конвоем двух гусар.

— Таковы превратности войны,— сказал я.— Сегодня его черед, завтра, быть может, мой.

— Но подумайте, мсье...

— Этьен,— подсказал я.

— Ах, мсье...

— Этьен.

— Ну, хорошо! — воскликнула она с отчаянной решимостью и мило покраснела.— Подумайте только, Этьен, ведь этого молодого офицера отвезут к вам, и там он умрет с голоду или замерзнет, потому что, если этот поход, боюсь, нелегок для ваших солдат, то какова же будет участь пленного?

Я пожал плечами.

— У вас доброе лицо, Этьен,— сказала она.— Вы не можете обречь этого беднягу на верную смерть. Молю вас, отпустите его!

Ее нежная рука коснулась моего рукава, темные глаза умоляюще заглянули мне в лицо.

Вдруг у меня мелькнула счастливая мысль. Я исполню просьбу, но взамен потребую от нее услуги. Я приказал привести пленного.

— Капитан Бараков,— сказал я,— эта молодая особа просит меня отпустить вас, и я готов уступить ее просьбе, но дайте мне слово не покидать этот дом ровно сутки и не пытаться сообщить кому-либо о наших действиях.

— Даю слово,— сказал он.

— Полагаюсь на вашу честь. Одним человеком больше или меньше — ничего не изменит в войне между такими огромными армиями, а привезти вас с собой как пленника значит обречь на смерть. Ступайте же и благодарите не меня, а первого французского офицера, который попадет к вам в руки.

Когда он вышел, я достал из кармана бумагу.

— Ну вот, Софи,— сказал я,— я исполнил вашу просьбу, а теперь преподайте мне за это урок русского языка.

— С удовольствием,— сказала она.

— Начнем с этого,— сказал я и положил бумагу перед ней.— Переведем все слова подряд и посмотрим, что получится.

Она посмотрела на записку с удивлением.

— Здесь сказано,— объяснила она,— что если французы придут в Минск, все погибло.— И вдруг ужас мелькнул на ее красивом лице.— Боже мой,— воскликнула она,— что я наделала! Я предала свою родину! Ах, Этьен, эти слова меньше всего предназначались для ваших глаз. Зачем вы прибегли к хитрости и заставили бедную, простодушную, наивную девушку изменить своей родине?

Я утешил как мог бедняжку Софи и заверил ее, что тут нет ничего зазорного, если ее перехитрил такой старый вояка и проницательный человек, как я. Но мне было не до разговоров. Из записки стало ясно, что зерно действительно в Минске, а защищать его некому, потому что войск там нет. Высунувшись из окна, я поспешил отдать приказ, трубач заиграл сбор, и через десять минут мы, оставив деревню позади, уже скакали к городу, золоченые купола церквей и колоколен которого поблескивали над заснеженным горизонтом. Они поднимались все выше и выше, и вот, когда солнце уже начало клониться к западу, мы очутились на широкой главной улице и поскакали по ней под крики мужиков и визг испуганных женщин, пока не оказались перед ратушей. Я остановил своих кавалеристов на площади, а сам с двумя сержантами, Удэном и Папилетом, бросился внутрь.

Господи, никогда не забуду то, что я там увидел! Прямо перед нами, выстроившись в три ряда, стояли русские гренадеры. Когда мы вошли, они вскинули ружья, и прямо в лица нам грянул залп. Удэн и Папилет упали на пол, подкошенные пулями. С меня же пуля сбила кивер, и в доломане появились две дыры. Гренадеры бросились на меня со штыками.

— Измена! — закричал я.— Нас предали! По коням!

Я выбежал из ратуши, но вся площадь была запружена войсками. Со всех боковых улиц на нас скакали драгуны и казаки, а из домов открыли такую пальбу, что половина моих людей и лошадей рухнула на землю.

— За мной! — крикнул я и вскочил на Фиалку, но тут русский драгунский офицер, здоровенный, как мед-

ведь, обхватил меня, и мы покатились по земле. Он обнажил саблю, чтобы убить меня, но передумал, схватил меня за горло и стал бить головой о камни, покуда я не потерял сознания. Так я попал в плен к русским.

Когда я пришел в себя, то жалел лишь об одном, что он сразу не вышиб мне мозги. Там, на главной площади в Минске, лежала половина моих людей, мертвых или раненых, а русские с ликующими криками столпились вокруг. Жалкую горстку уцелевших согнали на крыльцо ратуши под конвоем казачьей сотни. Увы, что я мог сказать, что мог поделать? Было ясно, что я завел их в хитроумную западню. Враги узнали, зачем мы здесь, и приготовились к встрече. А виной всему это донесение, которое заставило меня пренебречь предосторожностями и ехать прямо в город. Как мне оправдаться? Слезы потекли по моим щекам, когда я увидел гибель своего эскадрона и подумал о тяжкой судьбе моих товарищей из Великой армии, которые ждали, что я привезу им еду. Ней доверился мне, а я не оправдал доверия. Как часто вглядывается он теперь в снежную даль, ожидая отряда с зерном, который никогда не порадует его взор! Да и собственная моя участь была не из легких. Ссылка в Сибирь — вот лучшее, на что я мог рассчитывать. Но поверьте мне, друзья, что не о себе, а о голодающих товарищах горевал Этьен Жерар, когда по щекам его покатились слезы, которые тут же замерзали.

— Что такое? — раздался около меня грубый голос, и я, повернувшись, увидел того самого здоровенного чернобородого драгуна, который стащил меня с седла.— Глядите-ка, француз плачет! А я-то думал, за корсиканцем идут одни только храбрецы, а не дети.

— Если б мы встретились один на один, я показал бы вам, кто храбрее,— сказал я.

Вместо ответа этот негодяй дал мне пощечину. Я схватил его за горло, но десяток русских солдат оттащили меня от него и держали за руки, а он снова ударил меня.

— Презренный пес! — воскликнул я.— Разве так обращаются с офицером и дворянином?

— Никто вас не звал в Россию,— сказал он.— А уж ежели вы сюда пришли, то и получайте, что заслужили. Будь моя воля, я попросту пристрелил бы тебя на месте.

— Когда-нибудь вы за это ответите! — воскликнул я, вытирая с усов кровь.

— Если гетман Платов одного со мной мнения, завтра в этот час тебя уже не будет в живых,— ответил он и бросил на меня свирепый взгляд. Потом он сказал своим солдатам несколько слов по-русски, и все они мигом вскочили в седла. Подвели бедняжечку Фиалку, у которой вид был такой же несчастный, как у ее хозяина, и велели мне сесть. Мою левую руку обвязали ремнем, другой конец которого прикрепили к стремени драгунского сержанта. И вот я с остатком своих людей в самом плачевном положении выехал из Минска на север.

В жизни не видал такого негодяя, как этот майор Сержин, начальник конвоя. В русской армии можно найти и самых лучших и самых худших людей в мире, но хуже Сержина, майора киевского драгунского полка, я не видел ни в одних войсках, кроме партизан на Пиренейском полуострове. Это был рослый малый со свирепым, жестоким лицом и щетинистой черной бородой, которая топорщилась поверх его кирасы. Говорят, потом его представили к награде за храбрость и силу, что ж, могу только сказать, что лапы у него медвежьи, это я почувствовал на себе, когда он стащил меня с седла. По-своему он был неглуп и все время отпускал по-русски шуточки в наш адрес, отчего все драгуны и казаки покатывались со смеху. Дважды он стегнул моих товарищей плетью, а один раз подъехал ко мне, уже занеся плеть, но, видно, взгляд у меня был такой, что он не посмел ее опустить. Так, жалкие и несчастные, терзаемые холодом и голодом, ехали мы печальной вереницей через огромную снежную равнину. Солнце село, но мы продолжали свой тягостный путь в долгих северных сумерках. Я весь закоченел, голова у меня болела от побоев, и, сидя на своей верной Фиалке, я не знал, где я и куда еду. Лошадь плелась, понурившись и поднимая голову только затем, чтобы презрительно фыркнуть на захудалых казачьих лошаденок.

Вдруг конвой остановился, и я увидел, что мы на единственной улице какой-то русской деревушки. На одной стороне улицы была церковь, а напротив — большой каменный дом, который показался мне знакомым. Я огляделся в полумраке и увидел, что нас снова привезли в Доброву и мы стоим у дверей все того же дома священ-

инка, где наш отряд остаиавлнвался утром. Здесь очаровательиая н наивная Софи перевела мие ту злополучную запнску, которая столь страииым образом нас погубила. Подумать только, всего иесколько часов иазад мы выехали отсюда, полиые иадежд иа успех своего дела, а теперь остатки нашего отряда, побеждеииые и униженные, ожидали своей участн, которую решнт жестокий враг! Но такова судьба солдата, друзья мои; сегодня поцелуи, а завтра побои. Токайское во дворце, грязная вода в лачуге, роскошиые меха нли отрепья, туго набитый кошелек илн пустой карман, непрестаииые переходы от лучшего к худшему, н лншь храбрость и честь остаются неизмеииы.

Русскне спешнлись, и моим бедиым товарнщам тоже прнказали сойти с лошадей. Было уже поздио, и коивойные явио иамеревались заиочевать в деревие. Крестьяие громко ликовали н радовались, когда узиалн, что все мы попали в плеи, оии высыпалн иа улицу с факеламн, жеищнны понли казаков чаем н водкой. Вышел н старик священннк, тот самый, которого мы вндели утром. Теперь он весь расплылся в улыбке н выиес на подиосе что-то вроде горячего пуиша, запах которого я помию до сих пор. За спиной у отца стояла Софи. Я с ужасом увидел, как горячо оиа пожала руку майора Сержиииа, поздравив его с победой и взятнем врагов в плен. Старик священиик, ее отец, со злобой посмотрел на меня н отпустнл на мой счет какие-то оскорбительные замечания, указывая на меня худой грязиой рукой. Красавица Софн тоже посмотрела иа меия, но ничего ие сказала, и я прочел в ее темиых глазах жалость. Потом оиа повериулась к майору Сержииу и что-то сказала ему по-русскн, отчего он нахмурился и раздражеиио покачал головой. Прн свете, падавшем нз открытых дверей, видно было, как она упрашивала его. Я ие отрываясь глядел иа их лица — красивой девушки и темноволосого свирепого мужчины, чутьем угадав, что оии спорят о моей судьбе. Офицер долго качал головой, потом иакоиец ее мольбы смягчнли его, н ои, видимо, уступнл. Ои повериулся ко мне, стоявшему под охраиой сержаита.

— Эти добрые люди предлагают тебе ночлег под своим кровом,— сказал он, окидывая меия злобиым взглядом с головы до ног.— Мие трудно им отказать, но ие

скрою, что я охотно оставил бы тебя валяться на снегу. Это охладило бы твой пыл, французская сволочь!

Я взглядом выразил все свое презрение к нему.

— Кто родился дикарем, дикарем и умрет,— сказал я.

Мои слова, видимо, уязвили его, он выругался и занес плеть, чтобы ударить меня.

— Заткнись, корноухий пес!—заорал он.—Будь моя воля, я выморозил бы за ночь всю твою наглость.— Овладев собой, он обратился к Софи в соответствии со своими понятиями об учтивости.— Если у вас есть погреб с надежным запором, пускай этот малый проведет там ночь, раз уж вы оказали ему такую честь и позаботились о его удобстве. Я возьму с него слово, что он не станет выкидывать фокусов, ведь я отвечаю за него, пока не сдам его завтра гетману Платову.

Я больше не мог выносить этого высокомерия. Видимо, он нарочно разговаривал с девушкой по-французски, чтобы я понимал, как оскорбительно он обо мне отзывается.

— Я не приму от вас никаких одолжений,— сказал я.— Делайте, что хотите, но слова я вам не дам.

Русский пожал широченными плечами и отвернулся, видимо, считая, что вопрос исчерпан.

— Ну что ж, милейший, тем хуже для твоих рук и ног. Посмотрим, каков-то ты будешь утром, когда проведешь ночь на снегу.

— Одну минуту, майор Сержин,— сказала Софи.— Вы не должны так сурово обходиться с этим пленником. Есть особые причины, по которым он имеет право на нашу доброту и милосердие.

Русский подозрительно посмотрел сперва на нее, потом на меня.

— Какие еще причины? Я вижу, вы к этому французу неравнодушны,— сказал он.

— Главная причина здесь та, что не далее как сегодня утром он по собственной воле отпустил Алексея Баракова, капитана гродненских драгун.

— Это правда,— сказал Бараков, который тем временем вышел из дома.— Сегодня утром он взял меня в плен и отпустил под честное слово вместо того, чтобы отпра-

вить под конвоем во французскую армию, где я умер бы с голоду.

— Поскольку полковник Жерар поступил так благородно, теперь, когда он попал в беду, вы, конечно, позволите ему провести эту холодную ночь у нас в погребе,— сказала Софи.— Это не слишком большая награда за его благородство.

Но драгун все еще злился.

— Пускай сперва даст слово, что не будет пытаться бежать,— сказал он.— Слышишь, ты? Дашь слово?

— Не дам,— сказал я.

— Полковник Жерар! — воскликнула Софи с пленительной улыбкой.— А мне вы дадите слово, правда?

— Вам, мадемуазель, я ни в чем не могу отказать. С удовольствием даю вам слово.

— Ну вот, майор Сержин! — с торжеством воскликнула Софи.— Этого вполне достаточно. Вы сами слышали, он сказал, что дает мне слово. Я отвечаю за то, что с ним все будет благополучно.

Русский медведь изъявил свое согласие невнятным ворчаньем, и меня повели в дом, а следом шел священник, бросая мне в спину недобрые взгляды, и огромный чернобородый драгун. Под домом был большой и просторный подвал, где хранились дрова. Туда меня и отвели, и я понял, что здесь проведу ночь. Половина этого унылого подвала была до потолка завалена дровами. Каменный пол, голые стены, в одной из них — единственное узкое оконце, надежно забранное железной решеткой. С низкого потолка свисал большой фонарь. Майор Сержин с усмешкой снял его и осветил все углы мрачного помещения.

— Как вам нравятся наши русские отели, мсье? — спросил он со злобным смешком.— Не слишком роскошные, но лучших у нас нет. Быть может, в следующий раз, когда вам, французам, вздумается путешествовать, вы изберете другую страну, где будет больше удобств.

Так он насмехался надо мной, и его белые зубы сверкали из-под бороды. Потом он ушел, и я услышал, как заскрежетал в замке большой ключ.

Целый час, весь продрогший, я сидел на куче дров в совершенном отчаянии, закрыв лицо руками, одолеваемый самыми печальными мыслями. В этих четырех стенах бы-

ло довольно холодно, но мысль о том, как тяжко приходится моим людям на дворе, заставляла меня страдать вдвойне. Я начал ходить взад-вперед, хлопать в ладоши, бить ногами в стену, чтобы не замерзнуть окончательно. Фонарь давал немного тепла, но все-таки холод был собачий, и я с утра ничего не ел. Мне казалось, что про меня все забыли, но вот наконец в замке заскрежетал ключ и вошел — как вы думаете, кто? Мой недавний пленник, капитан Алексис Бараков. Под мышкой у него была бутылка вина, а в руках — большая тарелка горячего жаркого.

— Тс! — шепнул он.— Ни слова! И не падайте духом! Я не могу сейчас ничего объяснить, потому что Сержин еще здесь. Не спите и будьте готовы!

Торопливо сказав все это, он поставил еду, от которой у меня потекли слюнки, и выбежал за дверь.

«Не спите и будьте готовы!» Эти слова продолжали звучать в моих ушах. Я съел жаркое и выпил вино, но не это согрело мне душу. Что значили слова Баракова? Почему мне нельзя спать? К чему быть готовым? Неужели есть еще надежда на побег? Я всю жизнь презирал людей, которые никогда не молятся, а в минуту опасности прибегают к молитве. Точно так же плохой солдат старается угодить своему полковнику только тогда, когда ему нужна какая-нибудь поблажка. Но я вспомнил о соляных копях в Сибири и о моей матушке, которая ждала меня во Франции, и молитва излилась сама собой, не с моих уст, а из сердца,— я молился о том, чтобы слова Баракова не обманули моих надежд. Но часы на деревенской колокольне отбивали час за часом, а ничего не было слышно, кроме переклички русских часовых на дворе.

И вдруг сердце мое дрогнуло: я услышал за дверью легкие шаги. Через секунду щелкнул замок, дверь отворилась, и вошла Софи.

— Мсье!.. воскликнула она.

— Этьен,— подсказал я.

— Вы неисправимы,— проговорила она.— Но, скажите, вы в самом деле не питаете ко мне ненависти? Вы простили меня за то, что я сыграла с вами эту шутку?

— Какую шутку? — спросил я.

— Господи боже! Возможно ли, что вы до сих пор не поняли? Помните, вы попросили меня перевести за-

писку. Я сказала вам, что там написано: «Если французы придут в Минск, все погибло».

— А что же там было?

— Там было сказано: «Пусть французы приходят в Минск. Мы их ждем».

Я отпрянул от нее.

— Вы меня предали! — воскликнул я.— Вы заманили меня в ловушку! Из-за вас все мои люди убиты или попали в плен. Какой же я был дурак, что поверил женщине!

— Будьте же справедливы, полковник Жерар. Ведь я русская, и для меня всего важнее долг перед моей родиной. Разве вы не хотели бы, чтобы французская девушка поступила точно так же? Ведь если б я правильно перевела записку, вы не поехали бы в Минск, и ваш отряд ускользнул бы от наших войск. Скажите же, что прощаете меня.

Она была очаровательна, когда стояла передо мной, прося простить ее. И все же, вспомнив про своих убитых товарищей, я не мог пожать ее протянутую руку.

— Ну, хорошо,— сказала она, опуская руку.— Вы любите своих, а я своих, значит, мы квиты. Но, полковник Жерар, здесь, в этом доме, вы произнесли мудрые и добрые слова. Вы сказали: «Одним человеком больше или меньше — ничего не изменит в войне между такими огромными армиями». Ваш урок благородства не пропал даром. Вон там, за дровами, есть дверь, которую никто не караулит. Вот ключ. Уходите, полковник Жерар, и, надеюсь, мы никогда больше не встретимся.

Мгновенье я стоял с ключом в руке, и голова у меня шла кругом. Потом я вернул ей ключ.

— Не могу,— сказал я.

— Но почему же?

— Я дал слово.

— Кому? — спросила она.

— Да вам же.

— Я возвращаю вам его.

Сердце мое дрогнуло от радости. Ну, конечно же, она права. Я отказался дать слово Сержину. С ним я ничем не связан. Если она освобождает меня от обещания, честь моя останется незапятнанной. Я снова взял ключ.

— В коице улицы вас ждет капитаи Бараков,— сказала она.— Мы, северяие, ие забываем ии зла, ни добра. У иего ваша лошадь и сабля. Не медлите ии секунды, потому что через два часа иачнет светать.

Я вышел в звездиую русскую ночь и в последний раз увидел Софн, смотревшую мне вслед через открытую дверь. Она провожала меня тоскливым взглядом, словно ожидала чего-то большего, иежели та холодиая благодарность, которую я ей прииес, ио у самого скромного человека есть гордость, н ие стану утверждать, будто моя гордость ие была задета тем, что оиа меия провела за нос. Я не мог заставить себя поцеловать ей руку, ие говоря уж о губах. Дверь вела в узкий проулок, в коице которого стоял закутаииый с иог до головы человек, державший под уздцы Фиалку.

— Вы сказали, чтобы я помог первому фраицузскому офицеру, который окажется в беде,— сказал ои.— Желаю удачн! Bon voyage [1],— шепнул он, когда я вскочил в седло.— И запомните: пароль «Полтава».

Хорошо, что он сказал мне пароль, так как я дважды наталкивался иа казачьи пнкеты, прежде чем выехал в открытое поле. Только я миновал последиий пост н уже думал, что свободеи, как вдруг у меия за спиной раздался глухой стук копыт по сиегу, н огромный человек иа здоровеиной лошади стал быстро настигать меня. Первой моей мыслью было дать Фиалке шпоры. Второй, когда я увидел длниную чериую бороду поверх стальиой киރасы, остановнться н подождать его.

— Я так и зиал, что это ты, французский пес,— сказал ои, потрясая обнаженной саблей.— Негодяй, ты нарушил слово!

— Я не давал слова.

— Врешь, собака!

Я огляделся — вокруг ии души. Казачьн посты вдали словно вымерли. Мы были совершеиио одии, только луна над головой да сиег под иогами. Судьба всегда была благосклоина ко мне.

— Я ие давал вам слова.

— Ты дал его девушке.

[1] Счастливого пути (*франц.*).

— Перед ней я н отвечу.

— Еще бы, этого только тебе и надо. Но, к несчастью, ответ придется держать передо миой.

— Я готов.

— Эге, да при тебе сабля! Тут пахнет нзменой! Я все поиял! Эта жеищнна помогла тебе бежать. Теперь ей ие миновать Сибири.

Этимн словамн он подпнсал себе смертиый приговор. Ради Софн я ие мог отпустить его живым. Нашн сабли скрестились, и через мгновеиье мой клинок проткнул его черную бороду и воизился ему в горло. Как только он упал, я тотчас соскочил на землю, но одного удара оказалось достаточно. Ои умер, норовя укуснть меия за иогу, как бешеный волк.

Через два дня я нагнал иашу армию в Смоленске и сиова оказался в печальиой колоиие, которая плелась по сиегу, оставляя за собой длиниый кровавый след.

Но довольно, друзья мои; ие стану пробуждать воспомниаиия о несчастьях н смерти. Они все еще преследуют меня во сне. Мы, наконец, остановнлись в Варшаве, потеряв по дороге пушкн, обоз н три четверти иаших товарищей. Но ие честь Этьена Жерара. Говорнлн, что я нарушил слово. Но попробовал бы кто-нибудь сказать мне это в лицо, потому что я рассказал вам святую правду, и хотя я стар, мой палец еще может спустить курок, когда надо встать иа защиту своей чести.

VII

КАК БРИГАДИР ДЕЙСТВОВАЛ ПРИ ВАТЕРЛОО

1. РАССКАЗ О ЛЕСНОЙ ХАРЧЕВНЕ

Из всех велнкнх сражений, в каких мне выпала честь обнажать саблю за иашего нмператора н за Францию, ин одио не было проиграио. Прн Ватерлоо же, где я хотя и присутствовал, но был лишен возможиости сражаться, враг восторжествовал. Не мне говорить, что одно тут связано с другим. Вы слишком хорошо меня

знаете, друзья мои, чтобы подумать, что я способен на такую нескромность. Но это дает пищу для размышлений, и кое-кто пришел к лестным для меня выводам. В конце концов надо было только прорвать несколько английских каре, и победа была бы за нами. Кто скажет, что гусары Конфланского полка во главе с Этьеном Жераром не могли бы это сделать? Но судьба решила иначе: я оказался в стороне, и империя пала. При этом судьба решила также, что этот день траура и скорби должен принести мне такое торжество, какого я не знал, даже когда летел на крыльях победы из Булони в Вену. Никогда моя слава не сияла так ярко, как в этот великий миг, когда все вокруг окутала тьма. Вы понимаете, что я остался предан императору в его несчастьях и не пожелал продать свою шпагу и честь Бурбонам. Никогда больше я не почувствую под собой своего боевого коня, никогда не услышу у себя за спиной звуки серебряных труб и литавр, не поскачу впереди моих орлов. Но, друзья мои, я утешаюсь и умиляюсь до слез, когда вспоминаю, как достойно я вел себя в этот последний день своей военной службы, и я думаю о том, что из всех замечательных подвигов, которые стяжали мне любовь стольких красавиц и уважение стольких благородных людей, не было ни одного, который блеском, дерзостью и благородством цели мог бы сравниться с моей знаменитой поездкой в ночь на девятнадцатое июня тысяча восемьсот пятнадцатого года. Я знаю, эту историю часто рассказывают в офицерском обществе, за столом и в казармах, так что в армии она известна всякому, но скромность заставляла меня молчать, а сегодня, друзья мои, я разоткровенничался с вами и готов рассказать все как было.

Прежде всего смею вас заверить в одном. Никогда еще у Наполеона не было такой замечательной армии, как та, которая участвовала в этой кампании. К тринадцатому году Франция обессилела. На каждого бывалого солдата приходилось пятеро желторотых птенцов — «марий-луиз», как мы их называли, потому что, пока император воевал, императрица занималась набором рекрутов. Но в пятнадцатом году все переменилось. Пленные вернулись на родину — из снегов России, из подземелий Испании, с галер Англии. Это были от-

чаянные люди, ветераны двадцати сражений, они жаждали снова заняться любимым делом, и сердца их были полны ненависти и мести. В армии было немало солдат, носивших по два и по три шеврона[1], и каждый означал пять лет службы. Дух их был неукротим. Полные ярости, беспощадные, слепо преданные делу, они боготворили императора, как мамелюки своего пророка, и готовы были самих себя поднять на штыки, если их кровь ему потребуется. Видели бы вы, как эти свирепые старики-ветераны шли в бой с налитыми кровью лицами, со сверкающими глазами, с грозным ревом, и вам стало бы ясно, что никто перед ними не устоит. Так высоко поднялся боевой дух Франции в то время, что ему нигде не было равных; но у этих англичан нет ни боевого духа, ни души, а только жесткая, неподвижная туша, о которую мы напрасно бились. Вот как оно было, друзья мои! С одной стороны, поэзия, доблесть, самопожертвование, все, что есть прекрасного и героического. А с другой — туша. Наши надежды, идеалы, мечты — все разбилось об эту ужасную тушу Старой Англии.

Вы читали о том, как император собрал свои войска, а потом мы с ним, во главе ста тридцати тысяч ветеранов, стремительным маршем двинулись к северной границе и обрушились на пруссаков и англичан. Шестнадцатого июня Ней завязал с англичанами сражение под Катр-Бра, а мы разбили пруссаков при Линьи. Не мне говорить, сколь много сделал я для этой победы, но хорошо известно, что гусары Конфланского полка покрыли себя славой. Пруссаки дрались крепко, и восемь тысяч их осталось лежать на поле боя. Император уже думал, что с ними покончено, и послал маршала Груши с войском в тридцать две тысячи человек преследовать их, чтобы они не помешали дальнейшим его планам. А сам с восьмьюдесятью тысячами войска повернул на этих треклятых англичан! Нам надо было за многое с ними расквитаться: за гинеи Питта, за корабли Портсмута, за вторжение Веллингтона, за вероломные победы Нельсона! И наконец день расплаты настал.

---

[1] Шеврон — нашивка на левом рукаве.

У Веллингтона было шестьдесят семь тысяч солдат, но мы знали, что среди них много голландцев и бельгийцев, которые не очень-то рвались в бой против нас. Хорошего войска у него не набралось бы и пятидесяти тысяч. Очутившись перед лицом самого императора с восьмьюдесятью тысячами людей, этот англичанин оцепенел от страха и не мог ни сам сдвинуться с места, ни двинуть свои войска. Вы видели кролика под взглядом удава? Вот так застыли англичане на склоне у Ватерлоо. Накануне император, у которого под Линьи убили адъютанта, приказал перевести меня в штаб, и я передал своих гусар под начало майора Виктора. Не знаю, кто из нас был более огорчен, он или я, тем, что меня отозвали перед самым сражением, но приказ есть приказ, хорошему солдату остается только пожать плечами и повиноваться. Вместе с императором я проехал восемнадцатого утром вдоль вражеских позиций, он осматривал их в подзорную трубу и обдумывал план сокрушительного удара. Рядом с ним были Сульт, Ней, Фуа и другие, которые воевали с англичанами в Португалии и в Испании.

— Будьте осторожны, ваше величество,— сказал Сульт.— Английская пехота — твердый орешек.

— Вы считаете их хорошими солдатами, потому что они вас разбили,— сказал император, и мы, из тех, кто был помоложе, отвернулись, пряча улыбку. Но Ней и Фуа хранили суровую серьезность. Английские позиции, пестревшие красным и синим и усеянные батареями, в настороженном молчании лежали от нас на расстоянии ружейного выстрела. По другую сторону неглубокой долины наши люди, покончив с супом, готовились к бою. Незадолго перед тем прошел сильный дождь, но теперь выглянуло солнце и осветило французскую армию, превратив наши кавалерийские бригады в сверкающие реки стали, его лучи блестели и переливались на бесчисленных штыках пехотинцев. При виде этой великолепной армии, ее красоты и величия, я не мог более сдерживаться, привстал на стременах, взмахнул кивером и крикнул: «Vive l'Empereur!» — и этот клич оглушительным громом покатился из края в край наших позиций; кавалеристы размахивали саблями, а пехотинцы — своими фуражками, надев их на штыки. Англичане

словио окаменели на склоие. Они знали, что их час пробил.

Так оио и получилось бы, если б в этот миг был отдаи приказ и вся армия двииута в наступлеиие. Нам стоило только навалиться на них, и мы бы стерли их в порошок. Не говоря уже о мужестве, мы превосходили их численностью, были опытнее в ратных делах, и полководец наш был не ихнему чета. Но император хотел действовать по всем правилам, он ждал, пока земля подсохнет, чтобы артиллерия могла маневрировать. Из-за этого мы потеряли три часа и только в одиннадцать увидели, как колонны Жерома Бонапарта двинулись с левого фланга, и услышали пальбу, возвестившую иачало сражения. Потеря этих трех часов погубила иас. Войска с левого фланга наступали иа крестьянский дом, где засели аиглийские гвардейцы, и мы услышали три восхищенных возгласа, которые поневоле вырвались у защитииков. Оин все еще держались, а корпус Д'Эрлона уже продвигался справа, чтобы заиять еще часть английских позиций, ио тут наше внимаиие привлекло то, что пронсходило далеко от нас.

Император смотрел в подзориую трубу на крайний левый фланг английских позиций. Вдруг ои поверiулся к герцогу Далматийскому, или, попросту, Сульту, как мы, солдаты, предпочитали его иазывать.

— Что это там, маршал? — спросил ои.

Все мы посмотрели в ту сторону, одни в подзориые трубы, другие — просто приставив к глазам ладоиь. Там был густой лес, за ним — длинный голый склои, а дальше — снова лес. На открытом пространстве между двумя лесами видиелось что-то темное, похожее иа тень движущегося облака.

— По-моему, это стадо, ваше велнчество,— ответил Сульт.

В тот же миг среди этой темной тени что-то быстро сверкнуло.

— Это маршал Груши,— сказал император и отиял от глаз подзориую трубу.— Теперь англичане окончательно погибли. Оии у меия в кулаке. Им ие уйти.

Он огляделся и остаиовил взгляд на мне.

— А! Вот ои, король гоицов,— сказал он.— Под вами хороший коиь, полковник Жерар?

Подо мной была моя любимая Фиалка, гордость всей бригады. Я так и сказал императору.

— Тогда скачите во весь опор к маршалу Груши, видите, вон его войска. Скажите, чтобы он напал на англичан с левого фланга и с тыла, а я ударю с фронта. Вместе мы их раздавим, ни один живым не уйдет.

Я отдал честь и, не сказав ни слова, поскакал, а сердце у меня так и прыгало от радости, что на меня возложили столь ответственное поручение. Я посмотрел на длинную, сплошную красно-синюю линию, маячившую сквозь пороховой дым, и на скаку погрозил ей кулаком. «Мы их раздавим, ни один живым не уйдет». Так сказал император, и я, Этьен Жерар, должен претворить его слова в дело. Мне не терпелось поскорей добраться до маршала, и я подумал, не прорваться ли напрямик через левый фланг англичан. Мне приходилось совершать и более дерзкие дела и выходить целым и невредимым, но я подумал, что, если мой замысел не удастся и меня убьют или возьмут в плен, донесение не будет доставлено и планы императора рухнут. Поэтому я проехал мимо нашей кавалерии, мимо егерей, улан, гвардейцев, карабинеров, конных гренадеров и, наконец, мимо своих дьяволов, которые проводили меня прощальными взглядами. За кавалерией стояла старая гвардия, двенадцать полков, все как на подбор ветераны многих сражений, суровые и решительные, в длинных синих шинелях и высоких медвежьих шапках, с которых были сняты плюмажи. На спине у каждого был кожаный ранец, все надели синие с белым парадные мундиры, чтобы назавтра войти в них в Брюссель. Проезжая мимо них, я думал, что эти люди никогда не знали поражения, и при виде их обветренных лиц и строгой, спокойной осанки я сказал себе, что они никогда и не будут разбиты. Господи, я не подозревал о том, что произойдет всего через несколько часов!

Справа от старой гвардии стояли молодые гвардейцы и шестой корпус Лобо, а на крайнем левом фланге растянулись уланы Жакино и гусары Марбо. Все эти войска ничего не знали о корпусе, приближавшемся к ним через лес, внимание их было поглощено

сражением, которое разворачивалось слева от них. Более сотни пушек гремело с каждой стороны, грохот стоял ужасный,— из всех сражений, в каких мне довелось участвовать, не наберется и полдюжины таких бурных. Я оглянулся через плечо и увидел две бригады кирасиров, английскую и французскую, они катились вниз по склону, и клинки сверкали, как грозовые молнии. Как хотелось мне повернуть Фиалку и повести гусар в гущу битвы! Ах, что это было за зрелище! Этьен Жерар едет, повернувшись спиной к горячей схватке между кавалеристами. Но долг есть долг, и я проехал мимо конных дозорных Марбо к лесу, оставив слева деревню Фишермон.

Передо мной был большой лес, почти сплошь дубовый, который назывался Парижским, и через него вели узкие тропки. Доехав до леса, я остановился и прислушался, но из его мрачной глубины не донеслось ни звука трубы, ни стука колес, ни топота копыт, которые возвестили бы о продвижении большой колонны, хотя я своими глазами видел, как она двигалась к этому лесу. Позади меня кипело сражение, а впереди все было тихо, как в могиле, уже готовой для стольких храбрецов. Ветки сомкнулись у меня над головой, закрыв солнце, и густой запах прели поднимался от влажной земли. Несколько миль я проскакал таким галопом, на какой немногие решились бы, когда внизу торчат корни, а над головой — ветки. И вот наконец я увидел авангард Груши. Отдельные отряды гусар проехали по обе стороны от меня среди деревьев. Я услышал в отдалении бой барабана и тихий, глухой шум, какой издает армия на марше. В любой миг я мог встретить штаб и передать приказ лично Груши, так как знал, что при таком переходе маршал Франции, несомненно, едет в авангарде своей армии.

Вдруг лес поредел, и я обрадовался, поняв, что он кончается: теперь-то я увижу всю армию и найду маршала. На опушке, куда сходятся тропы, стояла маленькая харчевня, в таких обычно пьют вино лесорубы и возчики. Я придержал коня у двери харчевни и огляделся. В нескольких милях впереди я увидел второй лес, Сен-Ламберский, откуда выходили войска, когда их заметил император. Нетрудно было понять, однако,

почему они так долго не могли достичь второго леса, ведь путь им преграждало глубокое Ланское ущелье. Не мудрено, что растянутая колонна — кавалерия, пехота и артиллерия — только сползала по одному склону и взбиралась на второй, тогда как авангард был уже позади меня в лесу. По дороге проезжала артиллерийская батарея, и я уже хотел подъехать и спросить командира, где найти маршала, как вдруг увидел, что, хотя артиллеристы и в голубых мундирах, на них нет доломанов с красными нашивками на воротниках, какие носят наши. Пораженный, смотрел я на этих солдат, растерянно озираясь, как вдруг чья-то рука коснулась моего колена, и я увидел хозяина харчевни, который выбежал ко мне.

— Сумасшедший! — воскликнул он.— Как вы сюда попали? Что вы здесь делаете?

— Ищу маршала Груши.

— Да ведь вы в самой гуще прусской армии! Скачите прочь!

— Не может быть! Это корпус Груши.

— Откуда вы знаете?

— Так сказал император.

— Значит, император совершил роковую ошибку! Говорю вам, патруль силезских гусар только что был в моей харчевне. Разве вы не встретили их в лесу?

— Я встретил гусар.

— Это враги.

— А где Груши?

— Сзади. Они его обогнали.

— Как же я могу вернуться? Мне надо ехать вперед, тогда я могу еще встретить его. У меня приказ, я должен найти его хоть под землей.

На мгновение он задумался.

— Скорей! — крикнул он, хватая моего коня под уздцы.— Слушайтесь меня, еще не все потеряно. Вас не заметили. Я спрячу вас, пока они не пройдут.

За домом была низенькая конюшня, и туда он ввел Фиалку. Меня же он даже не повел, а буквально поволок на кухню. Она была почти пустая, с кирпичным полом. Краснолицая толстуха жарила на очаге котлеты.

— В чем дело? — спросила она, враждебно поглядывая то на меня, то на хозяина.— Кого это ты привел?

— Это французский офицер, Мари. Мы не можем допустить, чтобы пруссаки схватили его.

— Это почему же?

— Как почему? Разрази меня гром, да разве сам я не был солдатом Наполеона? Разве меня не наградили карабином в числе самых доблестных гвардейцев? Неужели я допущу, чтобы моего боевого товарища взяли у меня на глазах? Мари, мы должны его спасти.

Но женщина смотрела на меня весьма недружелюбно.

— Пьер Шарра,— сказала она,— видать, ты не успокоишься, покуда твой дом не спалят, да и тебя самого заодно. Неужели ты не понимаешь, дубина, что ежели ты воевал за Наполеона, то лишь потому, что Наполеон правил Бельгией? А теперь кончилась его власть. Пруссаки — наши союзники, а он нам враг. Я не потерплю француза в своем доме. Ступай выдай его!

Хозяин почесал в затылке и в отчаянье посмотрел на меня, но я сразу смекнул, что этой женщине дороги не Франция и не Бельгия, она боится только за свой дом.

— Мадам,— сказал я, собрав все свое достоинство и хладнокровие,— император уже громит англичан, и еще до вечера французская армия будет здесь. Если вы поможете мне, то получите награду, а если выдадите,— понесете наказание, и ваш дом сожжет военная полиция.

Это произвело на нее должное впечатление, и я поспешил закрепить победу, переменив тактику.

— К тому же,— сказал я,— возможно ли, чтобы у такой красавицы было столь жестокое сердце? Я уверен, что вы не откажетесь спрятать меня.

Она взглянула на мои бакенбарды и сразу смягчилась. Я взял ее за руку, и через две минуты мы уже так наладили отношения, что ее муж сам пообещал выдать меня, если я не остановлюсь.

— К тому же вся дорога запружена пруссаками! — воскликнул он.— Скорей, скорей на чердак!

— Скорей на чердак! — подхватила его жена, и они вдвоем повели меня к лестнице, которая поднималась к люку в потолке. Тут в дверь громко постучали, и, сами понимаете, в одно мгновенье шпоры мои сверкнули в люке, и крышка захлопнулась. Внизу подо мной сразу же послышалась немецкая речь.

Я очутился на длинном, во весь дом, чердаке под самыми стропилами. Чердак находился над харчевней, и сквозь щели в полу я мог видеть и кухню, и комнату для приезжих, и питейный зал. Окон не было, но, поскольку дом сильно обветшал, в крыше не хватало нескольких досок, сквозь щели проникал свет, и можно было наблюдать, что делается снаружи. Чердак был завален всяким хламом. В одном конце лежала куча соломы, в другом — целая груда пустых бутылок. Кроме люка, через который я забрался, здесь не было ни окон, ни дверей.

Несколько минут я просидел на куче сена, стараясь прийти в себя и собраться с мыслями. Дело приняло весьма серьезный оборот, раз прусские войска оказались на поле битвы, опередив наши резервы, но, кажется, тут был всего один корпус, а одним корпусом больше или меньше — невелика разница для такого человека, как император. Ему ничего не стоило разгромить англичан, невзирая на такое преимущество. Поскольку Груши позади, лучшее, что я мог сделать для императора,— это переждать, пока пруссаки пройдут, а потом ехать дальше, найти маршала и передать ему приказ. Если он вместо того, чтобы преследовать пруссаков, выйдет в тыл англичанам, все будет хорошо. Судьба Франции зависела от моего благоразумия и самообладания. Вам известно, что мне к этому было не привыкать, и вы знаете также, что я мог быть твердо уверен: ни благоразумие, ни самообладание мне не изменят. Разумеется, император не ошибся, поручив это дело мне. Он назвал меня «королем гонцов». Что ж, я не посрамлю это звание.

Ясно было, что, покуда пруссаки не пройдут, предпринять ничего нельзя, и я коротал время, разглядывая их. Я их всегда терпеть не мог, но должен признать, что дисциплина у них железная: ни один не зашел в харчевню, хотя на губах у них запеклась пыль и сами

онн чуть не падали от усталостн. Солдаты, стучавшне в дверь, внесли товарища, который был без сознаиия, и, оставнв его, сразу вериулнсь в строй. Прннеслн еще нескольких раиеных, нх уложнлн на кухне, и молодой врач, совсем еще мальчик, остался ухаживать за ннми. Рассмотрев все это через щелн в полу, я принялся глядеть сквозь отверстня в крыше, откуда все было прекрасио видно. Прусскне войска все шлн и шлн мимо. Сразу было ясио, что оии совершилн невероятно тяжелый марш н почтн не елн, потому что на них было страшио смотреть: они были нзмучеиы н с головы до ног облеплеиы грязью, так как то и дело падалн иа скользкой дороге. И все же, несмотря нн на что, оин былн полиы боевого духа и иа себе выволакивалн пушкн, когда колеса уходили по ступицы в топкую грязь, а нзмучеиные лошади проваливались до колеи, снлясь нх вытащить. Офицеры разъезжалн верхом вдоль колонны, ободряя усердиых похвалами, а нераднвых ударами саблей плашмя. И все время спередн, из-за леса, доносился оглушительный грохот сражения, словно все рекн на земле собрались в один гигантскнй водопад, который бурлнт н низвергается с высоты. Длнный шлейф дыма, разостлавшнйся высоко иад деревьями, был подобеи огромной сбруе. Офицеры указывалн на него саблями, с их запекшнхся губ срывались хрнплые крнкн, н людн, облеплеиные грязью, рвалнсь на поле боя. Целый час двигались они мимо меня, и я решил, что их аваигард уже столкиулся с дозориыми Марбо и император зиает об их появлеиии.

— Что ж, друзья, вы очеиь спешите на поле боя, но погляднм, с какой скоростью вы стаиете улепетывать назад,— сказал я себе, н эта мысль меня утешила.

Я томился в ожидании, но вскоре произошло нечто такое, что рассеяло мою скуку. Я сндел на своем наблюдательиом посту, радуясь, что почтн весь корпус прошел н скоро дорога будет свободна, как вдруг в кухне послышалась перебранка по-фраицузски.

— Не пущу! — закричал жеиский голос.

— Нет, пустнте! — восклнкиул мужчина, н поднялась громкая возня.

В мгновенье ока я был у щели в полу. Я увидел, что моя толстуха, как верная сторожевая собака, стоит у лестницы, а молодой врач, бледный от ярости, пытается подняться наверх. Несколько немцев, придя в сознание, сидели на кухонном полу и тупо, но пристально следили за ними. Хозяина видно не было.

— Вина там нет,— сказала женщина.

— А мне вино и не нужно. Я возьму сена или соломы на подстилку для раненых. Почему они должны валяться на кирпичах, когда на чердаке есть солома?

— Нет там соломы.

— Что же там?

— Пустые бутылки.

— И больше ничего?

— Ничего.

Врач уже готов был отказаться от своего намерения, но один из солдат указал на потолок. Из его слов я понял, что он видит солому, торчащую между досками. Напрасно женщина спорила с ними. Двое солдат с трудом встали на ноги и оттащили ее, а врач полез наверх, поднял люк и забрался на чердак. Едва он поднял крышку, я спрятался за нее, но на беду он снова закрыл ее за собой, и мы оказались лицом к лицу.

В жизни еще не видел, чтобы человек был так растерян.

— Французский офицер! — пробормотал он.

— Тихо! — сказал я.— Говорите шепотом.— И я обнажил саблю.

— Я не солдат,— сказал он.— Я врач. Отчего вы грозите мне саблей? Я безоружен.

— Я не хотел бы вас трогать, но вынужден защищаться. Я скрываюсь здесь.

— Шпион!

— Шпионы не ходят в военных мундирах и вообще не числятся в составе армии. Я по ошибке оказался среди прусского корпуса и укрылся здесь, надеясь ускользнуть, когда все пройдут. Я не трону вас, если вы поклянетесь молчать о моем присутствии, иначе вам не уйти отсюда живым.

— Можете вложить саблю в ножны, мсье,— сказал врач и дружелюбно посмотрел на меня.— Я поляк по происхождению и не питаю ненависти ни к вам, ни к

французам вообще. Я сделаю все возможное для раненых, но не больше. В обязанности врача не входит брать в плен гусар. С вашего разрешения я только захвачу охапку соломы на подстилку этим беднягам.

Я хотел взять с него клятву, но по опыту знал, что, если человек решился лгать, он не поколеблется дать ложную клятву, и промолчал. Врач поднял крышку люка, сбросил вниз соломы сколько ему было нужно и спустился с лестницы, закрыв крышку. Я внимательно следил за ним — он вернулся к своим раненым, моя добрая хозяюшка не отходила от него ни на шаг, но он занялся своими обязанностями, не сказав ни слова.

К этому времени я был уже уверен, что весь корпус прошел, и направился к отверстию в крыше, полагая, что путь свободен,— разве только на дороге окажется несколько отставших, на которых нечего и обращать внимание. Действительно, первый корпус прошел, и я видел, как последние ряды пехоты скрылись в лесу; но представьте себе мое разочарование, когда из Сен-Ламберского леса показался второй корпус, столь же многочисленный, как и первый. Сомнений не оставалось: вся прусская армия, которая, как мы считали, была разгромлена при Линьи, вот-вот обрушится на наш правый фланг, а Груши попался на какую-то нелепую удочку. Рев пушек, который стал теперь гораздо ближе, возвестил, что прусские батареи, проехавшие мимо меня, уже вступили в дело. Представьте себе мое положение! Проходил час за часом, солнце клонилось к западу. А эта проклятая харчевня, в которой я укрылся, все ещё была островком среди бурного потока свирепых пруссаков. Мне было необходимо найти маршала Груши, а я не мог высунуть носа из харчевни — меня немедленно взяли бы в плен. Можете вообразить, как я ругался и рвал на себе волосы. Как мало знаем мы, что нас ждет! Но в то самое время, когда я в ярости роптал на судьбу, она готовила мне предназначение гораздо более высокое, нежели доставить приказ Груши, предназначение, которое я никогда не исполнил бы, если б не застрял в этой грязной харчевне на опушке Парижского леса.

Два прусских корпуса уже прошли, и мимо меня двигался третий, как вдруг я услышал в комнате для

гостей громкий шум и голоса. Я перебрался на другое место и заглянул вниз, желая узнать, что там происходит.

Прямо подо мной два прусских генерала склонились над картой, расстеленной на столе. Несколько адъютантов и штабных офицеров молча стояли вокруг. Один из генералов был злобный старик, седой и морщинистый, с растрепанными седеющими усами и голосом, похожим на собачий лай. Другой был помоложе, с длинным суровым лицом. Он измерял расстояние по карте с усердием студента, а первый генерал топал ногами, злился и ругался, как гусарский капрал. Странно было видеть старика в такой ярости, тогда как молодой сохранял полнейшее самообладание. Целиком их разговор я не понял, но мог поручиться за общий смысл.

— Говорю вам, надо наступать — вперед и только вперед! — крикнул старик и страшно выругался по-немецки.— Я обещал Веллингтону, что прибуду со всей армией, даже если меня придется привязать, чтобы я не упал с лошади. Корпус Бюлова уже в деле, Цитен поддержит его всеми силами и огнем всех пушек. Вперед, Гнейзенау, вперед!

Второй покачал головой.

— Ваше превосходительство, не следует забывать, что если англичане будут разбиты, они отступят к морю. Каково же будет ваше положение, когда Груши отрежет вас от Рейна?

— Мы их разобьем, Гнейзенау. Мы с герцогом сотрем их в порошок. Вперед, я приказываю! Война будет закончена единым ударом. Подтяните войска Пирша, и мы сможем бросить на чашу весов шестьдесят тысяч человек, а Тильман будет удерживать Груши за Вавром.

Гнейзенау пожал плечами, но тут в дверях появился ординарец.

— Прибыл адъютант герцога Веллингтона,— доложил он.

— Ага! — вскричал старик.— Послушаем, чем он нас порадует!

В комнату, шатаясь, вошел английский офицер, его красный мундир почернел от грязи и запекшейся кро-

ви. Рука у него была перевязана окровавленным платком, и, чтобы не упасть, он оперся о стол.

— Я послан к маршалу Блюхеру,— сказал он.

— Я маршал Блюхер. Говорите скорей, в чем дело!— воскликнул нетерпеливый старик.

— Герцог приказал передать вам, что английская армия не дрогнет и он нисколько не сомневается в успехе. Французская кавалерия разбита, две пехотные дивизии полностью уничтожены, в резерве осталась только гвардия. Если вы поддержите нас сильным ударом, французы будут разгромлены наголову, и...

Тут колени его подкосились, и он, как мешок, свалился на пол.

— Все ясно!— воскликнул Блюхер.— Гнейзенау, пошлите к Веллингтону адъютанта, пусть сообщит, что герцог может полностью на меня рассчитывать. Вперед, господа, у нас много дела!

Он выбежал из комнаты, и весь его штаб, звякая шпорами, поспешил следом, а двое ордиарцев передали раненого англичанина на попечение врача.

Гнейзенау, который был начальником штаба, помедлил немного, потом положил руку на плечо одному из адъютантов. Этот человек сразу привлек мое внимание, потому что на достойных людей глаз у меня наметанный. Он был высок и строен, хоть сейчас в кавалерию; право, у нас с ним было даже кое-что общее во внешности. В темном его лице было что-то ястребиное, черные глаза грозно сверкали из-под густых, косматых бровей, а с такими усами, как у него, ему нетрудно было бы попасть в лучший эскадрон моих гусар. На нем был зеленый мундир с белыми обшлагами и кивер с конским хвостом — я понял, что он драгун и самый лихой из всех кавалеристов, каких я с удовольствием проткнул бы саблей.

— Послушайте, граф Штейн,— сказал Гнейзенау.— Если враг будет разгромлен, но императору удастся бежать, он соберет новую армию, и нам придется все начинать сначала. Если же мы возьмем императора в плен, тогда войне конец. Ради этого стоит не пожалеть стараний и рискнуть головой.

Молодой драгун ничего не ответил, но слушал очень внимательно.

— Допустим, герцог Веллингтон прав, французская армия будет разбита наголову и обращена в бегство. Тогда император, несомненно, отправится назад через Женап и Шарлеруа, так как это самая короткая дорога к границе. Надо полагать, у него будут хорошие лошади и отступающие войска очистят ему дорогу. Наша кавалерия будет преследовать разбитую армию, но император окажется далеко впереди своих войск.

Молодой драгун наклонил голову.

— Вам, граф Штейн, я поручаю императора. Если вы возьмете его в плен, ваше имя войдет в историю. У вас слава лучшего кавалериста во всей армии. Берите себе в помощь кого хотите — думаю, что десяти или двенадцати человек вам хватит. В бой не ввязывайтесь, отступающих не преследуйте, езжайте стороной и берегите силы для достижения более высокой цели. Вы меня поняли?

Драгун снова наклонил голову. Он не тратил слов, и это произвело на меня впечатление. Я понял, что он и в самом деле опасный человек.

— Ну что ж, остальное предоставляю на ваше усмотрение. Отбросьте все, кроме главного. Карету императора и его самого вы узнаете без труда, ошибиться невозможно. А теперь мне нужно догонять маршала. Прощайте! Если мы еще увидимся, я не сомневаюсь, что смогу поздравить вас с подвигом, который будет греметь по всей Европе.

Драгун отдал честь, а Гнейзенау поспешно вышел из комнаты. Молодой офицер постоял немного в глубокой задумчивости. Потом он вышел вслед за начальником штаба. Я с любопытством следил за ним через щель, ожидая, что он будет делать дальше. Его конь, красивый, сильный, гнедой, с белыми чулками на передних ногах, был привязан у двери харчевни. Он вскочил в седло и, выехав наперерез колонне кавалеристов, показавшейся на дороге, заговорил с офицером, ехавшим во главе передового полка. После короткого разговора двое гусар — полк был гусарский — выехали из рядов и встали рядом с графом Штейном. Затем он остановил следующий полк, и к нему присоединились двое улан. Из следующего полка он взял двух драгун, потом

«Приключения бригадира Жерара»

«Женитьба бригадира»

двух кирасиров. Наконец, он отвел свой маленький отряд в сторону, собрал всех вокруг себя и стал объяснять, что им предстоит сделать. А потом девять человек тесной группой исчезли в Парижском лесу.

Незачем и объяснять вам, друзья мои, что́ все это означало. Ведь этот Штейн действовал именно так, как стал бы действовать я сам на его месте. У каждого полковника он взял двоих лучших кавалеристов и собрал такой отряд, от которого никому не уйти. И если они пустятся в погоню за императором, а при нем не будет конвоя, да помилует его бог!

Представьте же себе, дорогие друзья, каково было мне — меня била лихорадка, бросало в жар, я едва не лишился рассудка. О Груши я больше не думал. На востоке не было слышно стрельбы. Значит, он далеко. Если он и подойдет, то все равно опоздает, и исход сражения будет уже решен. Солнце стояло низко, до темноты оставалось всего два или три часа. Так что не имело никакого смысла выполнять приказ. Зато появилось другое, более срочное и важное дело, от которого зависело спасение императора, а может быть, и его жизнь. Любой ценой, невзирая ни на какую опасность, я должен прорваться к нему. Но как это сделать? Путь к своим мне преграждала вся прусская армия. Они отрезали все дороги, но дорогу долга отрезать невозможно, когда Этьен Жерар видит ее перед собой. Дольше медлить было нельзя. И я решился ехать.

Спуститься с чердака я мог только по лестнице, тут уж ничего не попишешь, так как другого люка не было. Я заглянул в кухню и увидел, что молодой врач все еще там. Раненый английский адъютант сидел на стуле, а рядом на соломе лежали в совершенном изнеможении двое прусских солдат. Остальные уже пришли в себя, и их отправили в тыл. Итак, мне, чтобы добраться до своего коня, предстояло пройти мимо врагов. Врача мне нечего было бояться; англичанин был ранен, и к тому же его сабля вместе с плащом лежала в углу; двое немцев валялись почти без чувств, и ружей около них не было видно. Чего же проще? Я поднял крышку люка, соскольз-

нул вниз по лестнице и появился среди них с обнаженной саблей в руке.

Видели бы вы их удивление! Врач, тот, конечно, все знал, но англичанину и двум немцам, должно быть, показалось, что сам бог войны спустился с небес. Пожалуй, на меня и впрямь стоило посмотреть, я был великолепен в серебристо-сером мундире со сверкающей саблей в руке. Оба немца окаменели, вытаращив глаза. Английский офицер привстал, но от слабости снова упал на стул, разинув рот.

— Что за черт! — повторял он.— Что за черт!

— Ни с места,— сказал я.— Я никого не трону, но горе всякому, кто попытается меня задержать. Если вы не будете мне мешать, вам нечего бояться, но берегитесь оказаться на моем пути. Я полковник Этьен Жерар из Конфланского гусарского полка.

— Ах черт! — сказал англичанин.— Тот самый, что убил лису.

Его лицо перекосилось от злобы. Охотничья зависть — низменное чувство. Этот англичанин ненавидел меня за то, что я, а не он убил лисицу. До чего же разные у нас характеры! Сделай он это у меня на глазах, я обнял бы его, радуясь и ликуя. Но пререкаться было некогда.

— Мне, право, очень жаль, сэр,— сказал я.— Но я вынужден буду позаимствовать у вас плащ.

Он попытался встать со стула и дотянуться до сабли, но я загородил угол, где она лежала.

— Есть у вас что-нибудь в карманах?

— Шкатулка,— ответил он.

— Не стану вас грабить,— сказал я. Взяв плащ, я вынул из кармана серебряную флягу, квадратную деревянную шкатулку и подзорную трубу. Все это я отдал ему. Но тут этот негодяй открыл шкатулку, достал пистолет и прицелился мне в лоб.

— А теперь, милейший,— сказал он,— положите-ка свою саблю и сдавайтесь.

Я был так поражен этим низким коварством, что буквально остолбенел. Я пытался говорить о чести, о благодарности, но глаза его над стволом пистолета стали еще злее.

— Довольно болтать! — сказал он.—Бросай оружие!

Мог ли я вынести такое унижение? Лучше умереть, чем дать себя обезоружить таким образом. Я уже готов был крикнуть: «Стреляй!»,— как вдруг англичанин куда-то исчез, и на его месте выросла груда сена, среди которой барахтались рука в красном рукаве и пара ботфорт. Ах, моя храбрая хозяюшка! Бакенбарды меня спасли.

— Беги, солдатик, беги! — воскликнула она и навалила еще сена на барахтающегося англичанина. В мгновенье ока я перебежал двор, вывел Фиалку из конюшни и вскочил в седло. Из окна грянул выстрел, пуля просвистела у самого моего плеча, и я увидел искаженное яростью лицо. Я презрительно усмехнулся, пришпорил лошадь и вылетел на дорогу. Последний прусский солдат уже скрылся в лесу, путь к исполнению долга был свободен. Если Франция победила, все в порядке. Если Франция побеждена, то от меня и от моей лошадки зависит даже больше, чем победа или поражение, от меня зависит спасение и жизнь императора. «Вперед, Этьен, вперед! — воскликнул я.— Из всех твоих славных подвигов тебе сейчас предстоит самый великий, пусть даже он будет последним!»

2. РАССКАЗ О ДЕВЯТИ ПРУССКИХ КАВАЛЕРИСТАХ

В прошлый раз, друзья мои, я рассказал о том, как император поручил мне доставить важный приказ маршалу Груши, но мне не удалось исполнить его поручение в силу неожиданных обстоятельств, и я целый долгий день просидел на чердаке харчевни, не имея возможности выйти, потому что вокруг были прусские войска. Вы помните, как я подслушал приказ прусского начальника штаба графу Штейну и узнал про опасный план, который они сразу начали приводить в исполнение,— убить или взять в плен императора после разгрома французской армии. Сперва я не мог этому поверить, но пушки гремели весь день, и канонада не приближалась, а это значило, что англичане, во всяком случае, не отступают и отбили все наши атаки.

Я уже говорил, что в тот день душа Франции натолкнулась на тушу Англии, но надо признать, что туша ока-

залась весьма крепкой. А если императору не удалось справиться с одними англичанами, то теперь, когда шестьдесят тысяч этих проклятых пруссаков лезут с фланга, ему и впрямь приходится туго. И как бы то ни было, зная о тайных планах врага, я должен быть рядом с ним.

В прошлый раз я вам рассказывал, как смело я вырвался из харчевни и умчался во весь опор, а этот идиот английский адъютант в бессильной злобе грозил мне кулаком из окна. Оглянувшись на него, я поневоле рассмеялся, потому что его злое, красное лицо все было облеплено сеном. Выехав на дорогу, я привстал на стременах и накинул красивый черный плащ на красной подкладке, принадлежавший англичанину. Он доходил мне до самых ботфорт и совершенно скрыл мундир, который мог меня выдать. Что же до моего кивера, то такие носят и немцы, следовательно, он не должен был привлечь к себе внимание. Если со мной никто не заговорит, я вполне смогу проехать через всю прусскую армию; но, хотя я и понимал по-немецки, поскольку в то золотое время, когда мы воевали в этой стране, у меня там было очень много знакомых дам, говорил я с красивым парижским акцентом, который сразу отличишь от их грубой, немелодичной речи. Я знал, что этот акцент сразу же меня выдаст, но мне оставалось только уповать на бога и надеяться, что я сумею проехать молча.

Парижский лес был такой огромный, что нечего было и думать объехать его стороной, поэтому я собрал все свое мужество и поскакал прямо по дороге, по которой прошла прусская армия. Найти дорогу не составило труда, колеи от пушек и повозок с зарядными ящиками были глубиной не меньше двух футов. Вскоре я увидел, что по обе стороны от меня валяются раненые, пруссаки и французы,— здесь авангард Бюлова столкнулся с гусарами Марбо. Один старик с длинной седой бородой, видимо, врач, окликнул меня и побежал вслед за мной, но я даже головы не повернул и не обратил никакого внимания на его крики, только пришпорил коня. Он давно уже скрылся за деревьями, а крики его все еще были слышны.

Вскоре я доехал до прусских резервов. Пехотинцы стояли, опершись на ружья, некоторые, обессилев, ле-

жали на мокрой земле, а офицеры собрались кучками, прислушиваясь к могучему грохоту и обсуждая вести с поля битвы. Я промчался мимо них во весь опор, но один из них выбежал на дорогу, преградил мне путь и поднял руку, приказывая остановиться. На меня смотрели глаза пяти тысяч пруссаков. Да, это был ужасный миг! Вы бледнеете, друзья мои, от одной мысли об этом. А у меня просто волосы встали дыбом. Но ни на секунду меня не покинули самообладание и мужество. «Генерал Блюхер!» — крикнул я. Не мой ли ангел-хранитель шепнул мне на ухо эти слова? Пруссак отскочил в сторону, отдал честь и указал вперед. У них прекрасная дисциплина, у этих пруссаков, да и кто он такой, чтобы остановить офицера, который скачет с донесением к генералу? Теперь я словно обрел талисман, с которым невредимый пройду через все опасности, и при этой мысли душу мою наполнило ликование. Я был в таком восторге, что уже не ждал вопроса, а сам, проезжая среди войск, кричал направо и налево: «Генерал Блюхер! Генерал Блюхер!» — и все указывали вперед и расступались, давая мне дорогу. Бывают обстоятельства, когда нахальство — это высшая мудрость. Но нельзя злоупотреблять этим, а я, признаться, перестарался. Когда я был уже совсем близко от поля сражения, один уланский офицер схватил моего коня под уздцы и указал на группу людей, которые стояли подле горящего дома.

— Вон маршал Блюхер. Передайте ему донесение! — сказал он, и правда, этот ужасный седой старик был от нас на расстоянии пистолетного выстрела и смотрел прямо на меня.

Но мой добрый ангел-хранитель не оставил меня. Как молния промелькнула у меня в голове фамилия генерала, который командовал авангардом прусских войск.

— Генерал Бюлов! — крикнул я. Улан отпустил уздечку.— Генерал Бюлов! Генерал Бюлов! — кричал я, а мой добрый конь с каждым шагом уносил меня все ближе к своим.

Я проскакал через горящую деревню Плансиуа, промчался между двумя колоннами прусской пехоты, заставил лошадь перепрыгнуть через изгородь, зарубил силезского гусара, бросившегося мне наперерез, и через

мгновенье, распахнув плащ, чтобы виден был мой мундир, пронесся через ряды Десятого полка и снова оказался в самой середине корпуса Лобо. Его обошли с флангов, и он медленно отступал перед превосходящими силами противника. Я поскакал дальше, думая только о том, как добраться до императора.

Но то, что я увидел, приковало меня к месту, словно я вдруг превратился в величественную конную статую. Не в силах пошевельнуться, я едва дышал. Я очутился на холме, и передо мной открылась вся длинная, неглубокая долина Ватерлоо. Еще недавно, уезжая отсюда, я видел по ее краям две огромные армии, а посередине открытое пространство. Теперь же на обоих склонах виднелись лишь остатки потрепанных и разбитых полков, а посередине — целая армия убитых и раненых. На две мили в длину и на полмили в ширину земля была сплошь усеяна трупами. Но вид побоища был для меня не нов, и не от этого я оцепенел. А оттого, что на длинном склоне, где были английские позиции, вырос подвижный лес, черный, шевелящийся, колышущийся, густой. Мне ли не узнать медвежьи шапки гвардейцев? Не мое ли чутье солдата подсказало мне, что это последний резерв Франции, что император, как отчаявшийся игрок, поставил все на последнюю карту? Гвардейцы поднимались все выше, великолепные, бесстрашные, не дрогнув под ружейными залпами и ураганным огнем артиллерии, они катились вперед грозной черной волной и захлестнули английские батареи. В подзорную трубу я увидел, как английские артиллеристы попрятались под свои пушки или бросились бежать. А волна медвежьих шапок катилась все дальше и наконец с грохотом, который донесся до меня, схлестнулась с английской пехотой. Прошла минута, другая, третья. У меня упало сердце. Они топтались на месте; они уже не наступали; их остановили. Боже правый! Возможно ли, что они дрогнули? Одна черная точка скользнула вниз по склону, потом две, четыре, десять, и вот огромная, беспорядочная, бурлящая толпа дрогнула, остановилась, снова дрогнула и наконец в беспорядке, обезумев, устремилась вниз. «Гвардия разбита! Гвардия разбита!» Этот крик несся со всех сторон. По всему фронту пехота обратилась в бегство, артиллеристы побросали пушки.

«Старая гвардия разбита! Гвардия бежит!» Выкрикивая эти слова, мимо меня пробежал офицер с мертвенно-бледным лицом. «Спасайтесь! Спасайтесь! Нас предали! — кричал другой.—Спасайтесь! Спасайтесь!» Люди, потеряв рассудок, бежали прочь с поля боя, они метались и прыгали, как стадо перепуганных баранов. Со всех сторон неслись крики и вопли. Я оглядел английские позиции, и то, что я увидел, мне никогда не забыть. На фоне зловещего заката отчетливо вырисовывался черный силуэт одинокого всадника. Он был такой черный и недвижный в мрачном, мертвенном свете, словно сам бог войны спустился в эту ужасную долину. Я видел, как он высоко поднял над головой шляпу, и по этому сигналу, с глухим яростным ревом, подобным реву прибоя, вся английская армия хлынула по склону и захлестнула долину. Длинные, ощетинившиеся сталью красносиние шеренги, стремительные волны кавалерии, конные батареи, с грохотом подпрыгивавшие на кочках, разом устремились вниз, на наши редеющие ряды. Все было кончено. От одного нашего фланга до другого пронесся душераздирающий крик храбрецов, которые видят безнадежность своего положения, и вмиг вся славная армия была сметена, превратилась в обезумевшую, охваченную ужасом толпу. Вы видите, друзья мои, что даже теперь я не могу говорить об этом ужасном мгновении без слез и без дрожи в голосе.

Сначала этот дикий поток захватил меня и понес, как ручей соломинку. И вдруг среди смешавшихся полков я увидел суровых всадников в серебристо-серых мундирах, которые ехали, высоко подняв порванное и потрепанное знамя! Вся мощь Англии и Пруссии не могла сломить гусар Конфланского полка. Но, когда я приблизился к ним, сердце мое облилось кровью. Майор, семь капитанов и пятьсот рядовых остались лежать на поле брани. Командовал полком молодой капитан Сабатье, и когда я спросил его, где пять недостающих эскадронов, он указал назад и сказал: «Вы найдете их вокруг одного из английских каре». Люди и кони едва дышали, они были взмыленные и грязные; но когда я увидел, что остатки потрепанного полка все же едут сомкнутым строем и все как один, от юного трубача до старого полкового сержанта, на своих местах, сердце мое

преисполнилось гордостью. Если б я мог повести их за собой для охраны императора! Окруженный гусарами Конфланского полка, он был бы в полной безопасности. Но их кони слишком устали и еле плелись шагом. И я поехал вперед, отдав приказ собраться возле деревушки Сент-Онэ, где мы два дня назад стояли лагерем. Я нахлестывал лошадь, торопясь найти императора.

Пробираясь через эту ужасную толпу, я насмотрелся такого, что никогда не изгладится из моей памяти. По ночам мне снова и снова снится это море мертвенно-бледных лиц, с вытаращенными глазами, ртами, разинутыми в крике, которое плескалось подо мной. Это был настоящий кошмар. В пылу победы не чувствуешь всех ужасов войны. Только в леденящем душу ознобе поражения сознаешь их до конца. Помню старого гвардейца-гренадера, он лежал на обочине дороги, и его сломанная нога торчала в сторону. «Братцы, братцы, не наступайте мне на ногу!» — кричал он, но все равно его топтали и пинали. Передо мной ехал уланский офицер, голый до пояса. Ему только что отняли руку в лазарете. Повязка съехала. Это было ужасно. Двое артиллеристов пытались протащить свое орудие. Какой-то егерь вскинул ружье и выстрелил одному из них в голову. Я видел, как майор кирасирского полка вытащил из седельной кобуры два пистолета и сначала пристрелил свою лошадь, а потом пустил пулю себе в лоб. У самой дороги человек в синем мундире вопил и бесновался, как одержимый. Лицо у него почернело от порохового дыма, мундир разорвался, одного эполета не было, другой болтался на груди. Только подъехав к нему совсем близко, я узнал его — это был маршал Ней. Он буквально выл на бегущие войска, да, да, это был вой зверя. Вдруг он поднял обломок своей шпаги — она была сломана в трех дюймах от эфеса.

— Глядите, как умеет умирать маршал Франции! — воскликнул он.

Я с охотой последовал бы его примеру, но мой долг звал меня дальше. Вы знаете, что он не нашел тогда смерти, которой искал, но хладнокровно принял ее через несколько недель от своих врагов [1].

[1] После реставрации Людовика XVIII маршал Ней был присужден к смертной казни и расстрелян.

Есть старая пословица, что в наступлении француз смелее льва, а в отступлении — хуже зайца. И в тот день я понял, что это так. Но даже в этой сумятице я видел такое, о чем могу рассказать с гордостью. Через поля, в отдалении от дороги, двигались три резервных батальона гвардии Камброна, краса и гордость нашей армии. Они шагали медленно, выстроившись в каре, и знамена развевались над величественными медвежьими шапками. Вокруг них неистовствовала английская кавалерия, черные уланы герцога Брауншвейгского набегали волна за волной, с грохотом разбивались о них и откатывались. Когда я видел этих гвардейцев в последний раз, шесть английских пушек разом выпалили в них картечью, английская пехота окружила их с трех сторон и осыпала пулями; но, подобно тому, как отважный лев отбивается от свирепых собак, которые наседают на него с боков, остатки доблестной гвардии с честью выходили из последнего боя, медленно, шаг за шагом, то и дело останавливаясь, выравнивая и смыкая ряды. Неподалеку на склоне стояла гвардейская батарея двенадцатифунтовых пушек. Все артиллеристы были на местах, но пушки молчали.

— Почему вы не стреляете? — спросил я, проезжая мимо, у их полковника.

— Порох кончился.

— Тогда почему же не отступаете?

— Может быть, мы их хоть немного отпугнем своим видом. Надо дать императору время спастись.

Таковы были французские солдаты.

Под прикрытием этих храбрецов остальные перевели дух и двигались уже без прежней паники. Они разбрелись в стороны от дороги, и в сумерках я повсюду видел трусливую, беспорядочную, перепуганную толпу, которая десять часов назад была лучшей армией из всех, какие когда-либо вступали в бой. Я на своей резвой лошади вскоре выбрался из толпы и, миновав Женап, нагнал императора с остатками его штаба. Сульт все еще был при нем, и Друо, Лобо и Бертран тоже, вместе с пятью гвардейцами егерского полка, но лошади их едва плелись. Было уже почти темно, и когда император повернулся ко мне, лицо его смутно белело.

— Кто это? — спросил он.

— Полковннк Жерар,— ответил Сульт.

— Вы иашли маршала Груши?

— Нет, ваше величество. Там были пруссакн.

— Это ие имеет значеиня. Теперь ничто ие нмеет значеиия. Сульт, я вернусь иазад.

Он попытался повернуть, но Бертран схватил его коня под уздцы.

— Ах, ваше величество,— сказал Сульт,— враг н без того торжествует.

И, окружив императора, оии заставили его ехать дальше. Он ехал молча, склоиив голову на грудь,— самый великий и скорбный из людей. А далеко позади все грохотали неумолимые пушки. Иногда в темноте слышалнсь крики, стоны н быстрый глухой стук копыт. Но мы лишь пришпоривали коией н спешили вперед, обгоняя отступающне в беспорядке войска. Мы ехали всю ночь при свете луиы и накоиец оставнли позади и преследователей и преследуемых. Когда мы миновали мост при въезде в Шарлеруа, уже занималась заря. Должио быть, в ее холодиом н ясиом свете мы казалнсь толпой призраков — император с бледиым, словио восковым, лицом, Сульт, весь черный от порохового дыма, Лобо в пятиах крови! Но теперь мы ехалн спокойнее и перестали оглядываться иазад, так как Ватерлоо осталось более чем в трндцатн милях позадн. В Шарлеруа мы взялн одиу из карет императора н теперь, остаиовившись на другом берегу Самбры, спешилнсь.

Вы спросите, почему я все это время ни словом не обмолвнлся о самом главном — о необходимости бдительно охраиять императора. Клянусь, я пытался заговорить об этом и с Сультом и с Лобо, ио оии были так потрясеиы несчастьем и так заияты неотложнымн заботами, что невозможио было заставнть нх поиять, какие важные сведеиия я привез. Кроме того, весь этот долгий путь вместе с нами по дороге двнгалось много фраицузскнх беглецов, н, как ни подавлеиы оин былн, мы все же могли не бояться иападеиня девяти человек. Теперь же, в это раниее утро, когда мы стоялн вокруг кареты императора, я с тревогой увидел, что иа длиииой белой дороге, уходнвшей вдаль позади нас, нет нн одиого фраицузского солдата. Мы опередилн армию. Я огляделся в понсках каких-нибудь средств защиты. Конн егерей

пали, и нас сопровождал теперь только один из них, сержант с седыми бакенбардами. Оставались Сульт, Лобо и Бертран; но при всех их талантах, если дойдет до настоящей схватки, я предпочел бы одного-единственного гусарского квартирмейстера всем троим вместе. Кроме них, был еще сам император, кучер и камердинер, который присоединился к нам в Шарлеруа, итого восемь человек; но из этих восьми только двое, егерь и я, были настоящими бойцами, на которых можно было положиться в крайнюю минуту. Я похолодел, когда понял, как мы беспомощны. И тут, подняв глаза, я увидел, что в гору поднимаются девять прусских всадников.

Дорога в том месте шла через широкую холмистую равнину — часть ее желтела посевами, а часть была поймой Самбры и поросла густой травой. К югу от нас была цепь невысоких холмов, через которую переваливала дорога во Францию. По этой дороге и ехала кучка всадников. Граф Штейн неукоснительно выполнил приказ, он взял южнее, уверенный, что обгонит императора. Теперь он двигался нам навстречу — с этой стороны мы меньше всего могли ожидать нападения. Когда я их заметил, они были в полумиле от нас.

— Ваше величество! — воскликнул я.— Пруссаки!

Все вздрогнули и вытаращили на меня глаза. Молчание нарушил император.

— Кто говорит, что это пруссаки?

— Я, ваше величество, я, Этьен Жерар!

Когда кто-нибудь сообщал императору неприятную новость, он всегда гневался на этого человека. И он принялся ругать меня хриплым, надтреснутым голосом, с корсиканским акцентом, который у него появлялся, когда он выходил из себя.

— Вы всегда были шутом! — воскликнул он.— С чего это вам, болван вы этакий, взбрело на ум, что там пруссаки? Как могут пруссаки ехать из Франции? Если у вас и была голова, вы ее потеряли.

Его слова как плетью хлестали меня, но каждый из нас испытывал к императору те же чувства, что старая собака к своему хозяину. Она тут же все забывает и прощает ему побои. Я не стал спорить или оправдываться. Мне сразу бросились в глаза белые чулки на

передних ногах головной лошади, и я отлично знал, что на ней сидит граф Штейн. Девять всадников придержали коней и принялись нас разглядывать. Потом они дали коням шпоры и с торжествующим криком помчались по дороге прямо к нам. Они знали, что добыча не ускользнет.

Когда они стремительно ринулись на нас, всякие сомнения исчезли.

— Ваше величество, клянусь богом, это действительно пруссаки! — воскликнул Сульт. Лобо и Бертран метались по дороге, как две перепуганные курицы. Егерский сержант, изрыгая проклятия, обнажил саблю. Кучер и камердинер вопили и ломали руки. Наполеон стоял с каменным лицом, поставив одну ногу на подножку кареты. А я... ах, друзья мои, я был великолепен! Какими словами описать мое поведение в этот славный миг моей жизни? Я весь подобрался, призвал на помощь все свое хладнокровие, всю ясность ума и был готов действовать. Он назвал меня болваном и шутом. Как быстро и как благородно я отомстил ему! Когда он сам потерял голову, помог ему не кто иной, как Этьен Жерар.

Вступать в бой было бы нелепо; бежать — смешно. Император был такой грузный и к тому же валился с ног от усталости. Да и вообще он никогда не был хорошим кавалеристом. Разве ему уйти от этих людей, лучших наездников в целой армии? Ведь среди них самый знаменитый кавалерист Пруссии. Но я был самым знаменитым кавалеристом Франции. Только я и мог с ними тягаться. Если они примут меня за императора и погонятся за мной, есть еще надежда на счастливый исход. Все эти мысли молнией сверкнули у меня в голове. Еще мгновенье, и я перешел к быстрым и решительным действиям. Я бросился к императору, который, казалось, окаменел; от врагов его скрывала карета.

— Ваш сюртук, ваше величество! Вашу шляпу! — воскликнул я.

Я сорвал с него сюртук и шляпу. Никогда еще с ним не обращались так непочтительно. Мгновенно облачившись в них, я втолкнул его в карету. Потом вскочил на его знаменитого арабского скакуна и вылетел на дорогу.

Вы уже, конечно, поняли, что я задумал; но у вас может возникнуть вполне справедливый вопрос: как это я рассчитывал, что меня примут за императора? Ведь вы еще сейчас можете видеть, как я прекрасно сложен, он же никогда не был хорош собой,— полный, невысокого роста. Но когда человек сидит в седле, трудно определить его рост, что же касается всего прочего, то достаточно пригнуться, сгорбить спину и стараться быть похожим на мешок с мукой. На мне была треуголка и широкий серый сюртук с серебряной звездой, знакомый в Европе каждому ребенку. Подо мной был знаменитый белый конь императора. Этого было довольно.

Пруссаки были уже от нас в двух сотнях шагов. Я с нарочитым отчаянием взмахнул руками и заставил коня вскочить на придорожную насыпь. Этого оказалось достаточно. Пруссаки издали крик, полный торжества и злобной ненависти. Это был вой голодных волков, почуявших добычу. Я пришпорил коня и помчался через пойменные луга, оглядываясь назад и прикрывая лицо ладонью. Ах, это был славный миг, когда я увидел, что восемь всадников один за другим перемахнули через насыпь и устремились за мной! Только один замешкался, и я услышал крики и шум схватки. Я вспомнил про старого сержанта и с уверенностью сказал себе, что одним врагом стало меньше. Путь был свободен, император мог ехать дальше.

Теперь пришло время подумать о себе. Если пруссаки настигнут меня, они рассвирепеют, и расправа будет короткой. Ну что ж, раз уж мне суждено умереть, я по крайней мере дорого продам свою жизнь. Но я надеялся, что мне удастся уйти от них. Будь там обычные всадники на обычных лошадях — это не составило бы для меня никакого труда, но и всадники и кони были лучшие из лучших. Подо мной конь был отличный, но он устал после долгой ночной скачки, а император не очень-то умел беречь лошадей. Он совсем о них не думал и без жалости рвал поводья. Но ведь Штейн и его люди тоже совершили долгий и быстрый бросок. Скачки проходили на равных.

До сих пор я действовал под влиянием мгновенного порыва и не успел подумать о том, как спастись само-

му. Подумай я об этом, я, разумеется, поскакал бы назад по той же дороге и в конце концов добрался бы до своих. Но я проехал уже больше мили в сторону от дороги, прежде чем это пришло мне в голову. Оглянувшись, я увидел, что мои преследователи растянулись длинной вереницей, стараясь отрезать меня от дороги на Шарлеруа. Я не мог повернуть назад, но мог по крайней мере постепенно забирать к северу. Я знал, что вся округа полна нашими отступающими войсками и рано или поздно кто-нибудь из своих попадется мне на пути.

Но я забыл об одном — о Самбре. Разгоряченный, я не вспомнил об этой реке до тех пор, пока не увидел ее, широкую и полноводную, сверкающую под лучами утреннего солнца. Она преградила мне путь, а пруссаки радостно выли у меня за спиной. Я доскакал до воды, но дальше конь никак не шел. Я дал ему шпоры, но берег был высок, а река глубока. Дрожа и фыркая, он попятился. Торжествующие вопли все приближались. Я повернул и помчался во весь опор по берегу. В том месте река образовывала излучину, через которую мне предстояло как-то перебраться, так как путь назад был отрезан. И вдруг в душе у меня блеснула надежда — я увидел на этом берегу дом, а на том — еще один. Два таких дома обычно означают, что между ними брод. К воде вел пологий спуск, и я направил по нему коня. Он повиновался, и вскоре вода дошла до седла, она пенилась справа и слева. Один раз конь потерял опору, оступился, и я уже думал, что мы пропали, но он снова нащупал дно и через мгновенье уже скакал по противоположному склону. Когда мы выбрались из воды, я услышал позади плеск — это первый из пруссаков въехал в реку. Нас разделяла теперь только ширина Самбры.

Я ехал, втянув голову в плечи, как это делал Наполеон, и не смел оглянуться, боясь, что они увидят мои усы. Чтобы хоть как-то скрыть их, я поднял воротник серого сюртука. Ведь даже теперь они, поняв свою ошибку, еще могли повернуть назад и настичь карету. Скоро мы снова скакали по дороге. Стук копыт за моей спиной становился все громче — погоня настигала меня. Мой конь мчался по каменистой, избитой дороге, кото-

рая вела от брода. Я украдкой взглянул назад из-под руки и увидел, что меня нагоняет только один всадник, который далеко опередил своих товарищей. Это был маленький, щуплый гусар на огромном черном коне, он оказался впереди благодаря своему малому весу. Быть впереди почетно, но вместе с тем и опасно, в чем ему вскоре довелось убедиться. Я ощупал кобуры, но к моему ужасу пистолетов там не оказалось. В одной я нашарил подзорную трубу, другая была набита бумагами. Моя сабля осталась на седле у Фиалки. Но я был не совсем безоружен. На седле висела сабля самого императора. Она была короткая и кривая, с золотой насечкой,— такая штука более пригодна для того, чтобы сверкать на парадах, чем служить воину в минуту смертельной опасности, но я выхватил ее из ножен, какую ни на есть, и ждал только случая пустить в ход. С каждой секундой стук копыт приближался. Я слышал фырканье лошади и угрожающие крики всадника. Впереди был крутой поворот, и, едва миновав его, я поднял своего белого арабского скакуна на дыбы. За поворотом я оказался лицом к лицу с прусским гусаром. Он не успел остановиться, и ему оставалось лишь одно — сшибить меня с разгона. Если б это удалось ему, он погиб бы сам, зато искалечил бы меня или мою лошадь, и я уже не мог бы спастись бегством. Но этот болван, видя, что я жду его, взял вправо и проскакал мимо. Я сделал выпад через шею своего скакуна и вонзил свою игрушечную саблю ему в бок. Должно быть, она была из превосходной стали и острая, как бритва, потому что я и не почувствовал, как она вошла в него, но кровь обагрила клинок почти до самого эфеса. Лошадь поскакала дальше, и раненый еще сотню шагов держался в седле, а потом повалился вперед, зарывшись лицом в гриву, соскользнул на бок и упал на дорогу. А я уже скакал вслед за его лошадью. Все, о чем я рассказал, продолжалось лишь несколько секунд.

Я услышал, как пруссаки злобно завопили далеко позади,— это они проехали мимо своего мертвого товарища, и я не удержался от улыбки при мысли о том, каким лихим кавалеристом и рубакой они считают императора. Я снова украдкой поглядел назад и увидел, что ни один из семерых не остановился. Судьба това-

рища была ничто в сравнении с их главной целью. Они были неутомимы и кровожадны, как гончие. Но я вырвался далеко вперед, и мой скакун шел ходко. Я уже думал, что спасен, но в этот самый миг на меня надвинулась смертельная опасность. Я очутился на развилке и выбрал из двух дорог ту, что поуже, потому что она заросла травой и коню мягче было по ней скакать. Представьте же себе мой ужас, когда, проехав через какие-то ворота, я очутился в тупике среди конюшен и крестьянских домов, откуда был только один путь — назад! Ах, друзья, если волосы мои белы, как снег, то разве мало мне пришлось пережить?

Нечего было и думать повернуть обратно. Я огляделся, — глаз-то у меня острый от природы, ведь для солдата это важнее всех прочих качеств, а для кавалерийского командира тем более. Между длинным рядом низких конюшен и одним из домов был загон для свиней. Передняя стена была бревенчатая, высотой в четыре фута, задняя — каменная и выше передней. Что за нею, я не знал. Переднюю стену от задней отделяло всего несколько ярдов. И я решился на отчаянную попытку. Стук копыт нарастал с каждым мгновеньем. Я заставил своего скакуна прыгнуть в загон. Бревенчатую стену он перемахнул без труда, но, угодив передними копытами в спящую свинью, поскользнулся и упал на колени. Я перелетел через вторую стену и свалился ничком на мягкую цветочную клумбу. Мой конь был по одну сторону стены, я — по другую, а пруссаки в это время ворвались во двор. Но я мигом вскочил на ноги, перегнулся через стену и схватил упавшего коня под уздцы. Стена была сухой кладки, я сбросил сверху несколько камней, благодаря чему образовалась брешь. Я с криком дернул поводья, мой храбрый конь прыгнул, очутился по эту сторону стены, и я мигом вдел ногу в стремя.

Когда я вскочил в седло, мне пришла геройская мысль. Этим пруссакам, чтобы одолеть стену, придется прыгать по одному, и справиться с каждым по отдельности будет не так уж трудно, потому что враг не успеет прийти в себя после прыжка. Почему бы мне не подождать и не перебить их одного за другим? Это была славная мысль. Пусть знают, что нельзя безнаказанно гоняться за Этьеном Жераром. Я схватился за саблю,

ио представьте себе мои чувства, друзья, когда оказалось, что иожны пусты. Сабля выпала, когда конь споткнулся об эту проклятую свннью. Вот от каких иелепых пустяков зависит человеческая судьба — свиньв иа одной чаше весов, Этьеи Жерар — на другой! Может быть, перепрыгнуть через стену и подобрать саблю? Нет, поздно! Пруссаки были уже во дворе. Я повериул своего коня и сиова пустился наутек.

Но тут я попал в еще худшую ловушку. Я очутился в фруктовом саду с грядкамн цветов по краям. Сад был обиесен высокой стеиой. Однако я сообразил, что должен же тут быть какой-то вход, ведь едва лн хозяева рассчитывали, что все гости станут прыгать сюда через свииарник. Я поскакал вдоль стеиы. Как я н ожидал, в ией оказалась калитка, ключ торчал изиутри. Я слез с лошадн, повериул ключ, открыл калнтку н увндел в каких-нибудь шести футах от себя прусского улаиа иа коие.

Секунду мы таращилн друг иа друга глаза. Потом я захлопиул калитку и сиова запер ее. В дальнем конце сада послышались шум и крики. Я поиял, что одии из моих врагов свалился с лошади, пытаясь перепрыгиуть через стеиу свииарника. Как мие было выбраться из этого тупика? Ясио, что часть отряда поскакала кружным путем, а часть пустилась вслед за мной. Будь при мие сабля, я без труда справился бы с улаиом у калиткн, а так суиуться туда означало вериую смерть. И все же, если я стаиу медлить, несколько пруссаков, спешившнсь, иаверняка переберутся через свииарник, н как мие тогда быть? Надо действовать иемедлеино, иначе я пропал. Но именно в такие мгиовенья мой мозг работает особенио четко. Взяв коня под уздцы, я пробежал вдоль стены шагов сто от того места, где меия подстерегал улаи. Там я остаиовился и с грохотом свалил со стеиы иесколько камией. Сделав это, я бросился иазад к калитке. Как и следовало ожидать, ои решил, что я разваливаю стеиу, иамереваясь улизиуть, и я услышал стук копыт — ои спешил отрезать мие путь. Вериувшись к калнтке, я огляиулся и увндел, как всадннк в зелеиом муидире — я знал, что это граф Штейи,— перескочил через стену свииарника и теперь с ликующнм крнком скакал во весь дух по саду.

— Сдавайтесь, ваше величество, сдавайтесь! — кричал он. — Мы вас пощадим.

Я выскользнул в калитку, но не успел запереть ее за собой. Штейн мчался за мной по пятам, а улан уже повернул коня назад. Вскочив на своего скакуна, я снова понесся по травянистой равнине. Штейну пришлось спешиться, открыть калитку, провести в нее лошадь, а потом снова сесть в седло, прежде чем продолжать погоню. Его я опасался больше, чем улана, чья лошадь была нечистых кровей и к тому же устала. Я проскакал во весь опор с милю, прежде чем рискнул оглянуться, и тут оказалось, что Штейн в ружейном выстреле от меня, улан следует за ним примерно на таком же расстоянии, а далеко позади видны еще только трое. Теперь пруссаков было уже не девять, число их поубавилось, но даже один из них легко справился бы с безоружным.

Меня удивило, что за время этой долгой погони я не видел ни одного из наших отступающих солдат, и я подумал, что сильно удалился к западу от их пути и теперь, чтобы встретиться с ними, надо взять восточнее. В противном случае мои преследователи если и не настигнут меня, будут продолжать погоню до тех пор, пока мне не преградит путь кто-нибудь из их товарищей, двигающихся с севера. Взглянув на восток, я увидел вдалеке облако пыли, растянувшееся на много миль. Там, конечно, была дорога, по которой отступала наша несчастная армия. Но вскоре я убедился, что некоторые из отставших французов попали и на этот проселок, так как вдруг увидел лошадь, которая паслась на краю поля, а неподалеку, привалившись спиной к насыпи, сидел ее хозяин, французский кирасир, видимо, смертельно раненный. Я соскочил с коня, схватил длинную тяжелую саблю кирасира и поскакал дальше. Никогда не забуду лицо этого бедняги, когда он взглянул на меня угасающими глазами. Это был старый, седоусый солдат, слепо преданный своему долгу, и, когда он в предсмертные мгновенья увидел императора, для него это было подобно откровению свыше. Удивление, любовь, гордость озарили его бледное лицо. Он что-то сказал — боюсь, что это были его последние слова, но мне некогда было слушать, и я помчался дальше.

Все это время я скакал через пойменные луга, пересеченные широкими лощинами. Лощины эти иногда достигали четырнадцати, а то и пятнадцати футов в ширину, и у меня душа уходила в пятки всякий раз, как конь через них прыгал,—ведь стоило ему оступиться, и я погиб. Но тот, кто выбирал лошадей для императорской конюшни, видимо, знал свое дело. Конь только один раз заупрямился на берегу Самбры, но с тех пор ни разу меня не подвел. Мы мчались, обгоняя ветер. И все же я никак не мог оторваться от этих проклятых пруссаков. Всякий раз, перемахнув через какой-нибудь ручей, я с надеждой оглядывался назад и неизменно видел Штейна, который так же легко, как я, брал препятствие на своем белоногом гнедом коне. Это был мой враг, но я уважал его за мужество.

Снова и снова я прикидывал на глаз расстояние, отделявшее меня от преследователя. У меня мелькнула мысль: что, если резко повернуть назад и зарубить его, как зарубил я того гусара, прежде чем его товарищ подоспеет к нему на помощь. Но остальные пруссаки подтянулись и тоже были теперь близко. Я подумал, что этот граф Штейн, вероятно, владеет саблей не хуже, чем конем, и с ним сразу не справишься. А тем временем остальные поспешат к нему на выручку, и песенка моя спета. Поэтому разумнее всего уносить ноги.

Я увидел дорогу, обсаженную по обеим сторонам тополями, которая шла через равнину с востока на запад. Она должна была привести меня к облаку пыли, поднятому отступающими французами. Поэтому я повернул коня и поскакал по ней. Справа от дороги показался одинокий дом с большой веткой над дверью вместо вывески — это была таверна. Возле нее стояло несколько крестьян, но их я не боялся. Испугало меня другое: впереди мелькнул красный мундир, значит, там англичане. Однако я не мог ни свернуть, ни остановиться, оставалось только махнуть рукой на опасность и скакать дальше. Регулярных частей поблизости не было, значит, это отставшие или мародеры, которых опасаться нечего. Приблизившись, я увидел, что двое англичан сидят на скамье у входа и пьют вино. Я видел, как они, шатаясь, встали на ноги,— ясно было, что оба мертвецки пьяны. Один, пошатываясь, вышел на середину дороги.

— Это Бонапарт!— воскликнул он.— Провалиться мне, если не Бонапарт!

Он растопырил руки и кинулся мне навстречу, но, на свое счастье, спьяну споткнулся и упал ничком на дорогу. Второй был опаснее. Он бросился в таверну, и я, промчавшись мимо, успел заметить, как он снова выскочил оттуда с ружьем. Он припал на одно колено, а я распластался на шее лошади. Одиночный выстрел пруссака или австрийца — это пустяк, но англичане были в то время лучшими стрелками в Европе, и как только этот пьянчуга почувствовал у плеча приклад, весь хмель с него соскочил. Я услышал грохот, и мой конь сделал такой отчаянный скачок, что немногие всадники усидели бы при этом в седле. У меня мелькнула мысль, что он ранен смертельно, но, обернувшись назад, я увидел кровь на его задней ноге. Я поглядел на англичанина — этот негодяй уже забивал в ствол новый заряд, но, прежде чем он успел насыпать на полку пороху, я был уже вне выстрела. Эти люди были пешие и не могли присоединиться к погоне, но я слышал, как они гикали и улюлюкали мне вслед, словно травили лисицу. Крестьяне тоже с криками бежали через поле, размахивая палками. Со всех сторон неслись вопли, всюду мелькали бегущие, размахивающие руками фигуры моих преследователей. Подумать только, ведь это была облава на великого императора! Ах, как мне хотелось хорошенько угостить этих негодяев саблей!

Но я уже чувствовал приближение конца. Я сделал все, что было в человеческих силах, и даже больше, а теперь не видел выхода из положения. Кони моих преследователей были измучены, но мой измучен не меньше и к тому же ранен. Он истекал кровью, и мы оставляли за собой на белой пыльной дороге красный след. Он бежал все медленней, и я знал, что рано или поздно он падет подо мной. Я оглянулся — пятеро пруссаков упорно настигали меня: Штейн скакал на сотню шагов впереди, за ним улан, а дальше — остальные трое. Штейн обнажил саблю и размахивал ею. Но я решил не сдаваться. Посмотрим, скольких пруссаков я сумею утащить с собой на тот свет. В этот славный миг все подвиги моей жизни живо предстали у меня перед глазами, и я понял, что этот последний подвиг — поистине достойное

завершение такого путн. Моя смерть будет роковым ударом для всех, кто меня любит, для моей дорогой матушки, для моих гусар и еще для некоторых, их я не назову. Но всем им дорога моя слава н честь, и я был уверен, что когда они узнают, как я скакал н как сражался в последний день своей жизни, то почувствуют не только скорбь, но и гордость. Я заставил молчать свое сердце н, видя, что мой скакун все сильнее припадает на раненую ногу, обнажил длинную саблю, которую взял у кирасира, стиснул зубы и изготовился к смертельному бою. Я уже хотел было натянуть поводья, боясь, что, если еще помедлю, мне придется пешим драться против пятерых конных. Но тут я взглянул вперед, н в сердце моем сверкнула надежда, а с губ сорвался ликующий крик.

Передо мной был лесок, а над ним виднелась церковная колокольня. Второй такой колокольни не найтн — ее угол обрушился нли был разбит молнией, н это придало ей совершенно фантастическую форму. Я видел ее всего два дня назад, это была церковь в деревне Госсели. Но сердце мое возликовало не оттого, что я надеялся добраться до деревни,— нет, теперь я знал, как спастись, ведь всего в полумиле оттуда был дом, его крыша уже виднелась среди деревьев, тот самый дом в Сент-Онэ, где мы стояли лагерем и где я назначил капитану Сабатье место сбора конфланских гусар. Они, конечно, уже там, мои орлы, надо только добраться туда. Мой конь слабел с каждым шагом. А шум погони все приближался. Я слышал хриплые немецкие ругательства буквально у себя за спиной. У самого уха просвистела пистолетная пуля. Вонзив шпоры в бока моего бедного скакуна и немилосердно колотя его саблей, я гнал его, заставляя бежать из последних сил. Вот н открытые ворота усадьбы. Там, впереди, блеснула сталь. Штейн был уже в каком-нибудь десятке шагов позади, когда я влетел в ворота.

— Ко мне, друзья! Ко мне! — крикнул я что было мочи.

Послышалось гудение, словно в потревоженном улье. И тут мой великолепный арабский скакун пал подо мной, и я, свалившись на мощеный камнем двор, потерял сознание.

Таков был мой последннй н самый славный подвнг, дорогне друзья,— весть о нем разнеслась по всей Европе, н нмя Этьена Жерара вошло в нсторню. Увы! Все мон старання прннеслн нмператору всего несколько недель свободы, потому что пятнадцатого нюля он сдался в плен англнчанам. Но не моя внна, что он не сумел собрать войскà, которые еще ждалн его прнзыва во Францнн, н одержать победу прн новом Ватерлоо. Будь все остальные так же верны ему, как я, ход мнровой нсторнн мог бы нзмениться, нмператор сохранил бы свой трон, и мне, старому, заслуженному бойцу, не пришлось бы влачнть жалкую жнзнь, сажая капусту, нлн коротать время на старостн лет, рассказывая нсторнн в кафе. Вы хотнте знать, что сталось со Штейном н остальнымн пруссакамн? О тех тронх, которые отсталн по дороге, я ннчего не знаю. Одного, как вы помнште, я убил. Осталнсь пятеро. Тронх нз ннх зарубнлн мон гусары, которым в первый мнг показалось, что онн в самом деле спасают нмператора. Штейн, легко раненный, попал в плен, н однн нз улан тоже. Онн тогда так и не узналн правды, поскольку мы счнталн, что ннкакне сведення о местопребываннн нмператора, нстнnные нлн ложные, распространять не следует, н граф Штейн был уверен, что всего несколько шагов отделяло его от славного подвнга.

— Да, вы не напрасно преклоняетесь перед свонм нмператором,— сказал он,— я ннкогда в жнзни не вндел человека, который так владел бы конем н саблей.

И он ннкак не мог взять в толк, почему молодой гусарскнй полковннк от душн смеялся над его словамн. Со временем он узнал, в чем дело.

VIII

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ БРИГАДИРА

Больше, дорогне друзья, вы не услышнте монх рассказов. Говорят, человек, что заяц, который бежнт по кругу н возвращается умнрать на то же место, откуда начал свой путь. И вот меня зовет родная Гасконь. Вн-

жу голубую Гаронну, которая вьется меж виноградников, и синий океан, куда она несет свои воды. Вижу старинный город и лес мачт у длинной каменной пристани. Моя душа жаждет воздуха родины и тепла ее солнца. Здесь, в Париже, у меня есть друзья, дела, развлечения. А там все, кто знал меня, уже в могилах. И все же, когда юго-западный ветер шумит за моим окном, мне кажется, что это родная земля зовет сына, которому пора вернуться в ее лоно. В свое время я совершил то, что мне было суждено. Это время прошло. И жизнь тоже прошла. Нет, друзья мои, не печальтесь: что может быть счастливее жизни, которая оканчивается в почете и среди друзей. Разве не чувствуете вы торжественность минуты, когда человек приближается к концу долгого пути и видеи поворот, за которым ждет неведомое? Император и все его маршалы уже прошли этот темный поворот и скрылись за ним. Мои гусары тоже — их не осталось и пятидесяти в этом мире, остальные ждут меня там. Я должен идти. И сегодня, в этот прощальный вечер, я расскажу вам не просто случай, а нечто большее — я открою вам великую историческую тайну. До сих пор мои уста были сомкнуты, но я не вижу, почему бы не оставить после себя память об этом замечательном приключении, которое иначе бесследно канет в вечность, потому что я единственный из всех живущих на земле знаю о нем.

Итак, прошу вас перенестись вместе со мной в тысяча восемьсот двадцать первый год. Вот уже шесть лет не было с нами нашего славного императора, и только изредка из-за моря доходили глухие слухи. Вы не можете себе представить, как тяжко было всем нам, любившим его, знать, что он в плену и его великая душа изнывает на пустынном острове. С той минуты, как мы просыпались по утрам, и до ночи, когда сон смыкал наши глаза, мы были с ним всеми помыслами и стыдились, что он, наш вождь и повелитель, так унижен, а мы бессильны ему помочь. Многие были бы счастливы пожертвовать остатком своей жизни, чтобы хоть как-нибудь облегчить его участь, но, увы, мы могли только брюзжать, сидя в кафе, глядеть на карту и подсчитывать, сколько лиг океана отделяет нас от него. Будь он на луне — мы и то не могли бы помочь ему больше

ничем. Ведь все мы были простыми солдатами и не знали моря.

Конечно, у нас были свои мелкие невзгоды, которые отравляли жизнь не меньше, чем несчастья императора. Многие из нас носили прежде высокие чины и, вернись он к власти, снова получили бы их. Мы не считали возможным служить под белым флагом Бурбонов или принести присягу, которая могла обратить наше оружие против того, кого мы любили. И мы оказались не при деле, без всяких средств. Что оставалось нам, кроме как собираться вместе, пересказывать друг другу слухи и ворчать, и те, у кого было немного денег, платили по счету, а те, у кого ничего не было, пили за компанию. Иногда, на наше счастье, удавалось затеять ссору с кем-нибудь из королевских гвардейцев, и если он оставался лежать в Булонском лесу, нам казалось, что мы снова сражались за Наполеона. Со временем гвардейцы узнали наши излюбленные места и избегали их, словно то были гнезда шершней.

В одном из таких мест—кафе «У великого человека», на рю Варенн,— обычно собирались самые славные и молодые офицеры армии Наполеона. Почти все мы были полковниками или адъютантами, и когда среди нас оказывался человек ниже чином, мы обычно давали ему почувствовать, что это непозволительная вольность. Бывал там капитан Лепин, награжденный в Лейпциге почетной медалью, полковник Бонне, адъютант Макдональда, полковник Журдан, который пользовался в армии почти такой же славой, как и я, Сабатье из моего гусарского полка, Менье из полка Красных улан, Ле Бретон из гвардии и много других. Каждый вечер мы собирались там, беседовали, играли в домино, выпивали стаканчик-другой и размышляли о том, скоро ли вернется император и мы снова встанем во главе своих полков. Бурбоны в то время уже потеряли во Франции всех своих приверженцев, это стало ясно через несколько лет, когда весь Париж поднялся против них и их в третий раз изгнали из Франции. Наполеону стоило только высадиться на французском берегу, и он без единого выстрела дошел бы до столицы, точно так же, как при возвращении с Эльбы.

Вот как обстояли дела, когда однажды февральским вечером к нам в кафе явился преудивительный человечек. Он был невысок ростом, но широкоплеч, с огромной, почти уродливой головой. Его большое смуглое лицо было иссечено странными белыми полосами, а на щеках топорщились седые бакенбарды, как у настоящего морского волка. Золотые серьги в ушах и руки, разукрашенные татуировкой, также свидетельствовали, что он моряк, и мы это поняли прежде, чем он представился нам. У капитана Фурио, офицера императорского флота, были рекомендательные письма к двоим из нас, и не приходилось сомневаться, что он предан делу императора. Кроме того, он сразу завоевал наше уважение, так как участвовал в сражениях не меньше любого из нас, и следы ожогов на его лице были памятью о том, как он до самой последней минуты оставался на палубе «Ориента», взлетевшего в воздух во время битвы на Ниле. Он мало говорил о себе, а сидел в уголке, поглядывая вокруг своими острыми глазами, и внимательно прислушивался к нашим разговорам.

Однажды вечером, когда я собрался домой, капитан Фурио вышел за мной следом и, коснувшись моей руки, без единого слова повел меня к себе — он поселился в доме неподалеку от нашего кафе.

— Мне надо с вами поговорить,— сказал он и пригласил меня наверх, в свою комнату. Там он зажег лампу, достал из ящика стола конверт, вынул оттуда лист бумаги и протянул его мне. Письмо было написано несколько месяцев назад во дворце Шёнбрунн в Вене. «Капитан Фурио действует в высших интересах императора Наполеона. Все, кто любил императора, обязаны подчиняться ему, не задавая никаких вопросов. Мария-Луиза». Вот что я там прочел. Я знал подпись императрицы, и у меня не было сомнений в ее подлинности.

— Ну,— сказал он,— удовлетворены ли вы моими верительными грамотами?

— Вполне.

— Готовы ли вы повиноваться моим приказам?

— Этот документ не оставляет мне иного выбора.

— Прекрасно! Во-первых, из ваших слов в кафе я заключил, что вы говорите по-английски.

— Да, говорю.

— Скажите что-нибудь на этом языке.

Я сказал: «Когда бы императору ни понадобилась помощь Этьена Жерара, я готов в любое время дня и ночи отдать свою жизнь в его распоряжение».

Капитан Фурно улыбнулся.

— Это звучит несколько смешно,— сказал он,— но все же лучше такой английский, чем никакой. А я говорю по-английски не хуже настоящего англичанина. Это — единственное, чем я могу похвастать, после того как просидел шесть лет в английской тюрьме. А теперь я открою вам цель моего приезда в Париж. Я приехал, чтобы найти помощника для дела, касающегося императора. Мне сказали, что в кафе «У великого человека» я найду цвет его старых офицеров, которые и по сей день преданы ему. Я присмотрелся ко всем вам и пришел к заключению, что вы более всех прочих подходите для моей цели.

Я поблагодарил за комплимент.

— Что же я должен делать? — спросил я.

— Ничего особенного, просто составить мне компанию на несколько месяцев,— сказал он.— Знайте, что после того, как я вышел в Англии из тюрьмы, я поселился там, женился на англичанке и даже стал капитаном небольшого английского торгового судна, на котором совершил несколько рейсов от Саутгемптона до побережья Гвинеи. Меня считают англичанином. Однако вы понимаете, что я, всей душой любя императора, иногда чувствую себя одиноким, и мне хотелось бы иметь товарища, который разделяет мои чувства. Во время этих долгих рейсов ужасно скучаешь, и, даю слово, вы не раскаетесь, если разделите со мной каюту.

Пока капитан вел этот незначительный разговор, он не сводил с меня своих проницательных серых глаз. Мой ответный взгляд заставил его почувствовать, что он имеет дело не с дураком. Он вынул парусиновый мешочек, туго набитый деньгами.

— Здесь сто фунтов золотом,— сказал он.— Купите себе все, что нужно для путешествия. Советую доставить весь багаж в Саутгемптон, откуда мы отплываем через десять дней. Судно называется «Черный лебедь».

Завтра я возвращаюсь в Саутгемптон и надеюсь увидеть вас там на будущей неделе.

— Полно вам,— обратился я к нему.— Скажите мне откровенно, куда мы возьмем курс?

— Ах, разве я не сказал? — ответил он.— Мы плывем в Африку, на побережье Гвинеи.

— Но как это может быть связано с высшими интересами императора? — спросил я.

— Высшие интересы требуют, чтобы вы не задавали нескромных вопросов, а я не давал на них нескромных ответов,— отрезал капитан. На этом он прервал разговор, и я вернулся восвояси ни с чем, если не считать мешочка с золотом, который подтверждал, что этот удивительный разговор не привиделся мне во сне.

Я не видел причин, почему бы мне не участвовать в этом деле до конца, и через неделю был уже на пути в Англию. Я добрался из Сен-Мало в Саутгемптон и, расспросив встречных в порту, без труда отыскал «Черного лебедя», красивое, стройное суденышко, которое, как я узнал потом, называлось бригом. На палубе я увидел самого капитана Фурно и семь или восемь здоровенных матросов, которые, трудясь в поте лица, мыли палубу и готовили судно к плаванию. Капитан поздоровался со мной и провел меня в свою каюту.

— Вы теперь всего только мистер Жерар, родом с Нормандских островов,— сказал он.— Я буду вам весьма признателен, если вы забудете свои военные привычки и оставите кавалерийское щегольство, когда расхаживаете по моей палубе. И потом, неплохо бы вам отрастить бороду, тогда у вас будет более морской вид, чем с этими усами.

Я пришел в ужас от его слов, но в конце концов в открытом море нет дам, так что не все ли равно? Он позвонил и вызвал стюарда.

— Густав,— сказал он,— поручаю вашим заботам моего друга, мсье Этьена Жерара, который отправляется вместе с нами в плаванье. Это Густав Keруан, мой стюард, он бретонец,— объяснил капитан.— Вы можете совершенно на него положиться.

У этого стюарда, с его грубым лицом и суровым взглядом, вид был слишком воинственный для столь

мирной должности. Однако я ничего не сказал, хотя, можете быть уверены, глядел в оба. Мне отвели соседнюю с капитаном каюту, которая была вполне удобной, но никак не могла сравниться с великолепием каюты Фурно. Он явно любил роскошь, каюта его была заново отделана бархатом и серебром, что куда больше подходило для яхты какого-нибудь аристократа, чем для суденышка, совершающего торговые рейсы на западное побережье Африки. Именно такого мнения придерживался помощник капитана, мистер Бернс, который не мог удержать презрительной усмешки всякий раз, как заходил в его каюту. Этот рослый, широкоплечий, рыжеволосый англичанин помещался в каюте по другую сторону от капитанской. На борту был еще второй помощник по фамилии Тэрнер, чья каюта находилась где-то возле рубки, а также девять матросов и юнга, из которых трое, как сообщил мне мистер Бернс, были, как и я, родом с Нормандских островов. Этот Бернс, первый помощник, очень любопытствовал, зачем мне вздумалось отправиться в плаванье.

— Я путешествую для удовольствия,— сказал я.

Он вытаращил на меня глаза.

— А вы бывали когда-нибудь на западном побережье Африки? — спросил он.

Я ответил, что не бывал ни разу.

— Так я и знал,— сказал он.— Ну уж во второй раз вы туда не отправитесь.

Дня через три после моего приезда мы развязали веревки, которыми судно было привязано, и пустились в путь. Я никогда не был хорошим моряком, и, признаться, земля давным-давно уже скрылась из виду, когда я почувствовал себя наконец в силах выйти на палубу. Лишь на пятый день я выпил бульон, который принес мне добрый Керуан, сполз с койки и поднялся по трапу. Свежий воздух оживил меня, и с этого дня я кое-как приспособился к качке. Борода у меня тоже начала отрастать, и я не сомневаюсь, что стал бы таким же лихим матросом, как и солдатом, если бы судьба предназначила меня для морской службы. Я научился тянуть веревки, которыми поднимают паруса, и поворачивать длинные палки, к которым они прикреплены. Однако главной моей обязанностью было играть

в экарте с капитаиом Фурио и составлять ему компанию. Не было инчего страииого в том, что он нскал прнлнчиого общества, так как оба помощинка были иеграмотны, хоть и отличио зиали свое дело. Умри вдруг наш капнтан, ума ие приложу, как мы иашли бы путь средн всей этой массы воды, потому что только ои однн умел определять по карте, где мы иаходнмся. Карта висела иа стеие в его каюте, и он каждый день отмечал иа ней пройдеиный путь. Просто уднвнтельио, как ловко он умел все рассчитывать — например, одиаждьт утром он сказал, что к вечеру мы увндим маяк Кейп-Верд, н в самом деле, ои показался с левого борта, едва стемиело. Одиако на другой деиь берега видно ие было, и Бернс объясиил мне, что теперь мы ие увидим земли, пока не прибудем в свой порт в заливе Бнафра. Дул попутиый ветер, и с каждым днем мы все дальше уходили иа юг. Булавка на карте передвигалась все ближе и блнже к африканскому берегу. Добавлю, что плылн мы за пальмовым маслом, а везлн всякие цветиые тряпки, старые ружья и прочий хлам, который аиглнчаие сбывают дикарям.

Накоиец ветер, который так долго иам благоприятствовал, упал, н иесколько дней мы дрейфовали в спокойиом, маслянистом море, под солнцем, от лучей которого смола пузырнлась меж досками палубы.

Мы поворачнвали паруса во все стороиы, ловя каждое дуновеине, и иакоиец вышлн из полосы штиля, и опять поплылн иа юг со свежнм ветром, а все море вокруг так и кншело летучнми рыбамн. Несколько дией Берис, казалось, был чем-то обеспокоеи, и я заметил, что ои то и дело приставляет ладоиь к глазам н оглядывает горнзонт, словио высматрнвает землю. Дважды я видел, как его рыжая голова торчала у карты в капитанской каюте — ои глядел на булавку, которая с каждым дием прнблнжалась к афрнканскому берегу, но ннкак не могла его достнчь. И вот однажды вечером, когда мы с капнтаном Фурио нграли в экарте в его каюте, вошел помощник, иа загорелом лице которого было сердитое выражеине.

— Прошу нзвниить меня, капитан Фурио,— сказал ои.— Но известно ли вам, куда рулевой держит курс?

— Точио на юг,— ответнл капитан, пристальио глядя в свон карты.

— А должен на восток.

— Откуда вы знаете?

Помощник что-то сердито проворчал.

— Может, я ие такой уж шибко образованный,— заявил он,— ио позвольте вам сказать, капитаи Фурио, что я начал плавать в этих водах десятилетиим мальчишкой и зиаю, когда прохожу экватор, а когда — штилевую полосу, и умею найтн путь туда, где берут иефть. Мы теперь к югу от экватора и должиы держать курс иа восток, а ие иа юг, ежели вы идете в тот порт, куда вас послали хозяева.

— Извините, мистер Жерар. Прошу вас запомиить, что ход мой,— сказал капитан, кладя карты.— Подойдите сюда, мистер Берис, и я дам вам практический урок кораблевождеиия. Вот полоса юго-западного пассата, вот экватор, вот порт, куда мы плывем, а вот человек, который командует иа своем корабле.

С этими словами он схватил несчастиого помощника за горло и душил его до тех пор, пока тот ие лишился чувств. Стюард Керуаи вбежал с веревкой, оии вдвоем связали помощника и заткиули ему рот, так что он стал совершеиио беспомощен.

— На руле стоит один из иаших фраицузов. А этого, пожалуй, придется, швыриуть за борт,— сказал стюард.

— Да, так будет вернее всего,— согласился капитан Фурно.

Но такого я ие мог стерпеть. Никакие соображения ие заставят меня равнодушио смотреть, как убивают беззащитиого.

Капитаи Фурио с большой иеохотой согласился пощадить Бернса, и мы отнесли его в кормовой трюм под каютой. Там его положили среди тюков маичестерской мануфактуры.

— Нет смысла закрывать люк,— сказал капитаи Фурно.— Густав, скажи мистеру Тэриеру, что мие иужно поговорить с иим.

Второй помощник, ничего не подозревая, вошел в каюту, его мигом связали, как Бернса, и во рту у него оказался кляп. Потом его отиесли вииз и положили рядом с его товарищем. Крышку люка закрыли.

— Этот рыжий болван вынудил нас поторопиться,— сказал капитан,— и мне пришлось раньше времени открыть карты. Однако особой беды тут нет, это не нарушает мои планы. Керуан, выкати для команды бочонок рома и скажи, что капитан просит выпить за его здоровье по случаю перехода экватора. Они ничего не заподозрят. Наших ребят собери у себя в камбузе, и мы проверим, все ли готовы к делу. А теперь, полковник Жерар, с вашего разрешения мы продолжим игру.

Да, такое не забудешь до самой смерти. Этот железный человек тасовал и снимал карты, сдавал и делал ходы, как будто сидел в своем излюбленном кафе. Снизу доносились нечленораздельные звуки, которые издавали оба помощника, чьи рты были заткнуты кляпами из носовых платков. Наверху, под свежим ветром, который гнал нас вперед, скрипела оснастка и гудели паруса. Сквозь плеск волн и свист ветра мы слышали дикие крики английских матросов, которые радовались, откупоривая бочонок с ромом. Мы сыграли партий шесть, после чего капитан встал.

— Ну, теперь они, пожалуй, готовы,— сказал он, вынул из ящика два пистолета и протянул один мне.

Но мы могли не бояться сопротивления, так как сопротивляться было некому. Англичанин в те времена, будь то солдат или матрос, закоренел в пьянстве. Без вина это был бравый и добрый малый. Но стоило поставить ему выпивку, и он буквально терял рассудок — ничто не могло принудить его к воздержанности. В полумраке матросского кубрика мы увидели команду «Черного лебедя» — пять бесчувственных фигур и двое безумных, которые орали, ругались и распевали песни. Стюард принес моток веревки, и мы с помощью двух французов (третий стоял на руле) связали пьяных и заткнули им рты, так что они не могли ни пикнуть, ни пошевельнуться. Их, так же как обоих помощников капитана, одного за другим бросили в трюм, но на носу, и Керуану было приказано дважды в день приносить им воду и еду. Теперь «Черный лебедь» был целиком в наших руках.

Разыграйся на океане шторм, не знаю, что мы стали бы делать, но корабль весело бежал по волнам все даль-

ше и дальше на юг, и, хотя ветер был достаточно крепок, он не вызывал у нас беспокойства. Вечером третьего дня я застал капитана на мостике, он пристально вглядывался в даль.

— Смотрите, Жерар, смотрите! — воскликнул он и указал вперед поверх палки, которая торчала на носу судна.

Над темно-синим морем голубело небо, а вдали, на самом горизонте, виднелось какое-то туманное облачко, с четкими очертаниями.

— Что это? — спросил я.

— Земля.

— Какая?

Я напряженно ждал ответа, уже заранее зная, что он скажет.

— Это остров Святой Елены.

Так вот он, остров, о котором я столько думал! Вот она, клетка, в которую посадили великого орла Франции! Многие тысячи лиг океана не помешали Жерару добраться до своего любимого повелителя. Он там, вон на том туманном берегу, за темно-синей водой. Я пожирал остров глазами! Душа моя опережала корабль и летела к императору с вестью, что его не забыли, что после долгой разлуки верный слуга спешит к нему. С каждым мгновеньем темное пятно становилось все отчетливей. Вскоре я уже ясно видел, что это действительно скалистый остров. Наступила ночь, а я все стоял на палубе, преклонив колени, и вглядывался в темноту, туда, где, я знал, находится наш великий император. Прошел час, потом другой, и вдруг золотой, мерцающий огонек загорелся прямо впереди нас. Это светилось окно дома, быть может, его окно. И всего в нескольких милях от нас! О, с каким жаром я простер к нему руки! Вместе со мной, с Этьеном Жераром, простирала к нему руки вся Франция.

У нас на борту огни были погашены, и мы, по приказу капитана Фурио, все разом потянули за какую-то веревку, она повернула наверху одну из палок, и корабль остановился. После этого он попросил меня спуститься в каюту.

— Теперь вам все ясно, полковник Жерар, — сказал он. — И простите, что я не посвятил вас в свой план

с самого начала. В столь важном деле я не мог открыться никому. Я давно уже замыслил спасти нмператора, лишь для этого я остался в Аиглии и пошел служить в торговый флот. Все получилось так, как я и рассчнтывал. Я совершил несколько удачиых рейсов к западиому побережью Африки, а потом без труда сам подобрал себе комаиду. Постепенно я взял иа борт этих старых фраицузских моряков с воеиных кораблей. А вас я пригласил потому, что мие иужен был испытаииый воии иа случай сопротивлеиия и, кроме того, подходящий человек, который состоял бы прн императоре во время долгого пути иа родииу. Моя каюта уже приготовлеиа для иего. Надеюсь, к утру он будет здесь и этот треклятый остров остается далеко за кормой.

Можете себе представить, друзья мои, какие чувства меня охватили, когда я услышал все это. Я обиял отважиого Фурно и заклииал его сказать скорее, чем я могу быть ему полезеи.

— Мие придется предоставить все дело вам,— сказал он.— Я хотел бы первым засвидетельствовать нмператору свою предаииость, ио мие иеразумио сейчас покндать судно. Барометр падает, иадвигается шторм, а берег от иас с подветреииой стороиы. Кроме того, блнз острова стоят три аиглийских крейсера, которые в любой миг могут нас обнаружить. Так что я должен оберегать судио, а вы — привезти иа борт императора.

Этн слова прнвелн меия в восторг.

— Приказывайте! — воскликиул я.

— Я могу дать вам в помощь только одного человека, ведь мы и так едва справляемся со сиастямн,— сказал он.— Шлюпка спущеиа иа воду, матрос доставнт вас иа берег н будет ждать. Свет, который вы вндnте, горнт в Лоигвуде. В доме все друзья, и иа них можио положиться, онн помогут императору бежать. Правда, там есть аиглийский кордон, ио ие очень близко от дома. Проникиув в дом, вы откроете наши планы нмператору, проводнте его к шлюпке и привезете на борт.

Сам император ие мог бы дать более короткне н ясиые указаиия. Нельзя было терять нн секуиды. Шлюпка с матросом ждала у борта. Я спустился в нее, и мы оттолкиулись от корабля. Наша лодчонка плясала

на темных волнах, но огонек Лонгвуда все время светил мне в глаза, то был свет императора, звезда надежды. Наконец шлюпка задела килем каменистое дно. Бухта была отдаленная, и караульные нас не заметили. Я оставил матроса в шлюпке и полез вверх на крутой берег.

Тропа, протоптанная дикими козами, петляла среди скал, и я без труда находил дорогу. Само собой разумеется, все пути на Святой Елене вели к императору. Я подошел к воротам. Часового возле них не было, и я беспрепятственно вошел. Еще ворота, и опять нет часового! Я недоумевал, куда подевалась охрана, о которой говорил Фурно. Я уже достиг цели, потому что прямо передо мной, не угасая, горел огонь. Я спрятался и хорошенько огляделся, но никаких признаков врага не заметил. Тогда я подошел к дому и осмотрел его — он был длинный, низкий, с верандой. По дорожке прогуливался человек. Я подкрался ближе и взглянул на него. Возможно, это проклятый Гудзон Лоу. Вот было бы славно, если б я не только спас императора, но и отомстил врагу! Но, вероятнее всего, это был просто английский часовой. Я подкрался еще ближе, а он остановился у освещенного окна, и тут я его разглядел как следует. Нет, то был не солдат, а священник. Я удивился. Что он здесь делает в два часа ночи? Француз он или англичанин? Если он здесь живет, я могу ему открыться. А если это англичанин, тогда все мои планы рухнут. Я приблизился почти вплотную, но в этот миг он отошел от окна и скрылся в доме, из распахнутой двери хлынул поток света. Теперь мне все было ясно, я понял, что медлить нельзя ни секунды. Низко пригнувшись, я бросился к освещенному окну, выпрямился и заглянул внутрь... Император лежал предо мной мертвый.

Ах, друзья мои, я упал на дорожку замертво, словно пуля пробила мне голову. Удар был так ужасен, что не знаю, как я его выдержал. И все же через полчаса я, пошатываясь, встал на ноги — я дрожал всем телом, зубы у меня стучали, и я безумными глазами снова заглянул в эту обитель смерти.

Он лежал в гробу посреди комнаты, спокойный, бесстрастный, величественный, черты его лица были полны той скрытой силы, которая некогда воспламеняла

наши сердца на битву. На его бледных губах застыла слабая улыбка, глаза были приоткрыты — словно смотрели на меня. Он показался мне полнее, чем при Ватерлоо, а лицо смягчилось, чего я никогда не видел у него при жизни. По обе стороны гроба горели свечи, их свет, как маяк, звал нас издали, это он указывал мне путь, и его я приветствовал как звезду надежды. Я смутно видел, что в комнате много людей — все они стояли, преклонив колени; это был его скромный двор, мужчины и женщины, разделившие с ним его судьбу,— Бертран с женой, священник, Монтолон. Я тоже помолился бы за него, но сердце мое окаменело, и я не мог молиться. Нужно было уходить, но я не мог покинуть его, не подав о себе знака. Не заботясь о том, что меня могут увидеть, я вытянулся во фронт перед своим умершим вождем, щелкнул каблуками и поднял руку в прощальном приветствии. Потом повернулся и поспешил прочь, во тьму, а перед моим взором все стояли бледные улыбающиеся губы и застывшие серые глаза.

Мне казалось, будто я отсутствовал совсем недолго, но, по словам матроса, прошло уже много часов. И только теперь я заметил, что ветер с моря почти перешел в шторм и волны с ревом набегают на берег. Мы дважды пытались отчалить на своей маленькой шлюпке, но волны отбрасывали нас назад. В третий раз огромная волна захлестнула шлюпку и пробила дно. Беспомощные, мы дождались около нее рассвета и увидели вокруг лишь бушующее море да брызги пены. «Черного лебедя» не было. Мы залезли на скалу и огляделись, но нигде среди бушующего простора океана не мелькал парус. Наш корабль исчез. Затонул ли он, или английские матросы снова захватили его, или же ему была уготована какая-то иная, неведомая нам судьба,— не знаю. Никогда больше я не видел капитана Фурно и не мог рассказать ему, как мне не удалось выполнить его поручение. Сам я сдался англичанам — мы с матросом сказали, будто спаслись вдвоем с погибшего корабля, и, право, нам не пришлось притворяться. Английские офицеры, как всегда, оказали мне самое щедрое гостеприимство, но прошло много долгих месяцев, прежде чем мне удалось вернуться на свою любимую родину,

за пределами которой не может быть счастлив нстый француз, какнм я всегда был.

Этнм вечером, друзья мои, я рассказал вам, как мне довелось простнться с монм повелнтелем, а теперь я прощаюсь с вамн н благодарю вас за то, что вы так терпеливо слушалн скучные россказнн старого, немощного солдата. Вы побывалн вместе со мной всюду — в Росснн, в Италнн, в Германин, в Испании, в Португалин, в Аиглнн, увнделн монмн, уже потускневшнмн глазамн яркнй блеск тех великнх дней, я вызвал перед вамн теин людей, чья поступь иекогда сотрясала землю. Сохраннте же все это в душе и передайте своим детям, потому, что память о той велнкой эпохе — самое драгоценное сокровнще, какое только может быть у народа. Как дерево пнтается перегноем собственных палых лнстьев, так этн умершне людн н минувшне дин могут унавознть почву для новых славиых героев, правителей н мудрецов. Я уезжаю в Гасконь, ио слова мои останутся в вашей памятн н будут согревать сердца людей и укреплять нх дух еще долго после того, как об Этьеие Жераре забудут навсегда. Господа, старый солдат приветствует вас и желает вам всех благ.

Рассказы

ЖЕНИТЬБА БРИГАДИРА

Расскажу я вам, друзья мон, о давно прошедших днях, когда я еще только добывал себе славу, сделавшую мое имя столь знаменитым. Среди тридцати офицеров Конфланского гусарского полка я ничем особенным не выделялся. Представляю себе, каково было бы их удивление, узнай они, что молодому лейтенанту Этьену Жерару предстоит блестящая карьера, что он дослужится до командира бригады и получит крест из рук самого императора. Если вы окажете мне честь и посетите мой домншко,— я покажу его вам, вы ведь знаете этот чистенькнй белый домик, увнтый виноградом, стоящнй на отшибе на берегу Гаронны.

Людн говорят про меня, что я никогда не знал страха. Вы, верно, слышали об этом не раз. Из глупой гордости я многне годы не оспарнвал этой молвы. Теперь же, на старости лет, я могу позволить себе быть откровенным. Смелый человек не бонтся правды. Ее боится только трус. Потому-то я и не стану скрывать, что и меня прошибал холодный пот, а волосы вставали дыбом, что и мне известно, как душа уходит в пяткн н как задают стрекача. Вы поражены? Зато, случится вам когда-ннбудь дрогнуть, вспомните, что даже и Этьену Жерару бывало страшно, и вам сразу станет легче. А теперь послушайте, в какую я однажды попал передрягу, а заодно н обзавелся женушкой.

В те поры Франция нн с кем не воевала, и мы, конфланские гусары, все лето стояли лагерем в несколь-

ких милях от иормаидского городка Лез Аидели. Само по себе местечко это ие очеиь веселое, ио где гусары, там и веселье, так что время мы проводили иедурио. За долгие годы страиствий потускиели воспоминаиия, а все же стоит мие произиести «Лез Аидели», как встают перед глазами громадиый полуразрушеиный замок, большие яблоиевые сады и, самое главиое, прекрасиый пол! Ах, что за прелестиые создаиия эти иормаидские девушки! Краше иет в целом свете, да и мы были мужчииы, можио сказать, хоть куда. Словом, в то замечательиое солиечиое лето свидаиий было ие счесть. О молодость, красота, доблесть, как разглядеть вас сквозь тумаи тусклых, уиылых лет! Порой славиое прошлое ложится мие иа сердце камием. Нет, сэр, в виие таких мыслей ие утопить. Болит-то душа. А виио — что? Оио прииосит лишь телесную радость. Но уж коли угощают... ие откажусь.

Прелестией всех девушек в тех краях была Мари Равои. До чего мила да пригожа, будто самой судьбой для меия предиазиачеиа. Была оиа из рода Равоиов, прадеды ее пахали землю в Нормаидии еще со времеи, когда герцог Вильгельм отправился покорять Аиглию. Стоит мие и теперь закрыть глаза, Мари встает передо миой: щеки смуглые, как лепестки мускатиой розы; взгляд карих глаз иежеи и в то же время смел; волосы, чериые как смоль, будят волиеиие в крови и в стихи просятся; а фигурка — точио молодая березка иа ветру. А как оиа отпряиула, когда я впервые хотел обнять ее,— горяча была и горда, всякий раз ускользала, сопротивлялась, боролась до последиего рубежа, отчего капитуляция бывала сладостией во сто крат. Из ста сорока жеищии... Но как их сравиивать, если все были по-своему совершеиства!

Вас удивляет, что у кавалера такой красивой девушки ие было сопериков? Но иа то была веская причииа, друзья мои, ибо я сделал так, что все мои сопериики быстро очутились в госпитале. Ипполит Лезер, к примеру, провел у Равоиов два воскресеиья подряд. Так что же? Даю голову иа отсечеиие, что ои до сих пор хромает от пули, засевшей у иего в колеие, если, конечио, ои еще жив. Да и бедияга Виктор до самой своей гибели под Аустерлицем иосил мою отметииу. Очеиь скоро все по-

няли, что от Мари Равон лучше отступиться. В нашем лагере поговаривали, что безопаснее скакать в атаку на свежее пехотное каре, чем слишком часто появляться в усадьбе Равонов.

А теперь позвольте мне кое-что уточнить. Собирался ли я жениться на Мари? О, друзья мои, женитьба не для гусара! Сегодня он в Нормандии, а завтра — средь холмов Испании или болот Польши. Что ему делать с женой? Каково им будет обоим? Он станет думать, какое горе причинит жене его гибель, и былую храбрость сменит рассудительность, а она будет со страхом ждать очередную почту — вдруг придет известие о невозместимой утрате. Правильно ли это, разумно ли? Что остается гусару? Погревшись у камелька, марш-марш вперед, и добро, коли скоро будет ночевка под крышей, а не у бивачного костра. А Мари? Хотела ли она, чтобы я стал ее мужем? Она прекрасно знала: затрубят серебряные горны — и прощай семейная жизнь! Уж лучше держаться отца с матерью и родных мест — здесь, среди садов, не расставаясь с мужем-домоседом и не теряя из виду замка Ле Гайяр, будет она мирно коротать свои дни. А гусар пусть снится по ночам. Но мы с Мари о будущем не думали: день да ночь — сутки прочь, как говорится. Правда, отец ее, полный старик с лицом круглым, как яблоки, которые росли в его садах, и мать, худая робкая крестьянка, порой намекали, что пора бы мне объяснить свои намерения, хотя в душе и не сомневались, что Этьен Жерар — человек честный, что дочь их совершенно счастлива и ничто дурное ей не грозит. Так обстояли дела, пока не пришел тот вечер, о котором я хочу рассказать.

Однажды в воскресенье я выехал верхом из лагеря. Вместе с несколькими однополчанами, которые тоже ехали в деревню, мы оставили лошадей у гостиницы. Оттуда до Равонов надо было идти пешком через большое поле, простиравшееся до самого порога их дома. Не успел я сделать несколько шагов, как меня окликнул хозяин гостиницы.

— Послушайте, лейтенант,— сказал он,— хоть путь через поле и короче, но шли бы вы лучше дорогой.

— Эдак я дам круг с милю, а то и больше.

— Верно. Но мне кажется, так будет благоразумней,— ухмыляясь, сказал он.

— Почему? — спросил я.

— Потому что в поле пасется бык английской породы.

Если бы не его гнусная ухмылка, я бы, наверно, послушался. Но предупредить об опасности, а потом ухмыльнуться... этого я со своим гордым нравом снести не мог. Я небрежно отмахнулся, показав этим, что я думаю о быке английской породы.

— Пойду напрямик,— сказал я.

Однако, выйдя в поле, я понял, что поступил опрометчиво. Поле было очень большое, и, удаляясь от гостиницы, я ощущал себя утлым суденышком, рискнувшим выйти в открытое море. Со всех сторон поле было огорожено. Впереди стоял дом Равонов, изгороди подходили к нему вплотную справа и слева. Со стороны поля был виден черный ход и несколько окон, но все они, как и в других нормандских домах, были забраны решетками. Единственным спасением был черный ход. И я устремился к нему, не роняя достоинства, приличествующего солдату, но тем не менее развив такую скорость, на какую только способны ноги. Верхняя моя половина была сама беззаботность и даже жизнерадостность. Зато нижняя — проворство и настороженность.

Я уже почти достиг середины поля, как вдруг справа от себя увидел быка. Он рыл копытами землю под большим буком. Я не повернул головы, даже виду не показал, что заметил опасность, а сам искоса с опаской следил за быком. Возможно, он был в благодушном настроении, а может, его обманул мой беспечный вид, но он не сделал в мою сторону ни шага. Приободрившись, я взглянул на открытое окно спальни Мари, которое было как раз над черным ходом,— вдруг из-за шторы смотрят ее милые карие глазки. Я стал помахивать тросточкой, сбавил шаг, сорвал первоцвет и запел лихую гусарскую песенку, чтобы подразнить этого зверя английской породы,— пусть любимая видит, что опасность мне нипочем, если наградой — свиданне. Мое бесстрашие привело быка в замешательство, я дошел до черного хода, толкнул дверь и очутился в безопасности, не посрамив гусарской чести.

Что для гусара опасность, когда его ждет свидание с любимой! Да карауль ее дом хоть все быки Кастилии, разве я остановился бы на полпути? Ах, вовек не вернуться тем счастливым дням юности, когда ног под собой не чуешь, живя в мире сладостных грез! Мари почитала и любила меня за храбрость. Прижавшись раскраспевшейся щечкой к шелку моего доломана, глядя мне в лицо изумленными глазами, сиявшими от любви и восхищения, она благоговейно внимала рассказам, в которых ее возлюбленный выступал во всем блеске своих достоинств.

— И сердце ваше ни разу не дрогнуло? Вы никогда не знали страха? — спрашивала она.

Такие вопросы вызывали у меня только смех. Разве место страху в душе гусара? Хоть я был еще очень молод, подвигам моим уже не было числа. Я рассказал ей, как во главе своего эскадрона ворвался в каре венгерских гренадеров. Обнимая меня, Мари содрогнулась. Еще я рассказал ей, как ночью переплыл на коне Дунай, доставляя донесение Даву. Откровенно говоря, то был вовсе не Дунай, да и глубина не такая, чтобы коню моему пришлось плыть, но когда тебе двадцать и ты влюблен, как не приукрасить рассказ. О многих подобных случаях я рассказывал ей, а ее милые глазки раскрывались от изумления все шире и шире.

— Даже в мечтах своих, Этьен,— сказала она,— я никогда не представляла себе, что мужчина может быть таким храбрым. Счастливая Франция, имеющая такого солдата, счастливая Мари, имеющая такого возлюбленного!

Вы понимаете, с каким чувством я бросился к ее ногам, бормоча, что я счастливейший человек на свете... я, нашедший ту, которая меня понимает и ценит.

Отношения наши были прелестны и слишком утонченны, чтобы их могли понять более грубые натуры. Однако ее родители, само собой разумеется, имели на этот счет свое мнение. Я играл в домино со стариком, помогал распутывать пряжу его жене, но никак не мог убедить их, что посещаю их ферму трижды в неделю только из любви к ним. В конце концов объяснение стало неизбежным, и случилось оно именно в тот вечер. Мари, ие-

смотря на ее милое негодование, удалили в спальню, а я остался лицом к лицу со стариками, которые засыпали меня вопросами относительно моих намерений и видов на будущее.

— Одно из двух,— сказали они с крестьянской прямотой,— или вы даете слово, что обручитесь с Мари, или вы ее никогда больше не увидите.

Я говорил о солдатском долге, о своих надеждах, о будущем, но они стояли на своем. Я ссылался на свою карьеру, а они эгоистично не хотели думать ни о чем, кроме своей дочери. Я оказался поистине в трудном положении. С одной стороны, я не мог отказаться от моей Мари, а с другой — к чему жениться молодому гусару? Наконец, когда меня уже совсем загнали в угол, я умолил их оставить все, как было, хотя бы до завтра.

— Я поговорю с Мари,— сказал я.— Я поговорю с Мари без промедления. Главное для меня — ее счастье.

Мои слова не удовлетворили старых ворчунов, но возразить они ничего не могли. Вскоре они пожелали мне спокойной ночи, и я отправился в гостиницу. Я вышел в совершенном расстройстве чувств в ту же дверь, в которую вошел, и услышал, как ее заперли за мной на засов.

Я шагал по полю, задумавшись,— из головы не шли доводы стариков и мои ловкие ответы. Как мне быть? Я обещал посоветоваться с Мари без промедления. Что мне сказать, когда я увижусь с ней? Должен ли я капитулировать перед ее красотой и навсегда распрощаться с военной карьерой? Если бы Этьен Жерар перековал свой меч на орало, то это было бы поистине невосполнимой утратой для императора и Франции. Или я должен ожесточиться сердцем и отказаться от Мари? А разве нельзя совместить все — быть счастливым супругом в Нормандии и храбрым солдатом в прочих местах? Все эти мысли теснились в моей голове, как вдруг какой-то шум заставил меня поднять голову. Из-за облака выглянула луна, и прямо перед собой я увидел быка.

Он и под буком показался мне большим, но тут передо мной стояла просто громадина. Он был весь черный. Голова опущена, свирепые, налитые кровью глаза

сверкали при свете луны. Он бил себя хвостом по бокам, передние ноги зарылись в землю. Такое чудовище не привидится даже в кошмарном сне. Бык медленно, как бы нехотя, двинулся в мою сторону.

Я оглянулся и, к своему отчаянию, увидел, что зашел в поле слишком далеко. Ближайшим убежищем была гостиница, но между нею и мной находился бык. Если этот зверь увидит, что я его не боюсь, он, наверное, уступит мне дорогу. Я пожал презрительно плечами. И даже свистнул. Бык подумал, что я вызываю его на бой и прибавил шагу. Я бросил на быка бесстрашный взгляд, а сам давай быстро-быстро пятиться. Молодой, подвижный человек способен даже бежать задом наперед, обратив лицо к противнику и храбро улыбаясь ему. На бегу я грозил быку тросточкой. Наверно, благоразумней было бы сдержать свой пыл. Бык счел это вызывом, хотя бросать ему вызов мне и в голову не приходило. Это было роковое недоразумение. Фыркнув, бык поднял хвост и ринулся в атаку.

Вы когда-нибудь видели, как нападает бык, друзья мои? Это — чудовищное зрелище. Вы думаете, наверно, что он припустил рысью или даже галопом. Это бы еще ничего... Нет, он делал прыжки, один страшнее другого. Я не боюсь человека. Когда я имею дело с человеком, то чувствую, что благородство моей позы, смелая непринужденность, с которой я встречаю противника, уже сами по себе обезоруживают. Я владею теми же приемами, что и он, и поэтому мне нечего его бояться. Но когда тебе предстоит сразиться с тонной разъяренной говядины — это совсем другое дело. Тут не поспоришь, не успокоишь, не завоюешь расположения... Никакие уговоры не помогут. Что этому зверю до моего горделивого самообладания? С живостью, свойственной моему уму, я оценил обстановку и решил, что на моем месте никто, даже сам император, не мог бы удержать позиции. Значит, оставалось одно — бежать.

Но и бежать можно по-разному. Кто отступает с достоинством, а кто — в панике. Я удирал, как положено настоящему солдату. Хотя мои ноги работали быстро, сам я держался великолепно. Весь мой вид выражал протест. На бегу я улыбался... это была горькая улыб-

ка храбреца, который философски относится к превратностям судьбы. Если бы в эти минуты меня увидели мои боевые товарищи, я бы нисколько не проиграл в их глазах. С поразительным самообладанием уходил я от быка.

Но тут я должен сделать одно признание. Известное дело: если удираешь, то паники не избежать, будь ты храбрец из храбрецов. Вспомните гвардию при Ватерлоо. То же самое было в тот вечер и с Этьеном Жераром. Ведь поблизости не было никого, кто бы оценил мою доблесть... никого, кроме этого проклятого быка. А не благоразумнее ли в такую минуту забыть о собственном достоинстве? С каждым мгновеньем грохот копыт чудовища и его страшное фырканье за моей спиной становилось все громче. При мысли о такой постыдной смерти меня охватил ужас. Жестокая ярость зверя лишила меня мужества. Все было забыто. Во всем мире осталось только два существа: бык и я — он хотел убить меня, а я — во что бы то ни стало спастись. Я опустил голову и... дунул во все лопатки.

Мчался я к дому Равонов. И вдруг сообразил: если даже я добегу, спрятаться будет негде. Дверь заперта. Нижние окна забраны решетками. Ограда высокая. А бык с каждым прыжком все ближе и ближе. И вот тут-то, друзья мои, в момент наивысшей опасности Этьен Жерар и показал, на что он способен. Был лишь один путь к спасению, и я воспользовался им.

Я уже говорил, что окно спальни Мари было как раз над дверью. Занавески были задернуты, но не плотно — сквозь щели пробивался свет. Я был молодой, ловкий и поэтому знал, что смогу высоко прыгнуть, ухватиться за край подоконника и, подтянувшись, уйти от опасности. Подпрыгнул я в тот самый момент, когда чудовище настигло меня. Я и без посторонней помощи вскочил бы в окно. В великолепном прыжке я уже оторвался от земли, как бык поддал мне сзади, и я, как пушечное ядро, влетел в окно и упал на четвереньки посреди спальни.

Кровать стояла под самым окном, но я благополучно перелетел через нее. С трудом поднявшись на ноги, я с замиранием сердца повернулся к кровати, но она была

пуста. Моя Мари сидела в кресле в углу комнаты и, судя по раскрасневшимся щечкам, плакала. Видно, родители уже рассказали ей о нашем разговоре. От изумления она не могла встать и смотрела на меня с раскрытым ртом.

— Этьен! — прошептала она, задыхаясь.— Этьен!

И тут, как всегда, мне на выручку пришла моя находчивость. Я поступил так, как должен поступать истинный джентльмен.

— Мари,— вскричал я,— простите, о, простите меня за внезапность вторжения! Мари, сегодня вечером я говорил с вашими родителями. И я не мог вернуться в лагерь, не узнав, согласны ли вы стать моей женой и сделать меня самым счастливым человеком на свете.

Ее изумление было так велико, что она долго не могла вымолвить ни слова. А затем стала восторженно изливать свои чувства.

— О Этьен! Мой замечательный Этьен! — восклицала она, обвив мою шею руками.— Такой любви не бывало никогда! Вы лучше всех мужчин на свете! Вот вы стоите предо мной, бледный, дрожа от страсти. Таким вы являлись мне в моих грезах. Как тяжело вы дышите, любовь моя, и какой великолепный прыжок бросил вас в мои объятья! За секунду до вашего появления я слышала топот вашего боевого коня.

Объяснять больше было нечего, и когда ты только что помолвлен, для губ находится другое занятие. Однако за дверью послышался какой-то шум — кто-то поднимался по лестнице. Когда я с грохотом появился в доме Равоиов, старики бросились в погреб, чтобы посмотреть, не свалилась ли с козел большая бочка сидра, а теперь они спешили в комнату дочери. Я распахнул дверь и взял Мари за руку.

— Вы видите перед собой вашего сына! — сказал я.

О, какую радость я доставил этим скромным людям! При воспоминании об этом у меня всякий раз навертываются слезы. Им не показалось слишком странным, что я влетел в окно, ибо кому быть горячим поклонником их дочери, как не храброму гусару? И если дверь заперта, то разве нельзя проникнуть в дом через окно? Снова мы собрались все четверо в гостиной, из погреба была при-

несена облепленная паутиной бутылка, и полился рассказ о славном роде Равонов. Будто впервые видел я эту комнату с толстыми стропилами, два стариковских улыбающихся лица и ее, мою Мари, мою невесту, которую я завоевал таким странным образом.

Когда мы расставались, было уже поздно. Старик вышел со мной в переднюю.

— Вы пойдете парадным ходом или черным? — спросил он.— Черным ходом короче.

— Пожалуй, пойду парадным,— ответил я.— Этот путь, может, и длиннее, зато у меня будет больше времени думать о Мари.

ОТСТАЛ ОТ ЖИЗНИ

Моя первая встреча с доктором Джеймсом Виитером произошла при весьма драматических обстоятельствах. Случилось это в спальне старого загородиого дома в два часа иочи. Пока доктор с помощью жеищни заглушал фланелевой юбкой мои гневные вопли и купал меия в теплой ваине, я дважды лягнул его в белый жилет и сбил с иоса очки в золотой оправе. Мне рассказывали, что оказавшийся при этом одни из моих родителей тихоиько заметил, что с легкими у меня, слава богу, все в порядке. Не могу припомнить, как выглядел в ту пору доктор Виитер: меня тогда заннмало другое,— ио ои описывает мою внешиость отнюдь ие лестно. Голова лохматая, тельце, как у общипанного гусеика, ноги кривые — вот что ему в ту ночь запомнилось.

С этой поры периодические вторжения в мою жизнь доктора Винтера разделяют ее иа эпохи. Он делал мие прививки, вскрывал иарывы, ставил во время свиики компрессы. На горизоите моего безмятежного существоваиия маячило едииственное грозовое облако — доктор. Но пришло время, когда я заболел по-иастоящему: долгие месяцы провел я в своей плетеной кроватке, и вот тогда я узнал, что суровое лицо доктора может быть приветливым, что скрипучие, сработанные деревенским сапожником башмаки его способны удивительно осторожно приближаться к постели и что, когда доктор разговаривает с больным ребеиком, грубый голос его смягчается до шепота.

Но вот ребенок вырос и сам стал врачом, а доктор Винтер остался как был. Только побелели волосы да еще более опустились могучие плечи. Доктор очень высокий, но из-за своей сутулости кажется дюйма на два ниже. Широкая спина его столько раз склонялась над ложем больных, что и не может уже распрямиться. Сразу видно, что часто приходилось ему шагать в дождливые, ветреные дни по унылым деревенским дорогам — такое темное, обветренное у него лицо. Издали оно кажется гладким, но вблизи видны бесчисленные морщинки — словно на прошлогоднем яблоке. Их почти незаметно, когда доктор спокоен, но стоит ему засмеяться, как лицо его становится похожим на треснутое стекло, и тогда ясно, что лет старику еще больше, чем можно дать на вид.

А сколько ему на самом деле, я так и не смог узнать. Частенько пытался я это выяснить, добирался до Георга IV и даже до регентства, но до исходной точки так никогда и не дошел. Вероятно, ум доктора стал очень рано впитывать всевозможные впечатления, но рано и перестал воспринимать что-либо новое, поэтому волнуют доктора проблемы прямо-таки допотопные, а события наших дней его совсем не занимают. Толкуя о реформе избирательной системы, он сомневается в ее разумности и неодобрительно качает головой, а однажды, разгорячившись после рюмки вина, он гневно осуждал Роберта Пиля и отмену хлебных законов. Со смертью этого государственного деятеля история Англии для доктора Винтера закончилась, и все позднейшие события он расценивает как явления незначительные.

Но только став врачом, смог я убедиться, какой совершеннейший пережиток прошлого наш доктор. Медицину он изучал по теперь уже забытой и устаревшей системе, когда юношу отдавали в обучение к хирургу и анатомию штудировали, прибегая к раскопке могил. В своем деле он еще более консервативен, чем в политике. Пятьдесят лет жизни мало что ему дали и еще меньшего лишили. Во времена его юности широко обучали делать вакцинацию, но мне кажется, в душе он всегда предпочитал прививки.

Он бы охотно применял кровопускание, да только теперь никто этого не одобряет. Хлороформ доктор считает

изобретением весьма опасным и, когда о нем упоминают, недоверчиво щелкает языком. Известно, что он нелестно отзывался даже о Леннеке и называл стетоскоп «новомодной французской игрушкой». Из уважения к своим пациентам доктор, правда, носит в шляпе стетоскоп, но он туг на ухо, и потому не имеет никакого значения, пользуется он инструментом или нет.

По долгу службы он регулярно читает медицинский еженедельник и имеет общее представление о научных достижениях, но продолжает считать их громоздкими и смехотворными экспериментами. Он едко иронизировал над теорией распространения болезней посредством микробов и любил шутя повторять у постели больного: «Закройте дверь, не то налетят микробы». По его мнению, теория Дарвина — самая удачная шутка нашей эпохи. «Детки в детской, а их предки в конюшне!» — кричал он и хохотал так, что на глазах выступали слезы.

Доктор настолько отстал от жизни, что иной раз, к немалому своему изумлению, он обнаруживает — поскольку в истории все повторяется,— что применяет новейшие методы лечения. Так, в дни его юности было очень модно лечить диетой, и тут он превосходит своими познаниями любого другого известного мне врача. Массаж ему тоже хорошо знаком, тогда как для нашего поколения он новинка. Доктор проходил курс наук, когда применяли еще очень несовершенные инструменты и учили больше доверять собственным пальцам. У него классическая рука хирурга с развитой мускулатурой и чувствительными пальцами — «на кончике каждого — глаз».

Вряд ли я забуду, как мы с доктором Паттерсоном оперировали сэра Джона Сирвелла. Мы не могли отыскать камень. Момент был ужасный. Карьера Паттерсона и моя висела на волоске. И тогда доктор Винтер, которого мы только из любезности пригласили присутствовать при операции, запустил в рану палец — нам с перепугу показалось, что длиной он никак не меньше девяти дюймов,— и в мгновение ока выудил его.

— Всегда хорошо иметь в кармашке жилета такой инструмент,— посмеиваясь, сказал он тогда,— но, по-моему, вы, молодые, это презираете.

Мы избрали его президентом местного отделения Ассоциации английских медиков, но после первого же заседания он сложил с себя полномочия.

— Иметь дело с молодежью — не для меня,— заявил он.— Никак не пойму, о чем они толкуют.

А между тем пациенты его благополучно выздоравливают. Прикосновение его целительно — это его магическое свойство невозможно ни объяснить, ни постигнуть, но тем не менее это очевидный факт. Одно лишь присутствие доктора наполняет больных надеждой и бодростью. Болезнь действует на него, как пыль на рачительную хозяйку: он сердится и жаждет взяться за дело.

— Ну, ну, так не пойдет! — восклицает он, впервые посещая больного. Он отгоняет смерть от постели, как случайно влетевшую в комнату курицу. Когда же незваный гость не желает удаляться, когда кровь течет все медленнее и глаза мутнеют, тогда присутствие доктора Винтера полезнее любых лекарств. Умирающие не выпускают руку доктора; его крупная энергичная фигура и жизнелюбие вселяют в них мужество перед роковой переменой. Многие страдальцы унесли в неведомое как последнее земное впечатление доброе обветренное лицо доктора.

Когда мы с Паттерсоном — оба молодые, полные энергии современные врачи — обосновались в этом районе, старый доктор встретил нас очень сердечно, он был счастлив избавиться от некоторых пациентов. Однако сами пациенты, следуя собственным пристрастиям — отвратительная манера! — игнорировали нас со всеми нашими новейшими инструментами и алкалоидами. И доктор продолжал лечить всю округу александрийским листом и каломелью. Мы оба любили старика, но между собой, однако, не могли удержаться, чтобы не посетовать на прискорбное отсутствие у пациентов здравого смысла.

— Бедняки-то уж понятно,— говорил Паттерсон.— Но люди образованные вправе ожидать от лечащего врача умения отличить шум в сердце при митральном пороке от хрипов в бронхах. Главное — способность врача разобраться в болезни, а не то, симпатичен он тебе или нет.

Я полностью разделял миенне Паттерсона. Но вскоре разразилась эпндемня гриппа, и от усталостн мы валились с ног.

Утром, во время обхода больных, я встретил Паттерсоиа, он показался мне очень бледным н нзможденным. То же самое он сказал обо мне. Я н в самом деле чувствовал себя скверно н после полудня весь день пролежал на дниване — голова раскалывалась от болн, и страшно ломило суставы.

К вечеру сомненнй не оставалось — грнпп свалил и меня. Надо было иемедлеино обратнться к врачу. Разумеется, прежде всего я подумал о Паттерсоие, но почему-то мне стало вдруг неприятио.

Я вспомннл, как он хладнокровно, прндирчиво обследует больных, без конца задает вопросы, бесконечио берет аналнзы н барабаиит пальцамн. А мне требовалось что-то успоканвающее, более участлнвое.

— Мнссис Хадсон,— сказал я своей домохозяйке,— сходнте, пожалуйста, к старику Винтеру н скажнте, что я был бы крайне ему призиателеи, если б он иавестнл меня.

Вскоре она вернулась с ответом:

— Доктор Винтер, сэр, заглянет через часок, его только что вызвалн к доктору Паттерсоиу.

ЕГО ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Это было в первый день зимней сессии. Первокурсник с третьекурсником шли в клинику смотреть операцию. Колокола на Троицкой церкви только что пробили двенадцать.

— Скажите, вы никогда не присутствовали на операции? — спросил третьекурсник.

— Никогда.

— В таком случае зайдемте сюда. Это знаменитый бар Резерфорда. Будьте любезны, стакан хереса для этого джентльмена. Кажется, вы весьма чувствительны?

— Боюсь, нервы у меня и в самом деле не очень крепкие.

— Гм! Еще один стакан хереса этому джентльмену. Видите ли, мы идем на операцию.

Новичок расправил плечи и сделал отчаянную попытку казаться безразличным.

— Операция пустяковая?

— Нет, довольно серьезная.

— Ам... ампутация?

— Нет, еще серьезней.

— Я... я вспомнил... меня ждут дома.

— Нет смысла уклоняться. Не сегодня, так завтра, а идти все равно придется. Чего тянуть? Ну как, повеселее немного стало?

— О, да.— Новичок улыбнулся, но улыбки не получилось.

— Тогда еще стакан хереса. И пойдем скорее, а то опоздаем и ближние ряды будут заняты.

— Спешить, по-моему, нет особой необходимости.

— Как это нет! Вон сколько народу идет на операцию. И почти все первокурсники. Их сразу отличишь, верно? Бледные, точно их самих будут оперировать.

— Неужели и я такой же бледный?

— Ничего, у меня самого был точно такой вид. Но неприятные ощущения скоро проходят. Глядишь, у парня лицо белое как мел, а через неделю он уже уплетает завтрак в анатомичке. Какая сегодня будет операция, я скажу вам, когда придем в аудиторию.

Студенты валом валили вниз по улице, которая вела к клинике. У каждого в руке была стопка тетрадей. Тут были и бледные, перепуганные ребята, только что окончившие школу, и очерствевшие ветераны, бывшие сокурсники которых уже давно стали врачами. Они вырывались сплошным шумным потоком из ворот университета. Студенты были молоды и телосложением и походкой, но юных лиц встречалось мало. У одних был такой вид, будто они слишком мало ели, у других — будто слишком много пили. Высокие и малорослые, в твидовых куртках и черных костюмах, широкоплечие и худосочные, обладавшие отличным зрением и носившие очки, они с топотом, стуча тростями о мостовую, вливались в ворота клиники. Время от времени толпа раздавалась и пропускала громыхавшие по булыжнику экипажи хирургов, служивших в клинике.

— На операцию к Арчеру, видно, соберется много народу,— сдерживая возбуждение, прошептал старший студент.— Его операции — это зрелище, скажу я вам! Однажды он на моих глазах так расправился с аортой, что мне чуть дурно не стало. Нам сюда. Осторожно, стены побелены, не испачкайтесь.

Они прошли под аркой и оказались в длинном коридоре с каменным полом и тускло-коричневыми перенумерованными дверями по обеим сторонам. Некоторые из дверей были полуоткрыты, и новичок заглядывал в них с замиранием сердца. Но он видел только веселое пламя в каминах, ряды кроватей, застеленных белыми покрывалами, обилие цветных плакатов на стенах, и это немного приободрило его. Коридор выходил в приемный зал, вдоль стен которого на скамьях сидели бедно одетые люди. Молодой человек с парой ножниц, засунутых

в петлицу наподобие цветка, и записной книжкой в руке обходил людей, о чем-то шептался с ними и делал пометки.

— Есть что-нибудь стоящее? — спросил третьекурсник.

— Приходили бы к нам вчера,— подняв голову, сказал фельдшер.— Выдающийся был день. Подколенный аневризм, перелом Коллса, врожденная расщелина позвоночника, тропический абсцесс и слоновая болезнь. Ничего улов для одного захода?

— Жаль, что меня не было. Но все они еще не раз придут сюда, я надеюсь. А что с этим пожилым джентльменом?

В темном углу сидел скорчившийся рабочий и, раскачиваясь, стонал. Какая-то женщина, сидевшая рядом, пыталась утешить его, поглаживая по плечу рукой, испещренной странными маленькими белесыми волдырями.

— Это великолепный карбункул,— сказал фельдшер с видом знатока, показывающего свои орхидеи человеку, который способен оценить их красоту.— Он на спине, а у нас здесь сквозит, так что ему не следует раздеваться, верно, папаша? Пузырчатка,— добавил он небрежно, показывая на обезображенные руки женщины.— Не хотите ли задержаться у нас немного?

— Нет, спасибо. Мы торопимся на операцию Арчера. Пошли!

Молодые люди присоединились к толпе, спешившей на лекцию знаменитого хирурга.

Ярусы подковообразных скамей, поднимавшихся от пола до потолка, были уже заполнены, и вошедший новичок увидел перед собой, как в тумане, изогнутые дугой ряды лиц, услышал басовитое жужжание сотен голосов и смех, доносившиеся откуда-то сверху. Его товарищ высмотрел во втором ряду свободное место, и они оба втиснулись туда.

— Великолепно! — прошептал старший.— Отсюда вы увидите все.

Их отделял от операционного стола лишь один ряд голов. Стол был сосновый, некрашеный, крепко сколоченный и идеально чистый. Он был наполовину покрыт коричневой клеенкой, рядом на полу стояло большое жестяное корыто, наполненное опилками. Еще дальше у ок-

на другом столе лежали блестящие стальные инструменты — хирургические щипцы, иглы, пилы, держатели. Сбоку рядком были выложены ножи с длинными, тонкими, изящными лезвиями. Перед этим столом сидели, развалившись, два молодых человека — один вдевал нитки в иголки, а другой что-то делал с похожей на медный кофейник штукой, с шипеньем испускавшей клубы пара.

— Видите высокого лысого человека в первом ряду? — прошептал старшекурсник.— Это Петерсон. Как вы знаете, он специалист по пересадке кожи. А это Энтони Браун, который прошлой зимой успешно удалил гортань. А вон Мэрфи, патолог, и Стоддарт, глазник. Скоро вы их тоже всех будете знать.

— А кто эти два человека, что сидят у стола с инструментами?

— Никто... помощники. Один ведает инструментами, другой — «пыхтелкой Билли». Это, как вы знаете, антисептический пульверизатор Листера. Арчер — сторонник карболовой кислоты. Хэйес — глава школы чистоты и холодной воды. И они смертельно ненавидят друг друга.

Теснившиеся на скамьях студенты оживились — две сестры ввели в аудиторию женщину в нижней юбке и корсаже. Голова ее была покрыта красным шерстяным платком, спускавшимся на плечи. Лицо, выглядывающее из-под платка, было молодое, но изможденное и специфического воскового оттенка. Голова ее была опущена, и одна из сестер, поддерживая женщину за талию и склонившись к уху, шепотом успокаивала ее. Проходя мимо стола с инструментами, женщина украдкой взглянула на них, но сестры повернули ее к столу спиной.

— Какая у нее болезнь? — спросил новичок.

— Рак околоушной железы. Чертовски трудный случай; опухоль разрослась как раз позади сонных артерий. Вряд ли кто, кроме Арчера, осмелился бы взяться за такую операцию. А вот и он сам!

При этих словах в комнату шагнул невысокий, подвижный, седовласый человек, потиравший на ходу руки. Он был похож на флотского офицера — чисто выбритое лицо, большие светлые глаза, прямой, тонкогубый рот. Следом, сверкая пенсне, вошел его рослый помощник-хирург, живший при клинике, которого сопровожда-

ла процессия сестер, разошедшихся группками по углам аудитории.

— Джентльмены,— выкрикнул хирург,— голос у него был уверенный и энергичный, как и вся манера держаться,— перед нами интересный случай опухоли околоушной железы, сначала хрящевой, но теперь принявшей злокачественный характер, а следовательно, требующей удаления. На стол, сестра! Благодарю вас! Хлороформ! Спасибо! Можете снять платок, сестра.

Женщина опустилась на клеенчатую подушку, и взорам студентов предстала ее губительная опухоль. Сама по себе она не имела отталкивающего вида: желтовато-белая, с сеткой голубых вен, она слегка изгибалась от челюсти к груди. Но изможденное желтое лицо и жилистая шея ужасающе контрастировали с этим чудовищным, пухлым и лоснящимся наростом. Хирург обхватил опухоль рукой и стал легонько нажимать на нее то справа, то слева.

— Плотно приросла к одному месту, джентльмены! — выкрикнул он.— Новообразование захватило сонные артерии и шейные вены и проходит позади челюсти, куда нам, вероятно, придется проникнуть. Невозможно предсказать, как глубоко может завести вскрытие. Карболку. Спасибо! Карболовые повязки, пожалуйста! Давайте хлороформ, мистер Джонсон. Приготовьте маленькую пилу на случай, если придется удалить челюсть.

Больная тихо стонала под полотенцем, которым ей закрыли лицо. Она попыталась поднять руки и согнуть ноги в коленях, но две сестры удержали ее. Душный воздух пропитался едкими запахами карболки и хлороформа. Из-под полотенца донесся глухой вскрик, а затем песенка, которую женщина затянула тоненьким голоском:

Сказал мне милый мой,
Убежим со мной,
Мороженое продавать,
Мороженое...

Потом послышалось сонное бормотанье, и наступила тишина. Хирург, по-прежнему потирая руки, подошел к скамьям и обратился к пожилому человеку, сидевшему перед новичком:

— Очень мало шансов у нынешнего правительства.

— Будет достаточно десяти голосов.

— Скоро оно и этого большинства лишится. Уж лучше пусть само подаст в отставку, чем его вынудят.

— Я боролся бы до конца.

— Что толку? Законопроект не пройдет через комитет, даже если пройдет большинством голосов в палате. Я видел...

— Пациентка к операции готова, сэр,— сказала сестра.

— Я видел Макдональда. Поговорим потом.

Он вернулся к больной, которая, раскрыв рот, тяжело дышала.

— Я намереваюсь,— сказал он, проводя рукой по опухоли и как бы даже лаская ее,— сделать один разрез над верхней границей опухоли, а второй — под нижней; оба разреза будут сделаны под прямым углом и дойдут, так сказать, до дна опухоли. Будьте любезны, средний скальпель, мистер Джонсон.

Новичок, сидевший с широко раскрытыми от ужаса глазами, увидел, как хирург взял длинный сверкающий нож, макнул его в жестяной тазик и перехватил пальцами за середину, как, наверное, художник берет кисть. Затем он увидел, как хирург оттянул левой рукой кожу на опухоли. Но тут его нервы, которые за день не раз подвергались испытаниям, окончательно сдали. Голова закружилась, и он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он решил не смотреть на больную. Заткнул уши большими пальцами, чтобы не слышать крика, и уставился в деревянную полочку, приделанную к спинке передней скамьи. Он знал, что достаточно одного взгляда, одного вскрика — и он лишится остатков самообладания. Он попытался думать о крикете, о зеленых полях и воде, подернутой рябью, о сестрах, оставшихся дома... о чем угодно, только не о том, что происходило в двух шагах.

И все же какие-то звуки долетали до него, и он невольно возвращался мыслями к страшной опухоли. Он слышал, а может, ему казалось, что он слышит, протяжное шипенье карболового аппарата. Затем ему почудилось движение среди сестер. В уши врывались стоны, потом какой-то другой звук, как будто что-то текло. Воображение рисовало каждую фазу операции — одну кар-

тину кошмарней другой. Нервы его напряглись до крайности, он весь дрожал. С каждой минутой голова кружилась сильнее, стало болеть сердце. Вдруг он со стоном качнулся вперед, сильно ударился лбом об узкую деревянную полочку и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, аудитория была уже пуста, а он лежал на скамье с расстегнутым воротом. Третьекурсник водил мокрой губкой по его лицу, и на это зрелище глазели два ухмыляющихся студента, помогавших при операции.

— Ладно,— сказал новичок, садясь и протирая глаза.— Простите, что свалял дурака.

— Это я виноват...— сказал его товарищ.— Но из-за чего, черт побери, вы хлопнулись в обморок?

— Не выдержал. Операция доконала.

— Какая операция?

— Ну, та самая... рак.

Наступила тишина, потом все три студента расхохотались.

— Вот чудак!— воскликнул третьекурсник.— Ведь никакой операции не было! Врачи нашли, что больная плохо переносит хлороформ, и операцию отменили. Вместо того Арчер прочитал нам одну из своих блестящих лекций. И вы хлопнулись в обморок, как раз когда он рассказывал свой любимый анекдот.

НЕУДАЧНОЕ НАЧАЛО

— Доктор Орас Уилкинсон дома?

— Это я. Входите, прошу вас.

Посетитель, казалось, был чуть удивлен тем, что дверь ему открыл сам хозяин дома.

— Я хотел бы поговорить с вами.

Доктор, бледный молодой человек с нервным лицом и холеными бакенбардами, в которые упирался высокий белый воротничок, одетый в строгий и длинный черный сюртук, какие носят только врачи, потер руки и улыбнулся.

В плотном, крепко сбитом человеке, стоявшем перед ним, он угадал пациента, первого своего пациента. Скудные его средства таяли, и он уже задумывался над текущими хозяйственными расходами, хотя безопасности ради давно запер в правый ящик стола деньги, предназначенные для арендной платы за первые три месяца. Он поклонился, жестом пригласил посетителя войти, небрежно, словно он случайно оказался в прихожей, запер дверь, проводил незнакомца в скромно обставленную приемную и предложил сесть. Сам доктор Уилкинсон сел за стол и, соединив кончики пальцев, стал внимательно разглядывать посетителя. Интересно, что его беспокоит? Лицо, кажется, слишком красное. Кое-кто из его прежних преподавателей уже поставил бы диагноз и поразил бы пациента описанием симптомов, прежде чем тот успел вымолвить слово. Доктор Орас Уилкинсон мучительно ломал голову, пытаясь угадать недуг своего первого пациента, но природа сотворила его всего-

навсего трудолюбивым и усердным человеком, а не блестящим медиком. Мысли его вертелись вокруг цепочки от часов у посетителя, которую он видел перед собой. Она сильно смахивала на медную, и он сделал вывод, что может рассчитывать не более как на полкроны. Что ж, и полкроны на земле не валяются, особенно когда ты только начинаешь.

Пока врач внимательно разглядывал посетителя, тот шарил по карманам своего плотного сюртука. Из-за теплой, не по погоде, одежды и усилий, которые потребовались для этого, лицо его из кирпичного стало свекольным, а лоб покрылся испариной. Именно это и натолкнуло наконец наблюдательного медика на догадку. Не иначе как спиртному посетитель обязан таким цветом лица. Да, беда этого человека в том, что он пьет. Нужен, правда, некоторый такт, чтобы дать понять пациенту, что причина его недуга ясна для врача.

— Фу, жарко! — заметил незнакомец.

— Да, в такую погоду так и тянет выпить лишнюю кружку пива, хотя это и вредно,— ответил доктор Уилкинсон, многозначительно глядя на посетителя поверх сомкнутых пальцев.

— Вот чего ни за что бы не посоветовал вам.

— Мне? Я пива не пью.

— Я тоже. Двадцать лет, как бросил.

Гнетущая пауза. Доктор Уилкинсон вспыхнул, лицо у него стало такое же красное, как у собеседника.

— Чем я могу быть полезен? — спросил он, взяв стетоскоп и легонько постукивая им по ногтю большого пальца.

— Да-да, я как раз хотел перейти к делу... Я давно знаю, что вы приехали, но как-то не собрался сразу...

Он неуверенно кашлянул.

— Понимаю,— произнес доктор сочувственно.

— Я должен был зайти к вам еще три недели назад, но знаете, как это бывает,— все откладываешь.

Он снова кашлянул, прикрыв рот большой красной ладонью.

— Я думаю, что больше не надо ничего рассказывать,— сказал доктор Уилкинсон, уверенно беря дело в свои руки.— Ваш кашель говорит сам за себя. Затронуты бронхи, если судить на слух. Крохотный очажок, ничего

страшного, правда, есть опасиость, что он увелнчится, так что вы правнльно сделалн, что пришлн. Кое-какне профнлактические меры, и вы совсем поправитесь. Снимите, пожалуйста, жилет, рубашку не иадо. Вздохните поглубже н ннзким голосом скажите «девяносто девять».

Красиолицый рассмеялся.

— Да нет, со мной все в порядке, доктор. Кашель оттого, что я жую табак. Дурная привычка. С вас причитается девять шиллингов н девять пенсов по счетчику. Я агент газовой компании.

Доктор Орас Уилкиисон рухнул в кресло.

— Так вы не больной? — пробормотал ои.

— Нет, сэр, я нн разу в жизни не был у врача.

— Так вон что... По вашему внду н в самом деле не скажешь, что вы доставляете врачам много хлопот. Ума не приложу, что иам делать, еслн все будут такне здоровякн, как вы.— Доктор пытался замаскнровать разочарованне шуткой.— Хорошо, я как-нибудь зайду в контору н внесу эту небольшую сумму.

— Сэр, было бы удобнее, поскольку я уже пришел... И вам не хлопотно...

— Ну что же, пожалуйста!

Этн вечные денежные дела причнняли доктору больше непрнятностей, чем скромный образ жизни нлн скудная еда. Он вытащнл кошелек н высыпал содержимое на стол: две монеты по полкроны н несколько пенсов. Правда, в ящнке стола припрятаны десять золотых соверенов. Но это плата за помещенне. Еслн притронутся к ним, он погиб. Нет, лучше уж голодать.

— Вот незадача! — сказал он, улыбаясь, словно произошло что-то совершенно неслыханное.— У меня вышла мелочь. Боюсь, что мне все-таки придется зайти в контору.

— Как вам угодно, сэр.

Агент поднялся н, оценив наметанным глазом все, что иаходнлось в комнате — от ковра стонмостью в две гинеи до восьмишиллинговых муслиновых занавесок,— откланялся.

После его ухода доктор Уилкинсон прибрал в комнате, что он по обыкновению делал раз десять на дню. С краю на столе положил для вящей убедительности «Медицинскую энциклопедию Куэна», чтобы пациенты виде-

ли, какие у него под рукой авторитеты. Потом он вынул инструменты из своей карманной сумки—ножницы, щипчики, хирургические ножи, ланцеты — и аккуратнейшим образом разложил их на виду рядом со стетоскопом. Перед ним были раскрыты журнал, дневник и книга регистрации посетителей. Нигде не было ни единой записи, новенькие глянцевые обложки внушали подозрение, поэтому он потер их друг о друга и даже поставил несколько чернильных клякс. Чтобы пациент не заметил, что его имя первое, он заполнил первую страницу в каждой книге записями о воображаемых визитах, которые он нанес безымянным больным за три последних недели. Проделав все это, он уронил голову на руки и погрузился в томительное ожидание.

Ожидание клиента всегда томительно для молодого человека, едва начинающего карьеру, но особенно томительно для того, кто знает, что через несколько недель, а то и дней жить будет не на что. Как ни экономить, деньги будут утекать, точно вода, из-за бесчисленных мелких расходов, совершенно непонятных, пока не имеешь собственного дома. И вот сейчас, сидя за столом и задумчиво глядя на горстку серебряных и медных монет, доктор Уилкинсон не стал бы отрицать, что его надежды успешно практиковать в Саттоне быстро улетучиваются.

А ведь это был оживленный, процветающий город, тут было столько денег, что оставалось загадкой, почему знающий человек с умелыми руками должен бежать отсюда из-за невозможности найти работу. Со своего места доктор Орас Уилкинсон видел, как мимо его окна в обе стороны бежал и вихрился бесконечный людской поток. Он поселился в деловом квартале, где воздух всегда наполнен глухим городским шумом, стуком колес и шарканьем бесчисленных шагов. Тысячи и тысячи мужчин, женщин, детей каждый день проходили мимо его двери, но каждый спешил по своим делам и едва ли замечал маленькую медную табличку на ней и давал себе труд подумать о человеке, который ждал внутри. А ведь совершенно очевидно, что многие из них нуждались в его помощи. Мужчины, страдающие дурным пищеварением, и анемичные женщины с прыщеватыми лицами и больной печенью — все они проходили мимо; они нужда-

лись в нем, он нуждался в них, но их разделял неумолимый закон профессиональной этики. Что ему было делать? Не мог же он, выйдя за дверь, схватить за рукав первого встречного и шепнуть ему на ухо: «Прошу прощения, сэр, я только хотел сказать, что ваше лицо усеяно угрями, на вас неприятно смотреть, позвольте рекомендовать вам отличное средство с мышьяком, оно будет стоить не больше, чем один обед или ужин, но, несомненно, поправит ваше здоровье»? Сказать такое — значит унизить высокое и благородное звание врача, а нет более ревностных хранителей профессиональной чести, чем те, кому эта профессия стала злой мачехой.

Доктор Орас Уилкинсон все так же задумчиво глядел в окно, как вдруг кто-то резко дернул звонок у входной двери. Колокольчик звонил часто, и каждый раз он загорался надеждой, которая тут же гасла и наливала сердце свинцовым разочарованием, когда он встречал на пороге нищего или коммивояжера. И все-таки наш доктор был молод, обладал отходчивым характером, так что, несмотря на горький опыт, душа его снова радостно отозвалась на призыв. Он вскочил на ноги, окинул взглядом стол, придвинул на более видное место справочники и поспешил к двери. Но, выйдя в прихожую, он чуть не застонал от досады. Сквозь застекленный верх двери он увидел перед домом цыганский фургон, нагруженный плетеными столами и стульями, а у входа мужчину и женщину с ребенком. Он знал, что с этими людьми лучше даже не вступать в разговор.

— Ничего нет! — крикнул он, чуть отпустив цепочку замка.— Уходите! — Он захлопнул дверь, но колокольчик зазвонил снова.— Уходите! — крикнул он в сердцах и пошел к себе в приемную. Но едва он успел опуститься на стул, как колокольчик зазвонил в третий раз. Закипая от гнева, он кинулся назад, распахнул дверь.

— Какого...?

— Простите, сэр, нам нужен врач.

В одно мгновенье он уже с приятнейшей профессиональной улыбкой потирал руки. Значит, им все-таки нужен врач, а он хотел прогнать их с порога — первые посетители, которых он ждал с таким нетерпением. Правда, люди эти из самых низов. Мужчина, высокий цыган с гладкими волосами, отошел к лошади. Перед ним стоя-

ла невысокая суровая женщина с большой ссадиной у глаза. Голова у нее была повязана желтым шелковым платком, к груди она прижимала младенца, завернутого в красную шаль.

— Входите, сударыня,— любезно произнес доктор Орас Уилкинсон. Уж тут-то диагноз можно поставить безошибочно.— Присядьте на диван, через минуту вам будет лучше.

Он налил из графина воды в блюдце, наложил компресс из корпии на поврежденное место и сделал перевязку secundum artem [1].

— Спасибо, сэр,— сказала женщина, когда он кончил.— Так хорошо теперь и тепло. Да благослови вас бог, доктор. Но пришла-то я не с глазом.

— Не из-за глаза?

Доктор Орас Уилкинсон начинал сомневаться в преимуществе быстрого диагноза. Поразить пациента — вещь, конечно, превосходная, но до сих пор пациенты поражали его.

— Нет, у ребеночка вот сыпь.

Она отвернула шаль и показала крохотную темноволосую черноглазую девочку. Ее смуглое горячее личико обметала темно-красная сыпь. Ребенок, хрипло посапывая, смотрел на доктора слипающимися со сна глазенками.

— М-да! Верно, сыпь... и порядочно высыпало.

— Я пришла показать ее вам, чтобы вы могли утвердить.

— Что утвердить?

— Ну, если что случится...

— Вот оно что... Подтвердить, значит.

— Ну, а теперь я, пожалуй, пойду. А то Рубен — это мой муж — спешит.

— Неужели вы не возьмете лекарства для девочки?

— Вы видели ее, значит, все в порядке. Если что случится, я скажу вам.

— Вы должны взять лекарство. Ребенок серьезно болен.

Он спустился в маленькую комнатку, которую приспособил под хирургический кабинет, и приготовил две ун-

[1] По всем правилам искусства *(лат.)*.

цнн успоканвающей мазн в пузырьке. В такнх городках, как Саттон, немиогие могут позволить себе платнть и врачу и фармацевту, и еслн врач не умеет приготовнть лекарство, то ему вряд лн удастся заработать на жизнь.

— Вот лекарство, сударыия. Способ употреблеиия на этнкетке. Держите девочку в тепле и не перекармливайте.

— Премного благодарна вам, сэр.

Жеищнна взяла ребенка в рукн н пошла к двери.

— Простнте, сударыня,— тревожно сказал доктор,— ие кажется лн вам, что неудобно посылать счет на такую небольшую сумму? Лучше, еслн вы сразу рассчнтаетесь со мной.

Цыганка с упреком глянула иа него здоровым глазом.

— Вы хотите взять с меня деньгн? — спроснла она.— Сколько же?

— Ну, скажем, полкроиы.

Он назвал сумму небрежно, словно о такой мелочн н говорнть всерьез не прнходнтся, ио цыганка подняла истошный крнк.

— Полкроиы? За что?

— Послушайте, дражайшая, почему же вы не обратнлнсь к бесплатному врачу, еслн у вас нет денег?

Неловко согнувшнсь, чтобы не уроннть ребеика, женщнна пошарнла в карманах.

— Вот семь пенсов,— сказала она иаконец, протягнвая несколько медяков.— А в придачу дам плетеную скамеечку под ногн.

— Но мне платят полкроны.

Вся его натура, воспнтанная на уваженни к славной профессии врача, восставала протнв этой уинзнтельиой торговлн, но у него не было выхода.

— Да где же я возьму полкроны-то? Хорошо господам, как вы самн: сиднте себе в большнх домах, еднтепьете, что пожелаете, да еще требуете полкроиы. А за что? За то, что скажете «добрый день»? Полкроны на земле не валяются. Денежкн-то нам ох как трудио достаются! Семь пеисов, больше у меня нет. Вот вы сказалн не перекармлнвать ее. Куда там перекармлнвать, кормнть не зиаю чем.

Пока цыганка прнчитала, доктор Орас Унлкннсон рассеянно перевел взгляд на крохотную горстку моиет

на столе — все, что отделяло его от голода, и мрачно усмехнулся про себя, подумав, что в глазах этой бедной женщины он купается в роскоши. Потом он сгреб со стола свои медяки, оставив две монеты в полкроны, и протянул их цыганке.

— Гонорара не надо,— сказал он резко.— Возьмите это. Они вам пригодятся. До свидания!

Он проводил цыганку в прихожую и запер за ней дверь. Все-таки начало положено. У этих бродяг удивительная способность распространять новости. Популярность самых лучших врачей зиждется на таких вот рекомендациях. Повертятся у кухни, расскажут слугам, те несут в гостиную — так оно и идет. Во всяком случае, теперь он может сказать, что у него был больной.

Он пошел в заднюю комнатку и зажег спиртовую горелку, чтобы вскипятить воды для чая; пока вода грелась, он с улыбкой думал об этом визите. Если все будут такие, то нетрудно посчитать, сколько потребуется больных, чтобы разорить его до нитки. Грязь на ковре и убитое время не в счет, но бинта пошло на два пенса и лекарства на четыре, не говоря уже о пузырьке, пробке, этикетке и бумаге. Кроме того, он дал ей пять пенсов, так что первый пациент стоил ему никак не меньше шестой части наличного капитала. Если появятся еще пятеро, он вылетит в трубу. Доктор Уилкинсон присел на чемодан и затрясся от смеха, отмеривая в коричневый керамический чайник полторы чайных ложки чая по шиллингу и восемь пенсов за фунт. Вдруг улыбка сбежала с его губ, он вскочил на ноги и прислушался, вытянув шею и скосив глаза на дверь. Заскрежетали колеса на обочине тротуара, послышались шаги за дверью, и громко задребезжал звонок. С ложкой в руке он выглянул в окно и с удивлением увидел экипаж, запряженный парой, и напудренного лакея у дверей. Ложка звякнула об пол, он недоуменно застыл. Потом, собравшись с духом, распахнул дверь.

— Молодой человек,— начал лакей,— скажи своему хозяину доктору Уилкинсону, что его просят как можно скорее к леди Миллбэнк, в «Башни». Он должен ехать немедленно. Мы бы подвезли его, но нам нужно заехать еще раз к доктору Мэйсону посмотреть, дома ли он. Поторопитесь-ка передать ему это!

Лакей кивиул и исчез; в ту же мииуту возиица хлестнул лошадей, и экипаж понесся по улице.

Дела прииимали неожиданный оборот! Доктор Орас Уилкиисон стоял у двери, пытаясь собраться с мыслями. Леди Миллбэнк, владелица «Башеи». Очевидно, состоятельная и высокопоставлениая семья. И случай, видио, серьезный — иначе зачем такая спешка и два врача сразу? Однако каким чудом объяснить, что послали имеиио за ним?

Он скромный, никому не известный врач. Тут какая-то ошибка. Да, так оно, верно, и есть... А может быть, кто-нибудь решил сыграть с ним злую шутку? Но так или иначе пренебрегать таким приглашением нельзя. Он должен немедленно отправиться и выяснить, в чем дело.

Хотя кое-что он может узнать еще на своей улице. На ближайшем углу есть крохотная лавчонка, где один из старожилов торгует газетами и сплетнями. Сперва он отправится туда... Доктор надел начищеиный цилиндр, рассовал инструменты и перевязочиый материал по карманам, ие выпив чая, запер свою приемную и пустился иавстречу приключению.

Торговец на углу был ходячим справочииком обо всех и обо всем в Саттоне, так что очень скоро доктор Уилкинсон получил иеобходимые сведения. Оказалось, что сэр Джон Миллбэнк — популярнейшая фигура в городе. Крупиый оптовик, ои заиимался экспортом письмеиных принадлежностей, трижды был мэром и, по слухам, стоил никак не меньше двух миллионов стерлингов.

«Башии» — это богатое поместье сэра Джоиа Миллбэнка недалеко от города. Супруга его давио хворает, и ей становится все хуже. Все выглядело пока вполие правдоподобио. Оии вызвали его благодаря какой-то поразительной случайности.

Но вдруг доктора снова одолели сомнения, и ои вернулся в лавку.

— Я доктор Орас Уилкинсон, живу по соседству. Нет ли в городе другого врача с этим именем?

Нет. Торговец был увереи, что второго доктора Уилкиисоиа в городе нет.

Итак, все ясио, ему выпал неслыханно счастливый случай, и он должеи незамедлительио воспользоваться им. Он подозвал кэб и помчался в «Башни». У иего то кру-

жилась голова от радостных надежд и восторга, то замирало сердце от страха и сомнений, что он не сможет быть полезным или что в самый критический момент у него не окажется с собой нужного инструмента или какого-нибудь средства. В памяти всплывали всякие сложные и простые случаи, о которых он слышал или читал, и задолго до того, как добраться до «Башен», он окончательно убедил себя, что его немедленно попросят сделать по меньшей мере трепанацию черепа.

«Башни» оказались большим домом, стоящим посреди парка на другом конце аллеи. Подкатив к дому, доктор выпрыгнул из кэба, отдал кэбмену половину своего земного имущества и последовал за величественным лакеем, который, справившись, как доложить, провел доктора через великолепную, обшитую дубом и с цветными стеклами в окнах залу, стены которой были увешаны оленьими головами и старинным оружием, и пригласил в большую гостиную. В кресле у камина с раздраженным видом восседал желчный мужчина, а в дальнем конце комнаты, у окна, стояли две молодые леди в белом.

— Эй-эй, что такое? — воскликнул желчный мужчина.— Вы доктор Уилкинсон, да?

— Да, сэр. Я доктор Уилкинсон.

— Так, так! Вы как будто очень молоды, гораздо моложе, чем я ожидал. Однако вот Мэйсон — старик, а все же, кажется, не очень разбирается что к чему. Наверно, стоит попробовать теперь с другого, так сказать, конца. Вы тот самый Уилкинсон, который писал что-то про легкие?

Теперь все ясно! Два единственные сообщения, которые он послал в «Ланцет» и которые были помещены где-то на последних страницах среди дискуссий о профессиональной этике и вопросов насчет того, во сколько обходится держать в деревне лошадь,— два эти скромные сообщения касались именно легочных заболеваний. Значит, он не напрасно трудился. Значит, чей-то взгляд остановился на них и имя автора было замечено. Кто после этого осмелится утверждать, что труд может остаться невознагражденным!

— Да, я писал о легких.

— Ага! Ну, хорошо, а где же Мэйсон?

— Не имею чести знать его.

— Вот как! Странно. Он знает вас и ценит ваше мнение. Вы ведь не здешний?

— Да, я приехал совсем недавно.

— Мэйсон так и сказал. Он не дал мне ваш адрес. Сказал, что сам привезет вас. Но когда жене стало хуже, я навел справки и без него послал за вами. Я послал и за Мэйсоном, но его не оказалось дома. Однако мы не можем так долго ждать, бегите-ка наверх и принимайтесь за дело.

— Гм, вы ставите меня в весьма неловкое положение,— сказал доктор Орас Уилкинсон неуверенно.— Насколько я понимаю, меня пригласили сюда на консилиум с моим коллегой, доктором Мэйсоном. Мне вряд ли удобно осматривать больную в его отсутствие. Я думаю, что лучше подождать.

— Подождать? Да вы что? Неужели вы думаете, что я позволю врачу прохлаждаться в гостиной, в то время как моей жене становится хуже и хуже! Нет, сэр, я человек простой и говорю попросту: либо вы немедленно идете к ней, либо уходите.

Неподобающие обороты речи хозяина дома покоробили доктора. Хотя человеку многое прощается, когда у него больна жена. Поэтому доктор Уилкинсон удовольствовался сухим поклоном.

— Если вы настаиваете, я иду к больной,— сказал он.

— Да, настаиваю! И вот еще что: нечего простукивать ей грудь и прочие штучки. У нее обыкновенный бронхит и астма и больше ничего нет. Можете ее вылечить — милости просим. От всех этих простукиваний да прослушиваний она только силы теряет, а пользы все равно никакой.

Доктор мог стерпеть личное неуважение, но когда неосторожным словом задевали его святыню — профессию врача, он не мог сдержаться.

— Благодарю вас,— сказал он, беря шляпу.— Имею честь пожелать вам всего хорошего. Я не хочу брать на себя ответственность за больную.

— Постойте, в чем дело?

— Не в моих правилах давать советы, не осмотрев пациента. Странно, что вы предлагаете это врачу. Желаю вам всего хорошего.

Сэр Джон Миллбэнк был сугубо коммерческий человек и неукоснительно придерживался коммерческого принципа: чем труднее заполучить что-либо, тем это дороже. Мнение врача определялось для него единственно тем, сколько за него будет заплачено. А этот молодой человек, казалось, не придавал никакого значения ни его состоянию, ни титулу. И потому он сразу же преисполнился уважения к нему.

— Вот как? У Мэйсона кожа потолще,— сказал он.— Ну, ладно, ладно, пусть будет по-вашему. Поступайте, как знаете. Я молчу. Вот только поднимусь наверх и скажу леди Миллбэнк, что вы сейчас придете.

Едва за ним захлопнулась дверь, как две застенчивые юные леди выпорхнули из своего угла и оживленно заговорили с доктором, которого все это до крайности удивляло.

— Так ему и надо! — воскликнула та, что повыше, хлопая в ладоши.

— Не позволяйте ему командовать собой,— сказала другая.— Хорошо, что вы настояли на своем. Вот так он и обращается с бедным доктором Мэйсоном. Он даже не имел возможности как следует осмотреть маму. Он во всем слушается папу. Ш-ш, Мод, он идет!

Они мгновенно утихли и кинулись в свой угол, молчаливые и робкие, как прежде.

Доктор Орас Уилкинсон последовал за сэром Джоном по широкой, устланной ковром лестнице в затемненную комнату, где находилась больная. За пятнадцать минут он тщательнейшим образом осмотрел ее и снова спустился с супругом в гостиную. У камина стояли два господина, один — типичный практикующий врач, аккуратный и гладко выбритый, другой — солидный, высокий мужчина средних лет с голубыми глазами и большой рыжей бородой.

— А, это вы, Мэйсон! Наконец-то!

— Сэр Джон, я не один. Я обещал привезти вам доктора Уилкинсона.

— Кого? Вот доктор Уилкинсон!

Доктор Мэйсон уставился на молодого человека.

— Я не знаю этого господина! — воскликнул он.

— И тем не менее я доктор Орас Уилкинсон с Кэнелвью-стрит, дом 14.

— Боже мой, сэр Джон! — воскликнул доктор Мэйсон.— Неужели вы полагаете, что к такой больной, как леди Миллбэнк, я пригласил бы для консультации начинающего врача? Доктор Адам Уилкинсон читает курс легочных заболеваний в Регентском колледже в Лондоне, является штатным врачом больницы Святого Суизина и автором десятка работ по этой специальности. Доктор Уилкинсон проездом в Саттоне, и я решил воспользоваться его присутствием, чтобы выслушать высококвалифицированное мнение о состоянии леди Миллбэнк.

— Благодарю вас,— сухо отвечал сэр Джон.— Этот молодой господин только что тщательно осмотрел мою жену, и боюсь, что это сильно утомило ее. На сегодня, думаю, хватит, но поскольку вы потрудились приехать, я, разумеется, буду рад получить от вас счет.

Доктор Мэйсон был крайне раздосадован появлением другого Уилкинсона, друга же его, специалиста, напротив, история эта крайне позабавила. Когда они уехали, сэр Джон выслушал мнение молодого врача о состоянии своей жены.

— Ну, а теперь я вам вот что скажу,— решил сэр Джон, когда тот кончил.— Я человек слова, понимаете? Когда мне кто понравится, я просто к нему прилипаю. Хороший друг и опасный враг — вот кто я такой. Я верю вам и не верю Мэйсону. Поэтому с сегодняшнего дня вы будете практиковать меня и мою семью. Заглядывайте к моей жене каждый день. Как у вас с расписанием визитов?

— Я очень благодарен за добрые слова и ваше великодушное предложение, боюсь, однако, что я не смогу, по всей видимости, воспользоваться им.

— В чем же еще дело?

— Я вряд ли смогу взяться за лечение вашей супруги, поскольку доктор Мэйсон уже лечит ее. Это было бы неэтично с моей стороны.

— Ну как хотите!— воскликнул сэр Джон.— Мне еще никто не доставлял столько хлопот. Вам сделано хорошее предложение, вы отказались, значит, и говорить не о чем!

Миллионер, топая ногами, раздраженно выскочил из комнаты, а доктор Орас Уилкинсон, унося в кармане первую заработанную гинею, отправился домой, к своей

спиртовой горелке и чаю по шиллиигу и восемь пеисов, преисполиеииый гордого созиаиия, что ои следовал лучшим традициям врачебиой профессии.

И все-таки это иеудачиое иачало было вместе и добрым иачалом, ибо доктор Мэйсои, коиечио, узиал, что младший коллега, имея возможиость лечить самого выгодиого в округе пациента, отказался от предложеиия. К чести медиков иадо сказать, что это скорее правило, чем исключеиие, хотя в даииом случае, когда врач так молод, а пациеит так состоятелеи, искушеиие было, бесспорио, велико. Поэтому вскорости последовало благодариое письмо, затем визит. Завязалась дружба. И теперь почти все больиые Саттоиа лечатся у известиой медициской фирмы «Мэйсои и Уилкиисои».

ЛЮБЯЩЕЕ СЕРДЦЕ

Врачу с частной практикой, который утром и вечером принимает больных дома, а день тратит на визиты, трудно выкроить время, чтобы подышать свежим воздухом. Для этого он должен встать пораньше и выйти на улицу в тот час, когда магазины еще закрыты, воздух чист и свеж и все предметы резко очерчены, как бывает в мороз.

Этот час сам по себе очаровывает: улицы пусты, не встретишь никого, кроме почтальона и разносчика молока, и даже самая заурядная вещь обретает первозданную привлекательность, как будто и мостовая, и фонарь, и вывеска — все заново родилось для наступающего дня. В такой час даже удаленный от моря город выглядит прекрасным, а его пропитанный дымом воздух — и тот, кажется, несет в себе чистоту.

Но я жил у моря, правда, в городишке довольно дрянном; с ним примирял только его великий сосед. Но я забывал его изъяны, когда приходил посидеть на скамейке над морем,— у ног моих расстилался огромный голубой залив, обрамленный желтым полумесяцем прибрежного песка. Я люблю, когда его гладь усеяна рыбачьими лодками; люблю, когда на горизонте проходят большие суда: самого корабля не видно, а только маленькое облачко надутых ветром парусов сдержанно и величественно проплывает вдали. Но больше всего я люблю, когда его озаряют косые лучи солнца, вдруг прорвавшиеся

из-за гонимых ветром туч, и вокруг на много миль нет и следа человека, оскорбляющего своим присутствием величие Природы. Я видел, как тонкие серые нити дождя под медленно плывущими облаками скрывали в дымке противоположный берег, а вокруг меня все было залито золотым светом, солнце искрилось на бурунах, проникая в зеленую толщу воды и освещая на дне островки фиолетовых водорослей. В такое утро, когда ветерок играет в волосах, воздух наполнен криками кружащихся чаек, а на губах капельки брызг, со свежими силами возвращаешься в душные комнаты больных к унылой, скучной и утомительной работе практикующего врача.

В один из таких дней я и встретил моего старика. Я уже собрался уходить, когда он подошел к скамье. Я бы заметил его даже в толпе. Это был человек крупного сложения, с благородной осанкой, с аристократической головой и красиво очерченными губами. Он с трудом подымался по извилистой тропинке, тяжело опираясь на палку, как будто огромные плечи сделались непосильной ношей для его слабеющих ног. Когда он приблизился, я заметил синеватый оттенок его губ и носа, предостерегающий знак Природы, говорящий о натруженном сердце.

— Трудный подъем, сэр. Как врач, я бы посоветовал вам отдохнуть, а потом идти дальше,— обратился я к нему.

Он с достоинством, по-старомодному поклонился и опустился на скамейку. Я чувствовал, что он не хочет разговаривать, и тоже молчал, но не мог не наблюдать за ним краешком глаза. Это был удивительно как дошедший до нас представитель поколения первой половины этого века: в шляпе с низкой тульей и загнутыми краями, в черном атласном галстуке и с большим мясистым чисто выбритым лицом, покрытым сетью морщинок. Эти глаза, прежде чем потускнеть, смотрели из почтовых карет на землекопов, строивших полотно железной дороги, эти губы улыбались первым выпускам «Пиквика» и обсуждали их автора — многообещающего молодого человека. Это лицо было своего рода летописью прошедших семидесяти лет, где как общественные, так и личные невзгоды оставили свой след; каждая морщинка была сви-

детельством чего-то: вот эта на лбу, быть может, оставлена восстанием сипаев, эта — Крымской кампанией, а эти — мне почему-то хотелось думать — появились, когда умер Гордон. Пока я фантазировал таким нелепым образом, старый джентльмен с лакированной тростью как бы исчез из моего зрения, и передо мной воочию предстала жизнь наций за последние семьдесят лет.

Но он вскоре возвратил меня на землю. Отдышавшись, он достал из кармана письмо, надел очки в роговой оправе и очень внимательно прочитал его. Не имея ни малейшего намерения подсматривать, я все же заметил, что письмо было написано женской рукой. Он прочитал его дважды и так и остался сидеть с опущенными уголками губ, глядя поверх залива невидящим взором. Я никогда не видел более одинокого и заброшенного старика. Все доброе, что было во мне, пробудилось при виде этого печального лица. Но я знал, что он не был расположен разговаривать, и поэтому и еще потому, что меня ждал мой завтрак и мои пациенты, я отправился домой, оставив его сидеть на скамейке.

Я ни разу и не вспомнил о нем до следующего утра, когда в то же самое время он появился на мысу и сел рядом со мной на скамейку, которую я уже привык считать своей. Он опять поклонился перед тем как сесть, но, как и вчера, не был склонен поддерживать беседу. Он изменился за последние сутки, и изменился к худшему. Лицо его как-то отяжелело, морщин стало больше, он с трудом дышал, и зловещий синеватый оттенок стал заметнее. Отросшая за день щетина портила правильную линию его щек и подбородка, и он уже не держал свою большую прекрасную голову с той величавостью, которая так поразила меня в первый раз. В руках у него было письмо, не знаю то же или другое, но опять написанное женским почерком. Он по-стариковски бормотал над ним, хмурил брови и поджимал губы, как капризный ребенок. Я оставил его со смутным желанием узнать, кто же он и как случилось, что один-единственный весенний день мог до такой степени изменить его.

Он так заинтересовал меня, что на следующее утро я с нетерпением ждал его появления. Я опять увидел

его в тот же час: он медленно подымался, сгорбившись, с низко опущенной головой. Когда он подошел, я был поражен переменой, происшедшей в нем.

— Боюсь, что наш воздух не очень вам полезен, сэр,— осмелился я заметить.

Но ему, по-видимому, было трудно разговаривать. Он попытался что-то ответить мне, но это вылилось лишь в бормотание, и он замолк. Каким сломленным, жалким и старым показался он мне, по крайней мере лет на десять старше, чем в тот раз, когда я впервые увидел его! Мне было больно смотреть, как этот старик — великолепный образец человеческой породы — таял у меня на глазах. Трясущимися пальцами он разворачивал свое неизменное письмо. Кто была эта женщина, чьи слова так действовали на него? Может быть, дочь или внучка, ставшая единственной отрадой его существования и заменившая ему... Я улыбнулся, обнаружив, как быстро я сочинил целую историю небритого старика и его писем и даже успел взгрустнуть над ней. И тем не менее он опять весь день не выходил у меня из головы, и передо мной то и дело возникали его трясущиеся, узловатые, с синими прожилками руки, разворачивающие письмо.

Я не надеялся больше увидеть его. Еще один такой день, думал я, и ему придется слечь в постель или по крайней мере остаться дома. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро я опять увидел его на скамье. Но, подойдя ближе, я стал вдруг сомневаться, он ли это. Та же шляпа с загнутыми полями, та же лакированная трость и те же роговые очки, но куда делась сутулость и заросшее серой щетиной несчастное лицо? Щеки его были чисто выбриты, губы твердо сжаты, глаза блестели, и его голова, величественно, словно орел на скале, покоилась на могучих плечах. Прямо, с выправкой гренадера сидел он на скамье и, не зная, на что направить бьющую через край энергию, отбрасывал тростью камешки. В петлице его черного, хорошо вычищенного сюртука красовался золотистый цветок, а из кармана изящно выглядывал краешек красного шелкового платка. Его можно было принять за старшего сына того старика, который сидел здесь прошлое утро.

— Доброе утро, сэр, доброе утро! — прокричал старик весело, размахивая тростью в знак приветствия.

— Доброе утро,— ответил я.— Какое чудесное сегодня море!

— Да, сэр, но вы бы видели его перед восходом!

— Вы пришли сюда так рано?

— Едва стало видно тропинку, я был уже здесь.

— Вы очень рано встаете.

— Не всегда, сэр, не всегда.— Он хитро посмотрел на меня, как будто стараясь угадать, достоин ли я его доверия.— Дело в том, сэр, что сегодня возвращается моя жена.

Вероятно, на моем лице было написано, что я не совсем понимаю всей важности сказанного, но в то же время, уловив сочувствие в моих глазах, он пододвинулся ко мне ближе и заговорил тихим голосом, как будто то, что он хотел сообщить мне по секрету, было настолько важным, что даже чайкам нельзя было это доверить.

— Вы женаты, сэр?

— Нет.

— О, тогда вы вряд ли поймете! Мы женаты уже пятьдесят лет и никогда раньше не расставались, никогда.

— Надолго уезжала ваша жена? — спросил я.

— Да, сэр. На четыре дня. Видите ли, ей надо было поехать в Шотландию, по делам. Я хотел ехать с ней, но врачи мне запретили. Я бы, конечно, не стал их слушать, если бы не жена. Теперь, слава богу, все кончено, сегодня она приезжает и каждую минуту может быть здесь.

— Здесь?

— Да, сэр. Этот мыс и эта скамейка — наши старые друзья вот уже тридцать лет. Видите ли, люди, с которыми мы живем, нас не понимают, и среди них мы не чувствуем себя вдвоем. Поэтому мы встречаемся здесь. Я точно не знаю, каким поездом она приезжает, но даже если бы она приехала самым ранним, она бы уже застала меня здесь.

— В таком случае...— сказал я, поднимаясь.

— Нет, нет, сэр, не уходите. Прошу вас, останьтесь, если только я не наскучил вам своими разговорами.

— Напротив, мне очень интересно,— сказал я.

— Я столько пережил за эти четыре дня! Какой это был кошмар! Вам, наверное, покажется странным, что старый человек может так любить?

— Это прекрасно.

— Дело не во мне, сэр! Любой на моем месте чувствовал бы то же, если бы ему посчастливилось иметь такую жену. Наверное, глядя на меня и после моих рассказов о нашей долгой совместной жизни, вы думаете, что она тоже старуха?

Эта мысль показалась ему такой забавной, что он от души рассмеялся.

— Знаете, такие, как она, всегда молоды сердцем, поэтому они и не стареют. По-моему, она ничуть не изменилась с тех пор, как впервые взяла мою руку в свои; это было в сорок пятом году. Сейчас она, может быть, полновата, но это даже хорошо, потому что девушкой она была слишком уж тонка. Я не принадлежал к ее кругу: я служил клерком в конторе ее отца. О, это была романтическая история! Я завоевал ее. И никогда не перестану радоваться своему счастью. Подумать только, что такая прелестная, такая необыкновенная девушка согласилась пройти об руку со мной жизнь и что я мог...

Вдруг он замолчал. Я удивленно взглянул на него. Он весь дрожал, всем своим большим телом, руки вцепились в скамейку, а ноги беспомощно скользили по гравию. Я понял: он пытался встать, но не мог, потому что был слишком взволнован. Я уже было протянул ему руку, но другое, более высокое соображение вежливости сдержало меня, я отвернулся и стал смотреть на море. Через минуту он был уже на ногах и торопливо спускался вниз по тропинке.

Навстречу ему шла женщина. Она была уже совсем близко, самое большее в тридцати ярдах. Не знаю, была ли она когда-нибудь такой, какой он мне описал ее, или это был только идеал, который создало его воображение. Я увидел женщину и в самом деле высокую, но толстую и бесформенную, ее загорелое лицо было покрыто здоровым румянцем, юбка комично обтягивала ее, корсет был тесен и неуклюж, а зеленая лента на шляпе так просто раздражала. И это было то прелестное, вечно юное

создание! У меня сжалось сердце, когда я подумал, как мало такая женщина может оценить его и что она, быть может, даже недостойна такой любви. Уверенной походкой поднималась она по тропинке, в то время как он ковылял ей навстречу. Стараясь быть незамеченным, я украдкой наблюдал за ними. Я видел, как они подошли друг к другу, как он протянул к ней руки, но она, не желая, видимо, чтобы хоть кто-то был свидетелем их ласки, взяла одну его руку и пожала. Я видел ее лицо в эти минуты и успокоился за моего старика. Дай бог, чтобы в старости, когда руки мои будут трястись, а спина согнется, на меня так же смотрели глаза женщины.

УСПЕХИ ДИПЛОМАТИИ

Миинстра иностранных дел свалила подагра. Целую неделю он провел дома и не присутствовал на двух совещаииях кабинета, причем как раз тогда, когда по его ведомству возникла масса неотложных дел. Правда, у иего был отличиый заместитель и великолепный аппарат, но никто не обладал таким широким опытом и такой мудрой проиицательностью, и дела в его отсутствие застопорились. Когда его твердая рука сжимала руль, огромиый государствеиный корабль спокойно плыл по бурным водам политики, ио стоило ему отиять руку, иачалась болтаика, корабль сбился с пути, и редакторы двеиадцати британских газет, выказывая всеведение, предложили двенадцать различных курсов, каждый из которых объявлялся единственно верным и безопасиым. Одновремеино возвысила голос оппозиция, так что растерявшийся премьер-министр молился во здравие своего отсутствующего коллеги.

Министр иаходился в своей комнате в просторном особняке иа Кавендиш-сквер. Был май, газон перед его окном уже зазелеиел, но, несмотря иа теплое солнце, здесь, в комнате больиого, весело потрескивал огонь в камиие. Государственный муж сидел в глубоком кресле темио-красного плюша, откинув голову на шелковую подушку и положив вытянутую иогу на мягкую скамеечку. Его точеное, с глубокими складками лицо было обращено к лепиому, расписаииому потолку, и застывшие глаза глядели с тем характерным иепроиицаемым выражеиием, которое привело в отчаяние восхищеиных коллег с коитинеита на памятиом международном коигрессе, когда он

впервые появился иа арене европейской дипломатии. И все-таки сейчас способность скрывать свои чувства изменила ему: и по линиям прямого волевого рта и по морщииам иа широком выпуклом лбу видио было, что ои ие в духе и чем-то сильио озабочен.

Было от чего прийти в дурное расположение: министру предстояло миогое обдумать, а ои ие мог собраться с мыслями. Взять хотя бы вопрос о Добрудже и иавигации в устье Дуиая — пора улаживать это дело. Русский посол прислал мастерски составленный мемораидум, и министр мечтал ответить достойиейшим образом. Или блокада Крита. Британский флот стоит на рейде у мыса Матапаи, ожидая распоряжений, которые могли бы повернуть ход европейской истории. Потом эти трое несчастных туристов, которые забрались в Македоиию,—знакомые с ужасом ожндали, что почта принесет их отрезанные уши илн пальцы, поскольку похитители потребовали баснословный выкуп. Нужно срочно вызволять их из рук горцев хоть силой, хоть дипломатической хитростью, иначе гнев возмущенного общественного мнения выплеснется на Даунинг-стрит. Все эти вещи требовали безотлагательного решения, а миинстр иностранных дел Великобритании не мог подняться с кресла, и его мысли целиком сосредоточились на больном пальце правой иоги! В этом было что-то крайне унизительное! Весь его разум восставал против такой нелепости. Миинстр был волевым человеком и гордился этим, но чего стоит человеческий механизм, если он может выйти из строя из-за воспалеиного сустава? Он застонал и заерзал среди подушек.

Неужели он все-такн не может съездить в парламеит? Доктор, наверное, преувеличивает. А сегодия как раз заседание кабинета. Он посмотрел иа часы. Сейчас оно, должно быть, уже коичается. По крайией мере он мог съездить хотя бы в Вестминстер. Он отодвииул круглый столик, уставленный рядами пузырьков, подиялся, опираясь руками на подлокотиики кресла, и, взяв толстую дубовую палку, неловко заковылял по комиате.

Когда ои двигался, физические и духовиые силы, казалось, возвращались к нему. Британский флот должен покииуть Матапан. На этих турков иадо немиого нажать. Надо показать грекам, что... Ох! В едииое мгновеиье Средиземноморье заволокло туманом, и ие оставалось

ничего, кроме пронзительной, нестерпимой боли в воспаленном пальце. Он кое-как добрался до окна и, держась за подоконник левой рукой, правой тяжело оперся на палку. Снаружи раскинулся залитый солнцем и свежестью сквер, прошло несколько хорошо одетых прохожих, катилась щегольская одноконная карета, только что отъехавшая от его дома. Он успел увидеть герб на дверце и на секунду стиснул зубы, а густые брови сердито сошлись, образовав складку на переносице. Он заковылял к своему креслу и позвонил в колокольчик, который стоял на столике.

— Попросите госпожу прийти сюда,— сказал он вошедшему слуге.

Ясно, что о поездке в парламент нечего было и думать. Стреляющая боль в ноге сигнализировала, что доктор не преувеличивает. Но сейчас его беспокоило нечто совсем другое, и на время он забыл о недомогании. Он нетерпеливо постукивал палкой по полу, но вот наконец дверь распахнулась, и в комнату вошла высокая, элегантная, но уже пожилая дама. Волосы ее были тронуты сединой, но спокойное милое лицо сохранило молодую свежесть, а зеленое бархатное платье с отливом, отделанное на груди и плечах золотым бисером, выгодно подчеркивало ее стройную фигуру.

— Ты меня звал, Чарльз?

— Чья это карета только что отъехала от нашего дома?

— Ты вставал? — воскликнула она, погрозив пальцем.— Ну что поделаешь с этим негодником! Разве можно быть таким неосмотрительным? Что я скажу, когда придет сэр Уильям? Ты же знаешь, что он отказывается лечить, если больной не следует его предписаниям.

— На этот раз сам больной готов отказаться от него,— раздраженно возразил министр.— Но я жду, Клара, что ты ответишь на мой вопрос.

— Карета? Должно быть, лорда Артура Сибторна.

— Я видел герб на дверце,— проворчал больной.

Его супруга выпрямилась и посмотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами.

— Зачем тогда спрашивать, Чарльз? Можно подумать, что ты ставишь мне ловушку. Неужели ты дума-

ешь, что я стала бы обманывать тебя? Ты не принял свои порошки!

— Ради бога, оставь порошки в покое! Я удивлен визитом сэра Артура, потому и спросил. Мне казалось, Клара, что я достаточно ясно выразил свое к этому отношение. Кто его принимал?

— Я. То есть мы с Идой.

— Я не хочу, чтобы он встречался с Идой. Мне это не нравится. Дело и так зашло далеко.

Леди Чарльз присела на скамеечку с бархатным верхом, изящно нагнувшись, взяла руку мужа и ласково похлопала по ней.

— Ну, раз уж ты заговорил об этом, Чарльз...— начала она.— Да, дело зашло далеко, так далеко, что назад не воротишь, хотя я — даю слово — ни о чем не подозревала. Наверное, тут я виновата, да, конечно, прежде всего виновата я... Но все произошло так внезапно. Самый конец сезона да еще неделя в гостях у семьи лорда Доннитóрна — вот и все! Право же, Чарльз, она так любит его! Подумай, она ведь наша единственная дочь — не надо мешать ее счастью!

— Ну-ну! — нетерпеливо прервал министр, стукнув по ручке кресла.— Это уж слишком! Честное слово, Клара, Ида доставляет мне больше хлопот, чем все мои служебные обязанности, чем все дела нашей великой империи.

— Но она у нас единственная.

— Тем более незачем мезальянс.

— Мезальянс? Что ты говоришь, Чарльз? Лорд Артур Сибторн — сын герцога Тавистокского, его предки правили в Союзе семи. А Дебрет ведет его родословную от самого Моркара, графа Нортумберлендского.

Министр пожал плечами.

— Лорд Артур — четвертый сын самого что ни на есть захудалого герцога в Англии. У него нет ни профессии, ни перспектив.

— Ты мог бы обеспечить ему и то и другое.

— Мне он не нравится. Кроме того, я не признаю связей.

— Но подумай об Иде. Ты же знаешь, какое слабенькое у нее здоровье. Она всей душой привязалась к

нему. Ты не настолько жесток, чтобы разлучить их, Чарльз, правда ведь?

В дверь постучали. Леди Чарльз встала и распахнула дверь.

— Что случилось, Томас?

— Прошу прощения, госпожа, приехал премьер-министр.

— Попроси его подняться сюда, Томас... Чарльз, не вздумай волноваться из-за служебных дел. Держи себя спокойно и рассудительно, будь умницей. Я вполне полагаюсь на тебя.

Она накинула на плечи больному легкую шаль и выскользнула в спальню как раз в тот момент, когда в дверях, сопровождаемый слугой, показался премьер-министр.

— Дорогой Чарльз, я надеюсь, вам уже лучше,— произнес он сердечным тоном, входя в комнату с той юношеской порывистостью, какой он славился.— Почти готов снова в упряжку, а? Вас очень не хватает и в парламенте и в кабинете. Знаете, из-за этого греческого вопроса разыгралась целая буря. Видели, «Таймс» сегодня разразилась?

— Да, я прочитал,— сказал министр, улыбаясь своему патрону.— Что ж, пора показать, что страна пока еще не целиком управляется с Принтинг-Хаус-сквер. Мы должны твердо держаться своего курса.

— Конечно, Чарльз, именно так,— подтвердил премьер-министр, не вынимая рук из карманов.

— Хорошо, что вы зашли. Мне не терпится узнать, что делается в кабинете.

— Ничего особенного, рутина. Между прочим, наконец вызволили туристов, которые застряли в Македонии.

— Слава богу!

— Мы отложили прочие дела до вашего прихода на следующей неделе. Правда, пора уже думать о роспуске парламента. Отчеты с мест спокойные.

Министр иностранных дел нетерпеливо заерзал и тяжело вздохнул.

— Нам давно пора навести порядок в области наших внешнеполитических дел,— сказал он.— Нужно вот ответить Новикову на его ноту. Умно составлена, но есть шаткие аргументы. Затем я хочу определить наконец

границу с Афганистаном. Эта болезнь действует мне на нервы. Столько нужно делать, а голова как в тумане. Не знаю, то ли от подагры, то ли от этого снадобья из безвременника.

— А что говорит наш медицинский самодержец? — улыбнулся премьер-министр.— У вас, Чарльз, нет к нему должного почтения. Впрочем, даже с епископом легче разговаривать. Он хоть выслушает тебя. Врач же со своими стетоскопами и термометрами — существо особенное. Твои познания для него не существуют. Он выше всех и спокоен, как олимпиец. Кроме того, у него всегда перед тобой преимущество. Он здоров, а ты болен. Так что тягаться с ним невозможно... Между прочим, вы прочитали Ханемана? Что вы о нем думаете?

Больной слишком хорошо знал своего высокопоставленного коллегу и потому не хотел следовать за ним по окольным тропкам тех областей знания, где тот любил побродить время от времени. Его острый и практический ум не мог примириться с тем, сколько энергии тратится на бесплодные споры о раннем христианстве или о двадцати семи принципах месмеризма. Поэтому, едва тот затевал разговор на эти темы, он старался, ускорив шаг и отвернув лицо, прошмыгнуть мимо.

— Я успел только мельком посмотреть,— ответил он.— А в министерстве какие новости?

— Ах, да, чуть было не забыл! Я, собственно, и за этим тоже решил зайти. Сэр Олджернон Джоунз в Танжере подал в отставку. Открылась вакансия.

— Нужно сразу же кого-нибудь назначить. Чем дольше откладывать, тем больше желающих.

— Ох уж эти покровители и протеже! — вздохнул премьер-министр.— В каждом таком случае приобретаешь одного сомнительного друга и дюжину рьяных врагов. Никто так не помнит зла, как претендент, которому отказали в должности. Но вы правы, Чарльз, надо срочно кого-нибудь назначить, особенно в связи с осложнениями в Марокко. Насколько я понимаю, герцог Тавистокский хотел бы определить на это место своего четвертого сына, лорда Артура Сибторна. Мы кое-чем обязаны герцогу.

Министр иностранных дел выпрямился в кресле.

— Дорогой друг, я хотел предложить то же самое. Лорду Артуру сейчас в Танжере будет лучше, чем...

— Чем на Кавендиш-сквер? — не без лукавства спросил шеф, чуть приподняв брови.

— Чем в Лондоне, скажем так. У него достаточно такта, он умеет себя вести. Он был в Константинополе у Нортона.

— Значит, он говорит по-арабски?

— Кое-как, зато по-французски отлично.

— Кстати, раз уж заговорили об арабах. Вы читали Аверроэса?

— Нет, не читал. Я думаю, что лорд Артур — отличная кандидатура во всех отношениях. Пожалуйста, распорядитесь насчет этого без меня.

— Конечно, Чарльз, о чем речь. Еще что-нибудь сделать?

— Да нет, как будто все. Я в понедельник буду.

— Надеюсь. За что ни возьмись, вы необходимы. «Таймс» опять поднимет шум из-за истории с Грецией. Эти авторы передовых статей — вполне безответственные люди. Пишут чудовищные вещи, и нет никаких возможностей опровергнуть их. До свидания, Чарльз! Почитайте Порсона!

Он пожал больному руку, щегольски помахал широкополой шляпой и вышел из комнаты тем же упругим, энергичным шагом, каким и вошел.

Лакей уже распахнул огромную двустворчатую дверь, чтобы проводить высокого посетителя до экипажа, когда из гостиной вышла леди Чарльз и дотронулась до его рукава. Из-за полузадернутой бархатной портьеры выглядывало бледное личико, встревоженное и любопытное.

— Можно вас на два слова?

— Конечно, леди Чарльз!

— Надеюсь, я не буду слишком навязчивой. Я ни в коем случае не преступила бы рамки...

— Ну что вы, дорогая леди Чарльз! — прервал ее премьер-министр, галантно поклонившись.

— Вы можете не отвечать, если это секрет. Я знаю, что лорд Артур Сиборн подал прошение на должность в Танжере. Могу ли узнать: есть у него какая-нибудь надежда?

— Должиость уже занята.

— Вот как?!

Оба женскнх личика — и то, что было перед премьером, н то, что скрывалось за портьерой,— выразили крайиее огорчеиие.

— Занята лордом Артуром.

Премьер-министр засмеялся собствеиной шутке и продолжал:

— Мы только что решили это. Лорд Артур едет через иеделю. Я рад, что вы, леди Чарльз, одобряете это иазначеиие. Таижер — интересиое место. На память сразу прнходят Екатерина из Брагансы и полковиик Кнрк. Бэртои неплохо писал о Севериой Африке. Надеюсь, вы извините меия за то, что покидаю вас так скоро: я сегодня обедаю в Виидзоре. Думаю, что у лорда Чарльза дело идет иа поправку. Ииаче и быть ие могло с такой сиделкой.

Он поклоиился, сделал прощальный жест и спустился по ступенькам к своему экипажу. Леди Чарльз заметила, как, едва отъехав от подъезда, он погрузился в какой-то ромаи в бумажном переплете.

Она раздвинула бархатные портьеры и вернулась в гостиную. Дочь стояла у окиа, залитая солиечиым светом, высокая, хрупкая, прелестная; черты ее лица и фигура чем-то напомииали материиские, ио были тоньше и легче. Золотой луч освещал ее иежиое аристократическое лицо, играл иа льняных локоиах, а желто-коричиевое, плотио облегающее платье с кокетливыми бежевыми рюшами отливало розовым. Узкая шифоиовая оборка обвивалась вокруг белой точеиой шеи, на которой, как лилия иа стебле, покоилась красивая голова. Леди Ида сжала тонкие руки н с мольбой устремила свои голубые глаза иа мать.

— Ну что ты, глупышка! — проговорила почтеиная дама, отвечая иа молящий взгляд дочери. Она обияла ее хрупкие покатые плечики и привлекла к себе.— Совсем неплохое место, если неиадолго. Это первый шаг в его дипломатической карьере.

— Но это ужасио, мама, через неделю! Бедиый Артур!

— Нет, ои счастливый.

— Счастливый? Но мы ведь с ним расстаемся.

— Не расстаетесь. Ты тоже едешь.

— Правда, мамочка?!

— Да, правда, раз я сказала.

— Через неделю?

— Да. За неделю можно многое сделать. Я уже распорядилась насчет trousseau[1].

— Мамочка, дорогая, ты ангел! А папа что скажет? Я так боюсь его.

— Твой отец — дипломат.

— Ну и что?

— А то, что его жена не менее дипломат, но это между нами. Он успешно справляется с делами Британской империи, а я успешно справляюсь с ним. Вы давно помолвлены, Ида?

— Десять недель, мама.

— Ну вот видишь, пора венчаться. Лорд Артур не может уехать из Англии один. Ты поедешь в Танжер как жена посланника. Посиди-ка здесь на козетке, дай мне подумать... Смотри, экипаж сэра Уильяма. А у меня и к нему есть ключ. Джеймс, попроси доктора зайти к нам!

Тяжелый парный экипаж подкатил к подъезду, уверенно звякнул колокольчик. Мгновенье спустя двери распахнулись, и лакей впустил в гостиную знаменитого доктора. Это был невысокий, гладко выбритый человек в старомодном черном сюртуке, с белым галстуком под стоячим воротничком. Ходил он, подав плечи вперед, в правой руке держал золотое пенсне, которым на ходу размахивал, вся его фигура, острый прищуренный взгляд невольно заставляли подумать о том, сколько же всевозможных недугов исцелил он на своем веку.

— А, моя юная пациентка! — сказал сэр Уильям, входя.— Рад случаю осмотреть вас.

— Да, мне хотелось бы посоветоваться с вами относительно дочери, сэр Уильям. Садитесь, прошу вас, в это кресло.

— Благодарю вас, я лучше сяду здесь,— ответил он, опускаясь на козетку рядом с леди Идой.— Вид у нас сегодня гораздо лучше, не такой анемичный, и пульс полнее. На лице румянец; но не от лихорадки.

— Я себя лучше чувствую, сэр Уильям.

[1] Приданое (*франц.*).

— Но в боку у нее еще побаливает.

— В боку? Гм...— Он постучал пальцем под ключицей, поднес к уху трубку стетоскопа и, наклонившись к девушке, пробормотал: — Да, пока еще вяловато дыхание... и легкие хрипы.

— Вы говорили, что хорошо бы переменить обстановку, доктор.

— Конечно, конечно, разумная перемена может быть полезной.

— Вы говорили, что желателен сухой климат. Я хочу в точности исполнить ваши предписания.

— Вы всегда были образцовыми пациентами.

— Мы стараемся ими быть, доктор. Так вы говорили о сухом климате.

— Правда? Я, видимо, запамятовал подробности нашего разговора. Однако сухой климат вполне показан.

— И куда именно поехать?

— Видите ли, я лично считаю, что больному должна быть предоставлена известная свобода. Я обычно не настаиваю на очень строгом режиме. Всегда есть возможность выбрать: Энгадин, Центральная Европа, Египет, Алжир — куда угодно.

— Я слышала, что и Танжер рекомендуют.

— Конечно, климат там очень сухой.

— Ида, ты слышишь? Сэр Уильям считает, что ты должна ехать в Танжер.

— Или в любое другое...

— Нет, нет, сэр Уильям! Мы чувствуем себя спокойно, только когда подчиняемся вашим предписаниям. Вы сказали Танжер? Ну, что же, попробуем Танжер.

— Право же, леди Чарльз, ваше безграничное доверие мне весьма льстит. Не знаю, кто бы еще с такой готовностью пожертвовал своими желаниями и планами.

— Сэр Уильям, вы опытный врач. Это нам хорошо известно. Ида поедет в Танжер. Я уверена, это принесет ей пользу.

— Не сомневаюсь.

— Но вы знаете лорда Чарльза. Он подчас берется судить о болезнях с такой же легкостью, как если бы речь шла о решении государственного дела. Я рассчитываю на то, что вы проявите с ним твердость.

— Пока лорд Чарльз оказывает мне честь и считается с моими советами, я убежден, он не поставит меня в ложное положение, отвергнув это предписание.

Баронет поиграл цепочкой от пенсне и сделал рукой протестующий жест.

— Нет, нет, но вам следует быть особенно настойчивым в отношении Танжера.

— Если я пришел к убеждению, что для нашей молодой пациентки наилучшее место — Танжер, я, разумеется, не намерен его менять.

— Конечно.

— Я поговорю с лордом Чарльзом сейчас же, как только поднимусь наверх.

— Умоляю вас.

— А пока пусть она продолжает назначенный курс лечения. Я уверен, что жаркий воздух Африки через несколько месяцев полностью восстановит ее энергию и здоровье.

С этими словами он отвесил учтивый, несколько старомодный поклон, который играл немаловажную роль в его усилиях сколачивать десятитысячный годовой доход, и мягкой походкой человека, привыкшего проводить большую часть времени у постели больных, пошел за лакеем наверх.

Как только над дверью задернулись красные бархатные портьеры, леди Ида обвила руками шею матери и нежно прильнула головой к ее груди.

— Ах, мамочка, ты настоящий дипломат!

Но выражение лица леди Чарльз напоминало выражение лица генерала, только что завидевшего первый дымок пушечной пальбы, а не человека, одержавшего победу.

— Все образуется, дорогая,— сказала она, с нежностью глядя на пышные желтые пряди волос и маленькое ушко дочери.— Впереди еще много хлопот, но я думаю, что уже можно рискнуть заказать trousseau.

— Ты у меня такая бесстрашная!

— Свадьба, конечно, будет тихой и скромной. Артур должен сейчас же получить разрешение на брак. Вообще-то я не одобряю поспешные браки, но, когда джентльмен отправляется на выполнение дипломатической миссии, это объяснимо. Мы можем пригласить леди

Хильду Иджкоум н Треверсов, а также супругов Гревилл. Я убеждена, что премьер-министр не откажется быть шафером.

— А папа?

— Ну, конечно, он тоже будет, если почувствует себя лучше. Дождемся, пока уедет сэр Уильям. А пока я напишу записку лорду Артуру.

Через полчаса, когда стол был уже усеян письмами, написанными мелким смелым почерком леди Чарльз, хлопнула входная дверь, и с улицы донесся скрип колес отъезжающего экипажа доктора. Леди Чарльз отложила в сторону перо, поцеловала дочь и направилась в комнату больного. Министр иностранных дел лежал, откинувшись на спинку кресла, лоб его был повязан красным шелковым шарфом, а ступня, похожая на огромную луковицу — она была обмотана ватой и забинтована,— покоилась на подставке.

— Мне кажется, пора растереть ногу,— сказала леди Чарльз, взбалтывая содержимое синего флакона замысловатой формы.— Положить немного мази?

— Несносный палец! — простонал больной.— Сэр Уильям и слышать не желает о том, чтобы разрешить мне встать. Упрямый осел! Он явно ошибся в выборе профессии, я мог бы предложить ему отличный пост в Константинополе. Там как раз ослов не хватает.

— Бедный сэр Уильям! — рассмеялась леди Чарльз.— Чем это он умудрился так рассердить тебя?

— Такое упорство, такая категоричность!

— По поводу чего?

— Представь, он категорически утверждает, что Ида должна ехать в Танжер. Декрет подписан и обсуждению не подлежит.

— Да, он говорил что-то в этом роде перед тем, как подняться к тебе.

— Вот как?

Он медленно окинул жену любопытным взглядом. Лицо леди Чарльз выражало полнейшую невинность, восхитительное простодушие, какое появляется у женщины всякий раз, когда она пускается на обман.

— Он послушал ее, Чарльз. Ничего не сказал, но лицо его стало мрачно.

— Совсем как у совы,— вставил министр.

— Ах, Чарльз, тут уж не до смеха. Он сказал, что нашей дочери необходима перемена. И я убеждена, что сказал он далеко не все, что думает. Он толковал еще что-то о вялости тонов, о хрипах, о пользе африканского воздуха. Потом мы заговорили о курортах, где преобладает сухой климат, и он сказал, что лучше Танжера ничего нет. По его мнению, несколько месяцев, проведенных там, принесут Иде большую пользу.

— И это все?

— Все.

Лорд Чарльз пожал плечами с видом человека, которого еще не вполне убедили.

— Но, конечно,— кротко продолжала леди Чарльз,— если ты считаешь, что Иде незачем туда ехать, она не поедет. Я только одного боюсь, если ей станет хуже, трудно будет сразу что-нибудь предпринять. В такого рода заболеваниях перемены происходят мгновенно. Очевидно, сэр Уильям считает, что именно сейчас наступил критический момент. Но слепо подчиняться сэру Уильяму все-таки нет резона. Правда, таким образом ты берешь всю ответственность на себя. Я умываю руки. Так что потом...

— Моя дорогая Клара, зачем пророчить дурное?

— Ах, Чарльз, я не пророчу. Но вспомни, что случилось с единственной дочерью лорда Беллами. Ей было столько же лет, сколько Иде. Как раз тот случай, когда пренебрегли советом сэра Уильяма.

— Я и не думаю пренебрегать.

— Нет, нет, конечно, нет, я слишком хорошо знаю твой здравый смысл и твое доброе сердце. Ты очень мудро взвесил все «за» и «против». Мы, бедные женщины, лишены этой способности. У нас чувства преобладают над разумом. Я это не раз слышала от тебя. Нас увлекает то одно, то другое, но и вы, мужчины, упрямы и потому всегда берете над нами верх. Я так рада, что ты согласился на Танжер.

— Согласился?

— Но ты же сказал, что не думаешь пренебрегать советом сэра Уильяма.

— Допустим, Клара, что Ида должна ехать в Танжер, но, надеюсь, ты понимаешь, что я-то не в состоянии ее сопровождать.

— Решнтельно не в состояннн.

— А ты?

— Пока ты болен, мое место подле тебя.

— Тогда, может быть, твоя сестра?

— Она едет во Флориду.

— Что ты думаешь о леди Дамбарт?

— Оиа ухажнвает за своим отцом. О ней не может быть и речн.

— В таком случае кто поедет с Идой? Ведь сейчас начн:нается летний сезои. Вот видишь, сама судьба против сэра Уильяма.

Его жеиа облокотилась о спинку большого красиого кресла и, нагиувшись так, что губы ее почти касались уха государствеиного мужа, погладила пальцами его седеющне локоиы.

— Остается лорд Артур Снбторн,— вкрадчиво произнесла оиа.

Лорд Чарльз подскочнл в кресле. С губ его сорвались слова, которые нередко были в обиходе мииистров кабинета лорда Мелбурна. В наше время их уже ие услышнщь.

— Клара, ты сошла с ума! Кто мог тебя надоумить?

— Премьер-мнинстр.

— Премьер-министр?

— Имеино, дорогой. Ну-иу, будь умницей. Может быть, мие лучше не продолжать?

— Нет уж, говори. Ты зашла слишком далеко, чтобы отступать.

— Премьер-министр сказал мне, что лорд Артур едет в Таижер.

— Да, это так. Я как-то упустнл это нз виду.

— А потом пришел сэр Уильям и стал Иде советовать Таижер. Ах, Чарльз, это иечто большее, чем простое совпадение!

— Не сомиеваюсь, что это иечто большее, чем простое совпаденне,— пронзиес лорд Чарльз, окииув ее подозрительиым взглядом.— Ты очень умная женщниа, Клара. Прнрожденный органнзатор и дипломат.

Леди Чарльз пропустила комплимент мимо ушей.

— Подумай о иашей молодости, Чарли,— прошептала оиа, продолжая играть прядямн его волос.— Чем ты

был сам в те времена? Ты и послом в Танжере не был. И состояния никакого. Но я любила тебя и верила в тебя, и разве я об этом пожалела? Ида любит лорда Артура и верит в него, возможно, и она об этом никогда не пожалеет?

Лорд Чарльз молчал. Взгляд его был устремлен за окно, где качались зеленые ветви деревьев. Но мысли его унеслись на тридцать лет назад. Он видел загородный домик в графстве Девоншир: вот он шагает мимо старых изгородей из тиса рядом с тоненькой девушкой и с волнением рассказывает ей о своих надеждах, опасениях, о своих честолюбивых планах. Он взял белую, изящную руку жены и прижал ее к губам.

— Ты всегда была прекрасной женой, Клара,— сказал он.

Она не ответила. Не сделала никакой попытки еще более укрепить свои позиции. Менее опытный генерал, возможно, попытался бы и, разумеется, все бы погубил. Она стояла молчаливая и покорная, следя за игрой мысли, которая отражалась в его глазах и на губах. Когда он взглянул на нее, в глазах его сверкнул огонек, а губы тронула усмешка.

— Клара,— сказал он,— можешь не признаваться, но я убежден, что ты уже заказала trousseau.

Она ущипнула его за ухо.

— Оно ждет твоего одобрения.

— И написала письмо архиепископу.

— Еще не отправила.

— Послала записку лорду Артуру.

— Как ты догадался?

— Он уже внизу.

— Нет еще, но мне кажется, это его карета подъезжает к дому.

Лорд Чарльз откинулся в кресле и бросил на нее взгляд, выражающий комическое отчаяние.

— Кто может бороться с такой женщиной? Ах, если бы я только мог послать тебя к Новикову! Ни один из моих сотрудников не годится для этого. Но, Клара, я не в состоянии их принять.

— Даже для благословения?

— Нет, нет.

— А они так были бы счастливы!

— Я не люблю семейных сцен.

— Тогда я передам им твое благословение.

— И умоляю, не говори со мной обо всем этом по крайней мере сегодня. Эта история выбила меня из колен.

— Ах, Чарли, ты такой сильный!

— Ты обошла меня с флангов, Клара. Великолепно сделано. Поздравляю тебя.

— Ты ведь знаешь,— прошептала она, целуя его,— вот уже тридцать лет я учусь у такого умного дипломата.

ФИАСКО В ЛОС АМИГОС

В свое время я держал большую практнку в Лос Амигос. Всякнй, конечно, слышал, что там есть крупиая электрическая стаиция. Город и сам раскниулся широко, а вокруг иего еще с десяток поселков и деревень, и все подключены к одной снстеме, так что электростанцня работала на полиую мощиость. Жнтели Лос Амнгос утверждали, что оин самые высокие люди иа земле, да н вообще, все в городе было «самое высокое», кроме преступности и смертиости. Преступиость же н смертиость, как говорили, были самыми ннзкнми.

Поскольку электричества вырабатывалось вдоволь, то было просто грешио расходовать пеньку н позволять местиым преступникам умирать старомодиым способом. А тут как раз появнлнсь сообщеиня, что восточиые штаты уже примеияют казнь иа электрнческом стуле, хотя смерть преступиика ие иаступала мгновеиио, как рассчитывалн. Ииженеры в Лос Амигос чнтали эти сообщения и в иедоумеини подиимали бровн: как вообще может последовать смерть от такого слабого тока? Они поклялнсь, что, попаднсь нм преступник, онн обойдутся с ннм нанлучшнм образом н включат все дниамо-машнны, какне есть в нх распоряжеиии. Стыдно экономнть на людях, замечали оии. Никто не мог с точностью сказать, каков будет результат, еслн включить все дниамо-машины, ясно было одио: потрясающнй н абсолютно смертельный. Онн

так начинят преступника электричеством, как никого еще никогда не начиняли. В него словно ударят десять молний сразу. Одни предсказывали сгорание, другие — полный распад тканей и дематериализацию. И все жадно ждали, когда подвернется случай опытным путем уладить споры. А тут как раз и подвернулся Дункан Уорнер.

Вот уже много лет, как Уорнер был позарез нужен полиции, и никому больше. Сорвиголова, убийца, налетчик на поезда, грабитель с большой дороги, он был, конечно, недостоин решительно никакого сострадания. Он заслужил смерть раз десять, не меньше, и жители Лос Амигос скрепя сердце решили: ладно, пусть уж этот негодяй умрет такой замечательной смертью. Он, видно, почувствовал себя недостойным такой чести и предпринял две отчаянные попытки бежать. Это был высокий, крепкий человек с львиной головой, покрытой черными спутанными кудрями, и окладистой бородой, спадавшей на широкую грудь. В переполненном зале суда не было другой такой красивой головы, как у него. Впрочем, что за новость, порой самое привлекательное лицо смотрит на тебя именно со скамьи подсудимых. Увы, благородная внешность Уорнера не уравновешивала его дурных поступков! Защитник старался, как мог, однако обстоятельства дела были настолько очевидны, что Дункан Уорнер был отдан на милость мощных динамо-машин Лос Амигос.

Я присутствовал на совещании комитета, когда обсуждалось это дело. Городской совет назначил четырех экспертов, которые должны были подготовить казнь. Трое из них были подходящими кандидатурами: Джозеф МакКоннор, тот самый, что проектировал динамо-машины, Джошуа Уэстмейкот, председатель «Лос Амигос Электрикл Сэплай компани, лимитед», и я как главный врач. Четвертым был старый немец по имени Петер Штульпнагель. В городе живет много немцев, и все они, естественно, голосовали за своего. Таким образом он и оказался в комитете. Утверждали, что у себя на родине он

слыл большим знатоком электричества, да и сейчас он постоянно возился с проводами, изоляторами и лейденскими банками, но поскольку дальше этого он не продвинулся и не получил никаких результатов, заслуживающих публикации, то вскорости на него стали смотреть как на безобидного чудака, влюбленного в электричество. Мы, трое, лишь усмехнулись, когда узнали, что он избран нашим коллегой, и, совещаясь на заседании комитета, не обращали никакого внимания на старика. Он сидел, приставив ладонь к уху, потому что был глуховат, и принимал такое же участие в обсуждении, как и джентльмены из прессы, которые торопливо записывали что-то в своих блокнотах, примостившись на задних скамейках.

Дело это не отняло у нас много времени. В Нью-Йорке пустили ток напряжением две тысячи вольт, но смерть наступила не сразу. Очевидно, напряжение оказалось недостаточным. Лос Амигос не повторит их ошибки. Заряд должен быть в шесть раз больше, а потому, разумеется, в шесть раз эффективнее. Нет ничего логичнее. Мы пустим все динамо-машины.

На том мы втроем и порешили и уже поднялись, чтобы расходиться, как вдруг наш молчаливый коллега раскрыл рот.

— Джентльмены,— сказал он,— вы обнаруживаете поразительное невежество по части электричества. Вы, я вижу, не знаете, как воздействует электрический ток на человека.

Члены комитета хотели было дать уничтожающий ответ на это дерзкое замечание, но председатель электрической компании постукал себя по лбу, как бы призывая быть снисходительным к выходкам этого чудака.

— Сэр,— иронически улыбнулся он,— может быть, вы сообщите, в чем ошибочность наших заключений?

— В том, что вы предполагаете, будто чем больше заряд электричества, тем он эффективнее. Не думается ли вам, что результат может быть прямо противопо-

ложным? Разве вы знаете по опыту, как действует ток высокого напряжения?

— Мы догадываемся об этом по аналогии,— произнес председатель напыщенно.— Если увеличить дозу какого-нибудь лекарства, оно действует сильнее. Возьмите, например... ну...

— Виски!— подсказал Джозеф Мак-Коннор.

— Вот именно! Виски. Разве не так?

Петер Штульпнагель улыбнулся и покачал головой.

— Ваш довод неубедителен,— сказал он.— Выпив одну рюмку, я приходил в возбуждение, после шести — валился спать, как видите, эффект прямо противоположный. А вдруг электричество действует так же, как виски? Что тогда?

Мы, трое практиков, расхохотались. Мы знали, что наш коллега со странностями, но нам и в голову не приходило, что до такой степени.

— Что тогда?— повторил Петер Штульпнагель.

— Мы все-таки попробуем,— ответил председатель.

— Прошу вас вспомнить вот что,— продолжал Петер.— Если коснуться провода с напряжением лишь в несколько сотен вольт, смерть наступает немедленно. Такие факты общеизвестны. В Нью-Йорке к электрическому стулу подводят гораздо большее напряжение, а преступник какое-то время еще жив. Разве вы не видите, что малый ток гораздо смертельнее?

— Джентльмены, я полагаю, что обсуждение затянулось,— сказал председатель, поднимаясь снова.— Вопрос, как я понимаю, уже решен большинством голосов комитета. Дункан Уорнер будет казнен во вторник на электрическом стуле мощным током от всех шести динамо-машин Лос Амигос. Нет возражений, джентльмены?

— Нет,— сказал Джозеф Мак-Коннор.

— Нет,— сказал я.

— Я против,— сказал Петер Штульпнагель.

— Предложение принято, ваше мнение будет своим порядком занесено в протокол,— подвел итог председатель и закрыл совещание.

Народу иа казни присутствовало немного. Прежде всего, конечно, четыре члена комитета и палач, который должеи был действовать по нашим указаниям. Кроме нас, присутствовали федеральиый судебиый исполнитель, начальник тюрьмы, священиик и три журналиста. Происходило все в иебольшом, выстроеином из кирпича подсобиом помещении Центральиой электрической станции. Когда-то это была прачечная, и у стены стояла печка и медиый котел, иикакой мебели, кроме стула для осуждениого, ие было. Перед стулом в ногах положили металлическую пластинку, от которой шел толстый изолированный провод. Другой провод свисал с потолка, ои соединялся с металлическим стерженьком на шлеме, который должеи быть надет на голову преступника. Когда этот провод и стержень соединят, Дункан умрет.

Стояла торжествеииая тишииа: мы ждали появления осуждеииого. Побледиевшие техники нервно возились с проводами. Даже видавший виды судебиый исполнитель чувствовал себя не в своей тарелке: одио дело — вздернуть человека, но совсем другое — пропустить через живую плоть мощный электрический заряд. Что до журналистов, то лица у иих были белее, чем бумага, иа которой они собрались писать. Только на маленького чудака немца эти приготовлеиия не производили иикакого действия; улыбаясь и затаив в глазах злорадство, он подходил то к одному, то к другому, несколько раз даже громко рассмеялся, и суровый священник упрекиул его за иеуместную веселость.

— Как можио до такой степени забыться, мистер Штульпнагель, чтобы шутить перед лицом смерти!

Но немец нисколько не смутился.

— Если бы я был перед лицом смерти, я бы ие стал шутить,— отвечал он.— Но в том-то и дело, что я ие перед лицом смерти и могу делать, что пожелаю.

Священиик хотел было выговорить ему за этот дерзкий ответ, ио тут дверь распахиулась и вошли два тюремщика, ведя Дункана Уориера. Не дрогнув, он огля-

делся вокруг, решнтельно шагнул вперед н сел иа стул.

— Включайте! — сказал он.

Было бы варварством заставлять его ждать. Священник пробормотал что-то у него иад ухом, палач иадел шлем иа голову — все затанли дыхаиие — н включнл ток.

— Черт поберн!—закрнчал Дункаи Уорнер, подпрыгнув на стуле, как будто его подбросила чья-то мощная рука.

Ои был жнв. Более того, глаза стали блестеть сильнее. Одио только нзменнлось в нем — что было совсем неожидаино: с его головы н бороды полностью сошла чернота, как сходит с луга теиь от облака; оии стали белые, точно сиег. Нникакнх других призиаков умирания. Кожа гладкая н чнстая, как у ребенка.

Судебный исполинтель с упреком взглянул на членов комнтета.

— Какая-то ненсправность, джеитльмеиы,— сказал он.

Мы трое переглянулнсь.

Петер Штульпнагель загадочио улыбиулся.

— Включнм еще раз,— сказал я.

Снова включнли ток, снова Дункаи Уориер подпрыгиул в кресле и закрнчал. Ей-ей, ие зиай мы, что иа стуле Дункаи Уориер, мы бы решнли, что это не он. В одно мгиовенье волосы у иего иа голове и иа лнце выпали. И пол вокруг стал, как в парнкмахерской субботним вечером. Глаза его сняли, иа щеках горел румяиец, свндетельствующнй об отличиом самочувствнн, хотя затылок был гол, как головка голлаидского сыра, и на подбородке тоже ин следа растительиости. Он пошевелил плечом, сначала медлеино и осторожио, потом все смелее.

— Этот сустав поставнл в тупик половииу докторов с Тихоокеаиского побережья,—сказал ои.— А теперь рука как новая, гибче ивового прутника.

— Вы ведь хорошо себя чувствуете?— спросил немец.

— Как никогда в жизни,— лучезарно ответил Дункан Уорнер.

Положение становилось тягостным. Судебный исполнитель метал в нас испепеляющие взгляды. Петер Штульпнагель усмехался и потирал руки. Техники почесывали в затылке. Полысевший заключенный удовлетворенно пробовал свою руку.

— Думаю, что еще один заряд...— начал было председатель.

— Нет, сэр,— возразил судебный исполнитель.— Подурачились и хватит. Мы обязаны привести приговор в исполнение, и мы это сделаем.

— Что вы предлагаете?

— Я вижу крюк в потолке. Сейчас достанем веревку, и дело с концом.

Снова потянулось томительное ожидание, пока тюремщики ходили за веревкой. Петер Штульпнагель нагнулся к Дункану Уорнеру и что-то прошептал ему на ухо. Сорвиголова удивленно встрепенулся:

— Не может быть!

Немец кивнул, подтверждая.

— Правда? И нет никакого способа?

Петер покачал головой, и оба расхохотались, словно услышали что-то необыкновенно смешное.

Принесли наконец веревку, и судебный исполнитель собственноручно накинул петлю на шею преступнику. Потом он, палач и двое тюремщиков вздернули его в воздух. Половину часа проболтался несчастный под потолком — зрелище, доложу, не из приятных. Затем торжественно и молча они опустили его на пол, и один из тюремщиков пошел сказать, чтобы принесли гроб. Представьте себе наше удивление, когда Дункан Уорнер вдруг поднял руки, ослабил петлю у себя на шее и сделал глубокий вздох.

— У Пола Джефферсона хорошо идет торговля сегодня. Сверху оттуда всю очередь видно,— сообщил он, кивнув на крюк в потолке.

— Вздернуть его еще раз! — загремел судебный ис-

полнитель.— Мы все-таки вытряхнем сегодня из него душу.

Через секунду жертва снова болталась на крюке.

Они держали его там битый час. А когда спустили, он был бодр и весел в отличие от всех нас.

— Старик Планкет что-то зачастил в «Аркадию». Три раза за час сбегал, а ведь у него семья. Пора бы ему бросить пить.

Это было чудовищно, невероятно, но это было. И ничего нельзя было с этим поделать. Дункану Уорнеру давно полагалось умереть, а он разговаривал. Мы подошли поближе и с разинутыми ртами уставились на него, но судебный исполнитель был не из тех, кто легко сдается. Он жестом попросил отойти всех в сторону и остался с заключенным наедине.

— Дункан Уорнер,— начал он медленно.— У тебя своя игра, у меня своя. Ты хочешь любой ценой выжить, а я — привести приговор в исполнение. С электричеством нас постигла неудача. Один ноль в твою пользу. Тогда мы решили повесить тебя. Но и тут твоя взяла. И все-таки я исполню свой долг. На этот раз ты будешь побит.

Говоря это, он вынул из кармана шестизарядный револьвер и одну за другой всадил все шесть пуль в свою жертву. Помещение наполнилось дымом, но когда он рассеялся, мы увидели, что Дункан Уорнер с сожалением разглядывает свой пиджак.

— В твоих местах пиджаки, должно быть, гроши стоят. А я тридцать долларов за свой отдал, понял? Шесть дыр спереди, да четыре пули насквозь прошли, так что и спина не лучше!

Револьвер выпал из рук судебного исполнителя. Он должен был признать свое поражение.

— Может, кто-нибудь из джентльменов объяснит, что все это значит? — пробормотал он, растерянно глядя на членов комитета.

Петер Штульпнагель шагнул вперед.

— Я объясню, что это значит.

— Вы, кажется, единствеиный, кто кое-что смыслнт в электричестве.

— Да, едииственный. Я пытался предупредить этнх джентльмеиов. Но они не пожелалн выслушать меня, н я решнл: пусть убедятся иа собствеиином опыте. Зиаете, что сделало ваше электричество? Оно так увелнчнло жизиеспособиость этого человека, что он будет жнть века.

— Века?

— Да, потребуются сотин лет, прежде чем истощнтся колоссальиая иервиая эиергия, которой вы его иачииили. Электричество — это жнзиь, вы заряднлн его жнзнеиио до предела. Пожалуй, лет этак через пятьдесят можио попробовать казннть его снова, ио я отиюдь не ручаюсь за успех.

— Черт побери! А что же мне делать? — вскрнчал вкоиец расстроеииый судебный исполннтель.

— Может быть, нам удастся разрядить его? Что, если повесить его за иоги?

— Нет. Ничего ие получнтся.

— Но все-такн он не будет больше нарушать покой жителей Лос Амигос,— сказал судебный исполннтель.— Отправим его в тюрьму. Я сгиою его за решеткой.

— Как бы ие так! Скорее тюрьма сгииет.

Это было полиое фиаско, и мы несколько лет старались обходить в разговоре этот прнскорбный случай. Но теперь о нем зиают все, н вы можете, если хотите, записать его к себе в записиую кннжку.

ПОДВИГИ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРИГАДИРА ЖЕРАРА

В 1894 году Конан Дойль находился в Соединенных Штатах, где выступал с публичными чтениями своих произведений. На одном из них, в нью-йоркском театре Далай, он предложил слушателям еще не опубликованный рассказ «Медаль бригадира Жерара». В декабре того же года рассказ появился в журнале «Стрэнд мэгэзин». Работу над «Жераром» Конан Дойль продолжил на швейцарском курорте, в Давосе. Как всегда у него, дело двигалось быстро. В январе 1895 года Конан Дойль сообщал матери: «Я закончил два новых рассказа из серии о Жераре. Первый из них—«Как бригадиру достался король». Второй — «Как бригадир достался королю». Оба довольно удачны... Надеюсь закончить все к исходу зимы — по два рассказа в месяц. Мне кажется, это нечто новое». С апреля по сентябрь 1895 года «Подвиги бригадира Жерара» печатались в «Стрэнд мэгэзин».

Конан Дойль сомневался при выборе общего заголовка для всех жераровских рассказов. Редактор журнала предлагал «Приключения», Конан Дойлю хотелось — «Подвиги». «Приключения нынче ценятся дешево»,— считал он. Однако, как было и с шерлок-холмсовской серией, ограничиться «Подвигами» Конан Дойлю не удалось. Читатели не желали расставаться с бравым бригадиром и требовали новых его похождений. В результате в августе 1902 года на страницах «Стрэнд мэгэзин» появился первый рассказ из «Приключений бригадира Жерара». «Приключения» печатались до мая 1903 года.

В последние десятилетия прошлого века «наполеоновская» тема довольно широко распространилась в европейской литературе. Война, сотрясавшая Европу в начале столетия, Бонапарт, его приспешники и противники, перемещение армий, битвы и жертвы — все отодвинулось по времени на расстояние, позволяя рассмотреть

себя в перспективе. Полемика в 60—70-х годах в России вокруг «Войны и мира» вспыхнула так горячо, будто только и ждали повода, чтобы начать спор о 12-м годе. Еще могли высказаться ветераны, участники событий. П. А. Вяземский дал свой очерк («Воспоминание о 1812 годе», 1868), замечательный и как мемуар и как живая картина, хотя и направленный полемически против толстовского романа. В Лондоне в эту пору молодой Томас Гарди вынашивал идею «наполеоновской» эпопеи, приступил же он к исполнению замысла только в конце 90-х годов. Конан Дойль уже печатал рассказы о похождениях Жерара.

В 1902 году, в то время, когда журнальная публикация «Приключений Жерара» еще не была закончена, издатель Смит Илдер выпустил обе части «Жерара» отдельной книгой, но очень ограниченным, так называемым «авторским», тиражом. В предисловии Конан Дойль говорил прямо: «Читавшие Марбо, де Гонневиля, Куанье, де Фезенака, Бургоня и других французских воинов, которые поделились своими воспоминаниями о наполеоновских походах, узнают тот источник, из которого я почерпнул похождения Этьена Жерара».

«Мемуары» Марбо Конан Дойль получил в 1892 году из рук Джорджа Мередита, маститый романист советовал прочитать их. В библиотеке Конан Дойля сохранилось это сочинение в трех томах с многочисленными пометками. Воображение писателя тотчас заработало под воздействием Марбо. Его самоуверенность, бравада, высокое мнение о своих достоинствах и вместе с тем неподдельная искренность — все это Конан Дойль придал и своему Жерару. Тут уловил он интонацию, ставшую сквозной для всего повествования.

Своего героя Конан Дойль сделал кавалеристом. «Кавалерии,— писал он,— особенно везло на авторов воспоминаний. Так, «Воспоминания о походе французов в Испанию» Де Рокка — рассказ гусара, а Де Найли в «Воспоминаниях о войне в Испании» повествует о той же кампании, только с точки зрения драгуна. Кроме того, имеются «Военные воспоминания полковника де Гонневиля», где та же цепь войн, в том числе в Испании, прослежена из-под стального, увенчанного конским хвостом кирасирского шлема».

Собирая материал, Конан Дойль прочел множество подобных книг, но по-прежнему выше всего он ставил «Мемуары» Марбо. Исследователи сравнили их с «Подвигами и приключениями бригадира Жерара», обнаружив довольно много сходных эпизодов, описаний, характеристик. Это не заимствования, а близкое следование манере рассказа. Впрочем, в двух случаях: взятие Сарагоссы и «Как бригадир померялся силами с маршалом Одеколоном» — Конан Дойль прямо воспользовался соответствующими главами из книги Марбо.

В «Подвиги и приключения бригадира Жерара» вошел не только материал «Мемуаров» Марбо. Конан Дойль невольно подчинялся или сознательно подражал бывалому вояке в толковании некоторых явлений и событий. Как и у Марбо, в устах Жерара все противники французских завоевателей получились жестоки и отвратительны, а наполеоновские солдаты—«поголовно кавалеры». Бригадир чернит и герильясов, испанских партизан, крестьян и ремесленников, и защитников Сарагоссы, поднявшихся на сопротивление Наполеону. Для него они просто «разбойники». Подобные выпады и выходки Жерара следует отнести за счет его неисправимого зазнайства и хвастовства. «Как не приукрасить рассказа»,— объясняет бригадир очередной вымысел и постоянно следует этому принципу. Однако даже сквозь его залихватскую болтовню пробивается мысль: «...это ужасно — воевать против всего народа».

Хотя и «подвиги» и «приключения» Жерара главным образом вымышлены, а подчас фантастичны, напоминая временами богатые выдумки барона Мюнхаузена, окружение бригадира, обстановка, в которой он действует, имена крупных военачальников, названия мест и сражений—все это соответствует истории. Здесь Конан Дойль старательно соблюдал точность. Он получил даже письмо от известного историка Арчибальда Форбса: «Дух и ход этих рассказов замечательны, тщательность в соблюдении имен и названий показывает, какой труд был вами затрачен. Очень немногие, я уверен, смогут отыскать какие-либо ошибки. А я, обладая особым нюхом на всякие промахи, так и не нашел ничего за ничтожными исключениями». В самом деле, Форбс указал лишь несколько поправок в написании имен. Сплетение вымышленного с исторически достоверным служило Конан Дойлю приемом, и фантазия обретала убедительность факта.

Успех рассказов о Жераре был значителен. Бригадир мог соперничать в популярности с самим Шерлоком Холмсом. Скоро он завоевал много поклонников и за пределами Англии. Прежде всего среди французских читателей. В России первые переводы рассказов о Жераре в периодической печати стали известны рано — еще до издания в Англии отдельной книги. До сих пор читают у нас «Подвиги и приключения бригадира Жерара». Читают — с улыбкой. Улыбкой одобрительной, когда историческая эпоха выразительно раскрывается на страницах книги. И улыбкой иронической, если бригадир забалтывается до невозможных глупостей, а Конан Дойль не успевает его вовремя остановить или поправить.

Д. Урнов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВИГИ БРИГАДИРА ЖЕРАРА. *Перевод Н. Треневой и В. Хинкиса.*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРИГАДИРА ЖЕРАРА. *Перевод В. Хинкиса.*

РАССКАЗЫ

Артур Конан Дойль.
Собрание сочинений в 8 томах.
Том VII.

Редакторы тома
М. Литвинова и Я. Рецкер.

Иллюстрации художника
И. Ушакова.

Оформление художника
С. Пожарского.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 14/I 1967 г. Тираж 626 000 (301001—476 000) экз. Изд. № 192. Зак. 259. Форм. бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 13,5+4 вкл. иллюстраций. Условных печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 23,79. Цена 90 коп.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

Индекс 70667

